

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА
ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ
ИНОПЛАНЕТЯНИН
БТ

БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге три романа:

«ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ» Джона Томпсона;

«ИНОПЛАНЕТЯНИН» Уильяма Котцвинкла;

«БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА» Стивена Спилберга.

Школьник Дэнни Мэдиган «бредит» фильмами из киносериала про Джека Слэйтера, которого играет «сам» Арнольд Шварценеггер, и однажды в полночь мальчик садится в зале пустого кинотеатра смотреть новую серию похождений Джека...

Волшебный билет на просмотр оказал свое воздействие, и Денни оказался внутри фильма — на заднем сиденьи автомобиля, которым управлял Джек Слэйтер...

Денни становится проводником Джека не в кинематографическом, а в реальном мире, куда проник вечный противник Слэйтера — кровожадный маньяк-убийца...

(Фильм с аналогичным названием вышел в 1993 году в США. Режиссер Джон Мак Тирнэн. В главных ролях А.Шварценеггер, Остин О'Брайен, Ф. Мюррэй Эбрахам).

Неуклюжий, странный и смешной пришелец, случайно попавший в беду, становится другом 10-летнего калифорнийского паренька по имени Эллиот и его товарищей.

Пока пришелец постигает жизнь на Земле во всей ее полноте, Эллиот тоже начинает понимать, что для истинной дружбы даже земные границы не помеха...

(Фильм с аналогичным названием вышел в 1982 году в США. Режиссер Стивен Спилберг. В главных ролях: Ди Уоллес-Стоун, Генри Томас, Дрю Бэрримор. Удостоен 3-х «Оскаров»).

Главный герой романа однажды ночью случайно становится свидетелем полета гигантской «летающей тарелки». Эта встреча переворачивает всю его жизнь. Начинаются лихорадочные поиски некоего объекта в виде горы, образ которого постоянно преследует его после наблюдения полета НЛО...

(Фильм с аналогичным названием снят в 1977 году в США. Режиссер Стивен Спилберг. В главных ролях Ричард Дрейфусс, Мелинда Диллон, Франсуа Трюффо).

ФРАНК КОЛАМБО

ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ

УИЛЬЯМ КОТЦВИНКЛ

ИНОПЛАНЕТЯНИН

СТИВЕН СПИЛБЕРГ

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА

«БАДППР»
МИНСК
1994

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

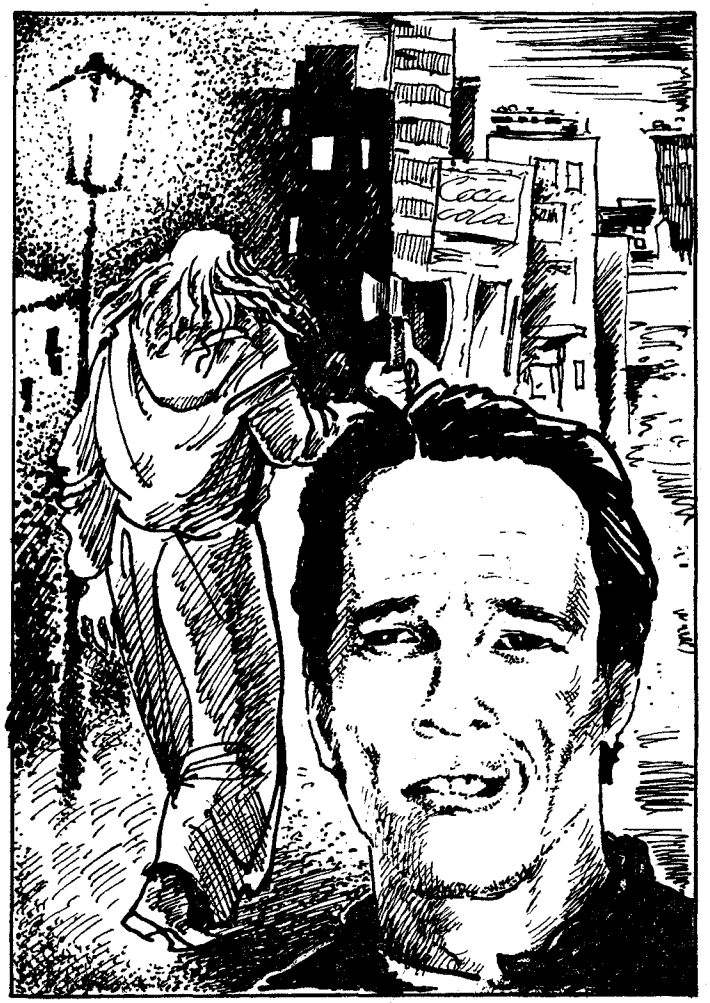
Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, ЗАПРЕЩЕНА.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону

ISBN 5-87378-023-4

© БАДППР, 1994
© MCA Publishng Rights a Division of MCA Inc., «E.T. The Extra-terrestrial In His Adventure On Earth», 1982
© Dell Publishing Co., Inc., «Close Encounters Of The Third Kind», 1977
© В. Суриков, знак серии, 1993
© В. Зорин, оформление, 1994

ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ

John Tompson

«THE LAST ACTION HERO»

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ»

В ночном Лос-Анджелесе, как всегда, было неспокойно. К небоскребу, уже окруженному машинами с мигалками, подъехал тяжелый полицейский фургон. Зарешеченные двери распахнулись, и из него выскочили вооруженные люди. На ходу перекрикиваясь, отдавая команды, они бросились окружать небоскреб, вершина которого светилась в перекрестии прожекторов. Темноту ночи прорезал еще один луч. Полицейский вертолет, закладывая вираж, обогнул небоскреб, высвечивая площадку здания. Он завис над улицей. Яркий, искристый луч прожектора еще раз выхватил острый шпиль здания, скользнул по периметру и высветил площадку, на которой находился преступник. Командовал операцией руководитель отряда по борьбе с терроризмом лейтенант Смит — сорокапятилетний полный негр. Он метался среди полицейских машин, хватал своих сотрудников за плечо, указывая что-то на вершине здания. Его белый плащ развевался и напоминал крылья.

— Уокер! — заревел лейтенант, оглядываясь вокруг и надувая полные щеки.

К нему тотчас поспешил сержант и застыл, ожидая приказания.

— Я сказал: никого не пускать в здание! Все оцепить! Никого не впускать и никого не выпускать! Понял?!

— Слушаюсь, сэр! — рявкнул Уокер и побежал выполнять приказ.

На груди лейтенанта зловеще блестел большой значок. Но крик лейтенанта привел в чувство не только Уокера, но и преступника, засевшего на крыше здания. Лейтенант едва успел пригнуться, когда из-за парапета верхней площадки небоскреба прозвучали автоматные очереди. Пули прошили кузова машин, посыпались и заискрились на асфальте разбитые стекла. Полицейские падали на землю, прямо в лужи, прячась от огня автоматных очередей. Судя по всему, преступник неплохо владел огнестрельным оружием. Было странно одно — у него долго не кончался магазин, хотя по всем подсчетам патронов ему должно было хватить ненадолго.

Так же внезапно, как и началась, стрельба смолкла. В наступившей тишине лейтенант осторожно высунул голову из-за машины. Его испуганные глаза были прикованы к карнизу здания.

— Послушай, лейтенант! У меня для вас есть подарочек! — кричал из-за парапета преступник.

В луче прожектора, освещавшего здание, сверкнул автомат с пустым магазином. За автоматом рухнуло вниз тело полицейского из отряда по борьбе с терроризмом. Это был тот смельчак, который рискнул на канате с вертолета спуститься на площадку здания. Преступник его уничтожил. Одновременно с ударом тела выпрямился и лейтенант Смит.

— Будь ты проклят! Будь проклят! — кричал он, вздымая к небу сжатые кулаки. — Будь ты проклят, Потрошитель!

Смит обвел взглядом подчиненных. Никто из них не решался подойти к зданию. В затянувшейся тишине прозвучали гулкие шаги. По крышам плотно составленных полицейских автомобилей шагал человек в тяжелых ботинках из крокодильей кожи. Мужчина решительно переступал через мигалки, кабины машин прогибались под его тяжелой поступью. Мигающий свет полицейских

машин выхватывал мощную,атлетически сложенную фигуру мужчины — в углу рта у него тлела ярким золотистым пятном сигара. Мужчина спрыгнул с кабины машины и остановился возле лейтенанта.

— Слэйтер, куда ты направился? Слэйтер! — в ужасе закричал лейтенант. — Остановись!

Но Слэйтер не слушал его. Он мрачно, исподлобья посмотрел на дом, где преступник вот уже три часа задерживал группу заложников.

— Слэйтер, остановись! Я приказываю! — лицо Смита исказило негодование, но через это негодование просматривался и испуг — сам бы лейтенант никогда не решился вот так уверенно идти навстречу смерти. — Черт возьми, Джек! Остановись, я к тебе обращаюсь! — бежал за Слэйтером лейтенант. — Последний раз, когда ты провернул такую несанкционированную операцию, знаешь, во что это обошлось?!

— Заткнись! — бросил на ходу Слэйтер.

— Ты знаешь, сколько народу со своих должностей полетело? Остановись! Слэйтер, если ты сейчас же не остановишься, тебе придется сдать свой полицейский значок!

Лицо Слэйтера было угрюмо и непроницаемо. Он продолжал уверенно шагать к дому. Лейтенант боязливо семенил, прячась за широкую спину героя.

Слэйтер, не останавливаясь, сорвал со своей куртки полицейский значок и через плечо бросил его под ноги лейтенанту. Из-за бронированного фургона наперерез Слэйтеру бросились двое: молодая девушка в официальном платье и мужчина в очень солидном костюме.

— Джек, я знаю, — говорила девушка, — что Слэйтер сам всегда принимает решения и не слушает никого. Но вот помощник губернатора. Может, ты послушаешься его?

— Вы не должны идти туда, — мужчина загородил дорогу.

Слэйтер вскинул руку, щелкнул помощника губернатора по носу и сказал:

— Если даже приедет сам губернатор, это не остановит меня. Передайте ему от меня привет!

Больше за Джеком не рискнул идти никто. Все остановились в ожидании.

Слэйтер пересек площадку хорошо просматривающуюся и простреливающуюся с крыши здания. Он направлялся к входу.

Лейтенант Смит надрывался в мегафон:

— Я приказываю: не пускать его в здание! Не пускать! Загородите ему дорогу!

На приказ лейтенанта откликнулся очень рослый полицейский. Он загородил дорогу Слэйтеру.

— Ты не хочешь стать фермером, друг? — спросил Слэйтер и, резко выбросив правую ногу, ударил полицейского в пах.

Тяжелое тело полицейского взлетело над землей и рухнуло у стены здания.

— Вот тебе пара акров земли!

— Буду кем угодно, только отойди от меня, — прохрипел полицейский, корчась в луже.

— Жаль, некогда с тобой поговорить по душам.

Джек сплюнул в сторону и зашагал дальше.

— Ты не пойдешь туда! — неслась вдогонку Слэйтеру бесполезный крик лейтенанта.

Джек усмехнулся, передернул затвор пистолета и шагнул в открытую дверь. Лейтенант отбросил мегафон и кинулся к рации:

— Всем постам! Всем постам! Повторяю: в здании находится офицер полиции! В здании — офицер полиции!

Но никакие запоры, никакие двери не могли остановить Джека. Он уверенно поднялся по лестнице на самый последний этаж небоскреба. Почти не останавливаясь, он резко ногой ударил в замок. Дверь сорвалась с петель и вместе с коробкой рухнула на крышу. Раздался металлический лязг. Возле лифтовой шахты стоял человек в желтой прорезиненной рыбацкой штормовке. В руках он сжимал блестящую в лучах прожекторов огромную секиру. Ее острое, как бритва, лезвие было прижато к шее ребенка.

Глаза мальчика устремились к Слэйтеру.

— Папа! — крикнул он. — Мы заждались тебя!

Преступник широко улыбнулся из-под накинутого капюшона, обнажив гнилые редкие зубы. Лицо у него было как у покойника: все изъедено страшными шрамами и оспой, и только глаза сверкали из-под капюшона безумным огнем. Длинные, слипшиеся седые волосы падали на плечи.

— Я пообещал ему, что ты придешь, — еще шире улыбнулся преступник. — Я пообещал ему, что ты увидишь, как он будет умирать.

Преступник запрокинул голову. Капюшон упал, обнажив белую, как кость, залысину.

— Я пришел, Потрошитель! — Слэйтер навел на него ствол пистолета.

— Брось пушку, — ответил преступник.

Мальчик округлившимися от ужаса глазами смотрел на отца.

— Энди, он тебя не поранил? — как мог спокойнее, говорил Джек и медленными шагами приближался к сыну.

— Поранил? — передразнил Потрошитель. — Что ты, Джек, знаешь о ранах? Ты засадил меня в кутузку на десять лет, помнишь?

— Вы получите смертный приговор. — Джек продолжал приближаться.

— Да-да, могли посадить на электрический стул, могли и стрельнуть, — съязвил Потрошитель. — Ты сидел у меня на груди, когда я пришел в себя, помнишь? Это ж ты тогда проводил расследование, это ты вывел меня на чистую воду. А теперь ты будешь слушаться меня. Брось пистолет!

Лицо Джека Слэйтера по-прежнему было непроницаемым.

— Хорошо, — наконец сказал он, нагнулся и положил свой пистолет на крышу, залитую черным битумом. — Отпусти парня!

— Всего один пистолет? Я тебе не поверю! — заулыбался Потрошитель своей гнусной улыбкой.

Закусив губу, Джек принялся разоружаться. Из рукава куртки он вытянул длинный стилет, из заднего кармана джинсов на свет появились еще два пистолета. Все оружие упало к его ногам.

— Не верю, — сказал Потрошитель, — это еще не все.

Джек, поразмышляв, приподнял штанину и вытащил из-за носка длинный блестящий тесак. Подумал и отбросил его в сторону.

— Это все?

— Да, если все припомнил.

— Тогда отойди в сторонку. Отойди, отойди! Только играй по-честному.

Не спеша, Джек опустил руку в карман куртки и достал серебристую гранату.

— А это ты тоже считаешь оружием? — он подбросил гранату в руке, поймал, подбросил еще раз и катнул ее к ногам Потрошителя.

— Блестяще, Джек, блестяще! — лицо Потрошителя исказила довольная гримаса.

— Это ненастоящая граната, — уверил его Слэйтер.

— Да, да, я польщен, но сильно в этом сомневаюсь. Энди, подними гранату, — приказал он ребенку.

Мальчик испуганно исполнил приказание и держал в руках гранату, не зная, что с ней делать.

— Энди, подай ее мне, — с манерной ласковостью проговорил Потрошитель.

— Эта игрушка не может причинить мальчику вреда, а вот эта, — приподнял свой топор, — может, и даже очень.

Мальчик и отец переглянулись. Энди рванул чеку на гранате. Из казавшегося литым куска металла выскочило тонкое острое лезвие. Энди взмахнул рукой и всадил его в ногу Потрошителя. Потрошитель взревел и, взмахнув руками, качнулся. Страшный, как у средневекового палача, топор, описав дугу, полетел в Слэйтера.

Джек успел бросить свое тренированное тело на крышу. Топор сверкнул в свете прожектора и со свистом унесся в ночь. Возможно, он и попал в какого-нибудь зазевавшегося полицейского, который стоял у стен здания.

Все происходящее казалось нереальным. Оно напоминало театральную сцену, настолько происходящее было ужасно и выразительно.

От испуга слезы застилали глаза Энди.

Контуры отца и Потрошителя расплылись. Мир слился в одно большое цветное пятно.

— Резкость, резкость! — закричал ребенок.

Перед ним на экране были расплывшиеся силуэты Потрошителя и Слэйтера.

Мальчик очнулся и понял, что он находится в зрительном зале кинотеатра, сидит на первом ряду. Он и сам закричал:

— Резкость, резкость! Дайте резкость!

— Не мешайте спать! — крикнул кто-то из темного зала.

Мальчик вскочил и побежал между кресел к выходу. Его волновала судьба героев на экране. Успеет Потрошитель убить Энди, или все-таки Слэйтер в который раз победит зло.

В фойе мальчик подбежал к заспанному билетеру и начал его тормошить.

— Послушайте! В зале показывают картину с нарушенной резкостью. Послушайте!

Но билетер только сонно зевал. И, поняв, что толку от него не добиться, мальчик махнул рукой.

— А, ладно!

И по служебной лестнице побежал еще выше. Он остановился у дверей киноаппаратной и стал стучать в нее кулаками.

— Ник! Ник! — кричал мальчик.

Но тут под ударами мальчика незапертая дверь распахнулась, он увидел старика Ника, киномеханика, дремавшего в старомодном большом, пятидесятых годов, кожаном кресле. Старик беспробудно дремал, положив ноги на пуфик. Снятые ботинки стояли рядом на выложенном мраморными плитами полу.

Обстановка аппаратной напоминала о прошедших временах. Сам кинотеатр был старый, на стенах висели бронзовые бра. В тяжелых рамах на резных панелях красовались портреты давно ушедших кинозвезд. Они улыбались мальчику своими застывшими улыбками.

Старик встрепенулся и поднял на мальчика глаза.

— Дядя Ник, у вас резкость сбилась.

— Ой, никак не могу привыкнуть к новым проекторам, со старыми было куда проще.

Старик смешно засеменил к кинопроектору, выглянул в смотровое окошко, но там уже на темном фоне ползли титры создателей фильма. И среди всех имен самыми большими буквами сияло «Роль Джека Слэйтера исполняет Арнольд Шварценегер».

— Ничего, — сказал мальчик. — Я видел этот фильм шесть раз. Я помню, чем кончилось.

Старик опустился на стул возле жужжащего проектора.

— Я хочу тебя обрадовать, во вторник привезут новую серию с Джеком Слэйтером.

— Это тот фильм, про который писали в газетах? — воодушевился мальчик.

— Та серия, где бандиты убивают его третьего двоюродного брата. «Джек Слэйтер-4 — Большая ошибка».

Мальчик взмахнул руками и радостно подскочил.

— Послушай, Дени, — обратился киномеханик Ник к мальчику. — Вечером в двенадцать часов я буду проверять копию этого фильма. Я могу договориться, чтобы тебя пропустили сюда. Будешь смотреть один.

— Интересно посмотреть его до премьеры, — обрадовался Дени. — Его ведь никто не видел, я буду первым зрителем.

Старик ласково усмехнулся и водрузил на морщинистый нос старые очки в тяжелой роговой оправе.

— Что я должен для этого делать, дядя Ник?

— Ничего. Ты просто должен сейчас поспешить в школу и сделать уроки. Осталось не так много времени. Беги домой и приходи ровно в двенадцать. Я буду ждать тебя.

Выйдя из кинотеатра, Дени не удержался и обернулся на рекламные плакаты, закрывавшие чуть ли не весь фасад кинотеатра. Внизу большими размашистыми буквами было написано: «Смотрите новый фильм: «Джек Слэйтер-4». В роли Слэйтера знаменитый Арнольд Шварценегер».

* * *

Как и обещал старику Нику, Дени пошел в школу. Он сидел на последней парте и смотрел на пожилую учительницу, которая рассказывала о фильмах, сделанных по произведениям Уильяма Шекспира.

— Коварство, заговор, предательство, секс, любовь, привидения, а в конце все погибают, — размахивая руками, твердила преподавательница. — Что может быть более захватывающим? На первый взгляд, может показаться, что Гамлет не способен на какие-либо действия. То, что вы сейчас увидите, будет сценой из фильма. Многие из вас могли его видеть в рекламном ролике «Поляроида».

В классе, как по мановению волшебной палочки, за-

дернулись тяжелые шторы, и на белом экране появилось изображение.

Перед Гамлетом стоял на коленях убийца его отца. Он, молитвенно сложив руки, твердил:

— Помоги мне, ангел мой!

— Я сделаю это, — сказал Гамлет и вынул кинжал.

Дени зачарованно смотрел на освещенный экран. И Гамлет из старого черно-белого фильма вдруг начал приобретать черты знаменитого актера Шварценегера.

«Не болтай, делай скорее это!» — твердил сам себе Дени, закусив нижнюю губу.

— Я проехал весь свет, — сказал Гамлет-Шварценегер и прикурил толстую сигару.

На черно-белом экране сигара тлела ярко-красным огнем.

Арнольд Шварценегер, игравший Джека Слэйтера в любимом фильме Дени, иронично прищурил глаза и обратился к убийце:

— Вы убили моего отца!

Он схватил мужа своей матери, королевы, за ворот камзола, подбросил в воздух и процедил сквозь зубы:

— Вы убили моего отца! Это большая ошибка! — и бросил новоиспеченного короля в самое сердце готического витража.

В воображении Дени витраж рассыпался на многочисленные осколки цветного стекла, блеснувшего в лунной ночи. А в следующем кадре Джек Слэйтер сидел на камне с черепом бедного Йорика на коленях и говорил:

— Что-то прогнило в датском королевстве, и мне предстоит разгрести этот хлам.

Джек Слэйтер бросил череп прямо в голову подбегавшему рыцарю. Череп взорвался, ударившись о шлем. И вот уже в руках Гамлета-Слэйтера не шпага, а сороказарядный автоматический пистолет. И как водится в заправских боевиках, Гамлет начал все крушить и уничтожать на своем пути в датском королевском дворце.

Гремели выстрелы, падали простреленные рыцари,

валились канделябры, летали люстры, полыхали портьеры. Даже тяжелые мраморные колонны падали от одного прикосновения Джека Слэйтера.

— Быть или не быть? — промолвил Гамлет и прикурил от газовой зажигалки свою неизменную сигару.

За его спиной полыхнуло несколько взрывов. По экрану поплыл королевский замок, охваченный огнем.

* * *

Миссис Мэриген разговаривала по телефону с учительницей Дени. Правда, миссис, ее можно было назвать условно, мужа у нее не было. Она жила одна с Дени в небольшой квартире одного из кварталов Манхеттена.

— Так что, Дени не было в школе? — оправдывалась миссис Мэриген, — а мне он сказал, что просидел все уроки тихо, как овечка. Хорошо, я поговорю с ним. Думаю, он исправится.

Мать Дени повесила трубку и позвала к себе сына. Ругать его она не стала.

— Может быть, ты мне расскажешь об исторических событиях первой половины дня? Если ты расскажешь правду, то ничего тебе не будет.

Миссис Мэриген попробовала завязать галстук, но руки ее дрожали, и она не справилась. Дени ласково взял концы галстука в свои руки и очень уж по-мужски, умело завязал галстук на узел.

— Ну что, опять был в кино? — обратилась она к сыну. — И твой соучастник — этот безумный старик Ник? Черт побери! Я вынуждена врать твоей учительницы, а ведь я член родительского комитета школы.

Она сокрушенно смотрела на сына, а тот не очень-то убивался,он знал, что матери нужно идти на работу, и скандал долго не продлится.

— Ради чего я вру? Ради чего я вынуждена говорить, что ты был болен? Ради того, чтобы ты мог ходить в кино? Дени, но это же предательство! Ты представляешь

себе, как тяжело мне без мужа, а ведь мне уже сорок лет.

— Да, понимаю, — сказал Дени.

Он обнял мать, и та ласково потрепала его по щеке.

— Я больше не буду, — вполне искренне сказал Дени, хотя знал, что сегодня вечером, когда мать будет на работе, он снова пойдет в кино смотреть новый фильм «Джек Слэйтер-4».

— Я это слышала уже тысячу раз! — мать еще крепче прижала к себе сына, и вдруг ее взгляд упал на часы. — О, Господи! Надо лететь на работу.

Она засуетилась, набрасывая плащ, хватая сумку и спеша к двери.

— Дени, поверни верхний замок, как только я закрою двери. Ты же знаешь, район у нас неспокойный. Пока! — Бросила мать.

Хлопнула дверь, и ее каблуки застучали по лестнице.

Как и обещал матери, Дени честно закрыл дверь на замок и сел за стол. Время за учебником истории тянулось невыносимо долго. Дени смотрел на электронные часы, показывающие одиннадцать часов. История усыпляла его, и чтобы не заснуть, он включил радио.

Бодрый голос диктора перемежался с музыкой. Дени сидел, закинув руки за голову и ждал, когда же наступит полночь. Но хотя еще и оставалось много времени, мальчик не выдержал. Он решительно захлопнул толстую книгу, бросил ее на кресло, поднялся и начал обувать кроссовки. Обувшись, он накинул на плечи куртку, еще раз взглянул на часы и заспешил к двери.

На плохо освещенной площадке мелькнула чья-то тень. Дени, испугавшись, быстро захлопнул дверь. Он какое-то время постоял. «Нет, почудилось, — подумал мальчик. — Это все из-за фильмов, которые я смотрел. Это только там всегда из темноты нападают бандиты. Мне просто почудилось».

Он снова приоткрыл дверь. В самом деле, площадка была пуста. Он шагнул в темноту.

Но бандиты бывают не только в кино. Чья-то сильная рука схватила Дени за шиворот и втолкнула назад в квартиру.

— Ты один? — прохрипел за спиной сдавленный голос.

— Да, — не успев сообразить, ответил мальчик.

— Ну вот и отлично!

Дверь захлопнулась.

У лица мальчика блеснуло лезвие выкидного ножа. Нападавший толкнул Дени в туалет и поставил лицом к стене. Только тут мальчик смог рассмотреть бандита.

Это был молодой латиноамериканский парень, даже в зеркале он смотрелся отвратительно.

— А теперь пристегнись! — грабитель протянул мальчику наручники. — Не хочешь, да? Ты очень крутой парень, да? Ну ничего, я помогу тебе, — латиноамериканец потянул Дени за руку и пристегнул к водопроводной трубе.

Грабитель недолго рыскал по квартире. Разъяренный, он вновь вбежал в туалет.

— Как вы только живете! — возмущался он. — В квартире один хлам, ничего приличного нет! Ни видика, ни денег. Телевизор поганый! Только и разжился на двадцать долларов!

Латиноамериканец поднес под самый нос Дени ключ от наручников. Мальчик хотел уже было потянуться к нему свободной рукой, но грабитель, зло усмехнувшись, бросил ключ в унитаз.

— Лови теперь рыбку, гигант, крутой парень!

На крики Дени прибежали соседи и вызвали полицию.

Но скорее всего, соседи прибежали не столько на крики Дени, сколько на удары большого гаечного ключа по водопроводной трубе. Этот стук напугал и разбудил их.

Полицейские разбирались с Дени не в участке, как водится, а прямо у него в квартире. Все оказалось куда прозаичнее, чем думал мальчик, насмотревшийся филь-

мов. Чернокожий сержант не оформил даже никаких бумаг. Он просто сказал:

— А теперь никуда не выходи, дождись маму. Если мы найдем этого парня, то сообщим вам.

Это разбирательство заняло не более часа, в течении которого Дени в основном думал о том, что пропустит новый фильм, который старый киномеханик Ник собирался прокрутить только для него одного.

Убедившись, что полиция уехала, мальчик бросился на улицу. Задыхаясь, он бежал под дождем, время от времени посматривая на часы. Он опаздывал уже на целых полчаса.

«Ну не должен же старый Ник начать просмотр без меня, он же обещал, пригласил меня специально» — думал мальчик.

Двери кинотеатра оказались закрытыми. Дени долго стучал в них, но никто так и не подошел. Тогда он опрометью бросился вокруг здания, взбежал по гулкой металлической лестнице к пожарному выходу из киноаппаратной.

Дени стучал долго. Наконец двери открылись. На пороге стоял старый Ник.

— Я ждал тебя, Дени, — просто сказал он.

— Извини, что опоздал. Можно зайти? — Дени через плечо Ника заглянул в аппаратную.

Проекторы молчали.

Мальчик облегченно вздохнул.

Старый Ник закрыл на ключ двери и прошел вглубь аппаратной. Из-под коробок с пленкой он достал цирковую шапочку, обклеенную блестящими конфетти и, водрузив ее себе на голову, повернулся к Дени.

— Как тебе нравится мой новый головной убор?

— Ничего подобного я раньше не видел, — честно признался Дени.

— Я всегда мечтал стать магом, — как бы оправдываясь за свое ребячество, старик развел руки и улыбнулся.

Он разглядывал разноцветные конфетти на шапочке, гладил их.

— Это же надо, какие они крошечные, — повторял старик, показывая мальчику свои ладони, в самом деле, маленькие, — В них не спрячешь карты, а мой отец еще в детстве придумал мне специальность. Сам-то он был бухгалтером. Поэтому и устроил меня билетером в этот кинотеатр. Так я постепенно тут и поднимался. От билетера до киномеханика. Не слишком большой скачок, но все-таки я доволен. Так или иначе, я работаю в шоу-бизнесе.

— Я тоже мечтаю об этом, — промолвил Дени восторженным голосом. — Мне всегда нравился шоу-бизнес. Я прямо начинаю дрожать, когда слышу это слово, оно приводит меня в трепет.

— А ты знаешь, какой шоу-бизнес был в моем детстве? Правда, это было так давно... Ведь тебе только двенадцать лет.

— Ник, а сколько тебе лет? Я давно уже хотел это спросить, но все как-то стеснялся, — смущаясь, сказал Дени.

— О, малыш, я прожил уже несколько твоих жизней, — разочарованно сказал старик.

Старик и мальчик несколько минут молча смотрели друг на друга. Каждый думал о своем.

— Так ты хочешь знать, каким был шоу-бизнес шестьдесят лет назад? Я с удовольствием могу это тебе рассказать, но ведь сейчас ты спешишь, Дени. Тебе не терпится посмотреть новую ленту?

— Да, да, Ник! — воскликнул Дени.

— Тогда я расскажу тебе о своем детстве в другой раз.

Старик и мальчик прошли в глубину комнаты, тесно заставленной пирамидами блестящих металлических банок с пленками.

У Ника в кинопроекционной хранились копии фильмов за последние пятьдесят лет. Но это были не все

фильмы, которые крутились на экране кинотеатра, здесь были только самые любимые ленты старика и несколько банок с любимыми супербоевиками Дени.

Все банки были украшены яркими этикетками с номерами, но старик Ник и без этих номеров мог с закрытыми глазами найти не только нужный фильм, но и ту часть, которую просил мальчик.

— Ну так что, пришли новые катушки? — нетерпеливо спросил мальчик.

— Не спеши, всему свое время. — Старый Ник прикрыл лицо руками, а когда отвел их, то это был уже не прежний Ник. С напускной серьезностью он смотрел на Дени.

— Ваш билет, — строго сказал он. — Ваш билет, молодой человек.

Дени растерялся.

— Если вы пришли в кино, — продолжал Ник, — то у вас должен быть билет. Когда-то, еще в моем детстве, знаменитый Джони Гудини выступал на этой сцене, а мой отец приводил меня к нему за кулисы. Однажды после своего выступления Гудини подошел ко мне, остановился и сделал вот такое движение, — старик взмахнул руками, и его правая рука оказалась вскинутой над головой, — а теперь вот так, — и не в правой руке, как ожидал Дени, а в левой у старика оказалась небольшая картонная карточка. Это был билет для посещения кинотеатра.

— Ты знаешь, — продолжал Ник, — у нас форма билетов не меняется уже пятьдесят лет. Этот мне и в самом деле дал Гудини. И теперь они такие же. «Это волшебный билет, — сказал мне Гудини. — Он был вручен мне самым знаменитым магом Индии».

Старый киномеханик повертел карточкой перед самым носом мальчика.

— Это пропуск в другой мир. И он принадлежал мне. Он перешел в мои руки от знаменитого Гудини,

мага и чародея, а теперь этот билет твой. Я отдаю его тебе.

— А зачем он мне, Ник? — спросил Дени. — Что он делает волшебного?

Но старик как бы не услышал вопроса мальчика. Он неторопливо развернулся, поправил на голове шапочку, одернул галстук, оттянул широкие подтяжки, щелкнул ими и важно, набивая себе цену, подался на лестницу.

Старик долго спускался по широким мраморным ступеням, скользил выцветшим взглядом по потемневшим от времени портретам отцов нации, по лицам давно ушедших, но не забытых кинозвезд.

Смешно шаркая ногами, по широкому красному ковру старик спустился в обширный вестибюль и остановился у входной двери, морщинистой рукой прикоснулся к массивной бронзовой дверной ручке и как бы преобразился.

— Так чего ты меня сюда привел? Я здесь был тысячу раз, а может даже миллион, — раздосадованно сказал мальчик. — Чем ты меня хочешь удивить?

— Всему свое время.

— Но ведь время уходит, — возразил ему мальчик, — я мог бы уже посмотреть половину фильма, пока ты меня водишь по своему кинотеатру.

— А еще ты смог бы съесть три пачки воздушной кукурузы. Ведь без нее ты не можешь смотреть кино.

— Могу, если интересный фильм.

— У нас неинтересных фильмов не бывает, и знаешь, почему? Если мы будем крутить неинтересные фильмы...

— То к вам никто не будет ходить.

— Правильно, а если никто не будет ходить, мы разоримся.

— Да и так, кроме меня, к вам никто не ходит, — голосом знатока сказал мальчик.

Старик вдруг напустил на себя серьезный вид, вспомнив свою старую профессию. Он вытянулся по швам, как

контролер, взял у Ника карточку, оторвал от нее половину и бросил в ящик, который, как водится, всегда стоит у входных дверей. Вторую половину Ник протянул Дени.

— А теперь, когда у тебя есть билет, послушай, для чего он может пригодиться. Старый Гудини говорил мне, что этот билет волшебный. Это пропуск в другой мир. Я всю жизнь боялся испробовать его силу. А ты еще молод и можешь проверить.

Дени с недоверием в голосе произнес:

— А что, если он и в самом деле сработает?

— Гудини мне сказал еще кое-что, — отозвался старик. — У этого билета собственный ум. Он делает лишь то, что хочет. И это его свойство всегда меня пугало. Поэтому я и не использовал его. Наверное, есть только один способ узнать что к чему — надо взять и испробовать билет. Сохрани свою половинку до конца сеанса.

Старый киномеханик провел Дени в пустой зрительный зал.

Мальчик, по привычке, сел на первый ряд, достал из сумки большой пакет воздушной кукурузы и принялся смотреть на еще пустой экран.

Уже тысячу раз мальчик сидел перед экраном, но всегда волновался, как будто ему было три года и его в первый раз привели в кино. Ему нравилась тишина пустого, замершего в ожидании зала. Его сердце замирало, когда постепенно начинали гаснуть лампочки в огромной хрустальной люстре. И бесконечный зал постепенно погружался в густую, наполненную волнующими вздохами темноту.

И только над входными дверями горело маленькое табло с зелеными буквами. Там был выход.

Но Дени за всю свою жизнь никогда не воспользовался манящим светом зеленых букв. Он всегда смотрел фильм от начала и до конца.

Он не только смотрел, как меняются цветные кадры, как замолкают финальные аккорды, но он всегда, от

первого и до последнего слова, прочитывал все титры. Поэтому он знал каждого актера, режиссера, продюсера, композитора и всю кинематографическую братию, которая работала над фильмом.

В его цепкой детской памяти, как в каталоге, хранились все названия, имена ...

И если бы кто-нибудь толкнул его ночью в плечо и тихо спросил: «Дени, ответь мне, кто играл главную роль в фильме режиссера такого-то?» Дени, ни на минуту не задумываясь, протирая глаза, и испуганно зевая, ответил бы: «В фильме режиссера такого-то, снятого в таком-то году, на киностудии такой-то, снимался такой-то актер».

Но никто и никогда у Дени этого не спрашивал.

А старик Ник знал не хуже Дени.

Обо всем этом подумал мальчик в то мгновение, когда зал погрузился в темноту.

С шумом разъехалось каше, и мальчик зачарованно вскрикнул:

— Слэйтер не может проиграть, он и на этот раз победит зло!

— Начинаю! — радостно крикнул Ник в проекционную амбразуру.

И на экране вспыхнули такие знакомые мальчику титры: «Коламбия Пикчерс представляет новый фильм с Арнольдом Шварценегером в роли Джека Слэйтера».

Лицо мальчика расплылось в широкой довольной улыбке: на экране каждая новая фамилия актера разбивала предыдущую, сыпались буквы, вспыхивали взрывы. И, наконец, под тревожную музыку издалека на Дени надвинулось название фильма: «Джек Слэйтер-4».

На огромном экране перед лицом Дени стремительная панорама сменилась высоким обрывом, на котором красовалась вилла в сицилианском стиле.

Под обрывом плескался океан, лазурные волны бились в каменистый берег, тревожная музыка сменилась голосами гангстеров.

— Фрэнки, Фрэнки, ты зачем продолжаешь меня раздражать? — Тони Вивальди склонился к двоюродному брату Слэйтера.

Брата звали Фрэнки, а знаменитого гангстера, руководителя огромного бандитского клана — Тони Вивальди.

— Я бы никогда не посмел вас оскорбить, мистер Вивальди, — извиняющимся голосом говорил пожилой Фрэнк. Из его разбитой губы красной струйкой сочилась кровь.

— Твое существование — это уже оскорбление для меня, — продолжал бандит. — Ты же единственный, оставшийся во всем мире и самый любимый двоюродный брат Джека Слэйтера. Он же рассказывает тебе все, а я должен знать, что известно Слэйтеру.

— О чем я должен знать? Мне ничего не известно.

— Это ты думаешь, что тебе ничего неизвестно, а я думаю по-другому.

Гангстер безобразно улыбнулся и наклонился над связанным Фрэнки.

— И ты мне это рассказываешь, — толстым пальцем гангстер ткнул в лоб двоюродному брату Слэйтера. — Я должен знать все, потому что сейчас моя организация и банда Торелли подписали секретный акт о контроле над всем калифорнийским побережьем.

— Мы в основном беседуем о накачивании мускулов, — оправдывался Фрэнк.

— Сейчас мы тебе так накачаем мускулы, сволочь, что ты взорвешься, как воздушный шарик. И твоя вонючая кожа лопнет по швам!

— Нет, нет! Я очень боюсь болезненных ощущений, я даже к стоматологу не хожу, а лечусь грелкой ... — шептал двоюродный брат знаменитого Слэйтера.

— И ты думаешь, я поверю в твои басни?

— Нет, нет, только не это ... — просил Фрэнки.

Но гангстер был неумолим.

— На это дело я поставил все. От него зависит мое благополучие. А ты не хочешь нам помочь!

— Я хочу! Но мы и правда разговариваем с братом только о бейсболе и баскетболе, — умоляюще проговорил Фрэнк.

— Ты еще долго будешь водить нас за нос?! Тебе не надоело нас дурачить?

— Надоело.

Лицо двоюродного брата Слэйтера стало неумолимым.

— Больше я вам ничего не скажу!

— Это ты так думаешь! А у меня на тебя другие виды.

Фрэнк молчал.

Разъяренный Тони Вивальди щелкнул пальцами, прозвучал выстрел, пуля прошла в пяти сантиметрах от головы Фрэнка. И тут на экране появился второй бандит, который сидел на белокаменной террасе в черных очках. Бандита звали Бенедикт. Он стрелял не глядя.

Дени понял, что Бенедикту, как и в предыдущих сериях ничего не стоит убить Фрэнка, любимого брата Джека Слэйтера.

— Фрэнк, познакомься с мистером Бенедиктом. Замечательный экземпляр, — настойчиво втолковывал Фрэнку Тони Вивальди. — Ты уж мне поверь, это у него привычка такая, читать газеты и, не глядя, постреливать в людей. Я хочу втолковать тебе, что мистер Бенедикт если захочет, сможет также быстро уделать тебя, как кусочек торта.

— Как кусочек пирога, — возмутился мистер Бенедикт. — Я всегда говорю своим потенциальным жертвам.

Он положил свой огромный пистолет рядом с чашечкой дымящегося кофе.

— Говорит не думая, сицилийский мудак, — в сердцах

произнес мистер Бенедикт и перевернул страницу газеты с биржевой сводкой по курсу валюты.

— Он еще и хирург. Ты хочешь, чтобы я попросил его прооперировать тебя? — сказал Тони Вивальди и щелкнул по носу Фрэнка.

Фрэнк шумно втянул разбитым носом кровь и опустил голову.

— Не надейся, мы тебя не будем убивать сразу, ты нам нужен живым. Ты сыграешь свою роковую роль в разборках с твоим братом. Как я его ненавижу! Сколько он попортил мне крови. Это из-за него я не получил двенадцать миллионов чистого дохода! Это он в прошлом году перехватил партию наркотиков и укокошил дюжину моих хороших парней, а ведь они все были мне как родные!

Тони Вивальди отвернулся от Фрэнка и неторопливо подошел к Бенедикту.

— Отправь его домой, да смотри доставь поаккуратнее.

— Он купился, — смеялся Вивальди. — Он и в самом деле поверил, что я и старина Торелли связаны, теперь он расскажет все Слэйтеру, а это мне и нужно. Все будет сделано как надо, никто не узнает правды.

Тони Вивальди, подбоченясь и похохатывая, пошел прогуляться по террасе своей виллы, которая хоть и была построена на калифорнийском побережье, но все же была выдержана в сицилийском стиле.

— Но это будет только до похорон Моцарта, а после все узнают, все узнают правду, — хохотал Тони, — и всем станет ясно, что номер один — это Тони Вивальди, то есть я!

Старый гангстер поднял вверх большой палец, украшенный громадным перстнем.

В полутемном зале, в мигающем свете проектора Дени посмеивался над грозными словами гангстера и ел воздушную кукурузу. Он знал, что в фильмах всегда добро победит зло, и что бы не предпринял

коварный Вивальди, Джек Слэйтер все равно одолеет его.

«Ну ты заплатишь! — говорил сам себе Дени, — Ты заплатишь, ох, как ты заплатишь! Сволочь сицилийская!»

Как по мановению волшебной палочки на экране сменились кадры. И вот уже по широкой автостраде мчится автомобиль, за рулем которого Арнольд Шварценегер. Он же — Джек Слэйтер.

Лицо Дени преобразилось в радостной улыбке.

Кадры автострады сменились, и теперь на экране был небольшой белый дом, возле которого остановилась полицейская машина. Из нее выскочили два вооруженных полицейских и с автоматами наперевес бросились к дому. Один из них говорил другому:

— Сейчас здесь живет торговец наркотиками.

— Это тебе сказал лейтенант? — поинтересовался пожилой полицейский.

— А какая разница — кто сказал, наше дело маленькое, приказали — и исполняй!

— Будем исполнять.

— А если начнут стрелять?

— Не начнут, мы будем стрелять первыми. Помнишь, как в прошлый раз?

— Лучше, чтобы так не было! У меня скоро свадьба, — недовольно сказал молодой полицейский.

— Ничего, если прострелят что-нибудь, то до свадьбы, может, и заживет.

— Да ну тебя, придет же такое в голову, ты что не выспался? — сказал молодой полицейский и передернул затвор автомата.

Они неторопливо и осторожно, не отрывая взгляда от дверей и окон, прислушиваясь к каждому шороху, двинулись к небольшому одноэтажному белому домику.

А дом, между прочим, принадлежал двоюродному и любимому брату Слэйтера Фрэнку.

В это же время напротив дома остановился уже знакомый автомобиль Слэйтера.

И знаменитые по предыдущим сериям, его ботинки с острыми носами ступили на землю. Слэйтер с огромным пакетом провизии в руках удивленно посмотрел на двух незадачливых полицейских.

— Что происходит, парни? — спросил Слэйтер и поправил пистолет, торчащий из-за пояса его штанов.

— Наркооблава, — бросил один из полицейских.

— Да в этом доме вы ничего не найдете! Какая наркооблава? Тут самый сильнодействующий наркотик — аспирин. Больше вы ничего не найдете. Я думаю, ребята, что он вам понадобится, если вы попробуете высадить дверь. Тут живет мой двоюродный брат Фрэнк.

— Наверное, произошла ошибка, — оправдывались полицейские, — к нам поступила информация, что тут живет торговец наркотиками.

— Откуда поступила такая информация? Это клевета!

— Мы понимаем, — переглянулсь полицейские, — но нам сказали проверить, мы и проверяем ...

— А вообще-то нас направил и дал адрес один из секретных сотрудников департамента полиции.

— А, он мог ошибиться. Сейчас разберемся, — с уверенностью в голосе проговорил Джек.

— Наше дело маленькое... Нам быстрее бы дежурство сдать — и по домам:

— А меня девушка ждет. Мы в кино решили сходить, сказал молодой полицейский и улыбнулся, предвкушая удовольствие.

Слэйтер опустил пакет с провизией на землю и постучал в дверь.

— Фрэнк! Фрэнк!

Но никто ему не отвечал. Тогда Джек забеспокоился. Он отошел от дверей и прислушался. В доме слышалось чье-то тяжелое дыхание.

Джек занес уже было ногу, чтобы высадить дверь, но вовремя одумался. Он повернул ручку и потянул дверь на себя. Она с легкостью открылась.

Напротив двери, привязанный к стулу, сидел его двоюродный брат. По избитому лицу стекала кровь.

Фрэнк тяжело поднял голову.

— Джек, я должен сообщить тебе ... я кое-что узнал.

Встревоженный Джек наклонился к брату.

— Что, что с тобой, Фрэнки?

— Подожди, — отвечал тот, — ты должен выслушать меня. Обо мне потом. Это очень важно. Я узнал, что Тони Вивальди и банда Торелли соединяются сегодня, чтобы контролировать все калифорнийское побережье, — шептал Фрэнк. — Прости, Джек. Я ухожу в другой мир.

Фрэнк закатил глаза, широко открыл рот и замер.

— Фрэнк, Фрэнк! — кричал Слэйтер.

Но брат не отзывался. Он выполнил свой долг и умер.

Только теперь Джек заметил, что под веревку, стягивающую руки Фрэнки, засунута небольшая пачка картонных карточек. На верхней было написано: «Слэйтеру».

Джек осторожно вытянул пачку и сдвинул верхнюю карточку, на следующей была нарисована жирная цифра 5. Карточки одна за другой падали на пол. 4, 3, 2 — чернели цифры. И тут Джек, наморщив лоб, сообразил.

— Скорей все отсюда! Подальше от дома! Убегайте! Падайте! Здесь бомба!

Прогремел ужасный взрыв. Дом взлетел в воздух.

Полицейский автомобиль, стоявший у крыльца, тоже взлетел в воздух, несколько раз перевернувшись, как игрушечный, и опустился на крышу разрушенного здания. Один из полицейских, отброшенный взрывной волной, застрял в ветвях большого дерева. Густая кровь стекала по мохнатому стволу пальмы. Темные капли одна за одной, как в водяных часах клепсидре, падали на песок, отсчитывая мгновения жизни.

Густое облако дыма заполнило экран.

«Я не волнуюсь, оба полицейских — трупаки, — заметил Дени и отправил в рот очередную порцию кукурузы, — а с Джеком Слэйтером ничего не станет, ведь еще впереди весь фильм».

И в самом деле, туман рассеялся. Джек Слэйтер тяжело поднялся на ноги и обратил свой взор к висящему на пальме полицейскому.

Старый чернокожий сержант проговорил:

— А мне оставалось всего два дня до пенсии... — и тяжело уронил голову.

У Слэйтера не оставалось времени заняться убитыми. Из-за поворота вылетела красная открытая машина. Ее кузов щетинился нацеленными на Джека автоматами. Как минимум пять гангстеров желали убить непобедимого Слэйтера.

Ни секунды не раздумывая, но и не спеша, Слэйтер сел в свою открытую машину и рванул с места.

Началась погоня.

Как водится во всех голливудских боевиках, погоня была долгой и тяжелой. Ревели моторы, визжали шины, дым шел из-под колес, разбивались витрины, падали на тротуар случайно подстреленные прохожие. И, как водится, в этой погоне было разбито и искорежено неимоверное количество машин.

Дени с замиранием сердца следил, как его любимый герой уходит от преследователей. А гангстеры тем временем водрузили на крышу своего автомобиля крупнокалиберный пулемет.

Узкоглазый гангстер передернул затвор, надавил гашетку, и пулемет начал строчить налево и направо.

Но машина Слэйтера как заколдованная уворачивалась от пуль. Ни один из выстрелов не смог даже поцарапать краску на ее багажнике.

Тогда гангстеры решили изменить тактику. На дне их машины, снова как водится, оказался большой ящик с броской надписью: «Динамит». Там стояли, скрученные веревкой по пять вместе, тротиловые шашки с готовыми запалами.

Гангстер, пригнувшись, выхватывал из ящика одну за другой связки тротиловых шашек, зажигал их своей сигаретой и бросал в Слэйтера.

Но красная машина Слэйтера уворачивалась от этих шашек, и взрывы гремели то справа, то слева, то впереди, то сзади. Ни один взрыв не смог затронуть машину непобедимого Слэйтера. Но Джек Слэйтер от обороны перешел к нападению. Он выхватил из-за пояса джинсов свой большой пистолет и начал налету расстреливать тротиловые шашки. Они взрывались над головами гангстеров. Их машина, уворачиваясь от разорвавшихся осколков, крутилась на дороге, меняя направление.

Слэйтер уходил от погони.

Дени сидел, довольный, в кинозале. Он знал, что гангстеры не смогут убить Джека Слэйтера. Забывшись, он крутил краешек билета, подаренного Дени стариком киномехаником. Вдруг билет начал светиться фосфорическим светом, и этот свет становился все ярче, и от него стали исходить странные лучи.

И еще одна связка тротиловых шашек взлетела в воздух. Дени в это время отправлял в рот порцию воздушной кукурузы.

Описав длинную дугу, связка тротиловых шашек вылетела с экрана в зал.

Дени обернулся на непонятный стук и увидел, как связка тротиловых шашек катится по проходу между кресел.

— Алло! Алло, Ник! Что случилось? — закричал он раздосадованным голосом, обращаясь к киномеханику, но ему никто не отвечал.

Дени выронил пакет с кукурузой, вскочил и, истошно

крича: «Ник! Ник!» — бросился бежать по проходу к двери с зеленой надписью: «Выход».

Но добежать до двери мальчик не успел. За его спиной полыхнуло пламя, и раздался оглушительный взрыв. Все вокруг заволокло дымом.

Ослепленный и оглушенный взрывом, Дени упал. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами. Когда он их открыл, то увидел перед собой пальмы. Секунду, ничего не соображая. он зачарованно смотрел на них. Сквозь ткань своей рубашки Дени ощутил, как половинка билета жжет ему грудь.

Дени приподнялся и просунул голову между сиденьями: над ним нависала мощная рука Джека Слэйтера с огромным блестящим пистолетом.

Испуганный мальчик забился под сиденье, но Джек уже заметил его.

— Черт возьми! А ты кто такой и что ты тут делаешь? — раздосадованно крикнул Джек.

— Я Дени Мэриген, — смело ответил мальчишка.

Он еще не успел по-настоящему испугаться и сообразить, что же с ним произошло.

Банда Тони Вивальди преследовала Слэйтера. Одна из самодельных бомб попала в открытую кабину автомобиля. Бикфордов шнур ярко горел, и из него сыпались искры. Дени потянулся к связке тротиловых шашек и выбросил самодельную бомбу на дорогу.

Прогремел оглушительный взрыв и на проезжей части мгновенно появилась огромная воронка. Но машина бандитов перелетела через нее и продолжала преследование.

— Как ты сюда попал? — вновь проговорил Слэйтер.

— Я и сам еще не понял. Надо хорошенько подумать.

— Спрячься и думай, а лучше закрой глаза и ляг на дно машины! — грозно приказал Джек и сильно надавил на педаль акселератора.

Автомобиль несся, как сумасшедший, а за ним гремели выстрелы и грохотали взрывы, но ни пули, ни

осколки даже не поцарапали серебристую краску машины Джека Слэйтера ...

А вот машины, стоявшие по обочинам дороги, разлетались на куски и превращались в груды дымящегося металла и шипящей расплавленной краски.

Гангстеры неумолимо приближались, ведь у Тони Вивальди были отличные автомобили, самые мощные на всем побережье.

И тогда Джек Слэйтер отпустил руль, развернулся и, схватившись двумя руками за свой огромный блестящий пистолет, открыл по бандитам огонь. А его машина продолжала нестись сама.

— Вы бросили руль? — изумился Дени, прячась от свистящих пуль. — Как же вы тогда ведете машину?

— Это не трудно, когда долго тренируешься, — ухмыляясь, парировал Слэйтер, продолжая пальбу.

Один из бандитов свалился с машины и упал на дорогу. Пуля, пущенная Джеком, вдребезги разнесла ему голову, но он продолжал корчиться и строчить из короткого автомата.

Второй бандит не удержался на резком повороте и, описав дугу в воздухе, врезался в стекло фургона с мороженым.

— Смотри, Дени, а ведь этот парень большой любитель мороженого, — зло усмехнулся Слэйтер.

Дени лежал между сиденьями и пробовал понять, что же происходит. Из маленького магнитофона, лежащего на мягком сиденье, лилась та же музыка, что и из колонок в кинотеатре старика Ника.

— Что же происходит? И хард-рок, и взрывы, и эти бандиты ... Но во всем этом участвую и я, а значит этого не может быть. Повторяю, этого не может быть! — Убеждал сам себя мальчик.

Но как он ни доказывал себе, что происходящее с ним невозможно, как ни убеждал — вокруг него все было реальным...

Машина Слэйтера уходила от погони, бандиты продолжали беспорядочную стрельбу, грохотали взрывы, горели машины и киоски вдоль дороги.

На одном из перекрестков дорогу преградил огромный черный трейлер.

Джек не растерялся и в этой ситуации. Он резко развернул свою машину, поставил ее на два колеса, и, как на велосипеде, пронесся по самой кромке тротуара.

В это же время он поменял кассету в своем маленьком магнитофоне.

Казалось, все кончилось, можно успокоиться. Но, когда машина Джека взлетела на мост, там уже стоял черный микроавтобус. Его дверца открылась, и прямо в лицо Слэйтеру смотрел вороненый ствол тяжелого танкового пулемета ...

Прогремела очередь.

Выхода не было!

Но Джек Слэйтер не был бы Джеком Слэйтером, если бы не нашел выхода. Он резко вывернул руль, направив машину на бетонное ограждение.

Удар, куски бетона, скрежет металла, и вот пули полетели мимо ...

Дени решил уже, что ему пришел конец, когда машина, ломая арматуру, полетела с высокого моста, но тут же сообразил, что это все происходит в кино, куда он попал благодаря волшебному билету, подаренному стариком Ником.

Автомобиль приземлился на откос русла пересохшей речки. Отличные рессоры сделали свое дело, и даже не повредив бампер, подымая облака белой пыли, машина Джека помчалась в сторону города.

Но и бандиты не считали себя побежденными.

Черный автобус, оснащенный станковым пулеметом, съехал по откосу и помчался за Слэйтером. А ярко-красная машина, взревев мощным двигателем, помчалась наперерез.

И снова, уже в который раз, Джек Слэйтер нашел

выход из смертельной западни, расставленной опытными преступниками. Он резко повернул руль, мотор напрягся, и автомобиль взлетел почти на вертикальный бетонированный откос.

Пролетев добрый десяток метров, он мягко опустился на проезжую часть дороги, завизжали тормоза. Автомобиль развернулся и на предельной скорости помчался дальше.

— Я думал, что сейчас умру, — признался Дени.

— Нет! Тебе еще придется жить долго, — ответил Джек и хитро улыбнулся.

Черный микроавтобус решил повторить трюк, проделанный машиной Слэйтера. Он с разгона взлетел на бетонированный откос, но в воздухе перевернулся и грохнулся вверх колесами на цистерну с бензином.

Взрыв — и число преследователей уменьшилось.

Следом за Джеком Слэйтером упорно продолжал мчаться только красный автомобиль бандитов Тони Вивальди.

— Тебя все еще ждет, — говорил Дени Слэйтер, — и первое бритье, и первое семяизвержение, и первый развод — ведь тебе еще жить да жить.

Петляя и уворачиваясь от пуль, Слэйтер привел погоню в старую часть города. Теперь машины мчались по узким улочкам, сбивая мусорные баки, круша лотки продавцов мороженого.

Но, как и случается в таких фильмах, впереди был тупик.

Джек резко затормозил. Машина развернулась и стала носом к преследователям. Отступать было некуда.

— Это как победа в первом круге, — промолвил Слэйтер и отпустил руль. Несколько секунд Джек и Дени отдыхали.

Мальчик выглянул из кабины и осмотрелся. За ними была высокая кирпичная стена, а впереди узкая улица, по которой мог проехать только один автомобиль.

Дени почудилось, что эта стена ненастоящая. Он перегнулся и постучал по ней кулаком.

— Это же декорация! Слышишь, Джек?! Это декорация... Это все бутафория, — радостно закричал Дени.

Из-за поворота на узкую улицу выехал красный автомобиль бандитов.

Преступники, довольные, заулыбались. Они поняли, что теперь Слэйтер у них в руках. и из этого тупика ему живым не уйти.

— А теперь смена кадра, — закричал Дени, окончательно уверовав, что он находится в фильме. — Ты будешь играть с ними на «слабачка»! У кого первыми нервы не выдержат! По-слэйтеровски!

— Посмотрим, — сказал Джек, и его знаменитый ботинок из крокодиловой кожи буквально вдавил в пол рифленую педаль акселератора.

Обе машины взревели моторами.

— Пристегни ремни, — бросил Джек развеселившемуся мальчишке. — И держись как можно покрепче.

Красная машина гангстеров и серебристая, Джека Слэйтера, мчались друг на друга, лоб в лоб...

Сто метров...

Пятьдесят...

Двадцать...

Пять...

И, как водится в заправских супербоевиках, у преступников сдали нервы. Огромный, как глыба, мексиканец, сидевший за рулем красного автомобиля, зажмурился, судорожно вжался в сиденье и, не выдержав испытания, резко вывернул руль.

Красный автомобиль врезался в гранитную балюстраду, взлетел в воздух и, проломив стену, приземлился в огромном зале.

Закричали и бросились врассыпную полуголые девицы. Засверкали блестки, затрепетали пестрые плюмажи. Все потонуло в крике и грохоте, в черном адском дыму.

Красный автомобиль вспыхнул, и из него начали выпрыгивать и разбегаться, охваченные пламенем бандиты.

Один из гангстеров, не найдя другого выхода, бросился плашмя на огромный, как стол, яркий торт. Он упал на него и мгновенно утонул среди кремовых роз, вафельных лебедей и шоколадных рыб...

— Я в фильме, я в фильме! — наконец-то поверил Дени.

Он размахивал руками и весело хохотал.

Слэйтер поднял связку тротиловых шашек с тлеющим бикфордовым шнуром, поднес к лицу и поджег толстый окурок сигары. Потом он секунду подумал и метко швырнул самодельную бомбу в большой мусорный бак, из которого торчали уже одеревеневшие ноги бандита.

Раздался взрыв, и потертые кроссовки бандита взлетели в воздух.

— Ник! Ник! — кричал Дени, колотя кулаками по багажнику машины. — Гудини тебя не обманывал, билет волшебный.

В это время полыхнул взрыв, и мусорный бак разлетелся в стороны. Мусор засыпал улицу, вместе с мусором шлепнулась на тротуар одна кроссовка, а куда подевалась другая, Дени так и не понял.

* * *

Слэйтер и Дени на своем неизменном автомобиле подъехали к нереально огромному зданию, украшенному внушительной надписью: «Департамент полиции Лос-Анджелеса».

Это здание полиции не имело почти ничего общего с реальными учреждениями. Единственно, на что оно было похоже — это на гигантский супермаркет. Повсюду сновали люди с очень знакомыми лицами. И Дени мгновенно догадался: все, кто здесь находился, кинозвезды, герои прославленных голливудских киносериалов.

В этом здании не было кабинетов, а за одной стеклянной перегородкой сидел лейтенант Смит, знакомый Дени по знаменитому супербоевику «Слэйтер-3». Это был тот лейтенант, который не пускал Джека Слэйтера на крышу небоскреба, когда там прятался Потрошитель, удерживая заложником сынишку Слэйтера.

— Я бывал много раз в самых настоящих полицейских участках, и хорошо знаю, на что они похожи! А это все придуманное, — говорил сам себе мальчик и скептично кривил губы.

Один из полицейских детективов вскочил со своего места.

— Слэйтер! Слэйтер! Звонит твоя бывшая жена, — обратился он к Джеку, который шел по узкому проходу, и подал черную телефонную трубку.

Слэйтер недовольно поморщился, но трубку взял и приложил к уху.

— Здравствуй, милая!

— Как ты?

— Понял.

— Хорошо, милая, — говорил Джек.

Судя по предыдущим сериям, разговор суперполицейского с бывшей женой обещал быть очень долгим.

— Ну! Ыгы!

— Понял тебя.

— Да, да, да, хорошо! — бросал в трубку Джек.

Через несколько минут ему это явно надоело. Он потянул на себя шуфлядку письменного стола, вытащил кассету, вложил ее в черный маленький магнитофон, улыбнулся сам себе и бросил трубку на динамик магнитофона.

— Да, конечно!

— Именно так, как ты говоришь.

— Конечно, дорогая!

— Обязательно.

— А как же? Ты права, — повторил магнитофон, а довольный Джек шел дальше.

Дени спешил за ним.

Вокруг слышались резкие голоса, звучали команды, отдавались приказы. Один полицейский жаловался другому:

— От этих гомосексуалистов не пройти по 27-ой улице. Ходят размалеванные, полуголые и цепляются ко всем мужчинам.

— А тебе что, не нравится, когда к тебе пристают?

— За целый день от этого можно свихнуться! Чтобы они подохли все! Голубые!

Сержант задумался.

— Мне не лучше. Я на 19-ой дежурил.

— Хорошее место. От проституток отбоя нет. Цепляются, офицером обзывают.

— Можно подумать, тебе это не нравится!

— Нравится, но не на каждом же шагу! Дубинку из рук вырывают. Как помешанные.

— Давай поменяемся, ты пойдешь к гомикам, а я к девицам, у меня с ними хорошо получается, — сказал сержант и начал хохотать.

— Да тише ты! Лейтенант услышит и отправит банк охранять. А там можно от скуки сдохнуть.

Слэйтер и Дени подошли к соседнему столу.

Полицейский детектив допрашивал свидетеля.

— Так вы действительно видели, как он залез мадам Элизабет под юбку? — уточнял детали детектив.

— Да, видел, — говорил пожилой мужчина в круглых очках на крючковатом носу.

— Ну и что вы там увидели?

— Понимаете, офицер, я там увидел такое... такое...

— Ну что, что? Слона, что ли?

— Да, нет, не слона.

— Точнее, точнее, точнее.

— Я увидел черный пистолет.

— И что дальше?

— Ничего, ничего больше под юбкой не было.

— И что — от этого мадам Элизабет потеряла сознание? И свою сумочку с чековой книжкой?

— Ну понимаете... все это было очень долго.

Слэйтер усмехнулся, взял Дени за плечи и повел к своему столу.

— Тебе еще рано слушать такие разговоры, мой молодой друг.

Лейтенант отправлял полицейских на задание.

— Раудштадт! — обратился Смит к рослому парню с сержантскими нашивками. — Сегодня твоим напарником будет раввин.

Сержант широко улыбнулся и крепко пожал протянутую руку, явно переодетого в раввина, негра, у которого по-африкански курчавились пейсы.

Слэйтера происходящее не удивляло. Такие назначения происходили здесь каждый день. Он допил свою банку пива и поднял трубку с динамика магнитофона. Несколько секунд послушал и положил на место — разговор, несомненно, был однообразным и бесконечным.

К Джеку Слэйтеру подошел один из секретных сотрудников департамента полиции.

— Тебе не кажется, что происходит что-то очень странное с бандой Торелли?

— Да, да! Я знаю, они снюхались с бандой Тони Вивальди, — бросил Джек.

— А откуда ты это знаешь? — спросил тайный сотрудник и одернул пиджак, прикрывая кобуру с пистолетом.

— Я просто не сижу дома. Надо ходить по городу и не есть много пончиков, — Джек похлопал своего коллегу по толстому животу.

— На работу это не влияет, — обиженно сказал секретный сотрудник, уперев руки в бока. — Ладно, Джек, я должен идти звонить своему начальству.

Дени подскочил к Джеку.

— Послушай! Он продался гангстерам! Ведь это он убил в предыдущей серии Моцарта. Тот фильм получил кучу Оскаров, — взволнованно тараторил мальчишка.

— Не понимаю, о чем это ты? — изумился Слэйтер и сунул руки в карманы куртки. — Этот парень спас мне жизнь во Вьетнаме, и я ему благодарен. Время идти к лейтенанту.

Джек не стал открывать дверей, а просто ударил кулаком в стеклянную перегородку. Стекло подернулось паутиной мелких трещин и осыпалось на пол. Осыпалась и яркая надпись: «Лейтенант Смит».

Лейтенант Смит как будто всю жизнь только то и делал, что распекал своих подчиненных. Он кричал на Слэйтера минут пятнадцать, а лицо Джека оставалось непроницаемым и спокойным.

— Городской совет отгрызет мне яйца! Мои люди отрабатывают маршруты по всему городу!.. Я хочу знать, когда это все кончится! Когда ты бросишь свои штучки? — не останавливаясь ни на секунду, ревел лейтенант.

Слэйтер рассматривал белую стену.

— Почему ты никого не слушаешь? Никому не подчиняешься?

— Я просто делаю свое дело, — проговорил Джек, глядя в толстую переносицу лейтенанта.

— Ты создаешь самые ужасные проблемы для нашего департамента! — кричал, брызгая слюной Смит.

Лицо лейтенанта покрывали крупные бусинки пота. В обрамлении красных пухлых губ сверкали крупные белые зубы.

Дени уже давно успела осточертеть ругань лейтенанта и он с интересом разглядывал интерьер департамент полиции. Сквозь разбитую перегородку до него долетали слова диспетчера.

— Вот и волшебный Диснеевский кот пришел получить задание.

Дени повернул голову и увидел знаменитого героя мультсериала, такого же непобедимого сыщика, как и его друг Джек Слэйтер.

Рисованный кот стоял, запахнувшись в плащ с поднятым воротником, у стола диспетчера, и размахивал пушистым хвостом.

— Да это же Мультkот! — радостно закричал Дени и принялся указывать на него пальцем.

Но появление мультипликационного персонажа в этом департаменте полиции никого не удивляло.

Кот изогнулся, ущипнул за ягодицы девушку-полицейского и добавил: «Не забудь, милашка, захватить спальный мешок — ты же идешь на задание со мной».

— С таким противным животным я ни на какое задание не пойду, — возмущенно отреагировала девушка на слова знаменитого мультипликационного персонажа.

— А ты, пацан, кто такой? — подхватился из-за стола лейтенант и вперил свой взгляд прямо в лоб Дени.

— Смотрите, смотрите, Кот! — не унимался Дени.

— Ну и что из этого. Он только на один месяц был отстранен от работы, а сегодня вернулся, — устало сказал Слэйтер.

— Вы все здесь еще не сошли с ума?! Мультkот бродит по департаменту полиции, а вы как ни в чем не бывало! — тараторил Дени. — Привет! — Дени покрутил пальцем у виска и взглянул на лейтенанта.

— Этот Кот мой лучший работник! — заревел лейтенант.

— А своим криком вы никого не испугаете. Ведь я знаю, как вы относитесь к Слэйтеру. Вы ведь, на самом деле, его любите, вы же лучшие друзья, а ругаетесь только на службе.

Лицо лейтенанта вытянулось от удивления, а потом стало непроницаемо тупым.

— Это же психопат! — сказал лейтенант, обращаясь к Джеку.

— А я про вас все знаю, — не унимался Дени. —

Знаю, что когда от вас убежала жена к цирковому фокуснику, то Джек вас выручил и помог избежать публичного скандала и унижения.

Глаза лейтенанта округлились, слова мальчика застали его врасплох, но через мгновение он уже накинулся на Джека.

— Ведь ты же обещал, клялся не рассказывать, что моя жена изменяла мне с каким-то циркачом. А сам разболтал мальчишке, и теперь об этом будет знать весь город.

— Да это и без меня все знают. Ведь это было в первом фильме, еще в «Слэйтере-1».

Прищурив глаза, с видом заправского детектива, лейтенант пристально посмотрел на Дени.

— Этот парень, похоже, слишком много знает о нас.

Оба полицейских уставились на мальчишку, но замешательство было недолгим — начался перекрестный допрос.

— Как твоя фамилия?
— Мэриген.
— Имя?
— Дени Мэриген.
— Год рождения?
— Место рождения?
— Имя отца?
— Имя матери?
— Отвечай немедленно!
— Домашний адрес?
— Номер телефона?
— 555-899-322, — торопливо проговорил мальчишка.
— Не дури голову! Где ты научился так врать?
— В какой школе учишься?

Лицо Дени побледнело. Он растерянно тер виски, пытаясь понять, что он него хотят.

Лейтенант охватил пухлую телефонную книгу и начал листать.

— Такой фамилии нет в справочнике! — веско сказал

он мальчику. — Как твое настоящее имя? Где ты живешь? Как ты оказался в машине Слэйтера?

Дени на шутку испугался.

— Понимаете, лейтенант Смит ...

— Мы все понимаем.

— Не спешите, я все скажу, мне нечего скрывать.

— Понимаем, конечно, скажешь. У нас и не такие говорили.

— Я вышел погулять.

— Откуда вышел и куда шел?

— Я вышел из дому, нет, простите, из кинотеатра.

— Так из дому или из кинотеатра? Который был час?

— Я не смотрел на часы. Но фильм уже кончился. Значит, было...

— Откуда ты знаешь мое имя? — прорычал лейтенант Смит.

— Я... прочитал его на стеклянной перегородке.

Лейтенант задумался.

«А ведь действительно, он мог прочесть мое имя», — подумал лейтенант, но тут же отряхнул замешательство.

— Откуда ты знаешь Слэйтера? Где ты с ним познакомился? Ответь?

— Я упал с пешеходного моста и попал прямо в машину Слэйтера, — начал врать Дни. — И он спас мне жизнь.

— Вот это похоже на правду, — лейтенант успокоился, подбоченился и стал ждать объяснений от Слэйтера.

— Я удирал от гангстеров. Мой двоюродный брат Франк добыл ценную информацию. Торелли и Вивальди собираются объединиться, чтобы контролировать все Калифорнийское побережье, — говорил Джек.

— Да это все не так. Вивальди подстраивает вам ловушку, — быстро заговорил Дени.

— Откуда ты знаешь о Вивальди? — насторожился Слэйтер. — Фрэнк успел сказать только мне, и они убили его.

— Да этот парень покруче тебя будет! — обрадовался

лейтенант. — Вот с этого дня он и будет твоим напарником. — Лицо Дени расплылось в самодовольной ухмылке.

— Да, мне лучше работать в паре с Мультиком, — растерянно сказал Джек.

Сквозь разбитую перегородку Джек и Дени вышли от Смита и направились к своей машине.

— Послушай, тебе понравится работать со мной. Во всем городе ты не найдешь лучшего киноведа, — уговаривал Слэйтера мальчишка. — Ведь я знаю все, что против тебя замышляет Вивальди.

По дороге, когда мальчик и Джек шли через огромный департамент полиции, вокруг сновали знакомые по фильмам Голливуда кинозвезды. Они приветствовали Слэйтера.

— Послушай, Джек, мы сделаем с тобой лучший фильм. Он получит кучу Оскаров... Ведь все вокруг нереальное... Неужели ты думаешь, что в настоящей жизни меня могли бы назначить твоим напарником? — сказал Дени, забегая вперед и заглядывая ему в лицо.

Слэйтер широко шагал, он спешил на задание.

— Как ты думаешь, откуда я знаю всех? Откуда мне известны любые подробности о тебе и Смите? Это все кино! — догоняя Слэйтера, твердил Дени.

— Я не хохочу над твоими словами только потому, что кто-то убил моего любимого двоюродного брата, — зло бросил Джек.

— Именно это я ожидал от тебя услышать. Я знаю все твои любимые фразы! Потому что это — кино! Кино! — громко и настойчиво повторял Дени.

— Ладно, умник, — усмехнулся Джек.

— А ты пристрели меня. Возьми свой большой пистолет, приставь к моей голове и нажми курок... Но ты ведь не сделаешь этого... И знаешь, почему? Ты не убиваешь просто так людей, ты не такой, ты хороший парень! — и Дени вскочил в машину следом за Слэйтером.

— Неужели ты еще не понял, что мы не в фильме? — спросил Джек, выводя машину со стоянки.

— Я могу доказать тебе обратное! И всего за пять минут, надо только заехать в видеосалон. — Без тени иронии сказал Дени.

Поездка в видеосалон принесла Дени только разочарование. Как он ни старался, как ни пробовал, но так и не смог убедить Слэйтера, что они живут и действуют не в настоящем мире, а в мире кино. И самым сильным ударом, выпавшим на долю Дени, был огромный красочный плакат фильма «Слэйтер-3», на котором был изображен Сильвестр Сталоне в роли Джека Слэйтера ...

Чтобы как-то выйти из затруднительного положения и доказать свою правоту, Дени предложил показать Джеку ту виллу, на которой Тони Вивальди и мистер Бенедикт пытали двоюродного брата Слэйтера — Фрэнка.

— Я знаю эту виллу, потому что видел на экране, — сказал мальчик, впрыгивая в машину.

Автомобиль Слэйтера тронулся и стал колесить по улицам города.

— Подожди, подожди, — не унимался Дени. — Там из окон и с террасы был виден океан. Я найду этот дом.

— Ну ладно, а что будет, если я тебе все же поверю, — проговорил Джек. — А как ты объяснишь свое появление в нашем мире?

Дени вытащил из бездонного кармана своей куртки половинку билета, подаренную старым киномехаником Ником.

— Вот это пропуск из нашего мира в ваш, — мальчик помахивал зеленоватым прямоугольником картона. — Это он и привез меня сюда.

— Ну и как же он действует? — поинтересовался Джек, с интересом взглянув на половинку билета. — И как он действует?

Джек больше не хотел слушать никакие фантастические объяснения мальчика. Он уверенно крутил руль и смотрел по сторонам.

— Ну и где же дом?

— Знаешь, а тот дом выглядел не по-местному, — ответил Дени.

Наконец, на боковой улице показалась пышная тенистая кипарисовая аллея и острая красная крыша.

— Остановись! — замахал руками Дени. — Нехорошие парни живут здесь. — Мальчик показал на красивую виллу в конце аллеи.

Выходя из машины, Джек Слэйтер протянул Дени блестящий значок сотрудника полиции.

— Мне кажется, что тебе пора носить это. Ты его заслужил, — вполне серьезно сказал Джек.— Ведь ты произвел революцию в криминалистике, и теперь мы все должны учиться у тебя. Не нужно думать об отпечатках пальцев, возиться с подслушивающими устройствами, с тайными агентами... Надо просто усаживать тебя в машину и возить по городу, а ты будешь останавливать, махать рукой и говорить, в каком доме живут нехорошие парни...

— Так это же очень хорошо! — воскликнул обрадованный Дени.

Джек и Дени несколько секунд постояли перед высоким мраморным крыльцом, а потом уверенно поднялись на него и остановились у огромных дубовых дверей. Слэйтер постучал массивным бронзовым кольцом.

Через минуту дверь отворилась, и на пороге появился грузный охранник-китаец. Его внешность явно не вязалась с вечерним строгим костюмом. Воротничок белой накрахмаленной рубашки никак не хотел сходиться на бычьей шее охранника.

— Чем могу служить? — обратился он к Джеку.

— Этот парень утверждает, что здесь живут нехорошие парни, которые приторговывают наркотиками.

— Вы ошиблись адресом, — охранник захлопнул массивную дверь.

— Ты готов действовать? — спросил Дени.

Слэйтер круто развернулся и пошел прочь.

— Остановись! Послушай! — кричал вдогонку Дени.

— Может, ты знаешь, что я сейчас скажу? — спросил Джек через плечо.

— Конечно, знаю. «Большая ошибка». Эти слова — твоя визитная карточка, — сказал Дени.

Слэйтер задумался.

А двери снова распахнулись, и на пороге появился уже знакомый Дени по фильму «Слэйтер-4» — мистер Бенедикт. Он был в неизменном белом костюме и широких черных очках.

— Кто-то тут утверждает, что в нашем доме живут торговцы наркотиками, — поинтересовался мистер Бенедикт.

Дени потянул за рукав куртки Джека и сказал:

— Послушай, это он. У него стеклянный глаз, и он прячет его под черными очками. Его зовут Бенедикт, и он приспешник Вивальди.

— Это правда? — сделав грозное лицо, обратился Слэйтер к Бенедикту. — Вы приспешник?

— Пока мне везет — я сам по себе, — невозмутимо ответил мистер Бенедикт.

— Извините, чтобы избежать недоразумений, снимите, пожалуйста, свои очки, — сказал Джек.

— А кто вы такой?

— Оловянный солдатик! — многозначительно сказал Слэйтер, показывая свой полицейский значок.

— В прошлом фильме у него был бычий стеклянный глаз, — шептал Дени.

Мистер Бенедикт услышал слова мальчика.

— А сейчас у меня кровавый глаз! Обернитесь! — крикнул Бенедикт.

Джек и Дени обернулись.

Дюжина свирепых, откормленных волкодавов окружала их.

— Вы совершили большую ошибку, мистер Слэйтер!

Мои собаки прекрасно натренированы, и стоит мне щелкнуть пальцем, от вас останутся только ботинки из крокодиловой кожи, — зло улыбаясь, говорил Бенедикт. — У вас еще есть вопросы?

— Да, только два, — сказал Слэйтер, прикуривая свою неизменную сигару. — И почему я теряю время на разговоры с такой падалью, как ты? И второй вопрос. Как ты будешь щелкать пальцами, если я сейчас оторву тебе обе руки! — сказал Джек и выпустил в лицо Бенедикту кольцо едкого смолистого дыма.

Мистер Бенедикт помахал рукой, разгоняя дым, и сдвинул на нос свои темные очки.

Сверкнули глаза, но они не были одинаковыми. Один горел зеленой злобой, а второй был мертвенно красным, неживым. На глазном яблоке была нарисована улыбающаяся рожица.

— Ты угадал, малыш, — сказал Бенедикт, и уже собрался закрывать двери, когда вновь услышал шепот Дени.

— Когда он убивал твоего брата Фрэнка, то у него был бычий глаз, но он успел заменить его.

— Носит же земля такую дрянь! — сказал Джек и, взяв Дени за руку, пошел прочь от виллы.

Чтобы хоть как-то нагадить Бенедикту, Джек, сев в машину, дал задний ход и свалил старинную мраморную колонну, украшающую аллею.

За отъездом Джека и Дени из окна виллы наблюдал Тони Вивальди.

— Значит, он узнал от своего братца нашу информацию. Придуманная мной уловка, которую мы подбросили этому дураку Фрэнку, сработала, и Слэйтер клюнул! — радостно говорил Вивальди. — Он снова ловит нехороших парней! Он тупица!

Когда Бенедикт вошел в дом, Вивальди сказал ему:

— Организуй убийство.

— Кого? — уточнил Бенедикт.

— Конечно, Слэйтера, тупица! — бросил Тони Вивальди.

— Извините, босс, но мне кажется, что надо изменить план похорон.

— Ты что, одурел?! — возмутился Тони. — Ничего не меняем! Кровавая баня — это кровавая баня, — закричал Тони и ребром ладони провел по своей толстой шее.

— А что ты думаешь о мальчишке? Что будем делать с этим гаденышем?

— Убьешь! — сказал Тони Вивальди.

* * *

Джек остановил машину у незнакомого Дени дома.

— Неужели ты не чувствуешь, Джек, что этот парень просто астрономически виновен?

— Чувствую. Но меня сейчас интересует другое. Будет ли дома моя малышка? — сказал Слэйтер, шагая к дому.

— Да нет, не будет! — запротестовал Дени.

И тут у Дени появилась возможность продемонстрировать свои уникальные познания в киноискусстве. Он даже не напрягая памяти мог перечислить почти всех, кого обозначали титры в конце любого из просмотренных им фильмов. Ему ничего не стоило назвать годы создания кинофильмов, режиссера, продюсера и всех героев. И сейчас у него в голове закрутились имена, цифры, даты, названия. Он даже не наморщил лоб. А его язык уже повернулся.

Дени изготовился выдать весь пакет информации по фильму «Слэйтер-3», «Слэйтер-2», «Слэйтер-1».

Но Джек его опередил:

— С чего ты взял? — спросил Слэйтер.

— Я это знаю, ведь я смотрел начало фильма. В титрах ее фамилии не было — С видом знатока промолвил мальчик.

— Кого лечит доктор? — остановил мальчика Джек.

— Конечно, пациента, — удивился Дени.

— Еще одно слово, и я завезу тебя в психлечебницу.

Они подошли к дому, и мальчик в восхищении остановился у мощного, как в цирке, раскрашенного джипа.

— Это твоя машина?

— Нет, это машина моей малютки.

— Джек, я же тебе говорил, что твоей бывшей жены дома нет. Ее фамилии не было в титрах.

Вдруг дверь открылась, и на крыльцо выскочила прехорошенькая белокурая девушка. Она обняла Дени и поцеловала его в губы.

— Мэридин! — в изумлении воскликнул Дени.

— Извини, парень! Я не успела заметить, что это не мой парень, я ждала Скизи, — заулыбалась девушка.

Заметив Слэйтера, она завизжала от восторга и бросилась ему на шею.

Слэйтер подхватил ее на руки и, смеясь, пошел в дом.

Девушка хохотала и колотила Слэйтера по широкой спине.

— Пусти! Пусти! Папочка, пусти! — кричала девушка.

— Да, — задумчиво произнес Дени, — я, Дени Мэриген и участвую в этом фильме. Ну и повезло же мне! — весело рассмеялся мальчик. — И я узнаю, что же будет дальше.

Тем временем Слэйтер опустил свою дочь на землю. Та отступила на шаг и воскликнула:

— Ты, папочка, отлично выглядишь.

— И ты тоже, — сказал Джек.

— И кто же твой молодой друг? — поинтересовалась Мэридин.

— Да никакой он не друг, а просто психически больной мальчишка. Но несмотря ни на что, он невероятно умный. И Смит назначил его моим помощником. Ну и гад же этот лейтенант! Он сделал это после всего, что я совершил для него, — сказал сокрушенно Слэйтер.

— А у нас сегодня выпускной бал, и по традиции я

должна поцеловать первого мальчишку, который откроет дверь! — смеялась Мэридин.

— Ты должна целоваться? — усмехнулся Слэйтер.

— О, Боже, — вскричала девушка и отбежала на несколько шагов от отца. — Подождите меня немного, я приму душ, переоденусь и вернусь.

— Она милая, правда? — не то утвердительно, не то с вопросом сказал Слэйтер, когда Мэридин ушла.

А Дени с удивлением рассматривал толстые пачки стодолларовых банкнот, сваленных в мусорную корзину.

— Да не смотри ты на них так. Это фальшивки, старые вещественные доказательства по знаменитому делу о взятках. Они, когда горят, делаются необычного цвета, — сказал Слэйтер.

Говоря с мальчиком, Джек выдвинул шуфлядку комода. Там, на дне, лежала цветная фотография в тонкой рамке. На снимке был улыбающийся Джек, и у него на плечах сидел мальчик.

Дени мгновенно узнал этого мальчика. Он видел его в фильме «Слэйтер-4». Это его сбросил с крыши Потрошитель.

Джеку было невыносимо смотреть на этот снимок. Снова видеть своего погибшего сына таким счастливым и улыбающимся. Он отвернулся и вытер скупую мужскую слезу.

— Кто это? — спросил Дени.

Джек все так же задумчиво смотрел вдаль. Наконец он проговорил:

— У тебя в самом деле нет сигары? Мне очень хочется закурить. — Джек прошел мимо. — Я скоро вернусь, — сказал он на ходу обеспокоенному Дени.

— Я знаю, знаю, — испуганно проговорил мальчик.

Джек Слэйтер не мог больше оставаться дома, он сел в свою машину, завел мотор и поехал, еще не решив, куда. Он мчал по улице и в его голове возникала снова

и снова та самая картинка, которую видел Дени в фильме «Джек Слэйтер-3».

Джек стоял тогда на крыше небоскреба совершенно безоружный, а перед ним, возле самого парапета, Потрошитель прижимал страшную секиру к шее его сына Энди.

Он вспоминал, как страшно просвистела секира в воздухе, и как он повалился на крышу здания, как, изловчившись, охватил пистолет и выстрелил в Потрошителя. Он стрелял и стрелял.

Потрошитель, вскинув руки, начал падать. Перегнувшись через парапет, преступник еще успел дотянуться до плеча Энди и увлек его за собой.

— Энди! — крикнул тогда Джек и подбежал к краю парапета.

Но он только увидел, как его сын летит, протянув к нему руки и устремив к отцу просящий взгляд. Это был один из тех немногих моментов, когда Джек ничем не мог помочь ему.

В доме Слэйтера Дени смотрел на Мэридин немного влажными от слез глазами.

— Ему сейчас было бы столько лет, сколько и тебе. Бедный Энди! — промолвила Мэридин, как бы прочитав мысли мальчика. — Это был страшный случай, который поразил и испугал всех, это случилось ровно три года назад. Потрошитель стащил Энди с крыши. И мой отец все это видел.

— Об этом много писали в газетах, — с горечью в голосе сказал Дени. — Я читал об этом случае, потому что интересуюсь криминальной хроникой.

В это время раздался стук в дверь.

— Подожди, Мэридин, я открою. Может это твой Скизи. Тогда я позову тебя, и ты его поцелуешь.

Но это был не Скизи.

Когда дверь распахнулась, на пороге стоял мистер Бенедикт, в своих всегдашних черных очках. За его спиной стояли четыре вооруженных бандита.

Бенедикт грубо оттолкнул в сторону Дени и прошел в зал. На ходу он раздавал приказания своим головорезам:

— Туда, туда... и сюда.

Люди в черном разбежались по дому.

Послышался крик Мэридин:

— Оставьте, оставьте меня в покое! Пустите меня!

— Молчи, дура, а то пристрелю! — властно приказывал бандит, выкручивая девушке руки.

— Слэйтер до вас доберется! — вырывалась девушка.

— Мы до него доберемся скорей!

— Мы его укокошим! А потом укокошим тебя!

— Нет, нет!

— Посмотрим. Посмотрим.

— Скажи, Гари, ведь так говорили многие.

Бандит повалил девушку на пол. Она перестала сопротивляться и только смотрела на них большими испуганными глазами.

— Ну что, крошка, утихомирилась?

— Да, Гари, смолкла птичка, не поет!

— А нам не мешало бы горло промочить. Поищи виски.

— Мой отец этого так не оставит, — прошептала девушка.

Дени, схваченный бандитами, пытался вырваться. Но его намерения были напрасными.

Большой краснорожий бандит крепко держал мальчика за руки.

— Слэйтер вас убьет! Всех до одного!

— Наш босс разберется и с вашим Слэйтером!

Бандит ударил Дени по шее.

— Добрый вечер! — наконец сказал Бенедикт, удостоверившись, что никто ему не оказывает достойного сопротивления. — Можно поинтересоваться, а дядюшка Джек дома?

— Он только что уехал расследовать какое-то дело, — зло ответил Дени, ощутив свое бессилие.

Бенедикт снял черные очки и уставился своим единственным настоящим глазом на мальчика.

Еще сильней закричала Мэридин.

Бенедикт поморщился:

— Послушай, Билл, — обратился он к парню, держащему Мэридин. — Может ты научишь ее молчать?

— Бенедикт! — рвался из рук бандита мальчик, — если ты посмеешь тронуть хоть один волосок на ее голове, то я не знаю, что с тобой сделаю!

Бенедикт криво усмехнулся, подошел к Мэридин и двумя пальцами осторожно вырвал ее длинный белокурый волос. Подойдя к мальчику, он натянул волос перед его глазами и с омерзительной улыбкой разорвал его.

Дени не знал, что ему делать.

— Ты что-то говорил о волосе с ее головы? — криво усмехнулся Бенедикт.

Теперь Бенедикт хозяйничал в доме. Это, кажется, был и не Бенедикт, а Шерлок Холмс, или кто-то другой из знаменитых сыщиков, но, во всяком случае, он сказал:

— Если не существует логического решения задачи, то только алогичное решение может быть правильным. Послушай, — продолжал Бенедикт, обращаясь к мальчику, — я разузнал, что тебя зовут Даниэль Мэриген. Но мне хотелось бы узнать и еще одно: откуда тебе известно мое имя?

— Просто Слэйтер показал мне несколько твоих снимков, и я легко опознал твое лицо.

Бенедикт вертел в руках полицейское удостоверение Дени.

— Так, ты парень приехал в наш город из Нью-Йорка. А когда ты прибыл?

— Только что, — ответил Дени.

— А откуда тогда ты знаешь, что мы говорили неделю назад на террасе с доном Вивальди.

— У меня есть запись, — соврал Дени. — Ты мне не веришь?

— А откуда тебе известно, какой глаз был у меня тогда вставлен? — настаивал Бенедикт.

— Я видел его в кино, — начал Дени, но тут же осекся, поняв, что рассказывать о переходе из реального мира в мир кино, не стоит. И он соврал еще. — Там люди Слэйтера установили скрытую камеру. Я смотрел запись.

— Я убивал людей похитрее и помоложе тебя. — Бенедикт разложил у себя на коленях портмоне Дени. Он заглядывал в одно отделение за другим и, удивленный, достал из маленького кармашка, вложенную туда половину волшебного билета, когда-то подаренного старому киномеханику Нику самим Гудини.

Дени забеспокоился.

— Если вам нужны деньги, то берите их. Вот, полная урна стоит. И оставьте нас с Мэридин в покое.

Круглолицый охранник, подняв на лоб черные очки, склонился над урной.

— Черт, босс, здесь, кажется, денег на несколько миллионов! — проговорил торопливо охранник, стараясь незаметно от боссов засунуть пухлую пачку стодолларовых банкнотов в карман кожаной куртки.

— Отдай их мне, — ничего не укрылось от единственного, но пронзительного глаза Бенедикта.

Взяв в руки пачку, он пристально посмотрел на рисунок банкнот.

— Черт возьми! Да это же западня, подставленная Джеком! Банкноты-то меченные. Он хотел подставить меня меченными банкнотами! Не так ли? — Он посмотрел на Дени, ожидая подтверждения. — Сожги их, — бросил Бенедикт охраннику.

— Сжечь? — неповерил тот.

— Я сказал — сжечь! — холодно повторил Бенедикт.

И охранник, повинуясь приказу своего босса, покорно понес деньги к камину.

— Смотри, смотри, мальчик, как горят деньги! Смотри, тебе будет больно.

Огонь взбирался по купюрам. Пачки обугливались.

Мэридин закричала и рванулась из рук охранника, но тот ударил ее кулаком в голову. Девушка упала на диван. Но ей было не так уж больно, ведь это было не на самом деле, а в кино. Зло усмехнувшись, она ударила охранника ногой в живот. Тот, подлетев к самому потолку, ударился о него и рухнул на стеклянный журнальный столик.

— Большая ошибка, — повторила Мэридин любимую фразу своего отца.

Дико визжа, она прыгнула на спину упавшему охраннику. Тот только хрюкнул. Мэридин нагнулась и выхватила у него из-за пояса пистолет. Победный крик пронесся по залу.

Но Бенедикт был настолько уверен в силе своих бандитов, что даже не обернулся на крик девушки. Он щелкнул выкидным ножом.

Сверкнуло лезвие.

Бенедикт поднес нож к самому горлу Дени.

— А теперь мы сделаем тебе немножко больно.

— Бросай оружие, Бенедикт! — крикнула Мэридин, целясь ему в голову. — Бросай, а не то я сейчас вышибу тебе мозги!

— Ты убьешь меня, — не оборачиваясь сказал Бенедикт, — а я убью его.

В этот момент в двери кто-то постучал.

Мэридин машинально обернулась.

Один из бандитов, улучив момент, ударил ее в запястье рукой. Пистолет покатился по паркету.

— Откройте дверь! — скомандовал Бенедикт.

И два охранника, выставив вперед стволы автоматов, бросились исполнять его приказание. Они ожидали уви-

деть Слэйтера. А в дверях стоял, поблескивая линзами круглых очков, хрупкий подросток. Может, только на год старше Дени.

Бандиты и Бенедикт рассмеялись. Но смех длился недолго.

В это время за спиной Бенедикта проломился потолок, и грузное, тренированное тело Джека Слэйтера оказалось в комнате. В руках Джек сжимал два скорострельных пистолета-автомата.

Он легко повел вороненными стволами, и два охранника, с простреленными грудными клетками, рухнули на пол.

В доме началась беспорядочная пальба. Но Слэйтер, привыкший к таким переделкам, успел рухнуть на пол, покатиться. Лежа, он схватил электрический провод и ткнул его оголенный конец в одного из бандитов. Тот лихорадочно затрясся и грохнулся на пол.

В доме начало твориться невообразимое.

Телохранители Бенедикта стреляли куда попало. Они уже не видели ни Слэйтера, ни Дени, ни Скизи, ни Мэридин. Они палили в разные стороны. Летели разбитые стекла, крушилась мебель, от штукатурки отваливались огромные куски и сыпались на пол. Дом заполнили клубы едкого порохового дыма.

Бенедикт, тоже привыкший к подобным передрягам, рухнул с кресла, на котором сидел до этого, удобно развалясь, скатился на пол и незамеченным выскользнул из дома.

— Торопись оставлять свою основную работу, — мощная рука Слэйтера сжала вороненый ствол автомата последнего телохранителя Бенедикта.

Джек рванул автомат на себя и ребром ладони сильно ударил по шее телохранителя, позвоночник у того громко хрустнул. Но бандит еще несколько секунд стоял на ногах. Он оказался на редкость живучим. Бандит подхватил с пола валявшийся там автомат,

навел его на Слэйтера и выпустил в него почти полный магазин.

Пули разрывали майку на груди Слэйтера.

Лицо Дени исказил ужас. Его любимый киногерой должен был погибнуть.

И действительно, Слэйтер, как подкошенный, рухнул на пол.

Держась одной рукой за голову, другой поводя вороненым стволом автомата, бандит приближался к Дени.

Но в это мгновение Слэйтер привстал и с левой руки трижды выстрелил в телохранителя Бенедикта. Бандит встрепенулся, и его тело осело на пол.

— Никогда не забывай про бронежилет, — нравоучительно сказал Слэйтер, обращаясь к Дени и отряхиваясь от пыли, успевшей на него налипнуть.

— Я знал, что ты обязательно что-нибудь придумаешь, и тебя так просто не сможет взять ни один бандит! — Дени радостно подбежал к Слэйтеру.

Тот вытаскивал из-под продырявленной во многих местах майки тяжелый бронежилет стального цвета. Потом он подошел к дочери, посмотрел на ее синяки и ссадины, резко развернулся и опрометью бросился на балкон.

— Куда ты? — закричал Дени.

— Надо разобраться с красноглазым! — крикнул Слэйтер, имея в виду Бенедикта, и спрыгнул с балкона на клумбу.

— Поверить не могу, неужели я в фильме?! Но я еще к тому же и помощник Слэйтера! — кричал Дени, спускаясь по лестнице.

Выбежав на улицу, он увидел небольшой складной велосипед. Мальчишка подбежал к велосипеду, взобрался на него и покатил по ночным улицам города.

— Со мной ничего не должно случиться, — вскрикнул он, увидев, как на него несется огромная машина с зажженными фарами. — Это только супербоевик! Это экшн, экшн! — повторял мальчик.

Огромной машиной управлял красноглазый Бенедикт.

В темноте только поблескивали его черные очки, которые он успел водрузить себе на нос. Наверное, для того, чтобы лучше видеть. А может, они были с какими-то специальными стеклами для ночного виденья.

Как водится в заправских супербоевиках, Слэйтер уже стоял посреди дороги с нацеленным на огромную машину тяжелым пистолетом.

Он стрелял значительно большее количество раз, чем было в обойме патронов. Но так же, как водится в супербоевиках, машина бандита была бронированной, и пули только высекали искру на ее стальной обшивке.

Машина красноглазого Бенедикта, заложив крутой вираж, развернулась и снова помчалась навстречу Дени.

Мальчик на секунду задумался, потом посмотрел на фару своего складного велосипеда, щелкнул выключателем, фара вспыхнула, и он промолвил свою знаменитую фразу:

— Ну что, на слабачка?! Лоб в лоб! У кого первым не выдержат нервы. — И направил свой велосипед, быстро крутя педалями, навстречу машине красноглазого Бенедикта.

— Должно получиться! Должно получиться! Это кино, а я хороший парень! — крутя педали, повторял Дени, несясь навстречу машине.

С каждой секундой выражение лица мальчика становилось все серьезнее и серьезнее. Когда до машины осталась сотня метров, его глаза скруглились от ужаса, и он начал шептать:

— Я псих! Я псих! Я безумец! Я псих!

И перед самым носом машины его нервы сдали, и он резко бросил велосипед влево.

— Да это не кино! — совсем другим голосом закричал он, ломая кусты, росшие на обочине дороги.

Дени лежал на траве и смотрел в темное ночное небо с огромной, круглой, как глаз Бенедикта, луной.

Наконец, над ним склонился Слэйтер.

— Я хотел его испугать... я хотел его испугать, — шептал мальчик.

Слэйтер ласково и бережно поднял легкое тело мальчика на руки и понес к дому.

— Самое плохое, — шептал Дени, — это то, что Бенедикт забрал мой волшебный билет.

— Это и в самом деле очень плохо, — успокаивал мальчика Слэйтер.

Огромная, нереальная белая луна, как череп мертвеца, светилась на черном небе.

— Я его хотел оставить в своей коллекции. Сейчас у меня нет волшебного билета! — шептали побелевшие от испуга губы мальчика.

И уже который раз за этот день в мозгу у Дени все перемешалось, он перестал понимать, в каком мире находится. То ли это был реальный мир, к которому он привык: с домом, мамой, школой, огромным полупустым кинотеатром, чудаковатым киномехаником, стариком Ником, его кинопроекционной, заваленной тысячами коробок и банок, с самыми разными фильмами, по нескольку раз виденными Дени ...

Или это был тот, такой манящий и фантастический мир кино, огромного белого экрана, на котором разворачивались чужие жизни, на котором убивали, убегали от погони, целовались, любили и умирали ...

Возможно, что и в самом деле Дени, при помощи волшебного билета, подаренного старому киномеханику Нику известным магом и чародеем Гудини, смог проникнуть за плоскость экрана, и сейчас он жил и действовал в ярких лучах кинопроекционных ламп...

Но каждый новый факт, каждое новое событие были противоречивыми и не складывались, как ни пробовал Дени, в нечто цельное и понятное(...

Взрывы и выстрелы, погони и гангстеры, мистер Бенедикт и Тони Вивальди, его головорезы, Джек Слэйтер — были вымыслом.

А вот ссадины и шишки, полученные при падении с

велосипеда, были реальными. Рука и плечо болели, колено ссаднило, а оторванный карман куртки убеждал, что падение было реальным, и этот факт перечеркивал все предыдущие ...

Пока Слэйтер легко нес ослабевшего Дени к дому своей дочери, мальчик так и не понял, где же он находится: то ли все происходящее — его вымысел, то ли — жестокая реальность.

* * *

В то самое время, как Слэйтер подходил к дому Мэридин, красноглазый Бенедикт поднимался по винтовой лестнице виллы Вивальди. Он проходил комнат за комнатой, пока, наконец, в одной из них не остановился. Он снял свои черные очки, положил их на стол и сбросил свой белый смокинг.

Как водится во всех супербоевиках, под его левой рукой висела кобура с огромным пистолетом. Мистер Бенедикт устало провел ладонями по вспотевшему лицу. Он бережно оттянул верхнее веко и двумя пальцами достал из глазницы искусственный глаз.

Гангстер любовно протер его носовым платком и положил в черный бархатный футляр, где уже красовался ряд таких же искусственных глаз, отличавшихся друг от друга только цветом и рисунком на глазном яблоке.

Вздохнув, он достал из кармана портмоне Дени.

Одна за другой упали на журнальный столик несколько любительских фотографий, несколько банкнот, пара визитных карточек. И, наконец, двумя пальцами мистер Бенедикт небрежно бросил на край столика половинку волшебного билета.

И здесь произошло то, что происходит только в кино.

Билет начал ярко светиться. Тонкие голубоватые лучи заструились от него в разные стороны. Мистер Бенедикт поднял билет, взглянул на него, приложил к стене.

Вместе с билетом рука мистера Бенедикта прошла сквозь стену.

Провал в стене засиял фосфорическим светом.

«Не переход ли это в другое измерение?» — подумал мистер Бенедикт, криво усмехаясь и явно задумывая что-то нехорошее.

* * *

В до неузнаваемости разрушенном доме Мэридин и патрульные полицейские разбирались с происшедшим.

Скрипели носилки, на которых полицейские выносили трупы телохранителей красноглазого Бенедикта. Кто-то сметал осколки разбитого стекла.

Усталый Слэйтер сидел на сломанном стуле с простреленной спинкой. Его дочь стояла, прижавшись к стене.

Посреди зала стоял и смотрел на всех, ничего не понимая, Скизи.

Дени вытянул из бездонного кармана своей куртки записную книжку и толстый фломастер. Он что-то написал на белой странице, подошел к Слэйтеру, который закурил большую гаванскую сигару, поставил блокнот перед его лицом и попросил:

— Произнеси это слово!

— Прости, но я устал, — пристыдил мальчишку Слэйтер.

— Я тебя прошу — произнеси!

— И что, это будет доказательством того, что все происходящее — кино? — изумился Слэйтер.

— Как ни старайся, ты не сможешь произнести это слово, — верещал Дени, — потому что этот фильм разрешают смотреть детям до тринадцати лет.

— Этот бандит, без глаза... Я запомнил номер его автомобиля. — встрял в разговор Скизи.

— Ты имеешь в виду парня со стеклянным глазом? Бенедикта? — уточнил Слэйтер.

— С красным стеклянным глазом? — обрадованно сказал один из полицейских, — Вот с этим? — Он подбежал к Слэйтеру и разжал ладонь.

На ней лежал красный стеклянный глаз.

— Тут что-то написано, на самом яблоке, — говорил полицейский.

Снова догадка мелькнула в глазах Джека, и он крикнул:

— Не прикасайтесь к нему!

Джек ударил снизу по ладони полицейского, и стеклянный глаз вылетел через открытое окно.

Почти тут же в саду громыхнул взрыв.

Это был не простой глаз, а специально подброшенная Бенедиктом бомба. Взрыв был такой силы, что чуть ли не во всех домах повылетали окна. Огромное зарево полыхнуло в ночном небе.

* * *

Наутро в департаменте полиции лейтенант Смит распекал Слэйтера и Дени.

— Трам, тарарам, там, там! — кричал он. — Трам тарарам, там, там! Вы понимаете, что вы натворили? Если губернатор позвонит мне, поинтересуется, чем занимаются мои подчиненные, я должен буду ему доложить, что они разворотили до основания целый квартал!

— Ну и завелся твой лейтенант, — прошептал Дени на ухо Джеку.

А лейтенант все распекал и распекал их, заводился, кричал, жестикулировал. Он почти дошел до такого состояния, что еще немного, и из его ушей повалил бы дым.

— Я не выношу, когда он это делает, — признался Дени.

А лейтенант все кричал.

И вот уже на самом деле из его ушей стали подниматься две тонкие струйки дыма.

— Отдай мне значок! — кричал Смит на Слэйтере.

— Отдай! И больше ты его у меня никогда не получишь! Мое терпение кончилось!

— Нет! — упрямо сказал Джек.

— Ты мне его отдашь! — Смит перегнулся через стол и содрал с груди Джека блестящий полицейский значок.

Слэйтер выругался, плюнул на стол и вышел из кабинета.

Следом за ним, показав лейтенанту язык, выбежал Дени.

Почти все сотрудники департамента полиции провожали Слэйтера сочувственными взглядами.

И Дени, как во время первого своего посещения, с удивлением, рассматривал изнутри бесконечные помещения здания департамента полиции. Он прислушивался к разговорам и крикам, которые звучали со всех сторон.

Один детектив рассказывал другому:

— Рауль, ты не поверишь, а все это было именно так, как я тебе говорю.

— Ну ладно, рассказывай, только не долго, а то обычно от твоих разговоров тараканы дохнут, и я опаздываю в столовую.

— Так вот, слушай, — говорил толстый полицейский, удобно усевшись в вертящееся кресло и забросив большие ноги на стол.

— Я готов слушать, — сказал Рауль, откупоривая банку пива.

— Позвонила женщина и пригласила к телефону меня.

— А почему тебя?

— Потому что меня все знают. Так вот, она сказала, что у нее с потолка капает кровь, прямо к ней на постель.

— Ты, конечно же, сразу же выехал, старый развратник!

— Не сразу, сначала я доложил лейтенанту. Он, как водится, не поверил и разозлился. Тогда я дал ему трубку.

— И что, лейтенант сам поехал?

— Будет он тебе отрывать свою задницу от кресла!

— Поехал ты?

— Да, и еще прихватил с собой пару парней. И когда мы приехали, то на пятьдесят седьмом этаже обнаружили гору трупов. Все, кроме одного, были мертвы. Я полночи его допрашивал. Выяснилось, что это грязные вьетнамцы, торговцы героином, не поделили выручку и перерезали друг друга. Не поверишь! Кровищи было по колено!

— Не может быть! Ты опять сочиняешь, — допивая третью банку пива, сказал Рауль.

Рауль задумался, потер лысину и промолвил:

— Я думал, что на пятьдесят седьмом этаже какой-нибудь псих зарезал слона, а ты про вьетнамцев. Это же скучно, Бил!

Когда Джек вытрясал содержимое своего стола в большой картонный ящик, к нему подошел секретный сотрудник полиции с большим животом.

— Послушай, Джек, я сожалею, но это с каждым может случиться. Очень жаль, — говорил сотрудник, — но тебе не придется поработать со мной на похоронах Моцарта. А там должен быть весь цвет гангстерского общества Лос-Анжелеса. Ты пропустишь церемонию, но не беспокойся, у меня на Торелли глаз. Они решили устроить последнее прощание на крыше, я пришлю вертолет, который будет кружить возле здания.

— Ты уже один раз занялся делом Торрели, — подколол его Слэйтер.

— Да, — нехотя признался секретный сотрудник, — я как-то подкупил одного из его подручных. Стреляли в самого Торелли, но промахнулись.

— Это не полицейский, который стреляет и промахивается! Он промахнулся в Торелли, а ты промахнулся вместе с ним.

— Послушай, Джек, — вдруг задушевно сказал секретный сотрудник, — если передумаешь, то перед входом в отель буду стоять я. Сможешь попасть-таки на похороны и разобраться во всем.

— Я больше не служу в полиции, — ответил Джек.

Секретный сотрудник покачал головой и пошел к выходу.

Внимание Дени отвлекла пышногрудая блондинка, и хоть Дени был знатоком голивудских фильмов, он как ни старался, как ни напрягал память, не мог вспомнить, в каком из фильмов видел ее. Скорее всего, она снималась в какой-то эпизодической роли. Эта мысль утешила мальчика, считающего себя знатоком кино.

Так вот, пышногрудую блондинку допрашивали сразу двое полицейских.

— Сара Цунг, я в который раз спрашиваю ваше имя!

— Офицер, вы же знаете меня с пеленок, зачем задавать глупые вопросы?

— Молчать! — закричал другой полицейский и громко ударил по столу кулаком.

— Сара, когда ты прекратишь совращать малолетних? Дети из-за тебя пропускают занятия в школе, учителя жалуются.

— А чему их могут научить в этой вонючей школе?— обиженным голосом сказала Сара и закинула ногу на ногу.

Полицейский уставился на ее ноги.

— Джим! А тебе не кажется, что она ничего?

— Да, я очень хороша собой, — Сара поправила глубокое декольте. — Так вот, офицер, когда меня не берут богатые клиенты, мне нравится развлекаться с маленькими мальчиками. Они такие нежные, неиспорченные, доверчивые ...

— И ты выдуриваешь у них деньги, которые им дают родители на карманные расходы?

— Вы ведь знаете, за все надо платить! За место на улице! За квартиру! За вино! За сигареты!

— Сара! Подпиши и убирайся! И не дай бог, если мы еще раз тебя поймаем за твоими грязными штучками!

Сара лениво поднялась и, не глядя, подписала чистый лист.

Когда она проходила мимо Дени, она потрепала его по щеке и нежно шепнула ему номер своего телефона.

* * *

Слэйтер привел Дени к небольшому, всего на несколько квартир, дому. Они поднялись по наружной металлической лестнице и оказались в лишенной мебели квартире.

— Где это мы? — спросил Дени.

— Мы пришли домой, — ответил Слэйтер. — Но как ты понимаешь, я здесь бываю нечасто. А теперь, кажется, придется засесть надолго.

Слэйтер подошел к стенному шкафу и, предусмотрительно отступив на шаг в сторону, открыл дверцу. Оттуда, как принято в фильмах, вывалился, труп бандита.

— Ого! — присвистнул Дени. — Откуда ты знал, что там будет этот парень?

— Если бы только этот парень! — скривился Джек. — Каждый раз какая-то гадость в шкафу. Я уже целое состояние потратил, ремонтируя дверцы.

— Ой, да это же знаменитый душитель девушек из фильма, — вскрикнул Дени.

— Еще секунду, — огрызнулся Джек Слэйтер, — и ты познакомишься с душителем Дени Мэригена. Ты, я вижу, находишь нашу жизнь очень занимательной.

— Да не волнуйся, — успокаивал своего друга Дени, — ты получишь свой полицейский значок обратно. Просто ты разрушил в городе немного больше зданий, чем обычно. Вот увидишь, ты получишь свой значок обратно!

Слэйтер скептически усмехнулся.

— Да, да! Я правду тебе говорю! У героев фильма всегда бывает все отлично. Там всегда хороший конец.

— Нет, Дени, — вздохнул Джек, глядя в окно, за

которым проносились машины, — дело принимает очень плохой оборот. Никогда в жизни я не мечтал ни о чем другом, кроме как стать хорошим полицейским. А все время попадаю в идиотские приключения, и самое идиотское, что выхожу из них целым и невредимым. Мне это уже начинает надоедать!

— Это все от того, что ты не хочешь мне верить. Это просто многосерийный фильм, и поэтому с тобой ничего не может произойти. Последняя серия еще не наступила.

— Дени, — хотел возразить Слэйтер.

Но мальчик продолжал:

— Ты и в самом деле идеальный герой, ты думаешь только о своей службе. Твоя бывшая жена постоянно звонит тебе, но никогда не появляется в кадре. Она хочет вернуться, а ты ей не позволяешь этого.

— Дени, ты хочешь, чтобы я жил с тупицей, которая не способна отличить мой живой голос от записанного на пленку?!

— Неужели она так глупа? — изумился Дени. — Чем же она раньше тебя привлекала?

— А, черт, — махнул рукой Слэйтер, — так и быть, признаюсь. Я просто попросил свою дочь, чтобы она регулярно звонила мне на службу, а все ребята думают, что у меня остается время на личную жизнь. Ведь настоящая жена живет сейчас с новым мужем. Она даже ни разу не позвонила мне во время нашего развода! Моя дочь... Она совсем другая! Я хотел, чтобы она была такой же, как все остальные тинейджеры. Пошла бы на вечеринку. Послушай, ведь у нее выпускной бал! А она остается дома и слушает музыку. Она моя дочь, и ей предстоит остаться старой девой. Я знаю, меня тоже ничего хорошего не ждет в старости.

— Я думаю, что ты будешь очень привлекательным старичком, — весело сказал Дени, вспомнив старика Ника.

— А мне кажется, я буду невероятным занудой, буду цепляться ко всем молодым, буду ругаться на них, как лейтенант Смит ругается на меня.

— Ну уж нет, — задумчиво произнес Дени, — ты не похож на него совсем, — ведь он черный ...

— А может, я буду, — мечтательно произнес Слэйтер, — жить за городом в своем маленьком белом домике и разводить пчел, как делал мой любимый Шерлок Холмс.

— Вот это уже лучше! — обрадовался Дени. — А я буду к тебе приезжать в гости и пить чай с медом. Идет?

— Мрачная перспектива! Не могу представить себя стариком.

— А я легко могу тебя представить. Ты будешь ходить с толстой палкой, вместо пистолета, и слушать бейсболл по приемнику.

— Нет, этого никогда не будет! Мне кажется, что меня убьет шальная пуля бандитов.

— Если бы я видел уже пятую и шестую серии «Слэйтера», я бы тебе точно рассказал, что тебя ждет впереди. Но я не видел, — сокрушенно сказал Дени и посмотрел в окно.

— Чем у тебя забита голова, не понимаю?!

Джек вытащил из-за пояса свой пистолет и положил на стол.

— Ничего не поделаешь, приходится быть героем! — убеждал Слэйтера Дени. — Ты никогда, Джек, не умрешь, пока не уменьшатся сборы от фильма. Вот тогда уже сценарист с режиссером сами прикончат тебя. Хочешь ты этого или нет.

— Веселая перспектива, — Джек покрутил в руках сигару.

— А, Джек? Давай вернемся к делу Вивальди. Сами займемся им. Ведь твой друг, который спас тебе жизнь во Вьетнаме, секретный сотрудник, говорит, что что-то интересное произойдет на похоронах Моцарта. Они назначены в отеле, на самой крыше небоскреба.

— Может, ты хочешь, чтобы я пошел и сделал ручкой своему врагу Моцарту, когда его отправляют в последний путь?! — огрызнулся Слэйтер.

— Да нет! Это не простые похороны, — возражал мальчик. — Там что-то должно произойти! Я это точно знаю.

— Откуда такая информация?

— Все оттуда же, из кино. Я ведь успел посмотреть начало.

— Ну и что оно тебе подсказывает? — воодушевился Джек Слэйтер и нервно заходил по комнате.

— Я не могу пока сказать точно, но я предчувствую что-то нехорошее. Ведь я знаю мистера Бенедикта и его босса — Тони Вивальди. А от них ничего хорошего ожидать не приходится.

— Так что ты предлагаешь, малыш?

— Я не малыш, а твой напарник!

— Извини, забыл. Хотя какое это имеет значение?

— Имеет. Ведь у меня лейтенант Смит не забрал значка. А поэтому я как бы на службе. И мне кажется, что сейчас не время сидеть сложа руки.

— Согласен! За дело!

Слэйтер и Дени быстро вышли из дома и направились к машине.

Несколько секунд они думали, как быстрее добраться к отелю.

* * *

Слэйтер и Дени неслись в машине к отелю, где должны были произойти похороны Моцарта.

— Да, да. Ты мне подсказал с этими похоронами, — говорил Слэйтер — Послушай, что если рассуждать так. Кто-то хочет убрать старика Торелли. Но у мафии всегда найдется свой человек в полиции. Они нанимают охранника, и тот стреляет в Торелли, но промахивается. Настоящие полицейские не промахиваются, но не прома-

хиваются и настоящие гангстеры. Думаешь, охранник Торелли может промахнуться?! Да никогда!

— Он намеренно промахнулся? — удивлялся мальчик. — Зачем? Зачем он промахнулся? — настаивал Дени. — Зачем ему было спешить?

— Одного старика Торелли убрать мало, останется его организация. И вот представь себе, что убитого Моцарта привозят в морг, а там люди Вивальди разрезают его, набивают живот взрывчаткой, и ставят часовую мину на определенное время. Так они смогут убрать всю головку банды Торелли сразу. Ведь они все соберутся на похороны. Вот в чем здесь штука — Вивальди собирается убрать всех на похоронах!

— Неужели бомба? — не соглашался Дени. — Вивальди не может себе позволить взорвать бомбу на похоронах! Там будет много его друзей!

— А если это будет нервнопаралитический газ? — рассуждал Слэйтер. — Один раз его уже использовали, когда крали атомные бомбы с военно-воздушной базы. Да, они собираются его использовать еще раз!

— Я знал, что Тони Вивальди и красноглазый Бенедикт жестоки, но не думал, что настолько.

— Ты просто их плохо знаешь.

— Я их знаю хорошо, но всегда удивляюсь их изобретательности, способности придумывать всякие гадости, чтобы убивать людей.

— Сегодня у тебя будет возможность еще раз убедиться в их коварстве.

— Да, — со знанием дела ответил Дени.

Машина Слэйтера подкатила к небоскребу, на смотровой площадке которого виднелись гости в траурных костюмах.

Над зданием кружил черный вертолет.

Среди гостей, приглашенных на похороны, расхаживал старый Тони Вивальди.

И кого только не было здесь. Казалось, вся Сицилия, весь ее цвет прилетел, приехал, приплыл на похороны Моцарта. Лежащего в гробу прославленного бандита окружал почетный караул известных всему преступному миру руководителей сицилийской мафии. Каждый, даже самый незначительный босс, пришел не один, а со своими отъявленными головорезами, которые прятали в карманах тяжелые пистолеты, гранаты и острые ножи.

Все собравшиеся знали друг друга не понаслышке. Сотни отчаянных операций, миллионы заработанных денег, тысячи трупов связывали их в одно черное молчаливое братство.

Все бандиты слетелись отдать дань одному из самых уважаемых членов преступного мира.

Похороны были богатыми. Хоронили Моцарта по высшему разряду, принятому в мафиозных кругах.

Гроб был ручной работы, украшенный золотыми вензелями и платиновыми рельефами, которые прославляли покойного.

— Ой, как я сожалею, мистер Торелли! Как я сожалею! Такое несчастье! Бедный Моцарт! Как я вам соболезную, — пожимал руку Тони своему лютому врагу.

Следом за Тони, как тень, ходил мистер Бенедикт в своих неизменных черных очках и, довольно неуместным на похоронах, белом смокинге.

Тони дернул Бенедикта за рукав:

— Послушай, подойди к гробу. Отдай последние знаки уважения, — и он ехидно подмигнул своему помощнику.

Тот склонился над трупом, лежавшем в обшитом красным бархатом гробу, и незаметно для присутствующих дернул его за палец.

Сработал секретный механизм, и на циферблате часов побежали цифры. Это были необыкновенные часы. Время на них отсчитывалось назад.

До взрыва оставалось девять минут пятьдесят четыре секунды.

А в это время знакомая и знаменитая машина Слэйтера уже стояла у небоскреба, на крыше которого происходили похороны.

В кабине сидели двое: Дени и Слэйтер.

Слэйтер выпрыгнул из машины, зло хлопнув дверью.

— Оставайся в машине, — бросил он Дени.

Дени рванулся было побежать за Слэйтером, но тот остановил его.

— Оставайся в машине, представь себе, что это настоящий боевик. Когда герой говорит своему напарнику: «Оставайся в машине», — он должен остаться, чтобы в случае чего прийти на помощь герою.

— Хорошо, остаюсь, — согласился Дени. — А что будет, если нападут на того, кто остался в машине?

Слэйтер обернулся, бросил на Дени скептический взгляд и сказал:

— Там в бардачке есть оружие.

Недолго раздумывая, Дени открыл бардачок. Оттуда посыпался целый арсенал: пистолеты, гранаты, патроны и даже крупнокалиберный пулемет.

Дорогу Слэйтеру преградил секретный сотрудник департамента полиции в белой рубашке и черном галстуке, его большой живот, выпирал из-под отутюженного пиджака.

— Решил заглянуть ко мне? — поинтересовался секретный сотрудник.

— Скорей! Торелли и его компания зашили в труп Моцарта бомбу! — торопил Слэйтер.

— Так, это объясняет вчерашний инцидент в морге. Пошли, я проведу тебя черным ходом. — Секретный сотрудник схватил Слэйтера за руку и потащил к служебным помещениям.

— Кого ты водишь за нос? — Спросил Слэйтер, когда они очутились одни в пустом коридоре.

— А в чем дело? — поинтересовался испуганный сотрудник.

— Каждому ребенку известно, что в этом отеле нет черного хода.

Сотрудник изловчился и выхватил из-под пиджака небольшой пистолет.

— Мне жаль, Джек, но я не хотел доводить до этого. Ты сам виноват.

Секретный сотрудник, наставив пистолет на Джека, вытащил у него из-за пояса оружие.

— Прав был мой напарник, когда говорил, что тебе нельзя верить. Это ты убил Моцарта, — сказал Джек.

— Я перебил множество людей, всех не припомнишь, может, среди них и был какой-то Моцарт, — пожал плечами секретный сотрудник.

Но тут за его спиной раздался звонкий голос Дени.

— Стой! Брось оружие!

— Это сомнительно, малыш. — Секретный сотрудник мелкими шагами приближался к Дени.

Мальчик все не решался нажать на спусковой крючок пистолета.

— Это сомнительно, чтобы я бросил свое оружие, — усмехнулся злодей и мягким движением забрал пистолет у Дени.

— Спасибо за отпечатки пальцев, малыш. — Сотрудник криво усмехнулся. — Сейчас ты убьешь Джека Слэйтера.

Секретный сотрудник вытащил из заднего кармана наручники и бросил их Дени.

— Ты прикуешь себя к трубе. Знаешь, Джек, — продолжал он, когда Дени уже перестал вырываться, прикованный к водопроводной трубе. — Эти парни платят мне больше, чем правительство Соединенных Штатов, и поэтому я решил работать на них. Они же подставили тебя, Слэйтер! Ты думаешь, что Вивальди за-

миряется с Тореллой, а это липа. Это я устроил так, чтобы в труп Моцарта зашили бомбу. Долю от этого дела теперь можно разделить на меньшее количество людей. И я стану богатым.

Пока секретный сотрудник объяснял свои нормальные принципы Слэйтеру, Дени вытащил из своего бездонного кармана ключ от наручников, отомкнул их и, подобрав с пола брошенный пистолет Джека, наставил его на врага.

— Повернись! — крикнул Денни.

Секретный сотрудник повернулся, и в этот момент Слэйтер заломил ему руку за спину.

— Ты совершил типичную киношную ошибку, — радовался Дени, — не нужно было так много всего объяснять. Нужно было сразу выстрелить, и ты бы выиграл. А так ты проиграл. Но ты типичный злодей, и поэтому тебе придет конец.

— Но и ты, парень, не гений! — раздался за спиной Дени мрачный голос Тони Вивальди.

Когда уже и сам Слэйтер, и его напарник Дени, были прикованы одним наручником все к той же водопроводной трубе, старый гангстер Тони Вивальди сказал своему подручному Бенедикту:

— Моцарт рванет через семь минут. Нужно уходить.

Манерно поклонившись Слэйтеру, он добавил:

— Я бы с удовольствием посмотрел, как гибнут мои враги, но я спешу обеспечить себе алиби.

Бенедикт уже было подался за своим шефом к машине, но тот остановил его.

— А ты останься здесь. Досмотришь все до конца. Тебе алиби иметь не обязательно. К тому же этот Слэйтер здесь. Присмотри за ним. Хотя, — Тони Вивальди махнул рукой, — ты как всегда, все напортачишь.

Когда машина отъехала, Бенедикт снял очки и зловеще проговорил:

— Все это выше твоего ума, недоумок Тони! Тебе этого не понять.

— Когда же ты начнешь действовать? — шепотом спрашивал Дени у Джека Слэйтера.

— А что я могу сделать? — отвечал Слэйтер. — Что можно сделать с наручниками?

Секретный сотрудник уже поднимал свой пистолет.

— Ну что, прощайте, ребята.

Прогремел выстрел.

Но стрелял не он.

Когда секретный сотрудник мертвым рухнул на пол, за его спиной оказался мультипликационный герой — Мультикот с дымящимся пистолетом в руке.

— Где ты так долго пропадал? — спросил Джек. — Мы уже заждались тебя.

— Да так, задержался на пять минут, — промолвил рисованный персонаж.

— Спасибо тебе, — промолвил Джек. Он вытащил из-за пояса мертвого секретного сотрудника свой пистолет и бросился вверх по лестнице.

Дени спешил за ним.

— Видишь крюк подъемного крана? — остановил его Джек. — Через две минуты он должен быть над самой крышей.

— Но как я это сделаю, я не умею управлять краном!

Но Слэйтер уже не слушал своего напарника, а бежал все выше и выше.

До взрыва оставались считанные минуты.

На одном из этажей Джек увидел распахнутые двери наружного лифта с застекленными стенами. Слэйтер вскочил в него и понесся вверх.

Дени тем временем, размахивая пистолетом, подскочил к кабине крановщика.

— Вы должны повернуть кран! Вы должны помочь мне!

Испуганный крановщик выскочил из кабины и бросился удирать.

Дени так и застыл перед частоколом ручек непонятного ему назначения.

— За какую, черт возьми, из них дергать?! Я же не учился на крановщика. — Дени озадаченно почесал в затылке.

Тогда он стал дергать все ручки подряд.

Тяжелый крюк подрагивал, раскачивая кран, и наконец Дени понял, какая ручка и для чего подходит. Он стал поднимать тяжелый крюк, разворачивая стрелу крана прямо на смотровую площадку небоскреба.

Тем временем Слэйтер уже выбрался на крышу здания. Заметив, что крюк приближается, он бросился через толпу черных, как жуки, гангстеров, к самому гробу. Все недоуменно переглядывались.

— Простите, простите, — говорил Джек и наконец склонился над телом Моцарта.

Скривив губы, он начал пищать не своим голосом:

— Помогите! Помогите! Мне плохо! Меня живым положили в гроб! — И потом, выпрямившись, он громко возвестил: — Господа! Этот человек не мертв, вы зря его хороните. Он болен, ему нужен доктор.

Слэйтер взвалил грузное тело Моцарта себе на плечи и побежал через толпу гостей.

— Доктора! Доктора! — кричал Джек.

Слэйтер мельком взглянул на циферблат, мелькнувший на руке покойника. До взрыва оставалось пять минут. Но когда до крюка было рукой подать, неожиданно ему преградил дорогу мощный мужчина в строгом костюме.

— Я доктор!

— Если вы врач, — быстро среагировал Джек, — то посмотрите на его подбородок.

Врач, или гангстер, который назвался доктором, нагнулся, чтобы посмотреть на указанное место, но тут Слэйтер резко повел плечом. Одеревеневшая голова покойника врезалась в голову врача, и тот, как подкошенный, упал.

— Послушайте, неужели никто не может помочь этому покойнику, ой, простите, пациенту?! — кричал Слэйтер. Но, увидев, что гангстеры обступают его со всех сторон, он вскинул руку к небу и крикнул: — Посмотрите! По небу летит слон.

Пока все всматривались в безоблачное калифорнийское небо, Слэйтер с трупом на плечах бросился убегать.

Но тут гангстеры опомнились. У каждого под траурной одеждой были у кого автомат, у кого пистолет. Даже вдова вытащила из-под юбки автоматический карабин, но Слэйтер уже подбегал к раскачивающемуся на длинном тросе тяжелому крюку.

Но остановить крюк было делом не простым. Он пролетал над крышей, раскидывая ряды гостей. Слэйтер с трупом на спине гонялся за ним.

Гости в черных официальных костюмах падали под ударами тяжелого крюка, как игрушечные кегли. И Слэйтер топтал их своими знаменитыми ботинками из крокодиловой кожи.

— Не стреляйте! — закричал вдруг один из мафиози.— Может быть, Моцарт и в самом деле еще жив!

Воспользовавшись этим, Слэйтер почти уже дотянулся до крюка, уходящего за карниз здания, но было поздно. Тогда поняв, что взрыва не миновать, Слэйтер перебросил тяжелый труп через карниз.

Тело покойника, брошенное мощными руками Джека, долетело-таки до крюка и зацепилось за него пиджаком. Покойник повис над городом.

А Слэйтер, раздавая удары направо и налево, бросился убегать. Вслед ему звучали проклятья и выстрелы. Но его, как настоящего героя, пули не доставали.

За убегающим Слэйтером рванулась толпа с автоматами. Гангстеры отрезали ему путь на лестницу. Тогда Джек, долго не раздумывая, прямо с парапета прыгнул на застекленную кабину лифта и повис, ухватившись руками, за одно из ее ребер.

Но тут Слэйтера заметили из вертолета, кружившего возле здания. Слэйтер, не дожидаясь, пока вертолет приблизится и расстреляет его в упор, сам выстрелил в

стекло лифтовой кабины. Брызнули осколки. Джек ввалился в лифт и бросился к пульту управления, лихорадочно отыскивая кнопку первого этажа.

Лифт медленно сполз вниз.

А вертолет подлетел уже совсем близко, и Слэйтер видел нацеленные на него стволы крупнокалиберных пулеметов. Щелкала механика, и ствол разворачивался в его сторону. Не дожидаясь, пока с вертолета откроется огонь, Слэйтер нажал первую попавшуюся под руки кнопку. Двери разошлись. И только он хотел выбежать в коридор, как на него набросились вооруженные до зубов бандиты.

— Черт! — в сердцах выругался Слэйтер и рухнул на пол.

Стреляли и из вертолета, и бандиты, мчавшиеся за ним по коридору. Он попал под перекрестный огонь.

Изрешеченные автоматические двери лифта сомкнулись, и кабина вновь поползла вниз.

Когда Слэйтер открыл глаза, он увидел, что прямо против кабины лифта завис вертолет. Перекрестие лазерного прицела сошлось на переносице Слэйтера.

Но в это время малыш Дени тоже не дремал. Тяжелым крюком крана он подцепил вертолет за хвост и начал дергать поочередно рычаги. Вертолет начало качать из стороны в сторону, и все пули, выпущенные из крупнокалиберного пулемета с лазерным прицелом, конечно же пролетели мимо Слэйтера.

Слэйтер вновь ушел живым из одной из самых ужасных переделок.

Дени еще раз рванул рукоятку, и крюк, с насаженным на него покойником, задрал вертолету хвост.

Слэйтер, улучив момент, послал половину обоймы в стеклянную кабину вертолета. Вертолет завалился набок и стал падать.

— Ну что, долетался, приятель? — Зло прокричал Слэйтер, высунув голову из разбитой кабины лифта.

Но тут изрешеченная пулями кабина не выдержала

нагрузки. Хрустнул металл каркаса, и кабина лифта начала разваливаться на куски. Стальной пол начал уходить из-под ног Слэйтера. Он выругался, но успел среагировать и уцепился своими сильными руками за простреленную искореженную конструкцию.

Он висел на уровне двенадцатого этажа. Под ним, как маленькие муравьи, суетились мафиози в черных костюмах.

Дени лихорадочно дергал ручки управления, стараясь подвести крюк к своему напарнику, чтобы тот мог ухватиться за него.

Как раз в это время простреленные конструкции не выдержали, и Слэйтер, сжимая в руках бесполезный уже кусок искореженного металла, сорвался вниз.

Но Дени успел вовремя.

Качнувшись, крюк пересек траекторию полета Слэйтера, и тот ухватился за ногу мертвого Моцарта. Но радоваться было некогда. Слэйтер смотрел на электронное табло часов на руке покойника. На нем неумолимо уменьшалось число секунд, отпущенных до начала взрыва.

— 59!
— 58!
— 57!
— 56!
— 55!
— 54!
— 53!
— 52! — С замиранием в сердце считал Слэйтер, раскачиваясь в разные стороны у стены небоскреба.

Он прокричал Дени, чтобы тот быстрей опускал крюк.

Дени, поняв, что спустить крюк он не успеет, начал отводить стрелу в сторону, ища подходящее место, куда мог спрыгнуть Слэйтер.

— 40!
— 39!
— 38!
— 37!

— 36!

— 35! — дрожащим голосом продолжал считать Слэйтер, выбирая место для падения.

А в это время Дени лихорадочно дергал рычаги, но наверное, что-то сломалось в пульте управления, и огромный кран отказывался выполнять приказания.

А внизу суетились бандиты. Они задирали головы так высоко, что черные шляпы падали на землю. Они грязно ругались, прицеливались и стреляли, но попасть в раскачивающуюся мишень было очень трудно.

Но тут же Слэйтер сообразил, что этот план не подойдет. Уж слишком высоко был крюк. Тогда он, сдирая в кровь пальцы, вскарабкался по костюму покойника и встал на крюк. Ногой он стал бить труп Моцарта в спину, стараясь отцепить его от крюка. Такая крепкая ткань, из которой был сшит пиджак покойного, бывает только в кино. И только в настоящих супербоевиках, супергерой не может разорвать простое сукно.

— Давай, давай, пошел! — приговаривал Джек, стуча каблуком ботинка по голове Моцарта. — Ну пошел же, дрянь!

Покойник никак не хотел отцепляться.

Тогда, переусердствовав, Джек двумя ногами ударил по хребту, но сам, не удержавшись, вместе с покойником сорвался с крюка.

Они летели, к счастью, в грязный бассейн, в котором высились муляжи доисторических динозавров.

А электронные цифры на часах Моцарта неумолимо отсчитывали секунды до начала взрыва.

Из грязного бассейна Слэйтер выскочил такой же черный, как уже известный нам его шеф, лейтенант Смит. Размахивая руками, он устремился прочь от этого треклятого бассейна, который все же помог ему не разбиться. И спас жизнь в который уже раз.

Малыш Дени бегал по парку с огромным пистолетом в правой руке и, размахивая оружием, пугал отдыхающих.

— Прочь все из парка! Прочь из парка! Я вам приказываю! Я сотрудник полиции. Всем прочь из парка!

— 5!

— 4!

— 3!

— 2! — громко считал Слэйтер, выбираясь из грязного бассейна.

Когда черный, как представитель племени мумбо-юмбо, Слэйтер перевалился через парапет бассейна, за ним медленно начал вздуваться громадный черный грязевый пузырь.

Дени и Слэйтер, застыв в ужасе, смотрели на это страшное зрелище.

Пузырь вздувался.

Им казалось, что сейчас, вот-вот, он разорвется на куски, и осколки бомбы разлетятся по парку. Но, глухо ухнув, пузырь стал сдуваться и снова исчез в трясине.

Слэйтер вытащил из кармана насквозь промокших джинсов удивительно чистый платок и устало вытер лицо.

— Приведи машину,— бросил он Дени.

— Может, вертолет? — съязвил тот.

— Я сказал, приведи машину.

— Ты весь черный!

— К некоторым деготь не прилипает, — парировал Слэйтер.

В это время к бассейну, сломав изгородь, подкатил, разрисованный яркими красками, джип дочери Джека, Мэридин.

— Папа, я слышала, что ты здесь! — крикнула девушка.— И поэтому пригнала машину.

— Спасибо,— просто сказал Джек, сбрасывая на землю пропитанный насквозь грязью пиджак.

— Надо заехать домой переодеться, — сказал Дени.

— Да ерунда, — ответил Слэйтер. — Ты же сам все время твердишь, что это кино.

* * *

Широко шагая, мрачный Бенедикт спешил по мраморным коридорам виллы Тони Вивальди. Он миновал несколько залов и оказался в патио с небольшим, выложенным итальянским мрамором, бассейном, в котором плескался сам шеф — старик Тони.

— Ну как все прошло? — спросил старик. — Я уже жду не дождусь, рассказывай. Как прошли похороны?

— Все прошло великолепно! — ответил Бенедикт.

— Постой-постой. Я тебя не слышу. Расскажи подробнее, — говорил Тони.— Подойди поближе. Мне же интересно!

Бенедикт приблизился к краю бассейна.

— Все великолепно! Само совершенство! Такой большой бух! И гора трупов! Ты представляешь себе, — продолжал Бенедикт, — мужчины, женщины, старики, все бегают, суетятся, прыгают вокруг. Кругом куски человеческого мяса!

— Постой-постой, — говорил Тони.— Я хочу насладиться. Расскажи подробности.

Бенедикт ступил на мраморный мостик, перекинутый через бассейн, и неожиданно выхватил из-под пиджака пистолет.

— А честно говоря, это был ужасный день! — продолжал Бенедикт, нацелив ствол пистолета на Тони. — И во многом благодаря тебе!

— Постой-постой! Что ты делаешь? — встревожился Тони.

— Макаронник безмозглый! — зло сказал Бенедикт и нажал курок.

Пуля попала старому гангстеру точно между глаз. Тони взмахнул руками и погрузился в воду. Над ним по воде расплылось кровавое пятно.

Бенедикт взял в руки бокал шампанского, приготовленного для Тони, чтобы тот смог выпить его после бассейна, и с ним в руках принялся расхаживать по вилле.

— Если этот маленький негодяй Дени может путешествовать с помощью одной только половинки волшебного билета в параллельных мирах, то я и подавно смогу это сделать. Туда — сюда, — приговаривал Бенедикт, прохаживаясь по залу. — Если бы Господь был злодеем, то это был бы я. — Промолвил мистер Бенедикт, надевая черные очки.

Но тут рассуждения гангстера прервал ужасный грохот. Стена зала раскололась, и в пролом с ревом влетел ярко разукрашенный джип, в котором сидели Слэйтер и Дени.

— Не дергайся! — проговорил Слэйтер, наставив на Бенедикта свой тяжелый пистолет.

— Хорошо, — согласился гангстер и поднял руки.

Слэйтер передал пистолет Дни, и тот взял гангстера на прицел. Джек не спеша подошел к Бенедикту и ударил его по печени.

— Это тебе за взрыв дома моего любимого двоюродного брата Фрэнка. А это, — Слэйтер нанес второй удар, еще сокрушительней первого, — за взрыв дома моей бывшей жены. — Он еще раз с силой ударил ногой, — а это за синяк под глазом у моей дочери.

Падая, Бенедикт успел выхватить из кармана волшебный билет. Билет пронзил пространство сиреневым сиянием, и вместе с билетом Бенедикт пролетел сквозь стену, оставив в ней сияющий проем.

— Обычно когда я это делаю, — в недоумении проговорил Слэйтер, — такого не происходит.

Дени выскочил из машины.

— Это волшебный билет! — кричал он. — Это ключ ко всему. Он волшебный.

Дени подошел и заглянул в проем, из которого исходило пронзительное сияние.

— Проход еще открыт! Мы можем последовать за ним, Джек. Он ушел в мой мир. Пошли! Пошли! Дверь еще открыта.

Джек нерешительно двинулся за Дени.

— А я думал, что ты сумасшедший, — озабоченно проговорил Слэйтер. — А как же я вернусь назад?

— Хватит все время жить в кино, — резко оборвал его Дени, — пошли, пока не захлопнулись двери.

— А, все к черту! — бросил Слэйтер, поднял с пола свой пистолет и смело шагнул в проем.

* * *

Они оказались с Дени в темном зале кинотеатра. За ними мерцал, освещенный кинопроектором, экран.

— Мне кажется, мы по-прежнему в моем мире, — сказал Слэйтер, всматриваясь в темноту.

— Подожди, — успокоил его Дени, — сейчас глаза привыкнут.

И в самом деле, Слэйтер через какое-то мгновение увидел ряды зачехленных кресел и ярусы балконов зала кинотеатра, того самого, где некогда выступал знаменитый маг и волшебник Гудини.

Но Слэйтер ничего не знал ни о каких магах, тем более о таком волшебнике, как Гудини.

А вот Дени мгновенно узнал кинотеатр и сразу понял, что они вернулись из мира кино в реальную жизнь. Даже запах пыли и натертого паркета был знакомым, привычным и обыденным, как было всегда в этом кинотеатре.

Дени просмотрел в нем сотни фильмов. И все его знания о мире кино были получены здесь, в первом ряду кресел, как за первой партой в школе.

— Ну вот, наконец-то мы в настоящем мире, — веско произнес мальчик.

— Я не вижу, чем он отличается от моего мира, от того, где мы только что были.

— Подожди, скоро поймешь и убедишься, что в этом мире не все так просто.

— Надеюсь, ты будешь хорошим проводником?

— Я постараюсь. Я тебе все покажу и объясню.

— Спасибо, но я думаю, что смогу разобраться и сам, — проговорил Слэйтер.

В дверях, над которыми мерцала зеленая надпись: «Выход», мелькнул белый смокинг Бенедикта.

— Быстрей! Быстрей! В погоню за ним! — крикнул Слэйтер.

Дени упирался.

— Я должен забежать к старику Нику.

— Нет времени! — отрезал ему Джек. — Мы догоним гангстера.

Побежав следом за Бенедиктом, Слэйтер и Дени оказались на улице.

— Какого черта! Мы в Нью-Йорке? — изумился Слэйтер.

— Я тебе сейчас все объясню. Я постараюсь тебе все объяснить, — увещевал его Дени. — Будь осторожнее, здесь все по-другому.

В тот же миг Слэйтер заметил, как Бенедикт в своем неизменном белом костюме подбежал к такси, остановившееся у светофора, распахнул дверцу и, угрожая своим пистолетом, выбросил на дорогу пассажира.

— Гони, гони! — приказал Бенедикт таксисту.

— Дени, смотри, вот чудесный кадр для твоего фильма!

Слэйтер вскинул пистолет и на людной улице прицелился в удаляющееся такси.

Прогремело три выстрела.

Слэйтер ожидал увидеть киношные столбы пламени и дыма, но увидел всего лишь три маленькие дырочки в багажнике старого такси.

— Что за черт, не получилось! — удивился Джек. — Но я обещаю тебе, Дени, обязательно получится!

И Слэйтер бросился бегом за удаляющейся машиной.

Но это было не кино. Слэйтер быстро выдохся и кинулся к стоявшей на стоянке новой машине. Он привычно размахнулся рукой и высадил боковое стекло.

— Вот ерунда! — снова удивился Слэйтер.— Оказывается, здесь не так легко выбить кулаком стекла. Я порезался, да и рука болит.

— Я же говорил тебе, здесь совсем другой мир! Тут все дается с трудом, — говорил Дени, когда они уже мчались следом за такси.

— Не мог говорить по убедительнее!— огрызнулся Слэйтер.

— Ты, случайно, не знаешь, стекло у этого автомобиля пуленепробиваемое? — спрашивал Джек со скрытым испугом в голосе.

— Да я же тебе несколько раз говорил — это не кино. Нам надо догнать Бенедикта и забрать у него билет. Думай больше об этом.

Заметив, что такси свернуло в узкий переулок, Слэйтер вылетел на тротуар и, обогнув квартал, свернул в тот же переулок с другой стороны.

В пустом переулке, зажатом между глухих стен домов, друг против друга замерли две машины, освещая одна другую светом своих фар.

— Послушай, — стал трясти Слэйтера Дени. — Тут не кино, тут нельзя играть на слабачка. Ты же разобьешься.

Бенедикт приставил пистолет к виску таксиста и сказал: — Жми на газ! Но если ты свернешь в сторону первым, я успею продырявить тебе голову!

Слэйтер открыл дверцу и выпихнул Дени.

— Не бойся, я же герой! Я справлюсь.

И рванул вперед.

Две машины мчались одна на встречу другой.

Дени прикрыл лицо руками, но сквозь расставленные пальцы продолжал смотреть за поединком.

Ни одна из машин не свернула в сторону. Они столкнулись лоб в лоб. Раздался ужасный скрежет искореженного металла, звон стекла, и все стихло.

Дени опрометью бросился к месту столкновения.

Из разбитой машины выполз Слэйтер.

— Ой, черт, больно! — сказал он, потирая ушибленную руку.

— Идиот! Я же предупреждал тебя! — кричал Дени.

— Не такой уж я идиот, — ответил Джек. — Я же знал, эта машина выпуска 1989 года. В ней ремни безопасности, надувная подушка, а в этом старом такси ничего похожего нет. Они погибли.

— Давай проверим, — сказал Дени.

— Да что проверять, — огрызнулся Слэйтер, — они точно мертвы.

— Да нет, так не бывает, — возражал Дени,— нужно убедиться. Это всегда так — злодеи только выглядят мертвыми. А потом вскакивают и хватают тебя за горло.

— Ладно,— согласился Джек и подошел к дверце такси.— Только прикрой меня, у него могут быть сюрпризы.

Слэйтер рванул на себя дверцу такси и замер в изумлении.

Заднее сиденье такси было пусто. За рулем одиноко лежал мертвый таксист.

— Может быть, он воспользовался билетом и ушел назад в свой мир, — озабоченно говорил Дени.— Теперь уже поздно что-либо делать.

Лунный свет заливал мужественное лицо Слэйтера. Его взгляд остановился на большой афише кинотеатра, где было написано, что завтра состоится премьера нового фильма «Слэйтер-4». С афиши на него смотрело такое же мужественное лицо его двойника Арнольда Шварценегера.

* * *

Мистер Бенедикт разочарованно блуждал по ночному городу. Он ничего не понимал. Его все удивляло. Почему так грязно? Почему на него никто не обращает внимания? И что его еще поразило, так это огромный плакат, на котором был изображен Джек Слэйтер. Он прочитал надпись, почесал затылок, поднял воротник своего белого смокинга, потому что в ночном городе было довольно прохладно, и пошел дальше.

Он недоуменно повторял: — Почему его все называют Арнольд Шварценегер? Какой он Шварценегер? Какой Шварценегер? Это же Слэйтер. Я его хорошо знаю. Это Слэйтер! Я не могу ошибаться!

У входа в кинотеатр навстречу мистеру Бенедикту вышла пожилая проститутка. Она была в потрепанной шубе, одетой на голое тело. Распахнув полы своей одежды, она предложила Бенедикту поразвлечься.

Он изумленно вытаращил на нее свой один изумленный глаз и спросил: — Сколько тебе лет?

Женщина грязно выругалась, запахнула полы своей драной шубы и отошла в сторону.

«Почему ничего не происходит? — недоумевал Бенедикт. — Почему они все молчат?»

Он забрел в какой-то тупик с заброшенными автомобилями и начал громко кричать:

— Эй, здесь есть кто-нибудь? Кто-нибудь живой? Выйдите ко мне! Прошу вас!

Из темноты навстречу ему вышел немолодой мужчина, вытиравший замасленные руки куском грязной материи.

— В чем дело?

Бенедикт взглянул на него своим одним глазом и сказал: — Мне нужна ваша помощь.

Когда мужчина с куском грязной тряпки приблизился к нему, Бенедикт выхватил из-за пояса свой огромный пистолет и разрядил его в грудь мужчине. Мужчина рухнул на грязный, замызганный асфальт. Бенедикт громко выругался и закричал, но на его крики и на выстрелы никто не реагировал.

Как и раньше, мимо проносились машины, куда-то спешили прохожие, и никто не обратил внимания на то, что один человек застрелил другого.

Мистер Бенедикт растерянно оглядывался вокруг, пытаясь понять этот новый для него мир. Все было непривычным и непонятным. Бенедикт не понимал, куда мчатся автомобили, почему идет дождь, откуда столько мусора на улице, почему так непривлекательны проститутки, почему никому ни до кого нет дела? Может, это действительно иной мир? Может, здесь действуют другие законы?

Но, насколько понимал Бенедикт, во все времена и во всех странах действуют похожие законы. Слабый убивает сильного, хитрый обманывает глупого, сытый отбирает у голодного последний кусок ...

Это были универсальные законы, они действовали всегда и везде, менялись только детали, названия, а суть оставалась неизменной.

Разочарованный, мистер Бенедикт замер на небольшой, слабо освещенной площадке. Он продолжал кричать:

— Есть здесь кто-нибудь? Есть здесь кто-нибудь?

На его голос, а может на шум выстрелов, откуда-то сверху раздался пронзительный крик:

— Тебе что, делать нечего? Убирайся отсюда! Дурак! Заткнись! Кричишь тут, спать не даешь!

* * *

Из бездонного кармана своей куртки Дени вытащил ключ и вставил в замочную скважину своей квартиры. Он не успел повернуть ключ, как дверь распахнулась сама.

На пороге стояла миссис Мэриген.

— Где ты был? — вскрикнула она, увидев сына. — Полиция разыскивает тебя повсюду. Но тебя нигде нет! Где ты был? С тобой все хорошо?

— Хорошо. Тс-с-с, — произнес Дени. — Тс-с-с...

Но его мать не унималась.

— В городе ежедневно без следа пропадают десятки, сотни детей! А ты мне говоришь «хорошо» и успокаива-

ешь. Так ты пойдешь? — негодующе проговорила миссис Мэриген.

— Подожди, помнишь, ты мне говорила, — произнес Дени, — что у меня должно быть много друзей. Что я должен быть знаком со многими хорошими людьми.

Дени совсем прозаично взмахнул правой рукой, и из темноты, перед глазами изумленной женщины, появилась фигура Джека Слэйтера.

— Добрый вечер, миссис Мэриген, — проговорил Джек. — Я Арнольд Бронштейтер, — соврал он.

Мать Дени возмущалась недолго. Она увидела, как устал и измучен ее сын, и не стала долго расспрашивать пришедшего с ним мужчину. Она уложила обоих спать, и еще долго сидела возле кровати сына, слушая, как тот вскрикивает во сне.

Утром Дени разбудили голоса из кухни. Разговаривали Слэйтер и его мать. По радио звучала бравурная музыка Вольфганга Амадея Моцарта.

За утро взрослые о многом успели переговорить. Мать сразу накинулась на Дени, но, правда, говорила она не очень зло.

— Почему ты не сказал мне, что всю ночь провел в полицейском участке? Почему ты мне сразу не сказал, что твой старший друг — полицейский?

— Послушай, Дени, — сказал голосом отца Слэйтер, — ты что, не нашел двух минут, чтобы позвонить матери? Чтобы она не волновалась! Почему ты, вместо того, чтобы ходить на уроки, бегаешь в кино? Почему ты не признался мне, что у тебя совсем нет друзей?

— Что вы на меня напали? — сокрушенно развел руками Дени. Он был глубоко разочарован в Слэйтере.

— Я тебе поджарю гренок, — сказала мать и вышла из комнаты.

— Джек, ты в порядке? — спросил Дени.

— Знаешь, я никогда так не разговаривал с женщиной. Это оказывается, очень приятно. — искренне признался Слэйтер.

И по его голосу Дени почувствовал, что они попрежнему друзья.

— Не переживай, Джек, разговоры — это еще не секс. Мама! — крикнул Дени. — Ты должна нам оставить немного карманных денег. Мы хотим погулять по городу.

— Приберегите лучше свою энергию для завтрака. Ешьте поэнергичнее!

Мать поставила перед мужчинами на стол две большие тарелки, до краев заполненные едой.

— Мама, мама, — просил Дени, — я должен пойти. Я же единственный свидетель, как ты не понимаешь?

Миссис Мэриген явно не собиралась никуда отпускать своего сына. Но тут за него вступился Слэйтер, к которому у миссис Мэриген, похоже, проснулась симпатия.

— Послушайте, не случится ничего плохого, я буду опекать его.

Вдруг Слэйтер насторожился.

— Простите, вы не могли бы прибавить громкость?

Мать Дени покрутила ручку приемника, и комнату наполнили звуки симфонического оркестра.

— Что это? — спросил Джек.

— Это Моцарт, — недоуменно ответила миссис Мэриген. — Вам нравится классика?

— Моцарт? — переспросил Джек. — Это тот, которого убили гангстеры?

— Нет, его не убили гангстеры, его отравил Сальери, во всяком случае, есть такая версия.

— Кто такой Сальери? Почему не знаю? — удивился Слэйтер.

— Сальери тоже композитор, — уточнила миссис Мэриген.

— Странно, Моцарт, Сальери ... Моцарта я хорошо знал, даже слишком хорошо, но, по-моему, музыку он не писал ... Или это не тот Моцарт, который болтался на крюке подъемного крана?

— Конечно же, не тот!

— Понятно. Теперь я наконец-то все понял!

— Да нет, это композитор такой, — повторила миссис Мэриген. — Так вам нравится классика?

— Не знаю, — удивленно говорил Слэйтер. — Но, кажется, я ее начинаю любить.

* * *

Слэйтер и Дени целый день блуждали по Нью-Йорку. Они успели поговорить о разном.

— Ты собираешься выследить его здесь? — не унимался и приставал с вопросами к Слэйтеру Дени.

— Предоставь это мне. Может быть, единственный раз в жизни я буду делать это по-настоящему, — ответил ему Слэйтер. — А этот твой билет ... Он уже сработал с одним фильмом. Не означает ли это, что Бенедикт может его использовать и с другим фильмом? — спросил Слэйтер у Дени.

На какое-то мгновение Дени задумался.

— А зачем ему это делать? — поинтересовался мальчик.

— Но вдруг? — ответил Слэйтер.

А мистер Бенедикт все же не преминул воспользоваться волшебным билетом. Он успел побывать во многих кинотеатрах, и в одном из них попал на фильм «Слэйтер-3». Использовав свой волшебный билет, он пробрался за киноэкран и привел с собой из середины фильма Потрошителя.

Теперь они сидели в одном из открытых кафе. Мимо проходили люди и никто не догадывался, что под капюшоном желтой прорезиненной рыбацкой куртки скрывается ужасное лицо Потрошителя.

— Я предлагаю вам сделку, — говорил мистер Бенедикт. — Все равно вы в конце фильма погибнете. Но и вы, и я все время будем под угрозой, пока Слэйтер существует в этом мире. Его нужно убрать! Он должен

навсегда исчезнуть из фильмов! И тогда у нас будут неограниченные возможности. Мы будем творить все, что захотим. И никто нас не остановит!

Потрошитель молча слушал Бенедикта, и невозможно было понять, соглашается он или нет.

Мистер Бенедикт теребил в руках афишу с огромным портретом Шварценегера в роли Джека Слэйтера.

— Я предлагаю вам определенную сделку. Я понимаю, что это в ваших возможностях. И если вы согласитесь, то у вас будет определенный шанс спастись. Тогда вы сможете, — продолжал мистер Бенедикт, — делать, что вам захочется. Реализовать все самые свои безумные мысли. Все люди будут в ваших руках! Когда вы сделаете это, я помогу вам вернуться в ваш фильм. Я знаю, что вы никогда не слышали об этом человеке, — мистер Бенедикт показал плакат с портретом киногероя Потрошителю, — вы привыкли видеть в нем Джека Слэйтера, но на самом деле его зовут Арнольд Шварценегер.

А в это время Джек и Дени все еще блуждали по городу.

— Джек, в этом городе тысячи кинотеатров, мы не можем найти в них Бенедикта, это безумие — проверять каждый из них.

— Подожди, — успокаивал его Слэйтер, — я чувствую, что мы близки к цели. Я все же поймаю его! — не унимался Слэйтер.

— Послушай, — оборвал его мальчик, — в этом мире чудес не бывает, потому что это вонючий мир.

Слэйтер резко обернулся.

— Мир такой, каким ты его делаешь сам. Если хочешь, иди домой! Хотя ты и собирался делать фильм вместе со мной.

Дени уже и в самом деле колебался. Он не знал, как

ему поступить, как вдруг на другой стороне улицы увидел Бенедикта. Тот садился в такси.

Не раздумывая, Слэйтер бросился вдогонку. Он перепрыгивал через капоты машин, бежал по их крышам, пока наконец не настиг нужное такси.

Вскочив на его крышу, Слэйтер не удержался и совсем не по-киношному, некрасиво упал на ветровое стекло. Оно разлетелось вдребезги.

Машина была пуста.

Слэйтер схватил таксиста за грудки и стал кричать:

— Где он? Где он? Куда он исчез?

— Я не знаю, — испуганно лепетал таксист, — он только что сидел на заднем сиденье. Мне казалось, что он даже не выходил из машины.

Тут к такси подбежал Дени.

— Он, наверное, воспользовался волшебным билетом.

Тут взгляд Слэйтера упал на скомканный киноплакат, который лежал на заднем сиденье. Он разгладил его и увидел, что имя Арнольда Шварценегера зачеркнуто крест накрест жирной кроваво-красной чертой.

В одном из кинотеатров Нью-Йорка начиналась премьера фильма «Джек Слэйтер-4».

Сюда съехались многие кинозвезды, журналисты, премьеру снимало телевидение. Прямая трансляция шла на всю Америку. К самому крыльцу кинотеатра подкатил лимузин Арнольда Шварценегера. Звезда киноэкрана Арнольд под руку с женщиной изумительной красоты вышел из машины. Толпа приветствовала его. Журналисты бросились к ним с микрофонами, но актер отстранил их и проследовал в кинотеатр.

Шел дождь. Но желающих попасть на премьеру фильма, который уже целый год рекламировали чуть ли не в каждой телевизионной программе, были сотни. Они толпились под проливным дождем у кинотеатра, у выхода из метро и за любые деньги предлагали купить

лишний билет, но желающих расстаться с возможностью своими глазами увидеть прославленных актеров, а если очень повезет, заиметь автографы, не было.

Одна за одной подкатывали к кинотеатру шикарные машины, выходили нарядно одетые женщины и мужчины в вечерних смокингах. Под большими зонтиками неторопливо и важно они поднимались по широкой лестнице к входу.

В это время Слэйтер и Дени мчались к кинотеатру, в котором начиналась премьера нового фильма «Джек Слэйтер-4».

— Послушай, — говорил Дени, — зачем Бенедикту понадобилось снова пробираться в кино?

— Неужели ты еще не понял? — процедил сквозь зубы Слэйтер. — Он может теперь переходить из нашего мира в тот. И он придумал, как уничтожить меня, потому что я все время мешаю ему творить зло. Он доберется до Арнольда Шварценегера, он убьет его, тогда не станет и меня.

А настоящий Арнольд Шварценегер все таки не избежал встречи с журналистами. Ему пришлось задержаться и он объяснял, что в теперешнем фильме он убил на двадцать человек меньше, чем в предыдущем. Он клялся в своей любви к Голливуду, обещал выступить в следующем фильме «Джек Слэйтер-5», и не только в роли актера, но и продюсера, и режиссера.

Наконец, ему удалось вырваться из кольца журналистов, и он проследовал в ложу балкона.

В это мгновение журналистов, стоящих на крыльце, привлекла совсем другая фигура.

Тяжело ступая по тротуару, к ним приближался человек в желтой прорезиненной рыбацкой куртке, капю-

шон которой был глубоко надвинут на лицо. Н все же журналисты узнали его.

— Смотрите, смотрите! Это Потрошитель из «Джека Слэйтера-3»!

Микрофоны, которые только что воспринимали голос Арнольда Шварценегера, повернулись к Потрошителю. Никто из журналистов и не догадывался, что это не актер, а настоящий Потрошитель, пришедший из мира кино. И что он несет в небольшом чемоданчике складную секиру.

— Потрошитель! Потрошитель! — привязалась к нему молодая привлекательная журналистка. — Скажите, а почему вы сегодня не в смокинге? Почему вы одеты так же, как в фильме?

Потрошитель был немногословен.

— Потому что мне кажется, что сегодня я кого-то убью. — Он отстранил микрофон и зашел в кинотеатр.

Появлению столь экзотической фигуры в фойе никто не удивлялся. Все привыкли к театрализованным премьерам. Киношную публику было трудно чем-нибудь удивить.

Расталкивая людей, в кинотеатр вбежали Джек Слэйтер и Дени. Слэйтер сразу бросился к администратору.

— Где я сижу? — спрашивал Слэйтер у удивленной девушки-администратора.

Та непонимающе смотрела на него.

— Я повторяю, где я сижу? — он почти кричал.

Девушка недоуменно пожала плечами, но проигнорировать вопрос кинозвезды, как она думала, не смогла.

— Ваше место, кажется, на нижнем балконе. Но их там два: верхний и нижний. Вы, кажется, сидите на нижнем.

— Оставайся здесь и будь осторожен, — бросил Слэйтер Дени и побежал на нижний балкон.

Дени некоторое время переминался с ноги на ногу, пока его не посетила счастливая мысль. Кто-то должен

проверить и верхний балкон, может, девушка ошиблась. И он бросился вверх по лестнице.

Впереди на самом верху Дени увидел желтую куртку Джека Потрошителя.

Дени рвался вперед, но пройти ему мешала толпа народа. Он бессильно опустил руки.

А в это время Слэйтер уже пробрался почти к самым дверям нижнего балкона. Но тут его остановил продюсер Арнольда Шварценегера.

— Послушай, так мы договорились?

— О чем? — недоуменно уставился на него Слэйтер.

— Ну как же, будем снимать «Слэйтера-5»? Ты же обещал!

— Иди ты к черту! — огрызнулся Слэйтер и зашел в двери балкона.

Здесь он немного успокоился, увидев как Арнольд Шварценегер спокойно сидит на своем месте.

На кинозвезде был черный смокинг и блестящая бабочка. Шварценегер раскланивался со знакомыми актерами, режиссерами, продюсерами.

В это время Дени сумел пробраться через толпу и выбежал на балкон. Он успел только заметить, как Потрошитель вскочил ногами на парапет и замахнулся своей, отточенной как бритва, секирой.

— Слэйтер! Слэйтер! — закричал Дени, когда уже секира летела вниз прямо на ничего не подозревающего Арнольда Шварценегера.

Джек Слэйтер моментально прыгнул и схватив Арнольда, повалил его на пол.

Секира просвистела и вонзилась в кресло, на котором только что сидел знаменитый киноактер.

Испугавшись только на какое-то мгновение, Арнольд Шварценегер быстро пришел в себя. Он высвободился от цепких рук Слэйтера, отряхнулся и сказал:

— Ну неужели меня не могли предупредить, что приготовлен сюрприз, трюк, чтобы развеселить публику.

Публика и в самом деле восприняла это как цирковой номер. Зал захохотал.

Арнольд Шварценегер быстро оправился и с изумлением посмотрел на своего спасителя.

— Ну ничего себе, я такого двойника еще в жизни не видел! Слушай, парень, если будешь в Лос-Анджелесе, приезжай ко мне, мы можем сыграть с тобой в каком-нибудь прекрасном фильме. Ты мне можешь очень помочь.

— Да пошел ты! Я никогда не думал, что ты такой, — веско и убедительно промолвил Слэйтер и пошел прочь к выходу.

Настоящий Слэйтер выскочил в фойе. Его мгновенно окружила толпа журналистов. Они протягивали к нему микрофоны, поклонницы подавали ему листки бумаги, чтобы он оставил на них свой автограф.

— Слушайте! Слушайте! — кричал Слэйтер. — Вы не видели здесь такого маленького мальчика? И мужчину в желтой рыбацкой куртке? С секирой в руке? Не видели?

Но журналисты только улыбались и все ближе и ближе тянули к его лицу микрофоны.

Воспользовавшись моментом, под аплодисменты зала, Потрошитель не спеша подошел к креслу, в котором раньше сидел Арнольд Шварценегер, вырвал из него свою секиру и двинулся к выходу.

Его никто не остановил, когда он схватил подмышку Дени и поволок упирающегося и кричащего мальчика к люку, ведущему на крышу. Все только аплодировали.

Но тут Потрошителя заметил и Слэйтер. Он отпихнул журналистов и бросился вслед за ним.

Когда Слэйтер выбежал на крышу, повторилась та же самая сцена из фильма «Джек Слэйтер-3».

Потрошитель стоял у самого парапета, прижимая секиру к горлу Дени. Звучали уже известные по фильму вопросы. На них Слэйтер давал те же самые ответы.

— Мне это все нравится, — говорил Потрошитель. — Джек, брось пушку!

За сценой, происходящей на крыше кинотеатра, следили восхищенные зрители, заполнившие все окрестные тротуары.

Слэйтер выбросил пистолет.

— Послушай, — сказал Потрошитель, — тебе не кажется, что мы играли подобные сцены раньше? Ну к чему ждать развязки? Я сделаю по-другому.

Он схватил Дени и, высоко подняв в воздухе, бросил его за парапет.

Не успел Слэйтер сделать и шагу, как Потрошитель, повернувшись, схватил секиру и метнул ее в Джека, но тот успел перехватить смертоносное оружие в воздухе и двинулся на Потрошителя.

— Давай, давай, Джек! Иди ко мне! — как сумасшедший прыгал по крыше Потрошитель. — Подходи ближе. — Он явно заманивал Слэйтера, чтобы вместе с ним сброситься с крыши.

Но Слэйтер понял его маневр. Не подавая виду, он подходил все ближе и ближе, и потом, занеся секиру, резко изменил направление ее движения.

Рухнула подрубленная мачта с высоковольтными проводами. Потрошитель вскрикнул от ужаса. Его опоясали искры и молнии.

— Будь я проклят! — взревел он. Спустя несколько мгновений его обугленный труп неподвижно лежал перед Слэйтером.

— Ты будешь проклят, — промолвил Слэйтер.

Вдруг внезапно наступившую зловещую тишину прорезал тонкий голос Дени!

— Джек! Джек! Ко мне!

Слэйтер перегнулся через парапет и увидел, что Дени висит, зацепившись руками за водосток недалеко от него. Слэйтер, рискуя собственной жизнью, делал все что мог, чтобы добраться до Дени. Он перелез через

парапет и, держась одной рукой за мокрый от проливного дождя карниз, другую протянул мальчику.

Дени, закрыв глаза, кричал:

— Я боюсь! Боюсь!

— Раскачайся, и я смогу достать тебя! — кричал ему Слэйтер.

— Я боюсь, — отвечал Дени.

Наконец, сделав над собой неимоверное усилие, мальчик начал раскачиваться. Слэйтер поймал его за ногу и, чувствуя, что сам соскальзывает с карниза, высоко подбросил его.

Дени перелетел через парапет и упал на крышу.

Но теперь уже Слэйтер висел, зацепившись руками за карниз. Тяжело дыша, он подтянулся и забросил ногу на мокрый бетон.

«Этот герой начинает уставать» — подумал Дени.

Из последних сил Слэйтер перебросил свое тело через парапет и устало привалился к нему спиной. Но отдохнуть не пришлось. Еще одна беда подстерегала Слэйтера.

— Защищайся! — прогремел голос Бенедикта.

И гангстер вышел из-за вентиляционной трубы с наставленным на мальчика пистолетом.

— Лучше сдавайся, — устало проговорил Слэйтер. — Весь дом окружен полицией. Кругом люди, ты никуда не уйдешь!

— Ничего, — усмехнулся гангстер. — У меня есть пропуск. А если и он не поможет, то я приготовил очередной взрывной сюрприз. Поскольку, джентльмены, вам все равно умирать, я открою вам всю колоду своих проектов. Ты, Слэйтер, хочешь, чтобы я привел сюда Дракулу? Пожалуйста! Хочешь, я приведу Фрэди Крюгера?! А если захочу, то и Кинг-Конга. Весь мир будет в моих руках! Никто не сможет сравниться с моей мощью!

Бенедикт вытащил из кармана и помахал в воздухе волшебным билетом, который излучал фосфорическое сияние.

— Мне стоит щелкнуть пальцами, и все они окажутся здесь. Знаешь, Слэйтер, в чем твоя ошибка? В том, что ты пришел в этот мир. А в этом мире нехорошие парни всегда побеждают героев.

Но Бенедикт сам совершил большую ошибку. Он слишком много говорил, вместо того, чтобы стрелять сразу. Его палец нажал спусковой крючок, но револьвер сухо щелкнул, и выстрела не последовало.

Слэйтер встал во весь рост.

— Ты совершил еще одну большую ошибку, Бенедикт! Ты забыл перезарядить свой револьвер, расстреляв все шесть патронов.

Гангстер усмехнулся:

— Это ты сделал большую ошибку. Просто один патронник я оставил пустым. У меня один патрон, и он принадлежит тебе!

Бенедикт выстрелил.

Слэйтер, схватившись за грудь, осел на мокрую крышу.

Дени, не помня себя от ярости, вскочил и бросился на Бенедикта, ударив его в живот головой.

Гангстер отбросил Дени к парапету.

— Ты сломал мне руку! — захныкал мальчик.

Бенедикт откинул барабан револьвера и стал его набивать новыми патронами.

— Видишь, парень, — говорил он. — Нехорошие ребята все же побеждают.

Бенедикт уже навел револьвер на Дени, когда раненый Слэйтер, собрав остаток сил, бросился на гангстера. Револьвер покатился по крыше. Пока мужчины боролись, несмотря на боль в руке, Дени на коленях подобрался к револьверу и успел перебросить его Слэйтеру.

Слэйтер, уже теряя сознание, навел пистолет на Бенедикта.

— Нет! — закричал гангстер.

— Для тебя продолжения не будет, — прохрипел Слэйтер и выстрелил прямо в стеклянный глаз гангстера.

Раздался мощный взрыв. Стеклянная бомба, тот самый сюрприз, о котором говорил Бенедикт, разнесла тело гангстера на куски.

Обессилев, раненый Слэйтер упал без сознания.

В воздухе, подхваченный взрывом, мелькнул волшебный билет, подаренный Дени стариком Ником.

— Билет! Мой волшебный билет! — крикнул мальчик, потеряв фосфоресцирующую картонку из виду.

* * *

Когда раненного, лежащего в бреду Слэйтера, врачи закатывали на тележке в «скорую помощь», следом за ним увязался и Дени.

Взревела сирена, и машина полетела по ночным улицам Нью-Йорка.

Дени понимал, что в этом мире Слэйтера не спасти. Он начал кричать врачам!

— Нужно вести его домой! Домой! Вы понимаете?! Туда, где эти страшные раны скажутся легкими царапинами, и он сможет тут же подняться.

Но врачи не понимали его.

Тогда Дени выхватил пистолет и крикнул!

— Я приказываю, везите нас в кинотеатр!

Шофер «скорой помощи», испугавшись, бросил руль и выскочил из машины. Следом за ним побежали врачи.

— Вот так всегда! — промолвил Дени. — Когда нужно, они разбегаются как тараканы. Держись, Джек! — подбадривал Слэйтера Дени, садясь за руль.

— Ты умеешь водить машину? — удивился Джек.

— Конечно, умею.

«Скорая помощь» понеслась к кинотеатру, где работал киномехаником старый Ник.

Автомобиль «скорой помощи», проломив витрину, влетел прямо в фойе кинотеатра.

— Ник! Ник! — кричал Дени испуганному старику киномеханику. — Запускай быстрей проектор!

— У тебя же нет билета! — вскрикнул Ник.

— Все равно должно получиться, — убеждал его Дени, — скорей запускай!

Старик побежал по лестнице вверх и стал искать пленку фильма с Джеком Слэйтером, а Дени уже катил медицинскую тележку прямо в зрительный зал.

Джек Слэйтер умирал.

Дени стянул его с тележки на сцену и стал метаться возле белого полотна экрана.

— Ник! Быстрей!

А старик в это время лихорадочно доставал коробку с копией фильма.

— Спасибо, Дени, — затухающим голосом говорил Слэйтер. — Ты сделал все, что мог. Ты попытался спасти меня. Но у тебя же нет волшебного билета.

И тут Дени обернулся, потому что Слэйтер замолк.

К ним по освещенному проходу шел мужчина в длинном черном балахоне с абсолютно лысой, как череп, головой. На его плече поблескивало лезвие косы.

Это шла сама смерть.

Мужчина с косой приближался неумолимо и неизбежно.

Дени выхватил пистолет и встал между мужчиной с косой и Слэйтером.

— Стойте! Куда вы идете? Я понимаю, мистер, вы решаете, кому уходить, а кому оставаться. Но я не пущу вас! Он должен жить!

— Мне просто любопытно, — мертвенно-бледные губы мужчины зашевелились, — его просто нет ни в одном моем списке. А ты есть, Дени Мэриген, — многозначительно произнес мужчина в балахоне.

— Сейчас? Вы заберете меня сейчас? — изумился Дени.

— Нет, — усмехнулся мужчина, — ты умрешь дедушкой.

Он развернулся и медленно удалился в темноту зрительного зала.

— Постойте! — крикнул вдогонку Дени. — Вы можете помочь вернуть его в тот мир? Вы должны помочь мне! Сделайте это!

Мужчина на несколько секунд обернулся и промолвил:

— Я не занимаюсь возвращением. Это не мое дело. Не моя специальность. — И уже, уходя, он бросил: — Но на твоем месте я бы поискал вторую половинку билета.

И тут Дени вспомнил, что в самом деле старик Ник, отдавая ему волшебный билет, разорвал его на две части, и вторая половинка осталась в корзине для порванных билетов.

Дени кинулся к выходу. Он перевернул корзинку. Но все половинки билетов были одинаковыми. Он не мог найти именно свою. Ту, которая была ему нужна, чтобы вернуть Слэйтера в мир кино.

Вдруг один из обрывков блеснул фосфорисцирующим светом.

Дени схватил его и кинулся к Слэйтеру.

— Я верну тебя туда! Я верну! Ты не должен умирать! Потерпи немного.

— Ты же сам говорил мне, — хрипел Слэйтер, — что я могу умереть, когда уменьшатся сборы от фильма. Может быть, это время пришло?

Застрекотал проектор.

— Есть, есть, черт побери! — закричал старик Ник в проекционную амбразуру.

Дени спешно сунул в руки почти обессилевшему Слэйтере картонку волшебного билета и подтащил его к киноэкрану, на котором чернокожий лейтенант Смит кричал на весь департамент Лос-Анжелесской полиции!

— Черт, кто-нибудь видел этого Джека Слэйтера?! Где он ходит, черт побери! Что он себе думает! Снова вытворяет какую-нибудь гадость.

Весь департамент Лос-Анжелесской полиции был не всамделишний, он напоминал гигантскую кинодекорацию.

Собрав все свои детские силы, Дени затянул раненого беспомощного Слэйтера за плоскость киноэкрана, и они очутились в департаменте полиции.

— Джека подстрелили! Джека подстрелили! — кричал мультипликационный кот и метался по помещению. — Доктора!

— Возьми себе это, — Слэйтер протянул Дени волшебный билет. — Ты должен вернуться в свой мир, а я останусь в своем.

— Нет, я останусь с тобой! Я должен быть уверен, что с тобой все в порядке, — говорил Дени.

— Нет, уходи. Я всего лишь вымышленный герой. Мне нужно, чтобы ты был по ту сторону экрана, видел меня, верил в меня. Я хочу, чтобы ты берег свою маму для меня, потому что мне нужно это. Уходи.

— Хорошо, я обещаю, — сквозь слезы проговорил Дени и, взяв волшебный билет, прошел сквозь экран, очутившись в зрительном зале.

Дени, обернувшись, смотрел на экран.

А уже оттуда к нему обращался Слэйтер!

— Дени, если бы я умер, это была бы большая ошибка.

Уже бежали к раненому полицейские, и впереди всех бежал доктор с чемоданчиком в руке. Он склонился над раненым, быстро осмотрел его и презрительно скривил губы.

— Да разве это раны? Это же простые царапины! Зачем только меня потревожили?

Дени и старик Ник, стоя перед экраном, с замиранием смотрели туда.

Оттуда им подмигнул Джек Слэйтер. Он легко поднялся и уверенным шагом направился к застекленному

кабинету лейтенанта Смита, который на все лады распекал его.

Широко размахнувшись, Слэйтер ударил кулаком в застекленную перегородку. Стекло разлетелось, не причинив Джеку никакого вреда. Он придирчиво осмотрел свой кулак и весело воскликнул:

— А ты знаешь, ведь сработало! Теперь получилось!

Лейтенант Смит разразился отборной руганью.

— А знаешь, почему ты ругаешься? — остановил его Слэйтер. — Потому что все это написано в сценарии, и там ты комический персонаж, а я герой. Герой, понимаешь?

Слэйтер навис над своим начальником.

Дени вытер рукавом слезы радости, а когда снова взглянул на экран, на нем светилось только одно желтое слово: «Конец». Такое же желтое, как картонка волшебного билета в руках мальчика.

УИЛЬЯМ КОТЦВИНКЛ

ИНОПЛАНЕТЯНИН

William Kotzwinkl

«E.T. THE EXTRA-TERRESTRIAL IN HIS ADVENTURE ON EARTH»

Based on a screenplay by Melissa Mathison

Перевод с английского *Ф. Дубровина*

Уильям Котцвинкл

«ИНОПЛАНЕТЯНИН»

Плавно покачиваясь, космический корабль повис над землей, уцепившись за нее лучом отливающего синевой красного света. Человеку, случайно оказавшемуся на месте посадки, вполне могло бы показаться, что с ночного неба свалилось огромное украшение для рождественской елки — корабль представлял собой круглый сверкающий шар, опоясанный изящным готическим узором.

Исходящие от корабля мягкие блики, форма его корпуса, словно присыпанного алмазной пылью, невольно обращали взгляд на то место, где должен был бы находиться крючок, на котором эта елочная игрушка висела в далекой галактике. Однако любоваться этим зрелищем было некому — корабль приземлился точно в заданном месте, заложенная в его мозг программа исключала, казалось бы, любые навигационные ошибки. И все же одна ошибка должна была произойти...

Распахнулся люк, члены экипажа спустились на землю и стали копаться в ней, используя какие-то необычные инструменты, — казалось, сказочные гномы обрабатывают залитые лунным светом и опутанные туманом сады. Исходящее от корабля сияние заставляло туман расступаться, и становилось видно, что это

вовсе не гномы, а какие-то другие существа, причем, с явно выраженным интересом к ботанике — они бережно собирали образцы цветов, мха, кустарника и молодых деревьев. Однако их уродливые головы, нелепо свисающие длинные руки и пухлые короткие туловища невольно наводили на мысль о маленьких жителях страны гномов. Окажись рядом человек, он именно так и подумал бы, глядя, как ласково обращаются они с растениями, но вокруг царило безлюдье, и прилетевшие с небес коротышки-ботаники могли работать спокойно.

Но стоило рядом пролететь летучей мыши, ухнуть сове, залаять вдалеке собаке, как они испуганно вздрагивали. Дыхание их учащалось, из кончиков пальцев их рук и ног начинал сочиться туман, окутывая их плотной дымкой, обнаружить их становилось трудно. Даже в лунную ночь никто бы не заподозрил, что за этой туманной завесой скрывается экипаж корабля, прибывшего из Вселенной: обычная поляна, обычный белесый туман.

С маскировкой корабля дело обстояло иначе. Огромные елочные украшения с узорами в викторианском стиле не каждый день сваливаются с неба. Локаторы, радары и другие средства наблюдения тут же выявляют их появление, и этот огромный елочный шар не был исключением. Никакого бы тумана не хватило на то, чтобы укрыть его от посторонних глаз, лежи он на земле или виси на качающейся ветке ночи. Найти его — лишь вопрос времени. Уже мчатся специальные поисковые машины, уже идет надбавка за внеурочную ночную работу, люди в наушниках и перед экранами мониторов трясутся по проселочным дорогам, переговариваясь по радио. Кольцо вокруг огромной елочной игрушки становится все уже и уже.

Однако экипаж космических ботаников не проявлял какого-то беспокойства или тревоги, во всяком случае, пока. Они знали — время еще есть. Им до мельчайших

долей секунды было известно время, когда появятся самодвижущиеся аппараты землян. Это был не первый визит пришельцев на Землю, они знали — планета велика, растений на ней множество, и надо хорошо потрудиться, чтобы коллекция образцов была полной.

Они продолжали собирать и относить выкопанные из почвы драгоценные экспонаты земной флоры на корабль, — каждый в своем туманном облачке.

Поднимаясь по трапу к входному люку, они исчезали в мягком сиянии, которое исходило от прекрасной елочной игрушки. Легко передвигаясь по пульсирующим коридорам, не обращая внимания на окружающее их царство немыслимой технологии, они оказывались наконец перед дверями в главное чудо корабля — огромный храм земной растительности. Гигантская оранжерея была сердцем корабля, его смыслом и предназначением. Здесь были цветки лотоса из лагун Индии, африканские папоротники, крохотные ягоды из Тибета, кусты ежевики с обочины какого-то захолустного американского проселка. Здесь были представлены все виды земных растений или, точнее, почти все, ибо работа еще не была завершена.

В оранжерее все цвело. Окажись здесь эксперт из какого-нибудь крупнейшего ботанического сада Земли, он обнаружил бы здесь растения, представления о которых он имел только по отпечаткам на кусках угля. Он не поверил бы своим глазам при виде живых растений, которые служили пищей динозаврам. От изумления бедняга лишился бы чувств, и в сознание его привели бы травами из висячих садов Семирамиды.

С купола по стенам стекала питательная влага, поддерживающая жизнь бесчисленных видов земной флоры, украшавших оранжерею, самую полную коллекцию земной растительности, столь же древнюю, как и сновавшие туда и сюда гномы-ботаники; морщинки в углах их глаз, казалось, окаменели за бессчетные века работы.

Один из гномов появился в оранжерее, держа в руках

какое-то местное растение, листья которого уже поникли. Он окунул растение в жидкость, и под ее чудодейственным воздействием оно тут же распрямилось, листья ожили, и корни радостно зашевелились. В тот же миг сверху из круглого отверстия заструился матовый свет, омытое им растение уютно устроилось по соседству с изящным цветком давно минувших времен.

Несколько секунд инопланетянин внимательно смотрел на ожившее растение, а когда убедился, что все в порядке, повернулся и пошел к выходу из оранжереи. Он прошел под кроной цветущей сакуры, под гроздьями цветов с берегов Амазонки и мимо обыкновенного хрена, стебель которого приветливо качнулся ему навстречу. Погладив его листья, ботаник вышел из храма зелени и цветов и, пройдя по пульсирующему коридору, спустился из светящегося люка на землю.

Очутившись на свежем ночном воздухе, он окутал себя облачком-дымкой и отправился продолжать поиски. По дороге он повстречал коллегу, который бережно нес корешок дикого пастернака. Они не встретились взглядами, зато произошло что-то другое: у обоих разом грудь начала светиться, тонкую кожу пронизал идущий изнутри, с левой стороны груди, красный свет.

Через несколько шагов, когда они разминулись, тот, что нес пастернак, продолжал свой путь к кораблю, а другой, который шел за новыми растениями, стал спускаться вниз по пологому каменистому склону. Окутанный дымкой, он вошел в заросли высокой травы, скрывшей его с головой, и вынырнул на опушке рощи вечнозеленых секвой. Там, совсем крошечный под исполинскими деревьями, он повернулся лицом к поляне, и его сердце-фонарик загорелся снова, будто подавал сигнал кораблю, этой милой старинной елочной игрушке, в которой ботаник летал уже столько столетий. На ажурных галереях, в открытом люке над трапом, словно светлячки, засверкали в ответ сердца-фонарики его товарищей. Убедившись, что спасительное убежище близко, и зная, что пока еще можно работать, ничего не опасаясь, он вошел в рощу.

Вокруг пели птицы, стрекотали невидимые насекомые, а инопланетный ботаник пробирался во мраке, похожий на лешего, сходство с которым добавлял свисающий до земли живот; вообще-то с ним было довольно удобно — он придавал ему устойчивость благодаря низкому центру тяжести. Из-под живота высовывались короткие перепончатые ноги, а по бокам свисали длинные, как у обезьяны, руки. Словом, с такой наружностью вряд ли можно было рассчитывать на любовь землян с первого взгляда. Именно поэтому малютка-ботаник и его собратья уже не впервые за миллионы лет, прилетая на Землю, держались в тени и не пытались вступить в контакт ни с кем, кроме растений. Инопланетяне достаточно долго наблюдали Землю и знали, что для землян их прекрасный корабль прежде всего мишень, а сами они — материал для чучел, которые выставляют за стеклом на всеобщее обозрение.

Поэтому инопланетянин передвигался по лесу крадучись, настороженно оглядывая все вокруг большими, выпученными, как у огромной лягушки, глазами. Он знал, как мало шансов у такой лягушки уцелеть на городской улице. А делиться с человечеством своими знаниями, выступая перед землянами на какой-нибудь их всепланетной конференции, когда твой нос как сплющенная брюссельская капуста, а сам ты напоминаешь грушевидный кактус-опунцию, — об этом не могло быть и речи.

Он крадучись ковылял вперед, прикасаясь пальцами к листве. Пусть людей учат другие, более похожие на землян, гости из космоса. Лично его сейчас интересовал только крохотный росток секвойи, который он заприметил невдалеке.

Добравшись до деревца, он внимательно осмотрел его и начал осторожно выкапывать, бормоча на своем напоминающем перестук камешков языке диковинные, зву-

чащие не по-земному слова; впрочем, маленькая секвойя их понимала и, стоически перенеся нелегкую для своих корней операцию, уже спокойно лежала на широкой морщинистой ладони.

Инопланетянин повернулся, вглядываясь в слабые, манящие огни небольшого городка в долине за рощей. Эти огни уже давно притягивали его, а сегодня была последняя ночь, когда он мог удовлетворить свою любознательность — ведь именно сегодня завершались их ботанические исследования. Их корабль покинет Землю на долгий срок, до следующей глобальной мутации земной флоры, которая произойдет через много веков. Сегодня у коротышки была последняя возможность заглянуть в освещенные окна.

Он осторожно вышел из рощи и спустился к просеке, прорубленной на склоне на случай лесного пожара. Россыпь ярких желтых огоньков неудержимо притягивала его. Он пересек просеку, задевая животом низкий подлесок; ему будет о чем рассказывать товарищам на долгом обратном пути — все с интересом будут слушать о земном приключении отважного путешественника, привлеченного светом земных окон.

Он ковылял по дороге, неслышно переставляя перепончатые ноги с длинными пальцами. Земля, увы, оказалась для него не самым подходящим местом; планета, где он вырос — другое дело. Там среда в основном жидкая, больше приходится плавать, чем шлепать, как вот сейчас, по твердой почве.

Огни в окнах городка мерцали, и на мгновение его сердце-фонарик запылало в ответ рубиново-красным огнем. Он был влюблен в Землю, особенно в ее растительную жизнь, но и земляне нравились ему тоже и, как всегда, когда загоралось его сердце-фонарик, хотелось учить и наставлять их, передавать им знания, накопленные за тысячелетия.

Перед ним в лунном свете по дороге скользила его тень — похожая на баклажан голова на длинном стебле

шеи. В морщинистых складках головы, напоминая молодые побеги фасоли-лимы, скрывались уши. Можно представить, какой хохот поднялся бы, появись он перед землянами в зале заседаний их всепланетной организации. Никакие знания Вселенной не остановят этот неудержимый смех, вызванный одним видом тела, очертаниями напоминающего большую морщинистую грушу.

Прикрывшись, насколько было можно, легкой дымкой, он спускался в долину по залитой лунным светом просеке. В голове прозвучал сигнал с корабля, напоминающий о скором отлете, но он посчитал, что это предупреждение не ему, а другим, более медлительным членам экипажа. Куда им, неповоротливым, до него! Он же просто сказочный скороход!

Конечно, по земным меркам, он передвигается очень медленно, даже любой земной ребенок ходит раза в три быстрее; ему вспомнилась ужасная ночь, когда один из них чуть не раздавил его велосипедом.

Сегодня все будет иначе. Сегодня он будет осторожнее.

Он остановился и прислушался. Снова раздался внутри у него предупреждающий сигнал с корабля, теперь это был сигнал тревоги. Его сердце-фонарик замерцало: новый сигнал призывал всех членов экипажа вернуться на корабль. Но для таких быстроногих, как он, времени еще достаточно, он продолжал неутомимо двигаться к окраине городка, неуклюже переваливаясь — левой, правой, левой, правой — и задевая пальцами кусты. Несмотря на преклонный возраст, идет он быстро, во всяком случае, быстрее, чем другие ботаники, которым уже перевалило за десять миллионов лет — с их лапами, как у болотных уток.

Большие выпуклые глаза инопланетянина непрерывно вращались, внимательно осматривая все вокруг — городок, небо, деревья. Вокруг никого, он один, и идет он, чтобы хоть одним глазком взглянуть на жизнь людей, прежде чем его корабль покинет эту планету.

Внезапно его взгляд застыл, вырвав из темноты впереди движущийся огонек, за ним второй, вот уже огни приближаются к нему по просеке. И тут же лихорадочно засигналило в груди: «Всем возвращаться — опасность, опасность, опасность!»

Он попятился, повернул в сторону, ошеломленный огнями, которые надвигались быстрее велосипеда, оглушающие и агрессивные. Свет слепил его, безжалостный, холодный и пронизывающий земной свет. Споткнувшись, он упал в кусты на обочине дороги, а свет разлился между ним и кораблем, отрезав его от секвойной рощи и поляны, над которой висела, ожидая его, огромная елочная игрушка.

«Опасность, опасность, опасность!..»

Сердце-фонарик суматошно замерцало. Не забыть поднять росток секвойи, который он уронил на землю; корни растеньица жалобно взывали о помощи.

Он протянул руку с длинными пальцами и едва успел ее отдернуть, как мимо пронеслась лавина света, за ней нахлынул рев двигателя. Инопланетянин откатился в кусты, судорожно пытаясь прикрыть веткой сердце-фонарик. Его огромные, сейчас еще больше выпученные глаза видели все, что происходит вокруг, но самым ужасным было то, что произошло с маленькой секвойей: машина землян проехала прямо по деревцу, веточки и листочки были раздавлены, а сознание его все еще взывало к нему: «Опасность, опасность, опасность!»

На просеке, обычно безлюдной, вспыхивали все новые и новые огни, ее заполнили рокот моторов и возбужденные, полные азарта погони крики землян.

Он продирался сквозь кустарник, прикрывая рукой трепещущее сердце-фонарик, а холодный свет обшаривал кусты, выискивая его. Мудрость всех семи галактик не могла бы помочь ему передвигаться быстрее в этой чуждой для него среде. Как нелепы и бесполезны здесь его утиные ноги! Зато как быстро и уверенно шагают по привычному для них твердому грунту, приближаясь

со всех сторон, ноги преследующих его людей! Только теперь ему стало ясно, как глупо и самонадеянно он себя вел.

Топот шагов становился все громче, а острые лучи света пронизывали кусты все ближе и ближе. Слышались крики на чуждом языке, кто-то уже шел по его следу, все время бряцая чем-то на поясе. При вспышке света старый ботаник разглядел на поясе у преследователя кольцо, а на колене связку чего-то вроде зубов с неровными краями — не трофеи ли это, вырванные изо рта какого-нибудь звездного бедолаги и подвешенные к поясу.

«Скорее, скорее, скорее!» — призывал корабль, подгоняя замешкавшихся членов экипажа. Пытаясь проныр-нуть под снующими вокруг лучами, старый ботаник бросился назад к дороге.

Машины землян стояли повсюду на довольно большом ее отрезке, а сами люди рассыпались вокруг. Укрывшись защитной дымкой, инопланетянин проскользнул через освещенную луной дорогу сквозь смрад выхлопных газов (впрочем, ядовитое облако даже усилило его маскировку) и уже на другой стороне скатился в неглубокую ложбину.

Словно почувствовав этот маневр, холодные огни метнулись в его сторону. Он вжался плотнее в песок и камни, когда земляне стали перепрыгивать через ложбину. Взгляд его огромных выпуклых глаз обратился кверху, и он увидел свирепо ощерившуюся пасть звякающей связки, обладатель которой перемахнул через ложбину.

Инопланетянин еще глубже забился в камни — маленькое облачко, неотличимое от клочков тумана, окутывавших по ночам сырые низины. Да, земляне, я всего лишь облачко тумана, самое обычное и непримечательное, не шарьте по нему своими лучами, ведь в нем прячутся длинная-предлинная тонкая шея и две перепончатые лапы с пальцами, вытянутыми и веретенооб-

разными, как корни розового хвоща. Вы же не поймете, что я прибыл на вашу планету, чтобы спасти земную растительность, прежде чем вы ее окончательно погубите.

А преследователи в это время прямо над ним перепрыгивали через ложбину, возбужденные и вооруженные, захваченные азартом погони.

Когда скрылся из виду последний из преследователей, крошка-ботаник выбрался наверх и углубился в лес вслед за ними. Его единственным преимуществом было то, что он хорошо узнал этот чудесный уголок, собирая растения. Быстро вращая глазами, он обнаружил следы, едва заметные в темноте среди спутанных ветвей, следы, оставленные им и его товарищами, когда они переносили выкопанные ростки.

Жесткий безжалостный свет кинжалом рассек мглу сразу в нескольких местах. Земляне были сбиты с толку, а он уверенно продвигался к кораблю.

По мере приближения к нему сердце-фонарик разгоралось все ярче, усиливаемое энергетическим полем товарищей; сердца его спутников, как и накопленные за сто миллионов лет растения, звали его и предупреждали: «Опасность! Опасность! Опасность!..»

Он пробирался между мечущимися лучами света, держась единственной расчищенной лесной тропинки, нащупывая каждый след длинными пальцами-корнями, словно тончайшими сенсорами. Каждое сплетение листьев, каждая паутинка были ему знакомы. Они вели его через лес, ласково нашептывали: «Вот сюда, теперь сюда, а теперь сюда...».

Он следовал по тропинке, задевая пальцами траву, волоча неуклюжие ноги и прислушиваясь к лесным сигналам, а сердце-фонарик горело, торопясь слиться с другими сердцами в корабле, зависшем над лесной поляной.

Холодный свет остался позади, лучи запутались в зарослях, расступавшихся перед малюткой-ботаником и

преградивших путь его преследователям. Ветви сплетались, образуя непроходимую чащу; о внезапно вылезший корень споткнулся и упал землянин с бряцающими на кольце зубами, другой корень зацепил за ногу его помощника, который грохнулся навзничь, ругаясь на чем свет стоит, а растения в это время кричали: «Беги, беги, беги!..».

Инопланетянин спешил через рощу к поляне.

Великолепная елочная игрушка, гордость Галактики, ждала его. Он ковылял на ее спокойный и прекрасный свет, ничего подобного которому не видели на Земле. Сказочная энергия корабля уже концентрировалась, пульсируя мощными сверкающими волнами, озаряющими все вокруг. Инопланетянин продирался сквозь высокую траву, надеясь, что его заметят с корабля, увидят сигнал его сердца-фонарика, но длинные, нелепые пальцы его ног запутались в сорняках, которые не хотели его отпустить.

«Останься! — говорили сорняки. — Останься с нами».

Вырвавшись, он снова бросился вперед, к поляне, стремясь войти в сияющий ореол корабля. Сверкающая елочная игрушка возвышалась над окружавшей его травой, заливая всю поляну радужным сиянием. Он уже видел открытый люк, стоявшего в нем товарища, сердце-фонарик которого звало, разыскивало его...

— Я иду, иду!..

Он ковылял, продираясь сквозь траву, но свисающий живот, вылепленный по законам иного тяготения, мешал ему идти, и вдруг все его существо пронзил сигнал — коллективный разум принял решение.

Люк закрылся, лепестки его плавно сложились внутрь.

Корабль взлетел в тот миг, когда маленький ботаник наконец вынырнул из травы, размахивая своими нелепыми руками. Но с борта корабля его уже не могли увидеть: двигатели были включены во всю их невероятную мощь, все вокруг было залито ослепительным све-

том. На мгновенье корабль застыл над макушками деревьев, затем, вращаясь, он взмыл вверх; прекрасная рождественская игрушка исчезла из виду, чтобы снова повиснуть на самой отдаленной ветке галактической ночи.

Несуразное существо замерло в траве, сердце-фонарик испуганно вспыхивало.

Он остался совсем один, от дома его отделяло расстояние в три миллиона световых лет.

Мэри сидела на кровати, устроив повыше ноги. Она читала газету, вполуха прислушиваясь к доносившимся снизу из кухни голосам двух своих сыновей, которые со своими приятелями играли на кухне в настольную игру «Драконы и демоны».

— Да, ты добрался до опушки леса, но сделал идиотскую ошибку, так что я вызываю Бродячих Мертвецов.

«Бродячие Мертвецы, их только не хватало!» — подумала Мэри и перевернула газетную страницу.

А как насчет страдающих матерей? Разведенных, получающих жалкие алименты. Живущих в одном доме с детьми, которые изъясняются на тарабарском языке.

— Неужели нужно вызывать Бродячих Мертвецов лишь за то, что я помог гоблину?

— Гоблин был наемником у воров, так что радуйся, что придется иметь дело только с Бродячими Мертвецами.

Мэри со вздохом сложила газету. Гоблины, наемники, орки и прочая немыслимая нечисть — все они обитали из вечера в вечер у нее на кухне, оставляя после себя беспорядочное нагромождение бутылок из-под фруктового сока, горы целлофановых пакетов из-под жареного картофеля, книжек, калькуляторов и леденящие душу прозвища на приколотых к грифельной доске бумажках. Знай люди заранее, каково воспитывать детей, ни за что не стали бы их заводить.

Орда внизу разразилась песней:

Ей было лишь двенадцать,
когда сорвался он —
Глотал по горсти «красненьких»
и запивал вином...

«Ну и песенка, — подумала Мэри, теряя сознание от одной мысли, что кто-то из ее любимцев в один ужасный вечер попробует «красненьких» или, чего доброго, ЛСД, ДМТ[1], — кто знает, что они в следующий раз приволокут домой? Орка, быть может?».

— Теперь хозяин Преисподней — Стив. Он получает Абсолютную Власть.

Абсолютная Власть. Мэри вытянула гудящие от усталости ноги и пошевелила пальцами. Как главе дома *ей* бы полагалось обладать Абсолютной Властью. Но она не могла заставить их даже тарелки за собой вымыть.

«Я превращаюсь в орка».

Мэри лишь смутно представляла это чудовище, но определенно чувствовала себя как орк. Или по-орковски. Оркообразно.

Загробные голоса внизу, под ее спальней, продолжали обсуждать бредовые фантазии.

— А как выглядят Бродячие Мертвецы?

— Как люди, — авторитетно заявил Властелин Преисподней.

— Ха! Хуже всех. Вот их приметы: мегаломания, паранойя, клептомания, шизойность...

«Шизоидность», — машинально поправила Мэри, глядя на стену. — Подумаешь, шизоидность, тут вообще скоро свихнешься. Неужто я растила детей, чтобы они становились Властелинами Преисподней? Ради этого я вкалываю по восемь часов в день? Может, неплохо было бы, если бы и в жизни было больше игры, больше неожиданности, как у детей. Чтобы звонили нежданные

[1] «Красненькие», ЛСД, ДМТ — наркотические средства (здесь и далее примечания переводчика).

поклонники, к примеру». Мысленно перебрав своих воздыхателей, Мэри нашла, что все они похожи на орков.

— Я бегу впереди этих людей и выпускаю в них свинцовые стрелы, чтобы они гнались за мной. Мои свинцовые стрелы...

«Эллиот, мой младший сын, — думала Мэри, прислушиваясь к писклявому голоску снизу. — Чадо мое. Мечет свинцовые стрелы». Мэри казалось, будто свинцовая стрела пронзила ее щитовидную железу или что-нибудь еще, из-за чего ее настроение окончательно упало, глубоко-глубоко, в ямы, служащие пристанищем для орков. Боже, как ей выйти из этого состояния?..

— Я бегу по дороге. Они гонятся за мной. Когда они уже вконец рассвирепели и готовы вот-вот схватить меня, я швыряю переносную яму...

Переносную яму?

Мэри свесилась с кровати, чтобы лучше слышать.

— Я прыгаю в яму и задвигаю крышку. Р-раз — и меня как не бывало!

«Мне бы такую штуковину... — подумала Мэри. — Каждый день забиралась бы в нее с половины пятого».

— Эллиот, в переносной яме можно оставаться не больше десяти миллициклов.

«На работе мне хватало бы ее и на десять минут, — мечтала Мэри. — И еще чуть-чуть потом, в случае автомобильной пробки».

Она рывком спустила ноги с кровати, твердо намереваясь встретить приближающийся вечер без тревоги и страха.

Где же ей найти романтическую любовь?

Где же тот настоящий мужчина, который наконец-то изменит ее жизнь?

Он ковылял вниз по дороге. Теперь здесь было тихо, преследователи убрались восвояси, но все равно долго в такой атмосфере ему не протянуть. Земное притяжение

его доконает — позвоночник деформируется, мышцы размякнут, и потом в какой-нибудь канаве найдут его останки, похожие на раздавленный кабачок. Ничего не скажешь, достойный конец для галактического ботаника.

Дорога круто пошла под уклон, и он направился по ней к мерцающим внизу огням городка. Он проклинал эти огни, заманившие его в западню и продолжавшие манить и теперь. Чего ради он спускается к ним? Почему зудят кончики пальцев и снова трепещет сердце-фонарик? Неужели там, среди чужих для него существ, он найдет сочувствие и помощь?

Дорога кончилась, упершись в низкий кустарник. Стараясь двигаться бесшумно, инопланетянин углубился в него, пригнув голову и прикрывая рукой вспыхивающее сердце-фонарик. Вспышки становились все чаще и все ярче, старый ботаник мысленно отругал и его.

— Фонарик, — сурово закончил он свою отповедь — тебе только на велосипеде место, и то сзади.

Прямо перед ним были странные сооружения землян. На поверхности земли их удерживала гравитация; разве можно сравнить их с милыми его сердцу плавающими террасами планеты, имя которой...

Он запретил себе пускаться в воспоминания. Мысли о доме причиняли невыносимую боль.

Желание заглянуть в окна-огоньки овладевало им все сильнее. Спотыкаясь, инопланетянин выбрался, наконец, из кустов и начал спускаться с крутого песчаного склона, длинные пальцы его ног чертили на песке странные узоры.

Перед ним ограда, которую нужно преодолеть. Вот так... прекрасно... Когда у тебя на руках и ногах такие длинные пальцы, преодолевать такие преграды сущий пустяк.

Словно вьющаяся лиана, забрался он на ограду но, перевалившись на другую сторону, потерял равновесие и полетел спиной вниз, нелепо размахивая руками.

Шлепнувшись на другой стороне, он покатился по газону, как тыква.

«Зачем я здесь? Я просто сошел с ума...»

Дом землян поднимался перед ним до ужаса близко, его огни и тени плясали прямо перед его глазами. Зачем сердце-фонарик завлекло его сюда? Ведь дома у землян такие нелепые, карикатурные...

Но тут он ощутил рядом с собой что-то ласковое, дружелюбное, приветливое.

Он повернулся и увидел огород.

Ботва на грядках приветливо шевелилась; чуть не зарыдав от радости, инопланетянин бросился к грядкам и обнял артишок.

Укрывшись между двух грядок, он стал совещаться с овощами. Они настаивали на том, чтобы он подошел к кухне и заглянул в окно, но ему этот совет пришелся не по душе.

«Все мои злоключения от того, что меня тянуло заглянуть в окна, — мысленно ответил он растениям. — С глупостью чем раньше кончишь, тем меньше потеряешь».

Но артишок стоял на своем, ласково уговаривая его, наконец инопланетянин согласился и пополз к кухне; взгляд его вращающихся с невероятной скоростью глаз снова и снова обегал все вокруг.

Свет из кухонного окна разливался по земле зловещим квадратом. Весь дрожа, инопланетянин шагнул в него, словно в черную дыру на краю Вселенной. Задрав голову, он увидел над крышей дома флюгер, изображавший мышь и утку. Утка прогуливалась под зонтиком.

За окном посреди комнаты старый ботаник увидел стол, за ним сидели пятеро молодых землян, они совершали какой-то ритуал. Они громко кричали и передвигали по столу какие-то крохотные фигурки. Они размахивали листами бумаги с какими-то таинственными знаками, которые каждый из землян пытался скрыть от остальных.

SYLVESTER STALL

Затем в воздух взлетел и с громким стуком упал небольшой шестигранный кубик, и все пятеро смотрели на него во все глаза, когда он застывал на одной из своих граней. Но больше с этим кубиком ничего не случилось. Снова поднялся крик, в ночном воздухе снова звучала непонятная речь землян, а сами они, заглядывая в свои листы, снова начали передвигать на столе фигурки.

— Надеюсь, ты задохнешься в своей переносной яме.

— Послушай, вот еще: невменяемость, галлюцинаторный бред...

— Ну-ну, читай дальше.

— При этом недуге больной видит, слышит и ощущает вещи, которых не существует.

Отойдя от окна, инопланетянин опустился на землю и погрузился в темноту.

На редкость странная планета.

Научится ли он сам когда-нибудь этому таинственному ритуалу, доведется ли ему бросать такой шестигранный кубик? Примут ли его как равного?

Он уловил исходившие из дома вибрации немыслимой сложности, замысловатые сигналы и шифрованные послания. По земным меркам он прожил уже десять миллионов лет, и где он за это время только не бывал, но ничего более непонятного он не встречал нигде.

Ошеломленный, он крадучись двинулся к огороду, его мозгу необходимо было передохнуть на грядках, среди овощей. Ему уже случалось заглядывать в окна к землянам, но никогда раньше он не ощущал так остро и близко причудливую работу их мыслей.

«Но ведь это только дети», — пояснил оказавшийся рядом огурец.

Древний ботаник схватился за голову. Если он сейчас принимал мыслительные волны, исходящие от земных детей, то каковы же они у взрослых? Сумеет ли он расшифровать эти излучения?

Понурившись, он опустился на землю рядом с кочаном капусты.

Все кончено. Пусть земляне приходят утром, хватают его и набивают из него чучело.

Мэри приняла душ, чтобы взбодриться. Накрутив на голову полотенце, она ступила на остатки банного коврика, изорванного зубами их пса Гарви.

Она вытерлась, надела халат из синтетического шелка и подошла к зеркалу.

Какую новую морщинку, складочку или другой ужасный изъян обнаружит она на своем лице этим вечером в довершение депрессии?

На первый взгляд, потери были невелики. Но нельзя быть уверенной, невозможно предвосхитить ребячьи злодейства, которые могут разразиться в любой момент и ускорят ее моральный и физический распад. Наложив на лицо возмутительно дорогой крем для смягчения кожи, Мэри мысленно попросила у Всевышнего для себя тишины и покоя.

Однако покой тут же нарушил Гарви: он буквально надрывался от лая на заднем крыльце, куда был сослан.

— Гарви! — крикнула она из окна ванной. — Заткнись!

Пес до смешного подозрительно реагировал на все, что двигалось в темноте, от этого Мэри порой казалось, что округа просто кишит сексуальными маньяками. Если бы Гарви лаял *только* на них, в этом был бы хоть какой-то смысл. Но он лаял на фургончик, развозящий пиццу, на самолеты, на еле видимые в небе спутники — нет, он явно страдал галлюцинациями.

Не говоря уже о болезненном пристрастии к поролоновым банным коврикам.

Мэри снова рывком распахнула окно.

— Гарви! Черт возьми, да замолчишь ты наконец?

Она с треском захлопнула окно и быстро вышла из ванной.

Дело, которым ей предстояло заняться, не вызывало у нее восторга, но отступать было нельзя, надо было взять себя в руки и все сделать.

Она открыла дверь в комнату Эллиота.

Комната была завалена всяким хламом разной степени негодности, вплоть до загнивания. Типичная комната мальчишки. Вот бы запихнуть ее в переносную яму.

Мэри принялась за дело.

Разбирала, сбрасывала, расставляла по местам... Подвесила к потолку космические корабли, закатила баскетбольный мяч в чулан. Непонятно, зачем Эллиоту дорожные знаки? Иногда Мэри казалось, что у Эллиота не все дома. Это было легко объяснить: дети растут без отца, а он вообще какой-то унылый, да еще это странное пристрастие к Бродячим Мертвецам. Нет, явно у Эллиота не все дома.

Возможно, это пройдет, ведь у детей такое бывает.

— Эллиот... — окликнула она маленького орка.

Ответа не последовало.

— *Эллиот*! — истошно завопила Мэри, повышая тем самым свое давление и углубляя морщинки вокруг рта.

Шаги прогрохотали по ступенькам, потом раздались в прихожей. Эллиот ворвался в комнату и застыл, вытянувшись во все свои четыре фута роста — все же иногда она очень любила его, но сейчас, когда он исподлобья смотрел на то, что она сделала с его комнатой, эти четыре фута ее совсем не радовали.

— Видишь, Эллиот, как отлично выглядит теперь твое гнездышко?

— Да, но теперь здесь ничего не отыщешь!

— Никаких грязных тарелок, одежда убрана. Кровать застелена. Стол чистый...

— О'кей, о'кей!

— Так должна всегда выглядеть комната взрослого мужчины.

— Почему?

— Потому, что мы не должны жить, как на мусорной свалке. Договорились?

— Ладно, договорились.

— Это от твоего отца? — Мэри показала на письмо, лежащее на столе: сколько раз она видела этот почерк на неоплаченных счетах, которые к ней приходили. — Что он пишет?

— Ничего особенного.

— Понятно, — она решила сменить тему. — Ты не хочешь перекрасить комнату? Краска облупилась.

— Хочу.

— В какой цвет?

— В черный.

— Остроумно. Признак душевного здоровья.

— Я люблю черный. Это мой любимый цвет.

— Кажется, ты опять косишь. Снимал очки?

— Нет.

— Мэри! — донесся снизу голос Властелина Преисподней. — Передают твою любимую песню!

— Ты уверен? — она высунула голову за дверь.

— Твоя песня, ма, — сказал Эллиот. — Пойдем.

Из кухни и впрямь слышались звуки мелодии, исполняемой ансамблем «Персвейженс». Мэри пошла за Эллиотом вниз по лестнице, стараясь наступать на ступеньки в такт музыке.

— Твой отец приглашает тебя с Майклом у него погостить?

— Да, на День благодарения.

— Благодарения? Разве он не знает, что этот день вы проводите со мной?

Хотя в чем и когда он был последовательным? Разве что когда подписывал магазинные счета — не сосчитать шариковых ручек, которые он на это извел. Покупал в кредит запчасти... для мотоцикла.

Мчится сейчас где-нибудь с ревом на своем драндулете, в лунном свете блестят глаза под тяжелыми веками. Мэри вздохнула. Что поделаешь, его уже не изменить...

В День благодарения она поужинает в кафе-автомате. Или закажет в китайском ресторанчике индейку, фаршированную гормонами для кожи.

Эллиот незаметно исчез, а Гарви начал лаять на приближающуюся машину.

Инопланетянин бросился на землю и распластался между рядами овощей, прикрыв листьями выступающие части тела.

«Не бойся, — сказал помидор. — Это всего лишь фургон, развозящий пиццу».

Не зная, что такое «фургон» и «пицца», инопланетянин решил все же не высовываться из ботвы.

Фургон остановился перед домом. Дверь дома отворилась, из нее вышел молодой землянин.

«Это Эллиот, — сказал зеленый горошек. — Он здесь живет».

Инопланетянин приподнял голову и посмотрел. Землянин был выше его, но ненамного. У него до смешного длинные ноги, и живот не свисает красиво до земли, как у представителей некоторых других, более высокоорганизованных форм жизни, но смотреть на него было не так страшно, как раньше.

Мальчик пробежал по подъездной аллее и скрылся из вида.

«Обойди вокруг дома, — предложил помидор. — Когда он пойдет назад, ты его хорошо разглядишь».

— Но собака...

— Собаку привязали, — успокоил его помидор. — Она изгрызла ботинки Мэри.

Инопланетянин выбрался из огорода и пошел туда, куда сказал помидор. Только-только он повернул за

угол, как внезапно появившийся фургон с пиццей, разворачиваясь, осветил двор, инопланетянина охватил ужас; метнувшись к ограде, он вцепился в калитку и стал через нее перелезать. Нечаянно длинным пальцем ноги он надавил на щеколду и с ужасом увидел, что она открывается назад во двор...

Молодой землянин стоял совсем близко и смотрел в его сторону.

Быстро прикрыв рукой сердце-фонарик, инопланетянин соскользнул с калитки на землю, юркнул в сарайчик для огородного инвентаря и затаился там, испуганный до смерти, укрывшись облачком тумана.

Он оказался в западне, но в сарайчике лежали садовые инструменты, и они были похожи на те, что находились у них на корабле — садоводство везде садоводство. Он схватил вилы и приготовился к обороне. Пусть знают, что с загнанным в угол галактическим ботаником шутки плохи.

«Только не проткни себе ногу», — сказал растущий в маленьком горшке плющ.

Он поспешил взять себя в руки. Из сада до него докатился сигнал тревоги. Это молодой землянин сорвал плод с апельсинового деревца.

В следующее мгновение апельсин влетел в сарайчик, угодив ему прямо в грудь.

Маленький инопланетянин покачнулся от удара и плюхнулся на свой мягкий приплюснутый зад, апельсин, отлетев, покатился по дощатому полу сарайчика.

Чтобы в ученого-ботаника его ранга швырять апельсинами?!

Разгневанный, он своей длинной рукой схватил апельсин и швырнул его назад, в темноту ночи.

Землянин вскрикнул и убежал.

— Мама! Помогите!..

Игроки за столом вскочили на ноги. Мэри похолодела. Какой сюрприз судьба приготовила для нее на этот раз?

— Там кто-то прячется! — завопил Эллиот, врываясь на кухню. Он быстро захлопнул за собой дверь и запер ее.

У Мэри все внутри оборвалось. Она бросила взгляд на листки, разложенные на кухонном столе, и очень пожалела, что у нее нет большой переносной ямы, куда вместилась бы не только она, но и дети. Что ей теперь делать?

— Там... в сарайчике... — заикался Эллиот. — Оно запузырило в меня апельсином!

— Уууууу, как страшно! — дурачась, завыл Тайлер, Властелин Преисподней.

Мальчики, забыв про игру, бросились к двери, но Мэри решительно встала у них на дороге.

— Стойте! Ни с места...

— Это почему?

— Потому что я так сказала, — она расправила плечи, отважно встряхнула головой и схватила фонарик. Если это и на самом деле сексуальный маньяк, она выйдет и как мать-куропатка попытается отвлечь его на себя.

В душе она хотела бы, чтобы это был хоть немного симпатичный маньяк...

— Постой-ка здесь, ма! — решительно проговорил Майкл, ее старший сын. — Сначала мы все разведаем.

— Что это за покровительственный тон, молодой человек?

Маленький Грег, из шайки, резавшейся в «Преисподнюю», схватил нож для разделки мяса.

— Положи на место! — грозно прикрикнула Мэри, присовокупив к словам испепеляющий взгляд Абсолютной Власти. Но дети бочком протиснулись мимо нее, открыли дверь и гурьбой высыпали во двор.

Мэри выскочила следом, стараясь не отставать от Эллиота.

— Что ты видел?

— Оно там, — мальчик показал на сарай.

Мэри посветила внутрь фонариком — горшочки, удобрения, мотыги, совки — все как обычно.

— Там ничего нет.

— Кто-то открыл калитку! — послышался голос Майкла с другого конца лужайки.

— Смотрите, какие следы! — завопил Властелин Преисподней и со всех ног кинулся к ограде.

Их нескладный мудреный язык звучал абракадаброй для древнего скитальца, притаившегося на песчаном склоне за домом. Зато теперь он мог их как следует рассмотреть. Так, пятеро детей и... Позвольте, а это что за экзотическое создание?

Сердце-фонарик у инопланетянина нервно замерцало. Он поспешил прикрыть его рукой.

Чтобы лучше рассмотреть высокое, стройное и гибкое, как тростинка, существо, сопровождавшее детей, он заковылял к дому быстро, как только мог.

Увы, нос у этого похожего на иву существа совсем не напоминал мятую брюссельскую капусту, да и фигуре было далеко до изящной формы мешка с картошкой... И все же в ней что-то этакое было...

Он подполз поближе.

— О'кей, дети, нагулялись. Всем домой! Грег, дай сюда нож...

Хотя резкие, рокочущие звуки речи казались ему полной тарабарщиной, ботаник понял, что стройное существо — мать этих детей.

«Где же их отец, большой и сильный?»

«Она его выгнала несколько лет назад», — ответили ему с грядки зеленые бобы.

— Вот и пицца, — обрадовался Грег, подняв что-то с земли. — Только Эллиот наступил на нее.

— Пицца? Кто вам разрешил заказывать пиццу? — Мэри поднялась на освещенное крыльцо, и инопланетянин воззрился на нее, на время позабыв о бегстве.

Мэри загнала шумный выводок в дом, довольная, что тревога, похоже, оказалась ложной. Очередные бредовые фантазии Эллиота, от которых на лбу его матери добавилось морщинок. Пока она подождет с подмешиванием в его пищу успокаивающих порошков. С возрастом он должен исправиться.

— Ма, честное слово, там кто-то был!

— Может, это была спринцовка, Эллиот? — фыркнул насмешливо Тайлер.

— Эй! — невольно вырвалось у Мэри. — Ни слова о спринцовках в моем доме!

Дети стали слишком много знать. Они буквально обходят мать на каждом повороте. В лучшем случае она может рассчитывать на ничью, но и это становится все более недосягаемым.

— Ладно, ребята, пора по домам.

— Мы еще не съели пиццу!

— Вы ее раздавили, — строго сказала Мэри. Она тщетно пыталась добиться послушания, но дети, естественно, проигнорировали ее мольбы и принялись уплетать то, что осталось от пиццы. Мэри устало потащилась к лестнице, чувствуя себя так, словно по ней прошлись сапогами. Ничего, она сейчас ляжет в кровать, наложит на веки примочки из целебных трав и начнет считать игуан.

Уже стоя на верхней ступеньке, Мэри обернулась.

— Прикончите пиццу и по домам!

В ответ Преисподняя отозвалась утробным ревом и громыханием тарелок.

Как хорошо, наверное, было в те времена когда девятилетних детей заставляли работать на угольных шахтах. Но эта золотая пора давно канула в Лету.

Спотыкаясь, она вошла в комнату и рухнула на кровать.

Еще один веселый вечер из жизни разведенной женщины.

Холодный пот, потрясения, Бродячие Мертвецы.

Мэри наложила на веки влажные тампоны и уставилась невидящим взором в потолок.

С потолка ее тоже, казалось, разглядывали.

Понятно, шутки ее измученного воображения.

«Если этот проклятый пес не перестанет лаять, как ненормальный, я привяжу его на обочине шоссе и оставлю там с запиской в зубах».

Глубоко вздохнув, она принялась считать своих ящериц, которые проползали мимо нее, не отрывая лап от земли, и дружелюбно виляли хвостами.

«Драконы и демоны» перебрались из кухни в детскую. Игра, за которой их застал инопланетянин, втихомолку продолжалась. Играли все, кроме Эллиота, который надулся и ушел к себе. Он быстро заснул, и во сне его тревожили странные видения огромных, уносящихся вдаль переплетений, складывавшихся в бесконечные коридоры, которые открывались в ... космическое пространство. Он бежал и бежал по этим коридорам, переходящим в новые коридоры...

В таком тревожном состоянии находился не один Эллиот. Гарви, наконец, исхитрился перегрызть веревку и дезертировал с заднего крыльца. Он прошмыгнул в комнату Эллиота и уселся, переминаясь с лапы на лапу. Эллиот спал. Гарви любовался его ботинками. Может, съесть? Пожалуй, не стоит, неприятностей не оберешься. Он явно был не в своей тарелке, нервничал, нужно было чем-то развлечься.

Даже лай на луну не принес удовлетворения. Во дворе у них появилось что-то необычное, и от этого шерсть у Гарви встала дыбом, он временами негромко поскуливал. Собравшись с духом, он залаял, как и подобает приличной собаке. Что это там притаилось? Гарви никак не мог понять.

Чтобы отвлечься, он немного погонялся за хвостом, вознаградил себя поимкой нескольких блох. И тут снова раздался непонятный звук.

Эллиот тоже его услышал и приподнялся на постели.

Гарви зарычал, ощетинился, взгляд его испуганно заметался. «Надо срочно покусать кого-нибудь», — решил он и припустился вслед за Эллиотом из спальни, вниз по ступенькам, из дома, на задний двор.

А престарелый космический странник, поспав на песчаном склоне, проснулся и побрел опять к дому.

В окнах было темно. Он нашел калитку, на ней щеколду, надавил на нее пальцем ноги и вошел так, как это делали земляне. Правда, его бесформенная тень на залитом лунным светом газоне напомнила ему, что он и земляне — не одно и то же. По какому-то непонятному капризу эволюции животы у землян не приобрели радующей глаз округлости, как, например, у его живота, — такого основательного, приятно волочащегося по твердому грунту. Мышцы землян, и в том числе мышцы живота, были натянуты на каркас из костей так туго, что того и гляди лопнут.

Он — совсем другое дело: центр тяжести у него расположен низко, поэтому тело у него устойчивое, сам он весь из себя такой ладный, хорошо приспособленный, склонный к размышлениям и созерцательности.

Размышляя об этом, он ковылял по двору туда, где росли овощи: было абсолютно необходимо провести с ними еще одно совещание. Он не заметил, как его большая ступня наступила на неприметные в темноте металлические зубья граблей, и их длинный черенок мгновенно поднялся и опустился ему на голову.

От крепкого удара по лбу он повалился навзничь, испустив пронзительный вопль, тут же вскочив, нырнул в росшую рядом кукурузу. В следующую минуту распахнулась задняя дверь дома и выскочил тот же молодой землянин, в ногах которого путался дрожащий от страха пес.

Светя фонариком, Эллиот вихрем пронесся через двор к сарайчику и направил его луч внутрь.

Холодный свет вырвал из темноты садовые инструменты, Гарви бросился в решительную атаку. Ему уда-

лось разорвать мешок с торфом, что значительно прибавило псу настроения, но вся морда его была облеплена мхом. Фыркая и отплевываясь он не знал, как избавиться от напасти, и метался, скаля зубы на выступающие тени.

В это время старый ботаник лежал, скорчившись, в гуще кукурузных стеблей с крепко зажатым в руке огурцом, готовый дорого отдать свою жизнь. Его била дрожь, зубы ходили ходуном от ужаса.

Вдруг стебли над его головой раздвинулись, и он увидел мальчика, тот истошно закричал и упал на землю.

Космический гость, пятясь, вылез из зарослей кукурузы и припустил к калитке, шлепая по земле неуклюжими лапами.

— Не уходи!

В голосе мальчика было тепло, такое бывает в голосах молодых растений. Старый ботаник обернулся, остановившись.

Их взгляды встретились.

Пес носился кругами и надрывался от лая. Из его пасти торчали клочья мха.

«Странная диета у этих животных», — подумал старый ботаник. Зубы Гарви сверкали в лунном свете, но Эллиот уже держал его за ошейник.

— Не уходи! — снова крикнул он.

Но старый ботаник был уже за калиткой и исчез в ночи.

Мэри проснулась, примочки из трав по-прежнему прикрывали ее веки, почему-то ей показалось, что дом стоит не прямо, а как-то скособочился. Она встала, накинула халат и вышла в коридор.

Из детской доносились голоса. Она порой задумывалась, во что дети там играют, если для игры необходимы картинки с изображениями полуголых космических принцесс.

«Мои малыши», — вздохнула Мэри. Но приблизившись к детской, услышала голос Тайлера, а потом Стива и Грега. Но этим обитателям Преисподней она приказала отправляться по домам. Значит, как всегда, ее не послушались, остались у них на всю ночь, а наутро появятся перед своими матерями с воспаленными глазами и загадочным видом.

Терпенье ее иссякло. Запахнув плотнее халат, она приготовилась к атаке, но увидела за полуоткрытой дверью впыхивающий красный свет — самодельное лазерное устройство, мигающее в такт музыке.

Действует, надо признать, успокаивающе.

— Смотри-ка, вот это титьки! А у этой еще больше...

Мэри без сил прислонилась к стене. Ну как с ними бороться? Если она влетит, как сумасшедшая, в их памяти запечатлеется образ женщины-в-халате-визжащей-в-ночи, не повлияет ли это им на их психику? Не разовьется ли у них какой-нибудь комплекс? Боже, скоро опять разболится голова.

Словно раненый верблюд, она ссутулилась и уже хотела вернуться в комнату, как на лестнице раздался топот и в детскую ворвался Эллиот.

— Ребята!

— Взгляни на эту, видел что-нибудь подобное?

— На заднем дворе я видел настоящее чудовище!

— Чудовище? А у меня здесь шикарная марсианка в одних трусиках.

— Говорю же вам — там был гоблин! Ростом в три фута, с длиннющими руками. Он сидел в кукурузе.

— Закрой дверь, а то родительница проснется.

Дверь прикрыли. Родительница медленно побрела в комнату.

Это не дом стоял набекрень, а мозги Эллиота. Совсем спятил ребенок.

Может, это какой-то робкий маньяк действительно избрал ее огород своим наблюдательным пунктом.

«Почему? — недоумевала она. — Почему все это обрушивается именно на меня?»

Он был снова здесь, на этой самой поляне...

Инопланетянин прислушивался к голосам землян, суетившихся на месте посадки корабля. Наблюдая за ними из-за деревьев, он начинал понимать, о чем они переговаривались.

«Здесь был НЛО, но его упустили...» «Приземлился на этой поляне и улетел». «Выскользнул прямо из-под носа!»

Тот, кто, по-видимому, был у них предводителем со связкой звенящих, нанизанных на кольцо металлических зубов, поворачивался и показывал рукой то в одну сторону, то в другую. Остальные кивали с глупым видом. Потом предводитель сел в машину и уехал, остальные последовали за ним. День был уже в разгаре, место посадки опустело.

Инопланетянин с грустью смотрел на примятую улетевшим кораблем траву.

«Выскользнул из-под носа».

Он с трудом поднял отяжелевшую руку. Силы иссякали, сказывалось отсутствие пищи. Чудодейственных питательных таблеток, составлявших основной рацион для экипажа, на Земле не было. Он пожевал было несколько ягод кизила, но нашел их несъедобными, к тому же в них были твердые косточки.

Уже десять миллионов лет, он собирал на Земле дикие растения, но так и не удосужился выяснить, какие из них съедобные, какие нет, и выяснять это теперь было поздно.

Кажется, ничего не пожалел бы за одну крошечную питательную таблетку с заложенной в нее живительной энергией!

Он забился глубже в кусты и прилег там на землю, подавленный и ослабевший. Конец был близок.

Эллиот мчался на велосипеде, направляясь к отдаленным холмам. Почему туда, он не мог объяснить.

Велосипед притягивало туда будто магнитом. Во всяком случае, он явно знал, куда ехать, и Эллиоту оставалось лишь не мешать ему.

Эллиот был из тех мальчиков, которых обычно называют шельмами. Обычно он жульничал, когда играл в парчизи. В его голосе вдруг, как джинн из бутылки, появлялась невыносимая, режущая уши пронзительность, и каждый раз, будь это дома или в классе, Эллиот этим противным, пронзительным голосом говорил как раз то, что говорить не следовало.

Дома он увиливал от всего, от чего только мог, зная, что Мэри или Майкл все за него сделают. Очки с толстенными линзами придавали ему сходство с лягушкой. Словом, ни дать, ни взять — психопат и шельма впридачу!

Его жизненный путь вел в никуда, но если можно было бы указать точное место на карте человеческой судьбы, то Эллиота ожидали посредственность, мелочность и депрессия — он был из тех людей, которые бросаются под колеса поезда. Но случилось так, что именно сегодня жизненный путь Эллиота круто свернул в сторону от первоначального курса и прямехонько повел его к холмам.

Велосипед привез его на огнезащитную просеку, проложенную по склону холма. Здесь Эллиот спрыгнул на землю и перевел велосипед на другую сторону усыпанной сухим валежником просеки. Ему показалось странным, что его двухколесная машина, покореженная и заржавленная из-за того, что хозяин к ней относился бездушно, часто бросал ее где придется, оставлял под дождем, сегодня казалась легче пушинки. Ему даже почудилось, что сегодня, несмотря на ржавчину, она сияла как новенькая.

Велосипед легко катил по извилистой тропинке через рощу. Выходя на поляну, Эллиот всем своим существом ощущал: здесь произошло что-то невероятное. Все здесь хранило память о пребывании огромного космического

корабля. Близоруко щурясь сквозь толстые линзы очков на вмятины в траве, мальчик словно воочию видел оставивший эти следы корабль.

Сердце Эллиота громко стучало, и если бы оно было устроено, как у пришельца, свет в его груди уже горел бы. Лоб мальчика пылал, словно его коснулась немыслимо мощная неземная энергия, остатки которой еще витали над поляной.

Затаившись в кустах неподалеку, старый ботаник старался не выдать своего присутствия — ведь где-то вокруг может рыскать эта скверная собака, не теряющая надежды цапнуть заслуженного ученого за ногу.

Нет, похоже, что молодой землянин пришел один. Все равно не стоит высовываться. В любой миг можно испустить дух, и незачем это видеть посторонним.

Мальчик же делал что-то непонятное. Достав из кармана пакетик, он извлек из него крошечный предмет и положил его на землю, отошел на несколько шагов, повторил странные манипуляции, опять отошел, и так еще раз, и еще, пока не скрылся за поворотом.

Старый путешественник, собрав остатки сил, выполз из кустов. Любопытство было доминирующей чертой его характера, но в его годы меняться поздно. Опустившись на четвереньки, он выбрался на поляну и увидел, что же там оставил мальчик.

На траве лежала маленькая круглая таблетка, удивительно похожая на их питательные таблетки из космического рациона. Старый ботаник поднял ее и положил на ладонь. На таблетке было отпечатано нечто, не поддающееся расшифровке: «M&M»[1].

Он положил таблетку в рот, подождал, пока она растает.

Восхитительно!

Потрясающе вкусно! Нигде в Галактике он не пробовал ничего подобного. Со всей быстротой, на какую был

[1] M&M — популярное в США шоколадное драже (*здесь и далее примечания переводчика*).

способен, он заковылял вслед за Эллиотом, подбирая и съедая одну таблетку за другой. Силы возвращались к нему, а с ними в его сердце возрождалась надежда. Он даже не заметил, как вновь оказался перед знакомым домом.

Мэри подавала ужин. Она приготовила одно из своих фирменных блюд: консервированные макароны с сыром, приправленные проросшей пшеницей. Чтобы придать блюду изысканность она бросила туда щепотку орехов кэшью.

— Ешь, Эллиот.

Эллиот, как всегда, сидел сгорбившись над тарелкой, словно собирался нырнуть в нее с аквалангом.

«Да, ребенок депрессивный, это уж точно».

Мэри почему-то вспомнилось, что когда Эллиот был еще совсем крошкой, она и его отец за вот таким же ужином швыряли друг в друга чем попало. От стен отлетали жареные цыплята, с потолка сталактитами свисало картофельное пюре, и подливка капала прямо на головку Эллиота. Конечно, это не прошло для него бесследно.

Она попыталась оживить вечернюю трапезу веселой болтовней.

— Кстати, какие костюмы у нас будут на Хеллоуин? Вгоняющий ее в дрожь праздник Хеллоуин[1] стремительно надвигался. Как всегда, это будет жуткий вечер. Дом заполнят орды шумных детей, которые будут нестройно горланить и таращиться на нее во все глаза.

— Эллиот нарядится гоблином, — изрек Майкл.

— Иди к черту! — огрызнулся Эллиот.

— Молодой человек... — Мери не нашла, что сказать, и растерянно постучала вилкой по стакану Эллиота. — Ешьте ваши макароны!

[1] Хеллоуин — праздник, канун Дня всех святых, отмечается 31 октября и сопровождается колядованием ряженых.

— Никто мне не верит, — пожаловался Эллиот и еще более сумрачно уставился в тарелку.

Мэри ласково погладила его по руке.

— Не то, что бы совсем совсем тебе не верим, малыш...

— Он взаправду был там, клянусь, — Эллиот смотрел на нее через толстые линзы полными мольбы глазами.

Мэри повернулась к пятилетней Герти, младшей в семье, которая уже настаивала на отдельной квартире.

— Герти, милая, а кем ты будешь на Хеллоуин?

— Бо Дерек[1], мамочка.

В изнемогающем от бремени забот сознании Мэри тут же возникла картина: ее малютка-дочь голышом разгуливает по мокрым от дождя улицам их городка. Ковыряясь в макаронах, она попыталась представить что-нибудь другое, но тут Майкл опять начал приставать к Эллиоту.

— А может, — сказал Майкл свысока, как он нередко обращался к младшему брату,— это была игуана?

Мэри мысленно простонала.

— Игуан мне и так девать некуда — тихонько сказала она орешкам кэшью.

— Сам ты игуана! — огрызнулся Эллиот.

— А почему бы и нет? — стоял на своем Майкл. — Говорят, в канализационных трубах водятся аллигаторы.

«Аллигаторы — вот их-то мне и недостает,— подумала Мэри. — Начну считать аллигаторов. Все-таки веселее».

Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором тут же возник клацающий зубами аллигатор. Великолепный экземпляр.

Она повернулась к Эллиоту.

— Эллиот, Майкл просто хочет сказать, что тебе это померещилось. Такое случается. Нам всем вечно что-нибудь кажется...

[1] Бо Дерек — американская киноактриса, исполнительница роли возлюбленной Тарзана в известном кинофильме.

«Вот мне, например, грезится, что на распродаже случайно затесалось платье от Диора, и всего за два доллара! В каком сногсшибательном виде я появилась бы в кафе!»

— Такое не может померещиться, — упрямо возразил Эллиот.

— Быть может, ты видел сексуального маньяка? — предположил Майкл.

— Ради бога, Майкл, не говори так при Герти, — взмолилась Мэри.

— Мамочка, а что такое маньяк?

— Просто дяденька в плаще, милая.

— Или просто испорченный ребенок, — добавил Майкл.

— Майкл! — строго прикрикнула Мэри.

И почему в головы детей вечно лезут какие-то извращенные мысли? Всякий раз одна и та же история! Неужто нельзя за едой (на второе она поджарила рыбные палочки) вести утонченно-шутливую беседу...

— Послушай, — не унимался Майкл, как всегда, игнорируя просьбу матери, — а вдруг это был эльф или даже гном?

Эллиот швырнул вилку на пол.

— Какой эльф, дерьмо!

Дерьмо! Мэри почувствовала, что ей становиться дурно. Как в ее маленький семейный круг проникло *такое* выражение?

— Эллиот, не смей произносить это слово за столом. И вообще в нашем доме!

Эллиот угрюмо уткнулся в тарелку.

— А вот папа поверил бы мне!

— Так позвони ему и расскажи, — предложила Мэри, а про себя подумала: «Если у него еще не отключили телефон за неуплату».

— Не могу, — сказал Эллиот. — Он в Мексике, вместе с Сэлли.

Мэри сама не знала, как ей удалось сохранить при-

сутствие духа при упоминании имени ее бывшей подруги, а теперь лютого врага. Она только ниже пригнулась к тарелке с рыбными палочками. «Как иногда жестоки дети, — подумала она. — Особенно Эллиот».

— Если увидишь *это* снова, чем бы оно ни было, не приближайся. Позови меня, и я распоряжусь, чтобы за ним приехали и увезли.

— Кто? Собаколовы? — поинтересовалась Герти.

— Именно.

Гарви тихо зарычал на заднем крыльце, дожевывая коврик, на который давно покушался.

— Но ведь его подвергнут лоботомии[1], — сказал Эллиот, — или используют для каких-нибудь опытов.

— Ну и что? — ответила Мэри. — Это отучит его лазить по чужим грядкам.

Городок уже спал, когда *это* выползло из леса и двинулось к спящему городку. Оно не слыхало о лоботомии, но имело основание опасаться, что из него сделают чучело.

Перепончатые лапы обремененного годами существа почти бесшумно несли его к дому мальчика. Инопланетянин спустился с холма, оставляя за собой след как от большой дыни, которую волокли два утконоса. В доме было темно, свет виднелся лишь в одном оконце.

Инопланетянин осторожно заглянул поверх забора, вращая огромными выпуклыми глазами. Собаки не было видно.

Надо только дотянуться пальцем ноги до задвижки, как принято у землян... и тебя внесет внутрь.

Чудесные таблетки «M&M» вернули его к жизни. Удивительные таблетки! Корабль прилетит через тысячу лет; если таблеток хватит, возможно, удастся продержаться...

[1] Лоботомия — рассечение доли головного мозга.

О чем ты мечтаешь, старый тупица! Тебе никогда не вернуться *туда*.

Он поднял глаза к небу, но сверху на него повеяло такой грустью, что он тут же потупился. Никакие «M&M» не спасут его, если товарищи по экипажу его бросили здесь.

Почему они так сделали?

Неужели не могли его подождать?

Он захлопнул калитку ногой, как это делал мальчик. Ничего не поделаешь: хочешь подружиться с землянами — принимай их обычаи.

Он прокрался через задний двор и, к своему изумлению, увидел мальчика, который лежал в спальном мешке возле овощной грядки.

Дышал мальчик спокойно. Легкий пар выходил изо рта — ночь была прохладной.

Инопланетянин задрожал, из кончиков пальцев его рук и ног заструилась дымка беспокойства, страха и замешательства.

Вдруг мальчик проснулся.

Эллиот взглянул перед собой и увидел огромные круглые глаза, глаза — словно медузы с едва различимыми щупальцами, источавшими энергию, глаза, заполненные до краев древним и страшным знанием, глаза, которые просвечивали его насквозь, вплоть до мельчайших атомов.

Инопланетянин разглядывал мальчика, не в силах оторваться от уродливо торчащего носа, безобразных, ничем не прикрытых ушей и, наконец, от самого ужасного зрелища — крошечных темных глаз-бусинок, глубоко сидящих под нависшим лбом.

Но вот детские глаза заморгали, и ужас, отразившийся в них, растрогал старого ученого. Он приветливо вытянул вперед длинный палец.

Эллиот взвизгнул и попытался отползти в своем спальном мешке; космическое чудовище рванулось в противоположную сторону, запуталось в собственных

ногах и, падая, испустило ультразвуковой крик, на который из темноты к нему спикировала летучая мышь. В следующее мгновение, насмерть перепуганная, она уже улетала прочь, беспорядочно хлопая крыльями и стуча зубами от страха.

Зубы Эллиота тоже стучали, коленки ходили ходуном, а волосы на затылке стояли дыбом.

А где же бесстрашный защитник дома, Гарви?

Гарви был здесь, на заднем крыльце. У бедного пса зубы тоже громко лязгали от ужаса и шерсть тоже стояла дыбом. Обезумевшее от страха животное то прижималось к полу, то прыгало на дверь, отлетало от нее и хватало себя за хвост, пытаясь избавиться от неведомого, леденящего душу запаха, таившего в себе ароматы немыслимых галактик, исследовать которые не придет в голову ни одной здравомыслящей собаке. Гарви прижался к порогу — лишь кончик морды торчал через дверную щель; в нос ударила новая волна чужого запаха, и потерявший голову пес, забившись в угол, от волнения принялся грызть щетку.

Невиданное существо сделало еще одну робкую попытку приблизиться к Эллиоту. Глаза мальчика испуганно расширились, и он откатился еще дальше. Остатки мужества улетучились бесследно, он вспомнил про массу неотложных занятий и поручений, несделанных уроков — миллион дел, лишь бы не это...

Чудовищные глаза пронизывали его насквозь; Эллиот чувствовал, как электромагнитные зонды копошатся в нем, взвешивая, вычленяя и анализируя. Губы кошмарного создания сложились в свирепую гримасу, маленькие острые зубки ощерились. Что нужно этой образине? Внезапно Эллиот осознал, что уродец хочет вступить в контакт.

Престарелый путешественник протянул вперед руку и разжал кулак. На широкой чешуйчатой ладони лежала последняя лепешечка «M&M», уже начавшая подтаивать.

Эллиот посмотрел на маленькую конфетку и перевел взгляд на монстра. Тот ткнул длинным пальцем в ладонь, а потом указал на свою пасть.

— О'кей, — тихо сказал Эллиот, вылезая из мешка. Он распахнул куртку, достал пакетик с «M&M» и, медленно пятясь, начал выкладывать продолжение дорожки из шоколадных пастилок. Колени мальчика все еще дрожали, а зубы громко лязгали, нанося серьезный урон дорогой работе врача-дантиста.

Старый ботаник брел следом, подбирая одну таблетку за другой и жадно их глотая. Пища богов, царей, завоевателей! Если ему суждено выбраться живым из этой истории, то он непременно принесет образец чудодейственной пищи капитану корабля — ведь с такими таблетками можно осваивать новые вселенные, смело пускаться в сверхпродолжительные полеты.

Шоколад стекал по уголкам губ; пальцы старого ботаника тоже были перепачканы шоколадом. Инопланетянин жадно слизывал его, чувствуя, как восстанавливаются силы, как животворное вещество разносится по венам, питая таинственной энергией мозг, в котором зарождаются импульсы радости и надежды. Теперь он понял назначение жизни на Земле: десять миллионов лет эволюции, чтобы создать вершину творения — «M&M».

Чего еще можно было желать от этой планеты?

Хватая одну таблетку за другой, он быстро пересек газон и не заметил, как оказался в доме землянина.

Охваченный ужасом, ботаник, как заведенный, вращал глазами. Со всех сторон его окружал враждебный мир, в котором каждый угол, каждый предмет, каждая тень сокрушительно били по его нервной системе. Нет, он должен пережить и это, если хочет заполучить магические «M&M».

Подбирая таблетки, он вскарабкался по ступенькам и проковылял по коридору в комнату мальчика.

Ребенок вознаградил его целой пригоршней «M&M».

Почтенный ученый уплел их разом. Безрассудство, быть может, но кто знает, что ему уготовано завтра?

Голосовое устройство мальчика зазвучало:

— Меня зовут Эллиот.

Кваканье какое-то, ничего не разобрать. Впрочем, любой, способный поделиться «M&M», заслуживает полного доверия. Инопланетянин в изнеможении растянулся на полу. Его заботливо укрыли одеялом, и он уснул.

Эллиот долго лежал, не решаясь заснуть. Страшилище спало, распростершись на полу около его кровати — смешная, несуразной формы фигура под одеялом. Откуда взялось это пугало? То, что на Земле таких не бывает, Эллиот знал наверняка.

Он силился понять все происшедшее, но тщетно. Комнату заполнили мощные флюиды силового поля — различимые, как бывает зримо виден зной в пустыне, — пульсирующие и взлетающие вверх, словно в ритуальном танце. За магическим мельканием шевелился могучий разум; Эллиот подумал, что даже во сне таинственное существо охраняет часовой, бдительно всматривающийся в комнату, в окна, во мрак ночи.

Из коридора доносилось тихое поскуливание, Эллиот понял, что Гарви опять удрал с заднего крыльца и жмется за дверью. Было слышно, как собака грызет дверной косяк и колотит по полу хвостом.

«Что там происходит?» — казалось, задавал себе вопрос сбитый с толку пес, нервно грызя деревяшку. Мелькание, которое видел Эллиот, теперь исследовало Гарви, зондируя спутанные мысли в собачьей голове. Дворняжка жалобно скулила, скреблась в дверь, разрываясь между желанием проникнуть в комнату и страхом перед заполнившим ее *нечто*, пульсирующим, словно мозговая кость, отборная, лакомая, но пугающая кость... попробуй тронь!

Эллиот повернулся на бок и сунул руку под подушку. Несмотря на желание бодрствовать и следить за происходящим, его неудержимо клонило ко сну. Скоро его

веки налились свинцом, он закрыл глаза и провалился в колодец, падая все глубже, глубже, глубже...

Он упал прямо на доску для игры в парчизи, в которой всегда плутовал, и ноги увязли в ней по щиколотку. Он заметил тропинку из сверкающих конфеток «M&M», которую сам выложил для своего нового, такого страшного на вид друга; вдруг тропинка эта стала широкой, прекрасной аллеей через весь мир, и он зашагал по ней.

Проснувшись на следующее утро, инопланетянин не сразу вспомнил, на какой планете находится.

— Вставай, тебе нужно спрятаться.

Жестами и тычками космическое существо бесцеремонно затолкали в чулан и захлопнули дверцу-жалюзи.

Через несколько минут в доме проснулись все. Старый ботаник услышал голос старшего мальчика, а потом и матери.

Вот она вошла в комнату, космический гость сжался в комок в углу чулана.

— Эллиот, пора в школу!

— Я заболел, ма...

Инопланетянин осторожно припал к прорезям дверцы чулана. Мальчик уже лежал в постели и, похоже, о чем-то просил высокое, стройное и гибкое, как ивовый прутик, существо. Мать засунула ребенку в рот какую-то трубочку и вышла из комнаты. Мальчик, не теряя ни секунды, поднес прозрачную трубочку к световому устройству над головой, разогрел жидкость внутри и только успел вернуть трубочку в рот, как вошла мать.

Старый ученый понимающе кивнул. Хитрость — категория, известная в Галактике.

— У тебя температура.

— Похоже на то...

— Ты, должно быть, всю ночь проторчал на дворе, поджидая, не появится ли эта штука?

Мальчик кивнул.

Гибкое существо повернулось и шагнуло к чулану. Инопланетянин отпрянул в угол, глядя, как женская рука достает стеганое одеяло с полки над его головой. Мать заботливо укутала сына.

— Ты как, доживешь до моего возвращения с работы?

Мэри подозревала, что Эллиот водит ее за нос, но ведь у ребенка выдалось подряд несколько тяжелых ночей; хотелось только надеяться, что перемены в его поведении не связаны с употреблением каких-нибудь химических средств. Правда, глаза у него стали какие-то странные, но это, наверное, наследственность, ведь и у его отца зрачки часто были расширены, когда ему мерещилось то одно, то другое.

— Ну ладно, — сказала она, — оставайся дома. Только никакого телевизора, ясно? Совсем расклеишься, если будешь целый день торчать перед этим ящиком.

Она повернулась, чтобы уйти, но на пороге остановилась, глядя вниз на дверной порог и нижнюю часть косяка.

— Опять эта дрянная псина глодала дверь? Погоди, я велю поставить тебе на зубы резиновые коронки.

Мэри решительно двинулась по коридору, но сделав несколько шагов, качнулась, будто захлестнутая волной. Заставив себя выпрямиться, она пощупала лоб. Какая-то легкая зыбь пробежала по телу, словно от прикосновения волшебных пальцев. В следующее мгновение приятное чувство исчезло.

Мэри открыла дверь в комнату Герти.

— Поднимайся и засияй!

Девочка села, ошарашенно моргая, потом радостно свесила ноги.

— Мамочка, а мне приснился маньяк!

— Ну да?

— Такой потешный — с длинной-предлинной шеей и глазищами, выпученными, как у лягушки...

— Он был в плаще?

— Он был ни в чем.

«Может, и впрямь маньяк», — подумала Мэри, но не стала развивать эту тему.

— Пора завтракать. Помоги Майклу на кухне.

Она прошествовала в ванную, где ей предстояло быстро умыться чудовищно дорогим мылом, таявшим, как лед; всего два дня назад купила кусок, а уже остался жалкий прозрачный обмылок в ноготь толщиной. Но подруга уверяла, что это мыло предохраняет от морщин, пятен, прыщиков и бородавок.

Мэри намылила руки и лицо и обмылок исчез на глазах. Вот так, еще шесть долларов вылетели на ветер.

Она обмыла лицо, и вдруг в ее сознании всплыл, словно во сне, образ какого-то коротышки с огромным волочащимся животом и нелепой, переваливающейся поступью.

Маньяк, должно быть.

Завтрак, как всегда, прошел незаметно, и Мэри выскочила из дому на подъездную аллею, где Майкл, упражняясь в вождении задним ходом, уже выводил машину на улицу.

— Садись, ма, — сказал он, вылезая из машины.

— Спасибо, дорогой, — поблагодарила Мэри; сев за руль, она вцепилась в него с обычной мрачной решимостью; резко отпустив сцепление, она нажала на акселератор, и машина рванулась вперед под одобрительные крики Майкла.

Услышав звук отъехавшей машины, Эллиот выпрыгнул из постели и распахнул дверь чулана. Инопланетянин отпрянул назад, вжавшись в стену.

— Эй, вылезай-ка отсюда, — позвал Эллиот, протягивая руку.

Старый уродец нерешительно прошлепал в комнату и остановился, оглядываясь. Взгляду его открылось великое разнообразие причудливых предметов, большей частью пластмассовых. Он распознал письменный стол,

но тот был слишком высок для обладателя таких коротких, как у него, ног. Впрочем, зачем ему стол — не собирается же он писать письмо на Луну?

— Как же мне тебя называть?

Эллиот посмотрел в огромные, блестящие глаза страшилища, в которых искорками вспыхивали, распускаясь и увядая, крохотные цветки энергии. Существо осматривалось, и Эллиот посторонился, чтобы не мешать.

— Ведь ты инопланетянин, верно?

Чудовище моргнуло, и Эллиот понял, что выпученные глаза каким-то образом отвечают ему, но ощутил лишь неясное жужжание в голове, словно в нее забралась муха.

Эллиот открыл дверь в коридор. Инопланетянин отскочил назад — за дверью исходила слюной зловредная маленькая тварь, земная собака, с глупыми любопытными глазами и враждебностью в голосе.

— Гарви! Веди себя прилично! Не кусайся и не нервничай... Хороший пес. Хороший Гарви...

— Гыыррррррррррр... Гггыыыррррррррррр...

Речь собаки по межгалактическим стандартам общения принадлежала к еще более низкой категории, чем мальчика, она напоминала шум двигателя космического крейсера, попавшего в аварию.

— Видишь, Гарви? Он хороший. Он тебя не тронет. Он не кусается.

У пальца ноги неземного существа возникло полупрозрачное облачко. Гарви поспешил сунуть в него нос, и перед неподготовленной к этому собакой — словно в другом измерении — возникла огромная, сотканная из света суповая кость; сверкая и переливаясь, она летела в ночи с воющим звуком, эхом раскатывающимся по древним космическим закоулкам.

Бедный пес съежился, припав к полу, сознание его помутилось. Из пасти вырвался жалобный стон. Поджав хвост, он стал пятиться назад.

Уродец шагнул вперед.

— Ты умеешь разговаривать? — для вящей убедительности Эллиот сжал и разжал кончики пальцев, изображая говорящий рот.

Престарелый ученый снова мигнул и в свою очередь начертил кончиками пальцев узоры и хитросплетения галактического разума, высшие формулы космического выживания, выведенные за десять миллионов лет.

Эллиот недоуменно хлопал ресницами, не успевая следить за рассекающими воздух пальцами, выводящими изящные орбиты, спирали и изломы важнейших физических законов.

Осознав бесплодность своих усилий, ветеран галактических путешествий, отчаявшись, опустил руки, но вовремя вспомнил, что перед ним десятилетний мальчуган.

Что же делать? Умудренный годами ученый проанализировал ситуацию. Его интеллект настолько опережал мыслительные возможности ребенка, что было трудно выбрать, с чего начать.

Беда в том, что он слишком сложно устроен. Впрочем, постойте, может быть...

Он попытался низвести себя до примитивного уровня путаного мышления землян, но дальше бесцельных манипуляций пальцами дело не пошло. Как он мог надеяться донести до их сознания смысл великих уравнений, грандиозных открытий, порожденных блуждающими гиперзавихрениями времени? Он едва научился просить «M&M»!

Эллиот подошел к транзисторному приемнику и включил его.

— Тебе нравится музыка? Это рок-н-ролл...

Из приемника полились звуки, подобных которым межгалактическому страннику слышать не приходилось; в голове возник телепатический образ камней, лавиной несущихся вниз по склону. Он поспешно прикрыл руками от нестерпимого грохота ушные клапаны, скорчившись на полу.

Эллиот огляделся по сторонам в поисках других предметов, о назначении которых необходимо знать пришельцу из космоса. Он выудил из копилки монету в двадцать пять центов.

— Вот кое-что из наших денег.

Инопланетянин смотрел на мальчика, силясь разобрать смысл его слов, но артикуляция землянина не поддавалась расшифровке.

— Видишь — это четвертак.

Инопланетянину предложили плоский, с блестящим покрытием, кружочек, отличавшийся по оттенку от таблеток «M&M», но, по всей вероятности, превосходивший их по энергетической ценности.

Он попробовал откусить кусочек.

Ну и гадость!

— Ты прав, — сказал Эллиот, — это несъедобно. Неужто проголодался? Впрочем, я и сам голоден, пойдем состряпаем чего-нибудь. Гарви! — пригрозил Эллиот собаке, — не путайся под ногами!

Гарви жалобно заскулил, освобождая дорогу, и уныло поплелся за ними вниз, на кухню. Распластавшись у миски, он всем своим видом намекал Эллиоту, что для успокоения нервной системы остро нуждается в баночке консервов «Алпо», которые уплетет в один присест. Но Эллиот прикинулся, будто не видит собачьих страданий, и Гарви пришлось утешиться обгрызанием края миски.

Тем временем Эллиот доставал с кухонных полок все необходимое для своего излюбленного завтрака.

— Вафли — мое фирменное блюдо! — похвастался он, замешивая бездрожжевое тесто. — Пробовал когда-нибудь?

На глазах у видавшего виды ботаника один за другим возникали таинственные предметы, не имевшие отношения к космическим полетам. Он наблюдал, и огромные глаза вращались, фиксируя детали загадочных приготовлений, в результате которых образовалось длинное

щупальце клейкого месива, протянувшееся с полки буфета до самого пола.

Гарви быстрехонько, словно влажной шваброй, слизал языком разлитое тесто, остатки которого Эллиот пытался запихнуть в вафельницу.

— Ну вот и все. Уже печется.

Космическое чудище, поводя носом, прошлепало к вафельнице. Пахло восхитительно, словно от гигантской «M&M».

Эллиот извлек испеченную вафлю и стал заглядывать на другие полки.

— Вот сироп, масло, консервированные фрукты... А не полить ли сверху взбитыми сливками?

Ботаник так и подскочил на месте — внезапно сильно запахло озоном, а из баллончика в руках мальчика вырвалась белая струя.

— Не бойся, это вкусно. Пальчики оближешь.

Эллиот украсил взбитые сливки лепешечкой «M&M» и протянул вафлю космическому скитальцу.

— Это вилка. Умеешь ей пользоваться?

Древний исследователь внимательно посмотрел на сверкающие зубцы. Лучший образец механической обработки металла из всего виденного им в доме. Он вспомнил матовое сияние корабля. Верно, предмет с четырьмя отростками, прикрепленными... К чему же? На какой-то миг в сознании мелькнул и исчез образ готового устройства, которое его спасет.

— Эй, у нас этим едят! Видишь? Вот так, как я...

Изрядно помучившись, инопланетянин наконец выковырял «M&M». Проглотив конфетку, он приступил к белой массе, пробуя неожиданные химические соединения, формулы которых тут же, по мере того, как ученый углублялся вилкой в эфемерное, точно пена, лакомство, расшифровывались внутренним анализатором. Потрясающий, поразительный эффект...

— А как насчет молока? Вот, держи стакан.

Жидкость заплясала, выплескиваясь на пальцы; фор-

ма рта инопланетянина не была рассчитана на земные стаканы, поэтому большая часть молока пролилась ему на грудь, ручейком стекая над сердцем-фонариком.

— Эх, какой же ты недотепа!

Тыкая вилкой в хрустящее угощение, старый путешественник не отводил глаз от зубцов. Четыре острых отростка, звенящих «вжик, вжик, вжик...»

— Что случилось? Мне вдруг стало так грустно из-за тебя.

Словно неведомая могучая волна подхватила и закружила Эллиота. Необъяснимые чувства переполняли мальчика, будто он лишился чего-то несказанно прекрасного, что должно было всегда принадлежать ему.

«Вжик, вжик, вжик...»

Древний натуралист, закрыв глаза, погрузился в пучину Высшего Знания. Найдется ли в бескрайней Вселенной ухо, которое прислушается к песне четырех зубцов? И как это осуществить? Не может же такой миниатюрный инструмент исторгнуть волны, способные пересекать галактики. Ученый горько сожалел, что в свое время не прислушивался к беседам навигаторов и связистов, которые смыслят в этом куда лучше, чем он.

— Пора повеселиться, — сказал Эллиот, стряхнув нахлынувшую грусть, и взял жутковатой наружности пришельца за руку. — Пойдем...

Длинные, похожие на корни, пальцы сплелись с его пальцами. Эллиоту показалось, что рядом с ним совсем маленький ребенок, но тут его накрыла и понесла на гребне новая волна, волна, в которой было все — и тайны мироздания, и космические законы, — и Эллиот осознал, что пришелец намного старше его, несравнимо старше. Внутри у мальчика что-то изменилось, слегка качнулось, как качается гироскоп, который всегда возвращается к исходному положению. Не в силах постичь пронизавшего его вдруг ощущения, что он тоже дитя звезд и никогда-никогда никого не обижал, Эллиот растерянно заморгал.

Он повел неуклюже переваливавшееся существо к лестнице. Гарви трусил следом, зажав в пасти свою миску на случай, если по дороге подвернется что-нибудь достойное того, чтобы заполнить ее.

Процессия пришла в ванную. Эллиот подвел инопланетянина к зеркалу — интересно, как посмотрит это нелепое существо на себя со стороны?

— Видишь? Это ты!

Ветеран-звездопроходец посмотрел на себя в примитивном отражающем стекле землян. Его гордости — сложнейшего и хитроумного органа установления контакта, радужным нимбом сияющего и переливающегося вокруг головы, не было видно! В результате лицо полностью утратило красоту.

— Смотри, вот это рука... — Эллиот покрутил своей верхней конечностью. Галактическое создание последовало его примеру, расчленяя сложнейшее движение на простые составляющие, выводя мелькающими пальцами формулы сверхскоростных полетов, кратчайших межзвездных маршрутов и космических прогнозов.

— Тебе бы фокусы показывать... — Эллиот изумленно хлопал глазами; он — это было характерно для землян — просто старался уследить за пальцами вместо того, чтобы постичь тайный смысл жестикуляции. «Да, интеллект на уровне огурца», — отметил про себя многомудрый ученый.

— А отсюда берется вода, — изрек Эллиот, поворачивая краны. — Это — горячая. Это — холодная. Здорово, да? Там, откуда ты взялся, есть водопровод?

Старый естествоиспытатель зачерпнул пригоршню воды и поднес к лицу. Переключив зрение на режим микрофокусировки, он по привычке стал созерцать мир крохотных водных существ.

— Ну как, нравится? А теперь смотри — это вообще шикарно! — Эллиот начал наполнять ванну и жестом указал инопланетянину, чтобы тот залезал. — Давай сюда, не бойся!

Реликтовое создание наклонилось над ванной, которая напомнила ему лабораторные резервуары на Великом Корабле, где любой ученый мог, расслабившись, предаться изучению водного микромира. В порыве грусти, вызванной воспоминанием, он опустился в воду.

Раздался звонок. Ботаник подскочил в ванне — во все стороны полетели брызги. Уж не для того ли его посадили в воду, чтобы тайком изучать? Неужели это лаборатория для регистрации излучаемых им волн?

— Успокойся, это всего лишь телефон!

Эллиот выскочил из ванной, и ученый с головой погрузился в воду, убаюкиваемый обволакивающим потоком, умиротворенный зрелищем танцующих микроорганизмов. Переключив дыхательный аппарат на водную среду, он с наслаждением вытянулся на дне. Сфокусировав зрение на атомном уровне, он углубился в изучение молекул воды, наблюдая за скрытой тепловой энергией. Может, она пригодится для его спасения?

Гарви осторожно приблизился к ванне. Едва ли не худшие воспоминания его жизни были связаны с ней, когда раз в году его подвергали унизительному мытью шампунем от блох; пес украдкой покосился на нынешнего обитателя ванны, которому, судя по всему, пребывание в ней ничуть не претило. Он напомнил Гарви крупную и ужасно кусачую старуху-черепаху, которой пес однажды вознамерился задать изрядную трепку; дело кончилось трагически — Гарви больно укусили в нос. Только этим можно было объяснить то, что Гарви до сих пор не покусал и даже не облаял нежившегося в воде монстра, лишь боязливо посматривая на него. Было бы неплохо, если бы Эллиот устроил головомойку этому толстому типу.

Однако Эллиот, вернувшись и заглянув в ванну, тут же выдернул эту противную образину из воды.

— Послушай, так и утонуть недолго!

Гарви разочарованно вздохнул — мытье шампунем не состоялось. Очевидно, блох у страхолюдины не было.

— А может, ты гном-амфибия? — спросил Эллиот.

«Кто угодно, лишь бы не кусачая черепаха», — подумал Гарви, прикрыв лапой нос — так, на всякий случай.

— Вот полотенце, умеешь им пользоваться?

Странник, повидавший на своем веку рождение не одной сверхновой звезды, недоуменно уставился на предлагаемую тряпицу — его кожа была непроницаема для воды. Он взял полотенце, осмотрел его и вопросительно воззрился на мальчика.

— Ну, вытирайся же, глупый!

Мальчик потрогал спину инопланетянина. Пальцы его руки доставили облегчение ноющей спине старого толстяка. Спасибо, молодой человек, очень вам признателен.

— У каждого из нас собственное полотенце. Это мое, — указал Эллиот, — это Майкла, это Герти, а вот мамино. А это когда-то принадлежало папе. Он теперь в Мексике. Ты туда летал?

Старый ученый мигнул, уловив волну грустного чувства в диапазоне связи с мальчиком. Эллиот подступил ближе и растопырил руки, словно крылья.

— Ты ведь везде летаешь на корабле, да? Где твой корабль?

В сознании космического существа всплыл матово сияющий облик корабля, корпус которого, залитый голубовато-красным светом, украшали древние письмена. Сердце-фонарик тоже замерцало в ответ, и вот уже грусть молодого землянина стала его собственной.

— Пусть это будет твое полотенце, — сказал Эллиот. — Мы сделаем на нем метку «И. П.», инопланетянин. — Он снова прикоснулся к удивительному созданию, поражаясь странной коже. Новая волна прокатилась по телу Эллиота, и он еще раз ощутил, что стоявшее рядом существо старее Мафусаила, старее самой старости. — А кожа у тебя, как у змеи, приятель. Да и сам ты не от мира сего!

Ученый чувствовал, как энергия мальчика растекается по каналам его тела: «лум, лум, лум...»; занятно устроены биополя землян — примитивные, но добрые, если научиться ими пользоваться.

Он снова принялся жестикулировать, объясняя пальцами строение атома, любовь звезд и происхождение Вселенной.

— Ты опять проголодался? Хочешь печенья?

Гарви радостно завилял хвостом. Что касается его, он согласен на печенье — конечно, едал он кое-что и повкуснее, но псу, обгладывающему деревянные щетки, привередничать не пристало. Он схватил зубами миску, намекая Эллиоту на готовность принять участие в трапезе, но тот прошел мимо, ведя за собой кошмарную страхолюдину.

«Дудки, — решил Гарви, — я все равно не отстану».

Он затрусил за ними через коридор в комнату Эллиота, где пугало угостили печеньем. Гарви негодующе зарычал и призывно постучал миской по полу. — Сгинь, Гарви, ты и так толстый. Это он толстый? Пес повернулся боком, демонстрируя ребра. Но на сей раз провести Эллиота не удалось — накормили-таки не его, а уродца. Гарви поплелся проверить, не осталось ли что-нибудь съедобное в недогрызенном ботинке Эллиота.

Эллиот открыл дверь чулана и обратился к космонавту:

— Давай поселим тебя в чулане? Переоборудуем его, как космический «Шаттл». Достанем все, что тебе необходимо.

Престарелый межзвездный скиталец, задрав голову, разглядывал застекленное оконце в потолке клетушки. Через все стекло распростерся освещаемый солнечными лучами намалеванный дракон с растопыренными крыльями.

— Нравится? У меня таких много.

Эллиот раскрыл лежавшую на полу книгу и стал показывать страшилищу картинки.

— Вот гоблины... а это гномы...

Глаза чудища прошли несколько последовательных фокусировок, определив при этом структуру бумажных волокон, и настроились на рисунок — со страницы книги таращилось изрядно на него смахивавшее маленькое существо с огромным волочащимся животом.

Неужто какие-то его предки уже терпели здесь бедствие?

Оставив страшилу изучать картинки, Эллиот принялся раскладывать по чулану подушки и одеяла. Он не задавался вопросом, почему прячет пришельца. Он как бы летел на автопилоте, без лишних вопросов, копания в себе, не пытаясь увильнуть от странной миссии. Он знал, что существо доверено ему звездами, и должен был подчиниться... или умереть.

— Тебе здесь понравится! — крикнул он из-за двери. Его мозг и мышцы работали без малейшего напряжения, повинуясь сигналам, пульсирующим внутри. Эллиот не знал, что соприкоснулся с Космическим Законом, направившим его на новый путь. Он знал только, что еще никогда в жизни не ощущал подобного душевного взлета.

Гарви не испытывал подобных духовных метаморфоз; обгладывание каблуков ботинок не облегчило ни страданий души, ни мук желудка. Одно утешало — давно вынашиваемый план куснуть за ногу почтальона, осуществление которого было намечено на предполуденные часы.

Эллиот пробежал по коридору и вскоре вернулся с миской воды в руках. Впрочем, вспыхнувшая было у Гарви надежда тут же погасла: миску поместили в чулане перед гоблином со словами:

— Возьми, а все это, — кивок на чулан, — твой командный отсек.

Сразу за дверью чулана Эллиот выстроил шеренгу плюшевых зверюшек.

— Это маскировка. Встанешь с ними в ряд — никто не заметит разницы.

Озадаченный носитель высшего разума тупо воззрился на загадочные приготовления.

Гарви тоже следил за ними, борясь с зарождающимся желанием отгрызть голову у плюшевого медвежонка.

Эллиот тем временем приволок настольную лампу.

— Свет. Видишь?

Он включил лампу, яркий, слепящий свет которой резанул по сверхчувствительным глазам космопроходца. Тот попятился, налетел на проигрыватель и сбил рукой иглу, которая, поехав, поцарапала пластинку. Несмотря на противный скрежещущий звук, случилось неожиданное: внутри инопланетянина вспыхнули мягкие огоньки, а перед глазами снова возникли схемы побега. Для спасения нужна вилка и... что-нибудь вращающееся, вроде той штуковины, на которую он случайно наткнулся. Она будет вращаться, а вилка... нацарапает... послание.

Ученый уставился на проигрыватель, обдумывая выход и лихорадочно перебирая в уме все, что знал о средствах связи.

Он принялся топтаться по комнате в поисках других полезных механических устройств. Выдвинув ящик стола, он перевернул его, высыпав содержимое на пол.

— Полегче, приятель! — прикрикнул Эллиот. — Мне велено поддерживать здесь порядок.

Пришелец обследовал комнату, шаря по углам, вытряхивая, опрокидывая и бесцеремонно расшвыривая все, что попадалось под руку. Попробуй все изучить, когда кругом так необычно. Планета примитивная — действовать приходится на ощупь, методом проб и ошибок. Откуда тут взяться вдохновению?

Его взгляд остановился на прикрепленном к стене изображении марсианской принцессы, наготу которой едва прикрывали несколько полосок сверкающего металла.

Ну и ну!

Несколько секунд он созерцал ее — пистолет, шлем, сапоги цвета электрик.

— Нравится? — ехидно поинтересовался Эллиот.

Старый путешественник медленно опустил руки — сначала перед собой, затем развел их пошире, изображая более классический идеал красоты — расширяющийся книзу грушевидный силуэт.

— Таких у нас не много наберется, — сказал Эллиот, взял рукой старое пугало под локоть и легонько подтолкнул к чулану.

— Будешь там жить, ладно?

Изношенный временем скиталец, тяжело переступая утиными лапами, поплелся в отведенное логово. Он, в чьем ведении находилась растительная жизнь в необъятных космических дворцах, вынужден ютиться в жалкой клетушке по соседству с доской на роликах.

Сгорбившись, он опустился на пол. Где же корабль? Где украшение Вселенной? Его так не хватает!

Внезапно он воспринял донесшийся из глубины космоса сигнал маяка — маяка, разыскивавшего Землю с немыслимых расстояний.

— Здесь даже окошечко есть, — Эллиот вывел гостя из оцепенения, указав ему на стеклянный квадратик над головой.

— А вот тебе светильник для чтения, — сказал он и включил лампу. — Ладно, располагайся, а я побежал. Куплю печенья и еще чего-нибудь.

Дверь в чулан закрылась. Ученый прищурился от резкого света, потом стащил с полки красный платок и набросил на абажур. Свет смягчился и стал лилово-розовым, как внутри его родного корабля.

Он должен подать сигнал, *во что бы то ни стало* известить товарищей о том, что жив.

В голове опять возник образ вилки — четыре зубца царапали линии по вращающемуся кругу: «вжик, вжик, вжик...»

Мэри направила машину в ворота; задетые крылом

мусорные баки опрокинулись и сбились в кучу. Плевать, главное — она дома. Выключив зажигание, она какое-то время еще посидела за рулем в полном изнеможении. Может, принять жень-шень? Или глоток джина?

Открыв дверцу, она выбралась из машины. Взгляд ее остановился на оконце чулана под крышей, оттуда пялился на нее какой-то из недавно купленных плюшевых гоблинов.

Бр-рр, ну и игрушки выпускают теперь для детей. От одного их вида кошмары станут сниться.

Она прошла по аллее и поднялась на крыльцо. За дверью ждал Гарви.

— Не смотри так, Гарви! Я и так вечно чувствую себя виноватой перед тобой...

Игнорируя мольбы пса, она решительно проследовала к столику для корреспонденции.

Вдруг пришло письмо от тайного воздыхателя? Хотя бы и от Бродячего Мертвеца?

Как бы не так, обычный мусор — счета, просроченные счета, сверхпросроченные счета и просьба от какого-то общества по сбору пожертвований. Дудки, только под пыткой!

Она швырнула почту в корзину для бумаг и сбросила туфли.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она своему племени. Отозвался один Гарви.

— Оставь миску, Гарви.

Она сидела в кресле, не в силах подняться. Над головой прожужжала муха. Мэри прогнала ее рукой раз, другой, но муха не унималась, и Мэри поняла, что жужжит не муха, а у нее в ушах.

Следующая стадия — звон колокольчиков, а за ней — голоса.

Решив, что сегодня сходить с ума все равно некогда, она встала и пошла на кухню. Глянув на пол, сразу поняла, что Эллиот готовил себе калорийный завтрак.

Она вытерла полки и дверцы буфета и сварила крепкий кофе.

Сидя в раздумье над чашкой, Мэри разглядывала свои ноги. Ноги, готовые забастовать.

— Так есть кто-нибудь дома или нет?

Как обычно, ей не ответили. Не иначе, погрузились в какие-то тайные замыслы; может, сегодня у них на очереди государственный переворот?

И дай бог, лишь бы не шумели.

Задняя дверь с пушечным грохотом распахнулась, и в кухню ворвался Майкл, будто на слоне верхом.

— Салют, ма, как прошел день?

— Хорошо. А у тебя?

Майкл неопределенно пожал плечами.

— Пойду поиграю в регби, — после некоторой паузы добавил он таким тоном, что было ясно — ничто на свете его не остановит.

— Прекрасно, — сказала Мэри. — Валяй!

Она небрежно махнула рукой, словно давая разрешение, которого никто у нее не спрашивал, и опять уставилась в кофейную чашечку, пытаясь собраться с силами.

Майкл нацепил наплечники и схватил шлем; он весь кипел от азарта, уж сегодня *он им покажет!* В два прыжка он очутился в коридоре, но перед лестницей, преградив дорогу, стоял Эллиот.

— Майкл...

— Привет, симулянт! — бросил на ходу Майкл, норовя протиснуться к ступенькам.

— У меня есть для тебя кое-что очень важное...

— И что же?

— Помнишь гоблина?

— Гоблина? Слушай, дай пройти.

— Секунду, Майкл, дело серьезное. Он вернулся.

— Эллиот! — Майкл редко снисходил до бесед с младшим братом — от такого хорька не только в парчизи того и жди мелких пакостей. — Отвяжись!

— Я покажу его тебе, только, чур, он мой!

Майкл заколебался.

— Ладно, показывай, только быстрей!

— Сперва поклянись. Самой страшной клятвой.

— О'кей, о'кей, показывай! Что там у тебя, скунс какой-нибудь? Прямо в комнате? Мамаша тебя прикончит.

Эллиот увлек Майкла за собой по коридору.

— Сними наплечники, — попросил он, когда они вошли в комнату. — Он может испугаться.

— Не испытывай мое терпение!

Эллиот подвел брата к чулану.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Ну, я тебя прошу, ладно, Майкл?

В чулане хранитель многовековой мудрости перебирал в памяти все, что он знал о коммуникационных устройствах — одно из них ему предстояло каким-то образам построить. Он услышал, что в комнату вошли двое круглоголовых (так иногда называл он про себя землян), но не стал отвлекаться, вспоминая схему передатчика. Внезапно дверь в его убежище распахнулась.

Вошел Эллиот и, успокаивающе кивнув, обнял древнего ученого за плечи.

— Пойдем, познакомишься с моим братом.

Не успели они переступить порог, как в комнату ворвалась Герти, только вернувшаяся из детского сада. Увидев чудовище, она завизжала, завизжал и сам космонавт. Майкл, который в этот самый момент открыл глаза, тоже завизжал. Вырвавшийся из трех глоток пронзительный визг волной разнесся по дому и достиг командного пункта, где сидела Мэри, безуспешно пытавшаяся прийти в себя.

— О, боже! — простонала она, делая усилие, чтобы вылезти из-за стола. Что за новую забаву придумали ее детки? Не мучают ли Герти? Она с трудом поднялась по лестнице и устало потащилась по коридору в комнату

Эллиота. После дня изнурительной работы бороться с шайкой малолетних преступников дома — кто способен это вынести?

Мэри на мгновение остановилась перед дверью. Одно утешение — у Эллиота теперь порядок.

Она вошла в комнату и остолбенела. Все вещи Эллиота были вывалены на пол. Мэри посмотрела на Эллиота. Как можно посреди такого разгрома сохранять невинное выражение лица?

— Что случилось? — спросила Мэри внезапно осевшим голосом.

— Где?

— Ты еще спрашиваешь? Посмотри на этот бедлам! Что произошло?

— Ты имеешь в виду комнату?

— Это не комната, это кошмар! У тебя тут дикари танцевали?

В чулане старый космонавт скорчился ни жив ни мертв между Герти и Майклом. Девочка, казалось, готова была укусить его; мальчик сидел, раскрыв рот, с остекленевшим взором, его огромные, широкие плечи едва помещались в крохотной клетушке. Гость из космоса надеялся, что осадное положение продлится не слишком долго — в тесном чулане становилось душновато.

Инопланетянин осторожно приник лицом к прорезям в двери. Гибкое, похожее на иву создание указывало на предметы, которые он разбросал по полу в поисках деталей для передатчика, и было видно, что оно недовольно.

Ученый попытался оценить, насколько миролюбиво настроено гибкое создание. Ни металлических цепей, ни оружия при нем не было, в остальном оно ничуть не уступало марсианской принцессе с плаката, хотя, к сожалению, и его природа обидела, лишив важнейшего атрибута женской красоты — расширенного книзу грушевидного живота, да и длинными пальцами на ногах,

придающими такую пикантность и очарование, существо похвастать не могло. А жаль...

— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Вы с Майклом не мучили ее?

— Ну что ты, мам...

— Почему же она визжала?

— Не знаю. Вошла, завизжала и убежала.

Мэри задумалась. Случалось ли ей в детстве забегать в комнату, беспричинно визжать и выскакивать? Да, признаться, случалось, и частенько. Ей и теперь хотелось завизжать. Впрочем, если разобраться, она и сейчас визжала. Может, повизжать еще немного на Эллиота, а потом уйти?

— Извини, мам.

— Я не хотела на тебя кричать, Эллиот. Ты меня тоже прости. Но прибери в комнате, иначе получишь нахлобучку.

— О'кей, мам, приберу.

Мэри повернулась и вышла из комнаты. Лишь только ее шаги затихли, дверь чулана распахнулась, и оттуда вывалились Майкл, Герти и старый гоблин.

Майкл за эти короткие мгновения стал не похож на себя, словно на пятидесятиярдовой линии его блокировал не защитник соперников, а паровой каток; тело онемело, и ему все еще казалось, что он спит. Может, во время матча он столкнулся с кем-то головой и теперь лежит без сознания и грезит? Нет, вряд ли — рядом эта надоеда Герти, да и шельма Эллиот тут же в натуральную величину. Да и пугало — вот оно, здесь же...

— Эллиот, надо сказать матери.

— Нельзя, Майкл! Ты ведь знаешь, к чему это приведет? Его, — Эллиот кивком указал на древнего путешественника, — пустят на собачьи котлеты.

Гарви навострил уши и завилял хвостом.

— Он умеет разговаривать?

— Нет.

— А что он здесь делает?

— Не знаю.

Мальчики посмотрели на пятилетнюю сестру, которая таращилась на чудище.

— Герти, можешь его потрогать. Он тебя не обидит.

Залетный гость безропотно позволил себя ощупать — пульсирующие сигналы от детских пальчиков хорошо воспринимались рецепторами его тела и, хотя сигналы эти были путаными и сумбурными, инопланетянин понял, что круглоголовые не безнадежно глупы и желают ему добра. Но способны ли они помочь ему достигнуть Великой Туманности?

— Ты ведь никому не расскажешь, правда, Герти? Даже маме?

— Почему?

— Потому что... ну, взрослые не могут его увидеть. Он видимый только для детей.

— Неправда, ты обманываешь.

Эллиот выхватил из рук Герти куклу.

— Знаешь, что я с ней сделаю, если ты разболтаешь? — он резким движением заломил руки куклы за спину.

Герти вскрикнула:

— Перестань, сейчас же перестань!

— Обещаешь молчать?

— А он что, с Луны?

— С Луны, с Луны...

Лежа на полу спальни, Мэри повторяла гимнастические упражнения вслед за тренером на телеэкране. Урок вела пятидесятилетняя шведка без единой морщинки на лице, ей ассистировал какой-то жлоб с физиономией дебила.

— И-и-и раз-два-три!..

Мэри, тщетно пытаясь поспеть за ними, сбилась с ритма, выключила звук и улеглась на ковре в излюбленном положении, подтянув колени к животу.

Из комнаты Эллиота слышались приглушенные голоса детей. Говорили все трое. Снова что-то затевают — Мэри ощущала знакомое напряжение в воздухе. Может, от этого у нее опять в ушах жужжит? Или от омолаживающих упражнений, когда ногу закладываешь за голову? Придется от них отказаться.

Шизик на телеэкране пытался беззвучно что-то втолковать.

Ну, все! С нее хватит.

Она выключила телевизор. Пора уже что-нибудь затолкать в голодные детские рты.

— Эй! — воззвала она, выходя в коридор. — Кто мне поможет с ужином?

Ясное дело, никто не ответил. По лестнице она спустилась в гордом одиночестве.

Она приготовит фрикассе из индейки и, пожалуй, разогреет пюре-полуфабрикат — прекрасный гарнир. На второе будут сухие соленые баранки.

Она колдовала на кухне, время от времени поглядывая в окно на соседний участок. Сосед разъезжал на газонокосилке, словно свихнувшийся великан на детском автомобильчике. Газон у нее был хилый — из-за Гарви, который с упрямой одержимостью выкапывал каждую травинку в поисках мифических костей. Вот и сейчас он попрошайничал, застыв перед ней в своей любимой позе — одно ухо кверху, другое книзу.

— Кто изгрыз щетку, Гарви? Мы его знаем?

Гарви высунул длинный язык и умильно облизал морду от уха до уха. Даже нос не забыл.

— В чем дело, Гарви? Что тебя так возбудило? Не прогуливалась ли здесь эта кокетливая французская болонка с бантиком? Это из-за нее ты сегодня такой чудной?

Гарви мотнул мордой, невнятно рыча, и жалостно заскулил. Целый день голодом морили. Все в этом доме забыли свою главную обязанность — кормить собаку. Из-за пугала в чулане, что ли?

Придется его съесть.

Мэри подошла к лестнице и ласково позвала детей ужинать.

— Эй, негодники, спускайтесь, иначе оставлю без ужина!

Вскоре по лестнице загромыхали носороги, и появился ее выводок. Вид у всех был ужасно таинственный.

— Что вы еще затеяли? Признавайтесь, я вас насквозь вижу.

— Ничего, ма! — Майкл плюхнулся за стол. Герти уселась рядом и заметила фрикассе.

— Умм!

— Помолчи, милая! Эллиот, передай соль, пожалуйста.

— Я сегодня переоборудовал чулан в жилище, — невпопад брякнул Эллиот и покосился на мать.

— Какое жилище?

— Нечто вроде убежища.

— Вот как, когда же ты успел? Ведь ты был так занят превращением прибранной комнаты в свинарник!

— Так можно мне сохранить убежище?

— Надеюсь, ты не собираешься скрываться в нем от ответственности, а, Эллиот? Мальчикам не пристало проводить все время в чулане.

— Не все время. Совсем немного.

— Я должна подумать, — ответила Мэри, но дети уже знали, что мать уступила, ибо Эллиот терзал бы ее до тех пор, пока она не сдалась. Мэри попыталась сменить тему:

— Картошка, по-моему, удалась, не правда ли?

— Умм!

— Возьми еще, Герти, раз тебе так нравится.

— В детском саду нас кормят вкуснее, — отрезала Герти. — Нам дают большие шоколадные пряники.

— Вот как? Придется мне поговорить с директором.

— Он маньяк.

— Герти, не смей употреблять слов, которых не понимаешь!

— Маньяк, маньяк! — запела Герти над тарелкой.

Мэри схватилась за голову.

Тем временем скрываемый от посторонних глаз древний скиталец выбрался из чулана. Он очутился в комнате посреди кучи хлама, которую сам наворотил в поисках деталей для передатчика. Поиски он намеревался продолжить.

Он обвел глазами комнату. В режиме ультрафокусировки взору открылся мир электронов, мелькавших в своем орбитальном танце; но упорядоченный вихрь микрочастиц ему не поможет. Здесь нужны предметы поплотнее, такие, как... ага, проигрыватель!

Переключив зрение на нормальный диапазон, старый ученый, смешно цепляя лапами, зашлепал к проигрывателю. Пластинки на этот раз не было. Длинным пальцем он покрутил тяжелый диск. Как же прикрепить сюда вилку?

А вот как — *сверху*...

Он удовлетворенно кивнул. Спасение принесут спиралью ввинчивающиеся в ночь сигналы — ниточки надежды, сотни миллионов ниточек, тонких и лучистых, как шелковистые волосы ивоподобного создания.

Снизу послышался стук вилок — пришелец из космоса хорошо различал его — и звон тарелок и стаканов, сопровождаемый непрерывной трескотней землян.

— Мама, а почему дети видят то, что не можешь видеть ты?

— А что ты видела, Герти? Гоблина у Эллиота?

— Мама, а кто такие люди, которые не люди?

Некто, который не человек, знал, что мальчишки его не выдадут, но от маленькой девочки можно ждать неприятностей — она не понимала, к чему все эти секреты.

Впрочем, пока он был в безопасности. Ужин подходил к концу. Должно быть, съели великое множество «M&M». Возможно, и ему что-нибудь останется.

— Так кто сегодня моет тарелки?

Голос гибкого создания телепатически донесся до инопланетянина вместе с ее образом — увенчанным ниспадающими волнами лучистых волокон, которые были тоньше шелка. Ах, если бы еще нос существа походил на сплющенную брюссельскую капусту!

Он снова покрутил пальцем диск проигрывателя.

Послышались шаги Эллиота по ступенькам, и мальчик появился в комнате с подносом в руках.

— Вот твой ужин, — прошептал он, протягивая поднос.

На тарелке лежало несколько листочков салата-латука, яблоко и апельсин. Древний знаток растительной жизни взял апельсин и съел целиком, с кожурой и семенами.

— У вас так принято?

Престарелый путешественник нахмурился — внутренний анализатор подсказал ему, что в следующий раз плод следует сначала помыть.

— Как твои дела? Все в порядке? — Эллиот заметил крутящийся диск.

Космическое пугало жестом показало, что оно хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил иглу.

В жизни все возможно,

Но это рок-н-ролл...

Старый звездолетчик прислушивался к диким выкрикам, наблюдая за вращением черного диска на проигрывателе, но мысли его были о передатчике. Корабль Волшебной Ночи не отзовется на звук камней, несущихся вниз по склону. Сигнал нужно послать на родном языке. Как же преобразовать эти звуки? Как трансформировать их частоту в микроволновый спектр?

До уха космического странника донесся голос ивоподобного существа внизу, в прихожей.

— Герти, что ты делаешь, душечка?

— Я иду играть к Эллиоту.

— Не позволяй себя мучить.

Девочка вошла в комнату, везя за собой тележку с игрушками. Достав из тележки горшочек с геранью, она поставила его под ноги старому ботанику.

Тот изумленно уставился на подношение. Сердце-фонарик замерцало: «Спасибо, милая девочка, я очень тронут».

Появился Гарви, обнюхал пугало и осмотрел герань. Не полить ли?

— Гарви, не увлекайся!

Вошел Майкл, втайне надеясь, что уродец исчез сам собой, но тот был жив и невредим, и с этим приходилось считаться. Майкл окинул галактического натуралиста задумчивым взглядом, потом повернулся к Эллиоту и изрек:

— Может, это просто какое-нибудь вымершее животное?

— Не будь идиотом, Майкл.

— Но я не верю в существование таких страшил...

— А я верю! И всегда верил.

Герти вывалила к ногам космического растениевода остальные подарки,

— Вот немного пластилина. Умеешь с ним играть?

Инопланетянин взял пластилин в руки и поднес ко рту, явно намереваясь откусить изрядный кусок.

— Не так, глупый, его надо мять... — Герти показала, как это делается, и ученый принялся скатывать комок ладонями.

— У меня идея! — выпалил Эллиот. — Где глобус?

Получив из рук Майкла глобус, Эллиот поставил его перед старым звездопроходцем и ткнул пальцем в Северную Америку.

— Посмотри, мы находимся здесь...

Многоопытный странник кивнул, узнав очертания материка, на котором часто бывал, прилетая на Корабле Веков. Да, он хорошо знал эту планету, слишком хорошо...

— Угу, — сказал Эллиот, — мы-то отсюда. А вот ты откуда?

Старый путешественник повернулся к окну и устремил взор к звездному небу.

Раскрыв атлас, Эллиот указал на схему Солнечной системы.

— Ты из этой части Вселенной?

Ученый разделил пластилиновый комок на пять шариков и поместил их на схему вокруг центрального шарика-Солнца.

— Пять? Ты с Юпитера, что ли?

Инопланетянин не понимал их невнятного лепета. Он указал на шарики и сделал движение кончиками пальцев. Шарики взлетели в воздух и поплыли над головами детей.

Глядя, как они вращаются по круговым орбитам, бедные дети, которым казалось, будто земля уходит из-под ног, только слабо попискивали:

— О!.. Нет!..

Не обидел ли он их?

Инопланетянин снял электрическое поле, и шарики упали на пол. А он заковылял к чулану, бережно прижимая к груди горшочек с геранью.

— Мамочка! — позвала Герти. — А Эллиот держит в чулане чудище!

— Прекрасно, милая... — Мэри возлежала на софе в гостиной, положив на валик ноги и прилагая отчаянные усилия, чтобы не прислушиваться к детской болтовне, что, впрочем, становилось уже невозможным, так как Эллиот внезапно ни за что ни про что отвесил сестренке оплеуху скатанной в трубочку газетой.

— Ууу-аааааааааа! — истошно завопила Герти. — Гадкий Эллиот, ненавижу тебя!

— Сейчас же прекратите! — взвилась Мэри, стараясь не потревожить маску; под толстым слоем крема, похо-

жего на колесную мазь, магически разглаживались морщинки на лице, во всяком случае, она надеялась на это.

— Эллиот, не смей обижать Герти!

— Почему?

— Это же твоя сестра как-никак.

— Пойдем, Герти, — неожиданно миролюбиво позвал Эллиот, — поиграем.

— Это другое дело, — удовлетворенно хмыкнула Мэри, блаженно опустив голову на подушку. Она смотрела из-под толщи крема — ощущение было такое, словно ей в лицо запустили тортом. Ничего, вот соскребет маску — и все ахнут, увидев новую Мэри! Лишь бы дети не слишком шумели. Мэри прислушалась — Эллиот с Герти выходили через заднюю дверь. Каким уступчивым бывает он, когда захочет...

— Еще вякнешь хоть слово про монстра, — угрожающе зашипел Эллиот, когда вывел сестренку во двор, — я все волосы повыдергиваю у твоих кукол.

— Только посмей! — выкрикнула Герти.

— Понимаешь, Герти, это чудище вовсе не чудище, а чудесный подарок всем нам. — Эллиот мучительно старался облечь свои мысли и ощущения в слова о том, что в их жизни произошло грандиозное событие, что это лучшее из всего, что когда-либо с нами случалось. — Мы должны помочь ему.

— Ну и что, а мне он кажется просто большой игрушкой, — настаивала Герти.

— Сама ты игрушка. Это чудесное существо *оттуда, — он указал на небо.*

— Все равно он похож на игрушку, — Герти надула губки. — А мамочка сказала, что мы должны делиться игрушками.

— Хорошо, я поделюсь с тобой. Но обещай хранить тайну.

— Тайна, тайна... — запела Герти, — я знаю одну тайну...

Она посмотрела на Эллиота с затаенным ехидством.

— Что дашь, если я не скажу?

— А что ты хочешь?

— Твой уоки-токи[1]! — заявила Герти с победной улыбкой. Нет большей радости в жизни, чем заставить брата пойти на уступки.

— Ладно, — угрюмо согласился он, — будет тебе уоки-токи!

— А еще ты должен играть со мной в куклы.

В глазах у Эллиота появилось затравленное выражение.

— И все куколки садятся пить чай... — Герти накрывала игрушечный стол, вокруг которого восседала компания кукол. — А моя кукла говорит твоей: «Правда, мальчишки ужасные?» А твоя кукла отвечает...

Выслушав, что именно должна ответить его кукла, Эллиот повторил это вслух, покачивая в такт словам кукольной головой и протягивая ручку куклы к чашке. Он вспомнил (при этом на лице его мелькнула улыбка), как носился на роликовых коньках по Гертиным чаепитиям, сметая в стороны их участниц, опрокидывая стульчики и столы, и мчался прочь, хохоча во все горло. Неужто эти прекрасные времена прошли безвозвратно?

Мэри, проходя мимо, заглянула в дверь.

— О, Эллиот, как мило с твоей стороны!

— Теперь он будет играть со мной в куклы *каждый вечер!* — радостно сообщила Герти.

Кукла Эллиота со стуком рухнула под стол.

Придя сражаться в «Драконов и демонов», Тайлер увидел на кухне невероятную картину: Эллиот и Герти хлопотали над игрушечной плитой. Эллиот был в фартуке и держал в руке крохотную формочку для кекса.

[1] Уоки-токи — портативное радиопереговорное устройство.

— Эй, ты что, чокнулся? — Тайлер, тощий, преждевременно вытянувшийся долговязый мальчишка, оперся о дверной косяк. Казалось, он весь состоит из одних только рук и ног, отчего Эллиот дразнил его Кеглей. Тайлера эта кличка очень уязвляла — он страшно боялся, что вымахает до семи футов.

— Чего варишь, Эллиот? — Тайлер сложился пополам над малюсенькой плитой, над которой самозабвенно суетилась Герти, в то время как порабощенный Эллиот замешивал на воде глину.

— О-о-о! — Тайлер издевательски потянул носом, — похоже на рагу с подливкой. Дашь попробовать?

— Исчезни, Тайлер! — процедил Эллиот, вытирая руки о пестрый фартук.

— Пожалуйста, но я хотел напомнить, что у нас тут намечалась игра в «ДД».

— Он будет играть только со мной, — вмешалась Герти. — До конца жизни.

Распахнулась задняя дверь, и на пороге появился Грег-орк. Цветастая рубашка придавала ему сходство с тающей неоновой сосулькой — впечатление усиливали его вечно мокрые губы.

— Эй, что здесь происходит?

— Ничего, Слюнтяй, — прошипел Эллиот, не отрываясь от «теста».

— С Эллиотом мы вдвоем ой как весело печем! — пропела Герти.

Грег развернул стул, обхватил руками спинку и уселся, не скрывая ехидной ухмылки.

— Кажется, я все понял, — протянул он, сочувственно разглядывая Эллиота. До сих пор Эллиот, как и любой другой нормальный брат на свете, играл с сестрой только в те игры, от которых сам получал удовольствие. Вот забава, например, защекотать ее до синевы — он не раз сам проделывал это с сестренкой. Но еще лучше сначала привязать ее к дереву, а уже потом щекотать. Однако верх восторга — ворваться к ней в ванную с

приятелями и показывать на нее пальцем, давясь от смеха, пока она визжит в воде. Вот это настоящая игра! А здесь? Грег задумался.

В окне кухни возник четвертый член команды, сражавшейся в «Драконов и демонов», Стив. Его голову украшала бейсбольная шапочка с дурацкими трепыхающимися крылышками. Взявшись обеими руками за крылышки, он насмешливо потряс ими и после столь жизнерадостного приветствия вошел в дом.

— Вот только вякни что-нибудь! — проревел Эллиот, засовывая «кексы» в плиту.

— А что тут говорить? — Стив весело помахал крылышками. — Всякое бывает в жизни.

Он не забыл, как его шантажировала собственная сестра. Нет, мужчине всегда надо быть начеку, держать двери на запоре и соблюдать светомаскировку.

— Мы с Эллиотом открыли лавку-пекарню, — похвасталась Герти, напевая себе под нос песенки о своей омерзительной выпечке. — И все, даже Санта-Клаус, приходят к нам покупать печенье. — Она закрыла дверцу духовки. Потом обернулась к Эллиоту с таким ехидным выражением лица, что было ясно — про гоблина наверху она не забыла.

Лицо Эллиота перекосилось, и он стал исступленно замешивать следующую порцию «теста».

Ночью инопланетянин приподнял голову над подушкой и увидел Эллиота, который из окна вылезал на черепичную крышу дома.

Что задумал мальчик?

Межзвездный странник наблюдал из оконца своего убежища, как Эллиот прокрался по покатой крыше, спустился по приставной лестнице в огород и исчез.

Старый путешественник установил с мальчиком телепатическую связь и увидел, что тот, выйдя за ограду, направился прямехонько к холмам. Может, хочет по-

искать что-нибудь вкусненькое для своего друга в чулане?

Нет, мальчик выбрался на ту самую противопожарную просеку, на которой у старого ботаника начались все неприятности.

Вдруг нежные телепатические антенны в голове инопланетянина судорожно дернулись — он уловил в ночи позвякиванье зубов на кольце у обладателя ужасного трофея.

Оказывается, не одному Эллиоту вздумалось возвращаться на просеку. Там были и другие, рыскавшие в темноте в поисках... Кого?

Нетрудно догадаться — его, конечно же.

Он услышал тяжелую поступь и вздрогнул — прямо в глаза ему был устремлен холодный, пристальный взор землянина, телепатически рассекающий ночь.

Престарелый ученый отключил внутреннее радарное устройство и сжался в комок. Они искали его, со своими слепящими огнями. Прочесывали лес, не оставляя самого малого островка, их внутренние радары подсказывали — инопланетянин где-то здесь. Они хотели схватить его.

И набить из него чучело.

И выставить в витрине.

Ученый потянулся за печеньем и нервно сжевал его. Нельзя, чтобы его нашли. Они уже так близко. Эллиот, правда, следит за ними... Что, если мальчика схватят? Могут ли его заставить отдать им затаившегося в чулане несуразного пришельца?

Он умоляюще посмотрел на герань. Растеньице повернуло к нему свои побеги. Тугие бутоны набухли, развернулись, и в тот же миг герань словно вспыхнула пламенем ослепительно ярких алых цветков. Но вот растение тяжело вздохнуло, съежилось и на глазах увяло — видимо, чрезмерное усилие стоило ему слишком дорого. Космический ботаник кончиком пальца погладил умирающий цветок, что-то ласково шепча. Его тихие слова, квинтэссенция опыта бесчисленных миров, вдохнули жизнь в растение — оно встрепенулось и зацвело с новой силой.

— Твой язык таит секрет жизни, Хозяин, — прошелестела герань.

Да, но, к сожалению, он не знал языка его друзей землян...

Древний путешественник почесал затылок. Он должен овладеть их языком, чтобы выжить.

Герти притащила ему азбуку. Раскрыв книжку на коленях, он после изрядных мучений отыскал букву «М».

Затаившись в кустах возле просеки, Эллиот следил за агентами, которые рыскали вокруг, обшаривая лес светом своих фонарей. Если его обнаружат, он скажет, что натаскивает собаку.

Гарви распластался рядом, дрожа от возбуждения. Дворняжку неудержимо тянуло выскочить из засады и вцепиться в ногу человека с ключами.

— Ничего мы сегодня не найдем, — сказал один из агентов.

— Знаю. И все же я печенкой чую, что за нами наблюдают, — человек с ключами посветил в окаймлявшие просеку кусты. — Но кто?

«Голодающий пес, вот кто», — подумал Гарви и пополз было проверить, не припасен ли аварийный собачий паек в припаркованной невдалеке машине, но Эллиот удержал его.

— Не трепыхайся, Гарви... — цыкнул мальчик, увлекая пса назад, в густые заросли. В следующее мгновение они с Гарви бесшумно соскользнули с песчаного склона.

Мириады звезд зажглись на ночном небосклоне. Глядя на яркие звезды, Эллиот подумал, что у него в чулане спрятана величайшая из тайн неба. Он никогда не выдаст эту тайну, пусть с ним делают, что хотят, хоть пытают.

— Гарви, — торжественно произнес Эллиот, — мы с тобой хранители бесценного сокровища. Ты это знаешь?

Гарви мрачно смотрел перед собой. Он знал только, что в мире мало, ужасно мало собачьей пищи.

— Я люблю его, Гарви. У меня никого лучше не было. — Эллиот задрал голову, пытаясь угадать, с которой из звезд прилетел его новый друг.

«Со всех», — шепнул лунный свет.

Гарви навострил уши.

Что там за шорох? Не везут ли корм для собак?

Он с надеждой огляделся по сторонам, но вокруг не было ни души.

Мэри разбудил шум на крыше. Она сняла с глаз травяные примочки и привстала.

Звук не повторялся, в доме стояла тишина. Мэри подошла к окну и выглянула наружу. Двор был пуст, если не считать Гарви, который, точно взбесившись, остервенело рыл землю.

Задернув штору, не желая видеть ополоумевшего пса, Мэри снова легла в кровать. В доме определенно творилось что-то неладное, она это чувствовала. Но что? Что замышляют ее дети?

Она расправила подушку и сонно обняла ее. Перед глазами поплыли прерванные шумом картинки сна. Она кружилась в танце, ах, как здорово, с... кем-то, едва доставшим ей до талии.

Веки отяжелели; заиграла неземная музыка — странные, неведомые звуки, словно космические позывные, «блип, блип» — и вот она снова кружится в вихре танца, не замечая партнера, который головой уткнулся ей в живот.

— Мы должны рассказать, Эллиот. Дело слишком серьезное.

— Нет, он хочет остаться с нами.

Братья шагали к остановке автобуса, на котором ездили в школу. Майкл казался озабоченным. Весь его мир, все представления словно перевернулись вверх тормашками. В голове роились бредовые мысли про орбиты спутников, про поверхность Меркурия... И это вместо того, чтобы думать о приземлении мяча в зачетном поле, захватах и нырках...

— Он же прилетел из космоса, Эллиот. Мы не знаем, что ему здесь нужно, что он собирается делать дальше. В одно прекрасное утро мы проснемся на Марсе или еще подальше, и вокруг будут кишмя кишеть эти тыквоголовые.

Эллиот не слушал брата — его внимание привлек незнакомый человек на утренней улице.

— Взгляни-ка, — потянул он Майкла, — ведь это не наш молочник?

— Видно, наш в отпуске — это совсем другой парень.

— Послушай, Майкл, в окрестностях появились люди, которых здесь раньше никогда не видели. Взгляни на ту машину, в которой сидит какой-то тип и делает вид, что читает газету... Они ищут нашего гоблина!

— Они? А кто они такие?

— Их здесь полно. Даже в горах.

— Пораскинь мозгами, Эллиот, как найти выход.

— Ему нужно время, чтобы придумать, как спастись.

— А может, он не такой уж умный, а как рабочая пчела — только и умеет кнопки нажимать?

— Майкл, он... он настолько опередил нас в развитии — ты даже не представляешь.

— Тогда почему он живет в чулане?

— Ему не повезло. Но мы все исправим.

— Эллиот, мы с тобой всего лишь безмозглые молокососы, неужели не понимаешь? Если кто ему может помочь, так это ученые и так далее. Ребята с мозгами. Они возьмут анализы, будут его кормить, как полагается.

— Мы его кормим досыта.

— Печеньем? Разве это еда? Может, это его убивает, а мы даже не подозреваем?

Эллиот помрачнел, и в голосе его послышались напряженные нотки.

— Майкл, если мы отдадим его кому-нибудь, он никогда не вернется домой. Я знаю наверняка.

— Каким образом, Эллиот? Откуда тебе знать?

— Сам не понимаю. Это словно сидит во мне. И повторяется снова и снова. Он выбрал нас, потому что больше никто ему не поможет.

— Но почему именно нас? Кто мы? Ни денег, ни ума особенного... Даже отца у нас нет.

— Ерунда. Он все понимает. Мы нужны, чтобы... чтобы помочь ему наладить...

— Что наладить?

— Один... одну штуковину, — Эллиот замялся; словно очнувшись от сна, он безуспешно пытался вспомнить, что ему приснилось. А во сне он видел устройство, в котором так нуждалось космическое существо. Навеянный образ уже улетучился, да и до остановки автобуса было рукой подать.

Тайлер, Стив и Грег уже ждали их, поддразнивая друг друга. При виде Эллиота они обрушили на него град насмешек.

— Эй, Эллиот, как дела в пекарне? Готов ли фруктовый пирог?

— Шел бы ты, Тайлер!..

Грег, брызжа слюной, посоветовал Эллиоту, как быть с Герти — засунуть ее в корзину с бельем. Совет казался не лишенным здравого смысла, в другое время Эллиот, возможно, и прислушался бы к нему.

Стив помотал крылышками шапки.

— Послушай, Эллиот, я забыл спросить — что сталось с твоим гоблином? Он не возвращался?

Нескончаемые, изматывающие игры в куклы и в дочки-матери с ненасытной Герти, выпечка бессчетных земляных «пирожков с фруктами» и накопившаяся тревога доконали Эллиота. Он не выдержал и взорвался:

— Вернулся! Только никакой он не гоблин. Он пришелец из космоса!

— Как ты сказал, пришелец из космоса? — вкрадчиво прогнусавил Лэнс, маленький рыжий мальчишка, проталкиваясь к Эллиоту. — А ты знаешь, сколько лететь от Земли до Урана?

— Плевать я хотел на твой Уран, мурло, — огрызнулся Эллиот, уже осознав свою ошибку. А глазки у Лэнса разгорелись, как у крысы, почуявшей добычу.

Подъехал автобус, и дети вошли в салон, удивленно косясь на незнакомого водителя.

— Эй, а что случилось с Джорджем?

— Он заболел, — ответил новый шофер, которого никто из детей прежде не видел.

Герти прогуляла детский сад. Она прикинулась, что больна, и сторож отвез ее домой, где можно было без помех всласть наиграться со страшилищем. А то Эллиот присвоил его себе и не позволяет с ним играть.

Девочка принялась складывать в тележку игрушки, которые, на ее взгляд, должны были прийтись уродцу по вкусу. Вот бы он навсегда остался у них в доме и женился на мамочке!

Она проволокла тележку по коридору в комнату Эллиота, открыла дверь чулана и втиснулась с нею внутрь. Монстр посмотрел на Герти и закатил глаза. Герти счастливо захихикала и уселась рядом.

— Ты ведь у нас большая игрушка, да, чудичек? — спросила она, оглядывая старого ученого с головы до ног. — А если не большая игрушка, то кто?

Инопланетянин забился в угол, вид у него был испуганный. Девочка же совсем не боялась, потому что ночью ей приснилось, будто страшила повел ее гулять по звездам, далеко-далеко. Он держал ее за руку и показывал

чудесные цветы, а необыкновенные птички пели и садились ему на голову, и вокруг разливался удивительно мягкий свет.

Теперь она сама взяла его за руку.

— Не бойся, монстрик, — сказала Герти. — Это как во сне. — Она погладила его по руке, как гладила Гарви. — Мы с Эллиотом позаботимся о тебе, так что не беспокойся, хоть ты и большая игрушка. Здесь в тележке мои куклы, видишь? Смотри, какие у них красивые прически. А вот у тебя совсем нет волос. Ты это знаешь?

Инопланетянин смотрел на щебетавшую девочку и думал, что хотя общество ребенка и более приятно, нежели, скажем, общество собаки, но способны ли такие дети помочь? Да, они могут его спрятать на какое-то время. Но он остро нуждается в совершенных технических устройствах, а не в тележке с куклами.

— ...а это моя скалка, а вот мой фермерский наряд — правда, красивый? А это моя игра, называется она «Скажи правильно». Ты знаешь такую игру?

Длинные пальцы древнего странника обвились вокруг блестящей прямоугольной коробки. Внезапно он насторожился, а сердце-фонарик затрепетало.

— Она учит правильно говорить и писать, — поведала Герти. — Вот смотри...

Она нажала кнопку, на которой была буква «А». Устройство заговорило мужским голосом.

— А ... — произнесло оно.

Герти нажала кнопку с буквой «Б».

— Б... — сказал голос.

Старый ученый надавил кнопку «М» и услышал:

— М...

— Теперь внимание, — предупредила девочка, нажимая на кнопку «Старт».

Коробка заговорила:

— Скажи правильно: «Механик».

Герти взялась поочередно нажимать на кнопки, но,

судя по всему, была пока не в ладах с орфографией. Устройство сказало:

— Нет. Неправильно. Попробуй еще раз.

Вторая попытка оказалась не лучше. Голос неодобрительно изрек:

— Это неправильно. Правильнее будет «м-е-х-а-н-и-к».

Глаза инопланетянина загорелись. Прибор научит его говорить на их языке. Это хорошо. Но куда важнее, несоизмеримо важнее то, что прибор этот — компьютер!

Его телепатический щуп уже проник внутрь устройства, исследуя микропроцессор, синтезатор речи и ячейки памяти.

— Эй, ты не заболел? — Герти прикоснулась к старому ботанику, руки которого заметно дрожали.

Он кивнул ребенку, не спуская глаз с драгоценного прибора; мозг лихорадочно работал, перебирая варианты, отыскивая альтернативы, анализируя прямые и обходные пути к спасению, зародившиеся благодаря крохотной коробочке.

Герти усердно нажимала на кнопки.

— Скажи правильно: «Досада», — произнес голос.

Известный в галактических кругах ученый смотрел на девочку, наблюдая, как та коверкает очередное слово, и дожидаясь, пока ей надоест игра.

— Ну вот, — сказала Герти, наигравшись вдосталь, — хватит с вас на сегодня, мистер Монстр. Но я еще вернусь.

Девочка ускакала прочь. Ученый положил коробочку на колени, перевернул ее и снял заднюю крышку.

Чудо из чудес...

Цепенея от восторга, он погладил микросхемы.

Вот главная деталь для передатчика.

С хрустом он сжевал печенье и принялся за работу. Пристальному взору открылась схема «Скажи правильно»; в следующий миг инопланетянин был уже посвящен во все тайны прибора. Процесс и методы накопления информации — детская забава для старого космопроход-

ца. Он ас по компьютерам. Но занятно, право, что этот разговаривает!

— Скажи правильно: «Механик...»

Раскрыв ушной клапан, он напряженно прислушивался к голосу устройства, быстро схватывая основные фонемы и вникая в структуру языка.

— Скажи правильно: «Досада...»

Сложнейшие механизмы головного мозга астроботаника напряженно работали, накапливая, анализируя и синтезируя гигантскую информацию. Глаза остекленели — мозг переключился на усвоение. На других планетах — в мертвых, затерянных мирах — он изучал первоосновы древних языков и в конце концов овладевал ими. Вот и сейчас у него на коленях такая основа — «Скажи правильно», электронный краеугольный камень, с помощью которого он выучит буквы и звуки языка землян.

— Скажи правильно: «Холодильник...»

Слово высветилось на внутреннем радаре, и старый ученый как бы воочию узрел его значение, увидел холодильник, место для хранения молока и печенья.

— Хол... лод... диль... н... никк... — рот словно охватывал сразу и звучание, и смысл слова. Казалось, даже желудок принимает участие в усвоении незнакомых слов, настолько все существо пришельца сконцентрировалось для овладения драгоценными звуками.

После такой разминки подключился и заработал вовсю центр речи его удивительного мозга, в памяти всплыли тысячи накопленных языков, которые он использовал как отправные точки для сравнения с земным. Вскоре он уже понял и легко усвоил основу новой лексики и перешел к изучению нюансов.

— Кон... фе... та..., пи... рож... но... е...

В ближайшее время он наберет достаточный словарный запас, чтобы суметь объясниться в любом обществе и высказать самые сокровенные мысли.

— Мо... ро... же... но... е...

Он нажимал и нажимал кнопки. Какой симпатичный прибор, одновременно учитель и товарищ. Но главное — в другом.

Говорящий на языке Земли прибор со встроенным компьютером можно обучить и другому языку — его собственному. На нем он и пошлет сигнал звездам.

Единственной ошибкой, которую допустил инопланетянин, было то, что он не отключил телепатической связи с Эллиотом. Игра «Скажи правильно» так захватила древнего натуралиста, что он совсем забыл о мальчике, о тонком телепатическом мостике с ним, и его другу пришлось из-за этого очень туго.

На уроке биологии предстояло препарировать лягушку. Учитель уже готов был начать.

— Мы надрежем кожицу и посмотрим, что у них внутри, — учитель указал на банку с живыми лягушками. Потом он взял в руки лягушку и провел вдоль ее брюшка красную черту. — Линия надреза пройдет так... Эллиот, что ты там вытворяешь?

Учитель недоуменно смотрел на журнал лабораторных занятий, который Эллиот лихорадочно покрывал диаграммами мудреных электронных цепей, будто в него вселился бес.

Бесом был, конечно, инопланетянин, сидевший в чулане и, сам того не желая, внушавший Эллиоту тайны цифровой речи и программируемой памяти.

Но учитель этого не знал. Его ученик, один из не самых управляемых, сегодня совершенно игнорировал урок — он исступленно чертил какие-то дикие каракули, не обращая внимания на стекающий со лба пот и устремленные на него взоры всего класса.

— Эллиот! — прикрикнул ошеломленный учитель.

Мальчик строчил как одержимый; исписав листок, перекинулся на поверхность стола, пока рука не повисла в воздухе. Тогда он встал, вышел на середину класса, сорвал схему анатомического строения лягушки и принялся рисовать мелом на доске.

Тайлер, Грег и Стив раскрыли рты от изумления. Тайлер, вытянув под столом ногу, лягнул Грега в щиколотку. Потом указал на Эллиота и выразительно покрутил пальцем у виска.

Грег, с мокрым от возбуждения ртом, кивнул в ответ. Эллиот, словно загипнотизированный, выводил на доске загадочные диаграммы, похожие на радиосхемы.

— Молодой человек, немедленно сядьте на место! — исступленно закричал учитель.

Он вцепился мальчику в руку. Рука походила на пульсирующий железный прут: влекомая сверхъестественной силой, она продолжала выводить на доске таинственные закорючки. В классе творилось что-то невообразимое.

— Урок закончен! Эллиот!

Кусочек мела надломился под пальцами Эллиота и упал на пол. Мальчик повернулся к учителю, взор его был затуманен, а мозг все еще анализировал знания, которых хватило бы на целый штат специалистов огромной компьютерной корпорации и которые свалились на него сразу непонятно откуда.

Учитель вытащил нерадивого ученика за шиворот в коридор.

— ...аналого-цифровому... — бормотал Эллиот. С кончика его носа свисала алая капля.

Стив вынул из кармана бейсбольную шапочку, натянул на голову и расправил крылышки; ошарашенно тряся головой, он наблюдал, как Эллиота поволокли к директорскому кабинету.

— Да, не миновать ему взбучки.

— По-моему, он совсем спятил, — авторитетно произнес Тайлер.

— Может, он наглотался материнских таблеток для похудения, — предположил Грег. — Мэри в последнее время откалывала штучки и почище.

— Послушайте, — убежденно заговорил Стив, — во всем виноваты пироги из глины, которые он пек. Я-то

знаю, до чего могут довести младшие сестренки, — он разгладил крылышки шапки. — Всю жизнь могут загубить.

Герти оторвалась от альбома для раскрашивания. К чему такое пустое занятие, когда можно повозиться со страшилой? Что-то (непонятно что) увлекло ее из чулана, но теперь она снова готова играть с монстриком.

Девочка пересекла коридор и вбежала в комнату Эллиота. Тут она вспомнила, что во сне они со страшилой где-то далеко-далеко рука об руку скользили вниз по водопаду.

Она открыла дверь чулана. Жутковатой наружности существо забавлялось с ее игрой «Скажи правильно». Герти заглянула в огромные, чудные глаза и увидела в них отражение приснившегося водопада — вода весело плясала и переливалась всеми цветами радуги.

Старый путешественник отложил прибор в сторону. Он чувствовал удовлетворение, досыта напичкав мозг сложными микросхемами — лучшей интеллектуальной пищи со времени высадки на Землю он не имел.

Но он совершенно забыл про детей, а это недопустимо: дети ему абсолютно необходимы. Без них у него ничего не выйдет. Крохотные ручки девочки, например, вручили ему бесценную игру «Скажи правильно»! Какие другие сюрпризы она заготовила?

— Идем, монстрик. Никого нет, не бойся...

Герти повела его за руку. Ее пальцы утонули в огромной морщинистой ладони, на которой была начертана судьба космического существа — он вернется к звездам благодаря трем маленьким детям с Земли.

Герти, приплясывая, вытащила его из комнаты в коридор.

— Пойдем же, тебе понравится...

Он уже понимал, о чем щебечет девочка — день, проведенный с обучающей игрой «Скажи правильно», не

пропал даром. Настала пора немного попрактиковаться в новом языке...

— Скажи правильно: «Механик».

Герти воззрилась на него:

— М-е-х-о-н...

— Неправильно.

— Ой, да ты говорить умеешь! — она привела его в спальню Мэри, и в воображении инопланетянина тут же возник телепатический образ изящного, похожего на ивовую веточку создания. Образ нежный и красивый, но от него веяло одиночеством.

Милое гибкое существо, славный ивовый прутик, не думай о Мексике, ведь здесь рядом, совсем близко — привлекательный и элегантный поклонник...

«Блип-блип...»

Он проковылял к окну и увидел, как властительница его грез остановила машину напротив овощной грядки. Неужели родственная душа? Любит овощи, как и он? Это ли не основа для установления отношений? Только посмеет ли он явить ей свой баклажаноподобный облик?

Нет, это безумие. Она не поймет, почему он прячется в чулане. А он не сумеет объяснить, несмотря на почти совершенное владение ее языком. Скажи правильно: «Досада»!

— Мамочка в огороде, — сказала Герти. — Она нас оттуда не услышит.

Девочка на цыпочках подкралась к телевизору и включила его. На экране появился скачущий Маппит с выпученными, как у инопланетянина, глазами.

Старый ученый придвинулся к экрану поближе.

— Умеешь считать до десяти? — спросил Маппит, пялясь на Герти.

— Да, — ответила девочка.

— Один...— начал Маппит.

— Один, — сказал инопланетянин.

— Два! — пропела Герти, забегая вперед. — Двадцать, тридцать, сорок, пудюсят!

— Пудюсят, — повторил инопланетянин.

Маппит лихо отплясывал, выбрасывая в стороны огромные ступни. Герти подозрительно посмотрела на перепончатые лапы космолога.

— Ты Маппит? — спросила она.

— Нет.

— Яблоко, — проквакал Маппит.

— Яблоко, — эхом отозвалась Герти.

Космический растениевод бочком продвинулся к задней стенке телевизора, чтобы лучше разобраться в его устройстве. Телепатический щуп подсказал — чтобы перевести сигнал игры «Скажи правильно» в микроволновую частоту, необходим ультравысокочастотный тюнер. Скажи правильно: «Пеленгатор».

Вот он — надо его только извлечь. Правда, он принадлежит стройному созданию... Инопланетянин ощущал ее привязанность к одной из программ, в которой участвовал мужчина, играющий мускулами и совершающий дикие прыжки, — все это с идиотской ухмылкой на лице.

«И все же я вынужден позаимствовать эту деталь, временно».

Герти радостно визжала, и не успел добрый ботаник вытащить тюнер, как девочка нахлобучила ему на голову ковбойскую шляпу, под стать собственному сомбреро.

— Ну вот, монстрик, теперь мы с тобой ковбои.

— Будь хорошей, — с достоинством произнес заслуженный астроботаник, опасаясь, что визг ребенка может привлечь мать.

Старый путешественник, цепляясь за ковер, прошлепал к окну и выглянул наружу. Гибкого создания не было видно.

Он сдвинул на лоб ковбойскую шляпу и указал на коридор, по направлению к своей комнате:

— Дом.

— Ну-ка, повтори!

— Дом!

Герти так и покатилась от смеха.

— Герти, — донесся снизу голос матери. — Ты еще в жизни не видела такой огромной тыквы. Хочешь посмотреть?

— Мамочка, я играю с... с...

— Не шали. Не шали, будь хорошей, — быстро забормотал инопланетянин.

Для вящей убедительности он схватил куклу и заломил ей руку. Он знал, что это действует на не в меру разошедшегося ребенка подобно выключателю.

И действительно, девочка мигом затихла.

Стараясь не шуметь, он повел ее по коридору, остановившись на мгновение, чтобы полюбоваться из-за перил на мать Герти, которая сидела за столиком в прихожей и просматривала корреспонденцию.

Вокруг стройного существа сияла ласковая аура радужного света, на краешке которой ученый несколько секунд понежился.

— Идем же, монстрик, — шепнула Герти.

Она затащила его в заваленную хламом комнату Эллиота. Дверь в чулан стояла нараспашку, и девочка втолкнула страшилу в убежище. Тут же снизу послышался голос Эллиота:

— Привет, я пришел!

Герти забралась в чулан к пришельцу из иных миров. Взяв в руки игру «Скажи правильно», она надавила на кнопку с буквой «Б». На дисплее возникла буква, подобно которой на Земле еще не видывали. Да и голос, раздавшийся из коробки, произнес вовсе не привычное и родное «Б», а...

— ...Блип.

Или нечто, очень похожее, во всяком случае — совершенно бессмысленное; компьютерный чародей кротко улыбнулся, отчего стал совсем похож на черепаху.

— Неужели моя игра сломалась? — недоуменно спросила девочка.

— Нет, — ответило древнее существо. Ему удалось успешно перемодулировать сигнал, разрушив все связи в ячейках памяти и запрограммировав их на новом, ласкающем слух лексиконе.

Дверь в чулан распахнулась, и влетел Эллиот.

— Эллиот, — промолвил инопланетянин.

У мальчика отвисла челюсть.

— Я научила его разговаривать, — похвасталась Герти.

— Ты заговорил! — не веря своим ушам, воскликнул Эллиот. — А ну, еще разок!

— Эллиот...

— Ну, а ты можешь сказать — Ип?

— Ип, — покорно повторил инопланетянин.

В дверь комнаты трижды постучали.

— Это Майкл, — успокоил Эллиот. Они выбрались из чулана, и одновременно в комнату вошел Майкл.

Старый ботаник посмотрел на него и открыл рот:

— Скажи правильно: «Механик».

— М-е-х-а... Что ты сказал?

Эллиот фыркнул.

— Мы научили его разговаривать.

— Это я научила! — возмущенно поправила Герти.

Майкл шагнул вперед.

— Чему еще тебя научили?

— Скажи правильно: «Досада».

— Это все, на что он способен — просить что-нибудь правильно сказать?

Престарелый скиталец скромно потупил очи. Он еще не слишком хорошо воспринимал речь детей на слух, но знал, что самое необходимое объяснить сумеет: например, не забывать кормить его вовремя печеньем и «M&M» и стащить у матери ультравысокочастотный тюнер.

Беседу прервал телефонный звонок и затем голос Мэри:

— Эллиот, тебя!

Эллиот вышел в коридор, снял трубку параллельного аппарата и понес в комнату, волоча длинный шнур.

— Привет, Эллиот, — ухо резанул гнусавый, дребезжащий голос. — Это Лэнс. — Эллиот насторожился, почувствовав опасность. Ведь если Лэнс ему когда и звонил, то лишь для того, чтобы наврать, сколько выбил очков, играя в «Астероиды». А теперь — так и копает, так и вынюхивает, и несет всякий вздор про Сатурн, гору Олимп на Марсе, загадки космоса... — Да, Эллиот, космос, космос и только космос. Словно в мозгах засело. Странно, да? Тебе вообще не кажется, что происходит что-то непонятное? Вот сегодня...

— Я занят, — резко оборвал Эллиот, швырнул трубку на рычаг и вытер пот со лба. Лэнс явно что-то унюхал, это очевидно.

Старому ученому, телепатически присутствовавшему при разговоре, это тоже было ясно. Он все еще ощущал вибрацию биополя не в меру любопытного ребенка: от такого жди... скажи правильно: «Неприятности».

Время дорого. Он указал на телефон, потом — на окно.

— Что? Что ты хочешь, Ип?

Инопланетянин показал на телефон, на окно и махнул рукой в сторону неба.

— Звонить домой.

— Ты хочешь... позвонить домой?

Он кивнул:

— Ип звонить домой.

— Нет, Эллиот, не стоило обзывать учителя ползучим гадом.

— А чего он взъелся? Я просто пошутил.

— Что с тобой творится в последнее время?

— Со мной все в порядке, мам. Всего лишь фаза такая. Это пройдет.

— Не строй из себя психиатра, — Мэри выбрала

диетический крекер и с хрустом вонзила зубы в безвкусное печенье. Есть хотелось до сумасшествия, но она держалась из последних сил: уступи искушению, и в один присест она могла бы уплести целую булку с маслом и малиновым джемом. А как еще бороться с бесчисленными треволнениями, безымянными и теми, у которых есть вполне определенное имя — такое, как Эллиот?

— Мамочка, а ты настоящих чудовищ видела? — спросила Герти.

— Сколько угодно, — бодро ответила Мэри и подумала: «Более того, я побывала замужем за одним из них».

— А я дружу с взаправдашним чудовищем, — заявила Герти.

Эллиот мгновенно выхватил у сестры куклу и свернул ей шею.

— Эллиот! — завизжала Герти, но тут же осеклась. — Прости, я забыла.

— Бога ради, Эллиот, — взмолилась Мэри, — не будь садистом.

Герти захлюпала носом и стала гладить пострадавшую куклу, а рассвирепевший Эллиот смотрел на нее уничтожающим взглядом. Мэри взяла ломоть хлеба, густо намазала маслом и увенчала несколькими ложками джема. Разделавшись с внушительным сооружением, она вдруг ощутила себя настолько растолстевшей и отяжелевшей, что в утешение приготовила и с жадностью проглотила еще один бутерброд, не уступавший первому.

— Мам, — сказал Майкл, — так и всю булку съесть недолго.

— Замолчи, — приглушенно бросила Мэри и потянулась к хлебу, но Майкл проворно убрал булку подальше, Герти схватила джем, а Эллиот спрятал масло.

Она посмотрела на детей.

— Спасибо.

— Мама, которая объела весь мир, — продекламировал Майкл.

— Верно, верно, — пробормотала Мэри и сорвалась мыть тарелки, отгоняя прочь предательские мысли о бутерброде.

— Не подпускайте меня к еде. Спрячьте ее как можно дальше.

Так они и сделали. Попрятали еду за спины, отнесли наверх и скормили Ипу.

«Скажи правильно» было не узнать: игра была выпотрошена, схемы разобраны, соединены по-новому и то тут, то там заляпаны малиновым джемом. Вместо «механик», «досада» и других земных слов прибор выдавал теперь звуки, воспринимавшиеся на слух как нечто вроде «дуп-дупл», «скигл», «цлок».

Довольный инопланетянин нажимал на кнопки, демонстрируя сидящим рядом мальчикам работу устройства.

— Это твой родной язык, Ип?

— Ип звонить домой, — он указал на оконце чулана.

— И они прилетят?

Кивок головой.

Пока он изготовил только часть передатчика — звукопередающий блок. Его нужно установить под звездами, обеспечить бесперебойную работу днем и ночью, чтобы никому не приходилось нажимать на кнопки. Но необходимо найти движущую силу, способную поддерживать повторение, цикл за циклом.

Ученый увлек мальчиков из чулана за собой и подвел к проигрывателю. Жестами, короткими фразами и отрывистым ворчанием он изложил суть дела.

Но дети только хлопали глазами.

Он показал на тяжелый диск и жестом изобразил, что ставит пластинку.

По-прежнему полное недоумение.

Вконец расстроенный, старый натуралист в изнеможении зашагал взад-вперед по комнате, потом резко повернулся, открыл рот и попытался пропеть:

— Но эттт... та... роокк... к... н... роллл...

Возможно, в каких-то кругах Вселенной его голос показался бы мелодичным, но у детей он вызвал только хихиканье. Звездный странник ожег их испепеляющим взглядом.

— Ип делать песня.

Дети непонимающе уставились на него.

— Песня, песня, Ип делать песня, — он взял пластинку и выразительно помахал ею в воздухе.

— Ты хочешь сам сделать пластинку?

— Да, да.

— Из чего?

— Из... из... — если бы он знал! В одном лишь был уверен, что предмет должен иметь форму замкнутого круга. Попытался выразить это жестом.

— Ты хочешь что-то круглое?

— Да, да.

— И ты запишешь песню?

Майкл не выдержал:

— У нас нет своей студии звукозаписи. Знаешь, во что обойдется твоя пластинка?

Ип ткнул пальцем себе в лоб:

— Скажи правильно: «Механик».

— М-е-х-а... Подожди, зачем тебе? Что он хочет, Эллиот?

Эллиот пожал плечами:

— Может, он имеет в виду, что он механик?

— Да, да, скажи правильно: «Механик», — космический ученый устремился к проигрывателю и выдернул пучок проводов.

— Ну вот, — вздохнул Майкл, — хорошая была машина.

Ип протянул им провода:

— Еще.

— Тебе нужно больше?

Старый ботаник кивнул.

— Ему, видите ли, нужны провода... — Мальчики переглянулись, думая, как угодить требовательному го-

стю, который, переваливаясь с боку на бок, ковылял по комнате на перепончатых утиных лапах, поглощенный поиском высшего решения.

Как много всего нужно, чтобы записать свой собственный рок-н-ролл!

В водовороте его сознания снова и снова всплывал искомый образ, всякий раз с новыми дополнениями. Ему нужен... пиджак.

Он прошлепал в чулан, снял с распялки пиджак и надел на себя.

Для особы с такими узкими плечами сидит вроде бы неплохо, вот только пуговица на животе не хочет застегиваться. Впрочем...

Инопланетянин топтался на месте, недоумевая, что на него нашло: какое отношение имеет пиджак к передатчику?

Ах, нет же, кендырь[1] несчастный, — вовсе не пиджак!

А распялка для пиджака!

Он вперился взглядом в деревянную распялку, в то время как мозг усиленно работал. Распялка, казалось, засветилась и поплыла, гипнотизируя ученого. Прикрутить ее к проигрывателю, а потом...

...скажи правильно: «Тонарм».

Он схватил распялку, направил палец на перекладинку и стал выжигать в ней дырки, по одной на каждый проводок переделанной игры «Скажи правильно».

— Ого, да у тебя пальчик как сварочный прибор, Ип!

Не снимая пиджака, он заторопился в чулан, схватил панель, расплавил пальцем припой на контактах и припаял к ним все проводки, какие у него были.

— Еще... еще...

Мальчик заглянул в чулан.

— Еще... еще...— бормотал галактический путешественник, размахивая распялкой.

Дети скрылись и через некоторое время принесли

[1] Кендырь — многолетнее растение семейстиа кутровых.

провода, формочку для кекса, зеркало и колпак от колеса.

Провода он взял, а остальные предметы отверг. На таких пластинку не запишешь. Она должна быть твердой, плоской и круглой. Неужели непонятно?

Раздосадованный, он повернулся к герани.

«Это же только земные дети, — сказал цветок. — Они добрые, но медленно соображают».

— О'кей, Ип, принесем еще чего-нибудь.

— Да, барахла кругом навалом...

Глядя на детей, инопланетянин подумал, что не должен судить их слишком строго. Он как м-е-х-а-н-и-к должен сосредоточиться на том, чтобы припаять все проволочки к игре «Скажи правильно» и протянуть их концы к дырочкам в распялке. В дырочки должны входить контактные пальцы, маленькие, металлические и хорошо пружинящие.

Где-то он видел такие металлические пальцы, видел здесь, в доме. Но где?

Внезапно старый звездопроходец ощутил ласковые волны гибкого создания. Закрыв глаза, он сконцентрировался на ее мысленном образе.

Конечно, вот же металлические пальцы — в ее волосах. Как она их называет? Он телепатически нырнул в ячейку памяти Мэри, пошарил там и нашел, что хотел.

— Герти...

Прибежала маленькая сообщница.

— Скажи правильно: «Заколки для волос».

— З-о-к-о-л...

— Неправильно — он указал на свою скользкую, лишенную волосяного покрова голову.

— Тебе нужны заколки?

Утвердительный кивок.

Герти взяла страшилище за руку, и вдвоем они прокрались по коридору в спальню Мэри. Инопланетянин осторожно приблизился к окну. Похожее на иву создание возилось в огороде с невероятно вдруг вымахавшими

овощами — подобных здесь и не видывали. Озадаченное гибкое существо пыталось приподнять тыкву, такую огромную, будто ее вскормили через соломинку.

Стебли расставленных на подоконнике не по сезону буйно цветущих растений в горшочках потянулись к инопланетянину.

«Здравствуй, Хозяин. Что ищешь? Какая проблема тебя волнует?»

— Заколки для волос.

— Вот они, — сказала Герти, сняв крышку с белой фарфоровой курочки.

Старый путешественник взял заколки и вдруг заметил собственное отражение в зеркале над туалетным столиком Мэри. Быть может, если он впридачу к пиджаку облачится еще и в брюки, гибкое создание не испытает такого потрясения при встрече с ним?

Брюки придется, конечно, подкоротить, а на ступни натянуть бумажные пакеты...

— Идем, Ип,— Герти потянула его за руку из спальни и отвела назад в чулан.

— Зачем тебе мамочкины заколки?

Усевшись на подушку, он одну за другой повтыкал заколки в проделанные отверстия. Теперь с распялки свисали в ряд металлические контакты, которые должны царапать по поверхности пластинки. Заколки он подсоединил к проводам от игры «Скажи правильно».

— Какая интересная игрушка! — воскликнула Герти.— У тебя всегда так смешно выходит?

— Да.

— А зачем?

— Ип звонить домой.

— А где твой дом?

Он показал в сторону неба. Герти посмотрела в окошце.

— Это туда ты водил меня гулять во сне? Далеко-далеко?

— Да, далеко.

— А дома тебя услышат?

Потрясающая способность задавать вопросы у этих земных детенышей!

— Они снимут телефонную трубку и скажут: «Привет, Ип!»?

— Скажи правильно: « Приставака».

— П-р-е...

— Не так.

— Это все из-за того, что ты забрал мою игру «Скажи правильно», а она теперь говорит только «глипл-дипл».

— Глипл-дупл.

— Все равно, но «приставака» она не говорит.

Повернувшись спиной к старому натуралисту, Герти начала возиться с игрушечной плитой, которую предусмотрительно притащила в чулан. Сегодня она выпекала кекс по особому рецепту, смешивая глину с маминым кремом для лица. Престарелый механик, оставленный наконец в покое, копошился с передатчиком, мыча под нос (жутко перевирая) мелодию из «Сорока лучших песен», подслушанную по радиоприемнику Эллиота. Ботаник и девочка настолько были поглощены каждый своим занятием, что не услышали, как Мэри поднялась по лестнице и прошла по коридору. Очнулись они только тогда, когда открылась дверь в комнату Эллиота.

Старый монстр одним прыжком очутился у входа в чулан среди плюшевых зверюшек — пучеглазых маппитов и космических роботов. Он окаменел, а огромные глаза, венец эволюции, более совершенные, чем лучшие оптические приборы землян, остекленели, словно у лягушонка Кермита. Они невидяще смотрели перед собой, а сам инопланетный ботаник, застыв в оцепенении, казался таким же неживым, как игрушечный робот справа.

Вошла Мэри. Ее взгляд скользнул по разбросанным игрушкам, на мгновение встретился с глазами инопланетянина и остановился на пышно расцветшей герани.

— Ты принесла сюда цветок, Герти?

— Человек с Луны любит цветы. При нем они быстро растут.

Мэри погладила роскошную листву и изумленно покачала головой:

— Действительно, они растут и цветут, будто ненормальные. Не понимаю, что происходит.

— Съешь кекс, мамочка.

— Ого, как красиво,— удивилась Мэри, глядя на формочку.

Пожалуй, слишком красиво для глины. И пахнет так вкусно...

— Боже мой, Герти, уж не мой ли крем для лица ты сюда плюхнула?

— Банановый крем.

«Прощай, обновленная Мэри»,— подумала обездоленная мать, глядя на жалкие остатки чудодейственного средства.

— Герти, ангел мой, я не выйду из себя. Я понимаю, что ты не нарочно. Но мамочка платит по двадцать пять долларов за склянку крема, и теперь мне придется наложить его на лицо вместе с глиной, песком и камешками.

— Извини, мамочка.

— Хорошо, милая. Когда-нибудь я даже посмеюсь над этим. Но не сегодня.

Она снова скользнула взглядом по инопланетянину, застывшему в шеренге с маппитами, но даже глазом не моргнула, настолько была расстроена утратой драгоценного крема.

Когда Мэри отвернулась, межгалактический ботаник облегченно вздохнул, хотя и с некоторой долей грусти. Разве сможет она полюбить его, если он для нее то же, что лягушонок Кермит?

Высвободившись из опутавших его ниточек от подвешенной марионетки, Ип с тяжелым сердцем следил, как гибкое создание уходит из комнаты. Он значил для Мэри не больше, чем игрушка, чем все эти плюшевые уродцы.

Грустное космическое существо, скажи правильно: «Тоска».

Скажи правильно: «Отвергнутый».

Он примостился возле передатчика и припаял пальцем еще несколько проводков.

Какая нелепица, что похожая на иву чудесная Мэри убивается из-за сбежавшего мужа, когда рядом, в чулане, томится один из самых ярких умов во Вселенной! Инопланетянин перевел взгляд на свой тяжело волочащийся живот и впервые осознал его нелепость. Но даже перестань он есть печенье, несуразный бурдюк не похудеет. Таков уж он от рождения.

— Ты почему грустишь, Ип? — спросила Герти. Она посмотрела на Ипа и увидела, как пляшущий в его глазах водопад превратился в пустыню, изрезанную вековыми трещинами. Самое унылое и заброшенное место на свете.

Инопланетянин замигал, и пустыня исчезла. Он взял игру «Скажи правильно» и прикоснулся к кнопкам.

— ...Глипл дуплл цвак-цвак снафн олг мммнннип...

Звуки высшего разума утешили Ипа. Вот это настоящий язык. На нем можно высказать все, что накопилось в душе, на этом языке он каждую ночь будет вещать в пространство после того, как дети вернутся из скобяной лавки... Когда он покинет Землю, у него хотя бы останется чувство удовлетворения оттого, что он учил юных землян и наставил их на высший путь.

Если покинет Землю...

При взгляде на самодельный передатчик из заколок для волос и распялки в душу его закрались сомнения. Но внутренний голос заверил, что все идет как надо. Нужно только следовать его указаниям и надеяться.

А вдруг им не удастся стащить диск циркулярной пилы?

На лестнице послышались дробные шаги, и вошли Эллиот с Майклом. Они расстегнули куртки и вытащили пилу, пригоршни болтиков и других крепежных деталей.

— Возьми, Ип. Это то, что ты просил?

Ип возбужденно ощупал поверхность пилы, затем опустил ее на диск проигрывателя и крутанул пальцем. Острозубое лезвие завертелось, поблескивая в солнечном луче, проникшем через маленькое оконце.

— Но как ты сделаешь пластинку из пилы?

— Скажи правильно: «Краска»,— жестом Ип показал, что лезвие нужно покрасить.

— В какой цвет?

Ип показал на небо.

— В голубой?

Ип кивнул.

— Приходила мама,— объявила Герти,— и даже не заметила Ипа.

— Да? Значит, маскировка сработала? — восхитился Эллиот и указал на шеренгу бестолковых плюшевых игрушек.

— Уходите, уходите,— выпроваживал детей Ип. Ни один выдающийся ученый не вынес бы столько унижений, сколько досталось на его долю в этот день.

Мэри взглянула на себя в зеркало над туалетным столиком и сунула руку в фарфоровую курочку, в которой держала заколки для волос.

Там было пусто.

Она догадалась, где заколки. Конечно, Герти. Девочка уже пользуется ее косметикой. Теперь ей понадобились заколки.

— Герти!

Девочка вбежала в комнату.

— Да, мамочка?

— Верни мои заколки для волос.

— Не могу, мамочка, они нужны монстрику.

— Вот оно что! И зачем же?

— Для его машины.

Мэри задумалась. Стоило ли разрушать детскую фантазию из-за нескольких заколок?

— Ладно, Герти, иди играй.

— Передать от тебя привет монстрику?

— Обязательно. Самый сердечный.

Тем временем Ип, не покладая рук, трудился в чулане. Диск циркулярной пилы был покрашен, высушен, и теперь престарелый механик выжигал в нем отверстия.

— Я понял,— сказал Эллиот.— Это будет вроде шарманки.

Майкл перегнулся через плечо Эллиота, разглядывая узор из дырочек на лезвии пилы.

— Как в механическом пианино,— сказал он, наблюдая, как палец-паяльник Ипа выжигает в диске ряды отверстий, словно в перфокарте. Затем Ип положил пилу на диск проигрывателя, крутанул его рукой и опустил на «пластинку» распялку с припаянным к ней рядом заколок, которые царапали по вращающейся поверхности и щелкали при каждом попадании в дырочку в соответствии с заданной программой.

— О, Ип! Ты просто кудесник!

Как только диск закрутился, идущие от заколок проводки задействовали клавиатуру игры «Скажи правильно», и зазвучали вновь и вновь слова на звездном языке:

— ...Глипл дупл цвак-цвак снафн олг мммнннип...

— Ты все-таки добился своего, Ип! Сделал запись!

Вошла Герти с недавно выпрошенным у Эллиота уоки-токи, по которому переговаривалась с куклами, скучающими в ее комнате.

— Слушай меня, куколка, это говорит Герти...

Протянув длинную руку, Ип выхватил уоки-токи; в одно мгновение вычленил микрофон и вмонтировал его в игру «Скажи правильно».

— Ип, ты ломаешь все мои игрушки! — завопила на весь дом Герти.

Братья терпеливо принялись убеждать ее, злодейски выкручивая при этом руки куклы, что нельзя быть такой жадной.

— Ладно,— шмыгнула носом Герти.— Только пусть он больше ничего не портит...

Старый ученый заверил, что больше не тронет ни одной игрушки. Ему еще необходим только коаксиальный кабель от телевизора Мэри, а также механизм высокочастотной настройки — его черед уже настал.

Все вместе они крадучись вышли в коридор.

Позже, вечером, Мэри прошла к себе в спальню, включила телевизор, сбросила туфли и улеглась на постель. Превозмогая усталость, она развернула газету и принялась за чтение, но вскоре обратила внимание, что телевизор не работает.

— Майкл!

В доме было тихо.

— Эллиот!

Опять гробовое молчание. Материнская интуиция подсказывала, что здесь не обошлось без ее сыновей. Но тут же в мозгу отчетливо возник образ Герти.

Герти? Неужели малышка могла что-то натворить? Мэри, озадаченная, закрыла глаза. Вдруг ей представилась Герти, на цыпочках входящая в спальню с Маппитом на руках.

«Я слишком утомляюсь на службе»,— вздохнула Мэри и накрыла лицо газетой.

После короткого беспокойного сна она пробудилась с чувством голода. Не съесть ли булочку с клубничным джемом? Неужели снова настал Час Порока?..

Она тихонько спустила ноги на пол и, стараясь не шуметь, осторожно выбралась в коридор. Дети не должны застать ее; нельзя показывать им дурной пример — что это за мать, которая не в силах совладать со своим аппетитом и которая одержима мыслями о варенье?..

Мэри прислушалась. Эллиот и Майкл играли в детской. Отлично, они не станут свидетелями ее падения, не увидят, как она превращается в ненасытную свинью. Но самое главное — они не смогут ей помешать!

Мои заботливые детки, не желающие, чтобы мать стала толстой как бочка.

Но я не могу сдержать себя!

Я умираю от голода...

Все бы отдала за булочку... С заварным кремом... За рисовый пудинг...

Она на цыпочках спустилась по лестнице в прихожую и прислушалась: кажется — тихо.

В гостиной было темно и пусто. Мэри крадучись направилась к кухне. Приоткрыв дверь, она увидела за столом Герти и перед ней печенье и молоко. Мэри не заметила Ипа на табурете рядом с холодильником. Бедный космический гоблин съежился, не зная, куда спрятаться, и ожидая самого худшего.

— Для кого второй прибор? — Мэри указала на тарелки, жадно пожирая взглядом печенье, будто специально приготовленное для нее.— Для твоей куклы?

— Для инопланетянина,— простодушно ответила Герти.— Он любит печенье.

Бедный Ип готов был сквозь землю провалиться.

— Он не обидится, если я возьму одно?

— Конечно, нет. Он тебя обожает.

— Какой милый инопланетянин, — сказала Мэри, поспешно хватая печенье.

О, боже, какое наслаждение...

Невыразимое удовольствие охватило ее, и она поняла, что погибла.

«Я должна взять джем».

Она устремилась к холодильнику и рывком открыла дверцу, которая сбросила Ипа с табурета прямо в кор-

зину для мусора. Голова его оказалась внизу, ноги торчали наружу, но Мэри ничего этого не видела.

— Яблочное масло... мармелад... а вот и пирожки с черникой... Могу съесть хоть десяток...

— Мамочка, — спросила Герти, — у тебя опять приступ?

— Да, милая... Ириски... эклер...

Чьи-то сильные руки вдруг обхватили ее сзади.

— Не надо, мам!

— Ну, Эллиот, Майкл... Оставьте меня в покое!

— Мам, прошу тебя, ну пожалуйста... — Майклу стоило больших усилий оторвать мать от холодильника. — Ты же сама просила, чтобы мы удерживали тебя!

— Забудьте, о чем я просила... — она попыталась схватить печенье с тарелки Герти.

— Пойдем же, мам, — потянул ее за собой Эллиот, загораживая спиной торчащие из мусорной корзины ноги Ипа, — поиграем в «Монополию».

Мэри растроганно посмотрела на не на шутку встревоженного сына, который вертелся перед ней, всячески пытаясь отвлечь от холодильника.

— Ты славный мальчик, Эллиот.

— Ты же велела напоминать, что если станешь есть много сладостей, то превратишься в бочку.

Сыновья увлекли ее в прихожую, подальше от Ипа.

— Вы хорошие дети... Строгие, но хорошие...

Они подталкивали мать к лестнице.

— Не оглядывайся, мам. Знаешь же, что тебя ждет, если оглянешься!

— Да, отдел одежды для полных дам, — смиренно вздохнула Мэри, поднимаясь по лестнице.

С утра шел дождь. Мэри хотела взять зонтик, но его на месте не оказалось, и она нигде не могла найти его. Объяснялось это просто — зонтик был наверху, в чулане, переделанный в параболический рефлектор.

— Ого! — воскликнул Эллиот. — Вот это да!..

Ип обклеил зонтик изнутри фольгой, к ручке прикрепил банку из-под кофе с коротковолновым тюнером, от которого коаксиальный кабель вел к микрофону уокитоки. Микрофон в свою очередь был вмонтирован в игру «Скажи правильно», и звуки «глипл дупл цвак-цвак» теперь трансформировались в частоты ультраволнового диапазона. Древний радиотехник объяснил, что ему еще не хватает того приспособления, которое он разглядел под приборной доской в автомашине Мэри.

— Детектор дорожной полиции?! — Майкл в сомнении покачал головой.

Эллиот кивком поддержал его.

— Это единственное, что мама оставила себе после отца. Она дорожит этой штукой.

Ип начертил несколько диаграмм и показал мальчикам, как нужно смонтировать детектор с тюнером, чтобы сигналы микроволнового диапазона передавались в космическое пространство.

В тот вечер, когда Мэри торопилась домой после работы, ее детектор почему-то не сработал и не предупредил о полицейском радаре. Это обошлось ей в двадцать пять долларов штрафа.

Зато передатчик инопланетянина был почти готов.

— Да, но кто приведет его в действие? Откуда возьмется энергия, чтобы вращать эту штуковину? — спросил Майкл и крутанул диск проигрывателя с пилой-пластинкой.— Ведь там, на холмах,— он указал пальцем в окно,— никакого электричества нет.

Ип только что покончил с ужином. Он направил свой удивительный палец-паяльник на нож для масла, извлек из стали углерод, легко согнул лезвие и прикрутил вместе с вилкой к распялке, сделав из них храповик. Нож и вилка, цепляясь за зубья, поворачивали пилу.

— Так-то оно так,— пожал плечами Майкл,— но мы не можем всю ночь напролет крутить эту штуку.

Ип улыбался. Теперь он уже понимал, почему в его

сознании всплывала вилка, танцующая вокруг тарелки. Он смастерил именно такое устройство, которое будет работать там, на холмах, и ничьи руки не понадобятся, чтобы задействовать его.

— А это кто?

— Новенький.

— Что за новенький?

— Чародей первого класса. Вот его характеристика.

— Зачитай вслух.

— Мудрость — 20 баллов. Обаяние — 20. Интеллект — 18. Сила — 14.

— Имя?

— Ип.

Внизу, на кухне, мальчики играли в «Драконов и демонов», но Ипа больше интересовало, что происходит почти каждый вечер в комнате Герти. Для этого нужно было только приложить ухо к двери. Он так и сделал, оправдывая себя тем, что изучает историю земли. Из-за двери доносился негромкий голос Мэри.

— «Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пиратами?! — воскликнул Питер. — Я спасу ее! Освобожу! Ах, где мое волшебное снадобье?» Тинк кричит, желая остановить его: «Отравлено?! Кто мог это сделать? Я обещала Венди выпить его, и я выпью, как только наточу кинжал». Но тут малютка-фея выхватила пузырек из рук Питера и осушила его...»

— Не пей!.. Не пей! — воскликнула Герти.

— Не пей... — прошептал старый космический путешественник.

— «О, Тинк, ты выпила мое снадобье! Оно было отравлено, и ты выпила его, чтобы спасти меня! Тинк, дорогая, ты умираешь? Ее огонек тускнеет и если потухнет совсем — значит, она умерла! Я едва слышу ее, с трудом разбираю, что она хочет сказать...»

Инопланетянин склонил голову. Действительно, как ужасно...

«...она говорит, что ей станет лучше, если дети поверят в фей! Ты веришь в фей? Отвечай, веришь?..»

— Верю,— всхлипнула Герти.

— Верю,— повторил за ней Ип, слезы навертывались у него на глаза.

В этот момент Эллиот поднялся наверх за пластырем. Он поранил руку теркой для сыра. Древний ботаник увидел рану и направил на нее палец. Кончик пальца озарился ослепительным розовым светом. Эллиот испуганно отшатнулся — он видел, как Ип прожигает насквозь сталь... Ип легонько провел мерцающим теплым розовым светом над порезом. Кровотечение прекратилось, а ранка мгновенно затянулась, словно ее и не было.

Эллиот изумленно воззрился на свою руку. Он открыл было рот, чтобы поблагодарить Ипа, но почтенный врачеватель жестом остановил его и снова прильнул ухом к двери.

«Если верите в фей — хлопните в ладошки...»[1]

Ип тихо сблизил свои огромные неуклюжие ладони.

Ночью инопланетянин стоял в своей каморке перед окошком и наблюдал за небом. Луна наполняла его невыразимым чувством печали, ласковый шепот Млечного Пути проникал в самое сердце. Лучи, нежные и осязаемые, отражались в его широко раскрытых глазах; движение Великого Звездного Колеса доносило открытую музыку летящих в бесконечности звезд и планет, он слышал их беседу в темноте, торжественные голоса титанов космоса, преодолевающих огромные расстояния.

Охваченный грустью, он прижался лбом к стеклу. Когда-то и он был частицей Великого Колеса, ему было доступно лицезрение чудес Вселенной, он видел рождение звезд. А сейчас — ютится в крохотном чулане, рядом с украденным зонтиком и дурацким Маппитом...

---

[1] Из «Питера Пэна и Венди» Джеймса М. Барри.

Он обернулся к плюшевой игрушке, но Маппит только пялился в ночь стекляшками глаз, будто погруженный в собственные мысли.

Невыразимая грусть по космосу овладела Ипом. Каждая косточка его тела тосковала по звездным лучам, рвалась туда, где великолепие Ориона перехватывало дыхание, где чудесными красками играли туманности. Он тосковал по Плеядам, где голубой ореол молодой звезды светит прямо в сердце, по туманности Вуали, вечно перемещающейся в пространстве и нашептывающей свои величавые тайны тем, кто плывет вместе с ней в космическом океане.

Терзаемый воспоминаниями, Ип отошел от окна и тихо растворил дверь чулана.

Он прокрался мимо спящего Эллиота в коридор и, стараясь не шуметь, заковылял вдоль стены. За ним двигалась бесформенная тень то ли шагающей тыквы, то ли дыни,— уродливый выходец из чужих миров, он теперь уже на все смотрел глазами землян. Проникшись их представлениями о красоте, он стал воспринимать себя как ходячую карикатуру, оскорбляющую взор и разум, как пугающе-безобразного урода.

Он приоткрыл дверь в комнату Герти и некоторое время разглядывал спящую девочку. Вот она считает, что у него приятная внешность, но ведь ей и лягушонок Кермит кажется красавцем.

Он просеменил дальше, к комнате Мэри, и осторожно заглянул в дверь.

Мэри спала, чудесный ивовый прутик, и он долго не мог оторвать от нее глаз. Богиня, самое красивое создание, которое он когда-либо видел. Сверкающие волосы, разметавшиеся по подушке — совершенство природы; закрытые глаза, словно спящие бабочки на благоухающем ночью нарциссе, губы — лепестки водосбора.

«Мэри...» — прошептало его старое сердце. Он прокрался на неуклюжих перепончатых ногах к изголовью

постели. Самое прекрасное существо в мироздании, а что он мог дать ей?

Ничего.

Только украл детектор из ее автомобиля.

Прелестное создание шевельнулось во власти сновидений, но ни в одном из них, Ип твердо знал это, не было места старому ботанику — звездопроходцу с животом как тыква.

Осторожно он положил ей на подушку «M&M» и тихо вернулся в коридор.

Там его поджидал Гарви.

Пес сидел, высунув язык, и смотрел на приближающееся к нему странное существо, как на горшок с подливкой.

Ип потрепал дворняжку по загривку.

Мурашки пробежали по спине Гарви, хвост свернулся крючком. Гарви посмотрел на предмет своей гордости, затем перевел взор на Ипа: «Пожалуйста, приведи в порядок мой хвост».

Инопланетянин коснулся собачьего носа, и хвост выпрямился.

Каждую ночь, когда все засыпали, они вместе бродили по дому, неся ночной дозор. Гарви трусил за гостем вниз по лестнице.

Ип остановился у ниши, где стоял телефон, и поднял трубку. Услышав гудок, он поднес трубку к уху Гарви. Собака внимательно прислушалась. Ей приходилось видеть, как Эллиот крутил диск пальцем, что-то говорил, и вскоре появлялась пицца.

Гарви ткнулся носом в диск, пытаясь его повернуть, в надежде, что вот-вот появится сандвич с бифштексом. Ип несколько раз крутанул диск, и они услышали сонный голос:

— Алло... Алло...

«Один сандвич с бифштексом»,— подумал Гарви и мысленно прибавил к заказу сахарных косточек.

Ип положил трубку на место, и они проследовали дальше, в гостиную.

Цветная фотография Мэри стояла на телевизоре. Ип взял ее в руки и запечатлел на губах Мэри поцелуй.

Затем он показал портрет собаке.

Не проявляя никаких чувств, Гарви взглянул на фотографию в рамке. На стекле остались следы поцелуя. За все, что было обслюнявлено в доме, влетало Гарви, и пес понял, что попадет ему и на этот раз. Он мотнул головой, приказывая Ипу поставить рамку на место. Но тот, сунув фото под мышку, прихватил его с собой.

«Ну вот,— подумал Гарви,— теперь решат, что я съел рамку». И зачем только он сжевал коврик в ванной, веник, шляпку Мэри и пару вкусных кожаных перчаток? Теперь чуть что — сразу обвиняют его!

Ип бродил по гостиной. На столе стояла ваза с цветами. Старый ботаник нежно коснулся цветов и что-то прошептал на непонятном языке.

Гарви с надеждой повел носом. В одном из своих собачьих сновидений он нашел целый куст, на котором росли сосиски, и с той поры потерял покой, разыскивая этот куст повсюду.

Ип протянул ему розу, и Гарви торопливо ткнулся в нее носом, но сосисками и близко не пахло — глупый, бесполезный цветок.

Ип аккуратно укрепил розу в ободке рамы с фотографией Мэри, так что роза и Мэри стали единым целым — два самых красивых создания на свете.

Затем Ип направился на кухню. Гарви радостно завилял хвостом и облизнулся — кухня была средоточием всех его собачьих вожделений.

Ип показал на холодильник.

Гарви, заурчав, радостно мотал головой. Сколько раз он тщетно пытался дотянуться лапой до ручки этого волшебного ящика!

Ип открыл холодильник, достал молоко и шоколадный торт. Гарви только жалобно повизгивал, источая

слюну и размахивая хвостом, и Ип дал ему остатки ветчины, обнаруженной на верхней полке.

Пес мигом проглотил нежное мясо и преданно посмотрел на Ипа: «Я твой. Если что-нибудь случится — дай мне знать...»

Когда смеркалось, на улице рядом с привычным фургоном, развозящим пиццу, появился еще один автофургон, но от него не исходил аромат сыров и помидоров. Он был набит подслушивающей аппаратурой, такой чувствительной, что ей воздали бы должное даже космические пришельцы. У оператора, сидевшего перед освещенной панелью, на поясе висела внушительная связка ключей. В наушниках звучали шумы и разговоры, происходившие в домах квартала.

«Для печенья на чашку муки достаточно чашки молока?..»

И:

«Убирайся вон из моей жизни, ясно?»

И:

«Джек, я вечером сижу с ребенком, приходи, если хочешь...»

Автофургон медленно продвигался по улице, оператор внимательно вслушивался в каждый голос, в каждый разговор, который доносился до него в будничной мозаике вечера:

«Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пиратами? — воскликнул Питер».

И:

«Передатчик уже готов, Майкл. Можно вывезти и установить...»

Оператор с ключами на поясе махнул водителю, и машина остановилась.

«Знаешь. Эллиот, в последнее время он очень плохо выглядит».

«Не говори так, Майкл, мы чувствуем себя прекрасно».

«Что значит "мы"? Ты теперь все время твердишь "мы", "мы"...»

«Это телепатия. Я... он мне так близок, словно он — это я...»

Неискушенный человек пропустил бы этот разговор мимо ушей — обычные ребячьи фантазии, — но для оператора в автофургоне разговор этот был равноценен сигналу с Марса. Перед ним тут же появился план улицы, и жирный красный круг очертил дом Мэри.

Эллиот как можно понятнее объяснил Ипу, что такое Хэллоуин, напирая на то, что это единственная возможность у Ипа появиться на улице.

— Все без исключения будут в самых невероятных и уродливых маскарадных костюмах и масках, — говорил он. — Извини, я не хотел сказать что ты уродлив, как раз наоборот...

— Скажи правильно: «Наоборот», — попросил Ип, когда Эллиот накинул на голову старому путешественнику простыню и обул лапы-ласты в громадные меховые домашние туфли. Туалет завершала широкополая ковбойская шляпа.

— Сойдет,— оглядел Ипа Эллиот.— Можно идти куда угодно.

Сам Эллиот вырядился в какое-то горбатое чудовище, под стать Ипу, чтобы космический гоблин не слишком выделялся. Но против костюма Майкла Мэри решительно восстала.

— Нет,— упорствовала она,— окончательно и бесповоротно нет! Одетый террористом ты не выйдешь!

— Но все ребята...

— Ты и двух шагов не пройдешь в таком виде!

— Мам... Прошу тебя!..

— Нет! А где Герти?

— Наверху. Наряжается вместе с Эллиотом.

Но Герти не наряжалась вместе с Эллиотом. Она смотрела в окно.

Эллиот обернулся к Ипу.

— Мама ни за что не заметит разницы, ты только помалкивай в своей накидке, о'кей? Усвоил, что ты — Герти?

— Герти,— отозвался старый гоблин.

Мэри ждала их внизу. По случаю Хэллоуина она облачилась в костюм под леопарда, надела полумаску и вооружилась волшебной палочкой, чтобы осаживать не в меру разбушевавшихся ряженых.

— Ого, мам, ты классно выглядишь!

— Спасибо, Эллиот, очень мило с твоей стороны.

Не только Эллиот с обожанием смотрел на мать. Старое чудище, скрытое покрывалом, тоже восторженно взирало на Мэри, которая казалась ему прекрасной, как никто другой.

— Герти,— сказала Мэри, подходя к Ипу,— у тебя замечательный костюм. Как тебе удалось сделать такой толстый живот?

— Мы привязали подушку,— поспешил отозваться Эллиот.

— Просто молодцы,— похвалила Мэри.— Но будет лучше, если шляпу сдвинуть слегка набекрень.

Ее руки взлетели над черепашьей головой инопланетянина. Щеки Ипа зарделись. Восхитительные волны исходили от рук создания, похожего на ивовый прутик, вызывая сладкую дрожь в страусиной шее старого ученого. Сердце-фонарик засветилось, и он поспешно прикрыл его рукой.

— Так-то лучше,— сказала Мэри и обернулась к Эллиоту.— Следи за ней, и не ешьте ничего, не завернутого в фабричную упаковку, не разговаривайте с незнакомыми...

Вниз сошел Майкл в слегка измененном костюме террориста.

— ...не ешьте яблок, в них могут оказаться бритвенные лезвия. И ничего не пейте, там может быть подмешан ЛСД.

Мэри наклонилась и поцеловала мальчиков, а затем и покрытую покрывалом голову гоблина; утиные колени Ипа задрожали, внутри все затрепетало; нежный свет, словно туманность Ориона, вспыхнул в сердце-фонарике.

— Ну, идите, развлекайтесь,— напутствовала Мэри.

Эллиот потянул инопланетянина за руку — тот как завороженный застыл на месте, не в силах оторвать глаз от Мэри, словно узрел рождение новой звезды. Он зашаркал к двери в огромных шлепанцах, но все же не удержался и бросил последний взгляд на ивовое создание.

— Веди себя хорошо, золотко, — на прощание сказала Мэри.

«...золотко...» — молча повторил Ип, и трепет охватил его.

Мальчики увлекли инопланетянина к гаражу. Там ждала Герти, пряча под покрывалом упакованный в картонную коробку передатчик и сложенный зонтик. Ип взглянул на зонтик и тут же подумал, а хочет ли он воспользоваться им? Может, лучше провести остаток дней в чулане, рядом с Мэри?..

— Ну, Ип, прыгай!

Они помогли ему залезть в проволочную корзину, укрепленную на багажнике, привязали к раме передатчик и выкатили велосипеды на улицу. Ип лежал в корзине, подобрав под себя ноги, и глазел на веселящихся на улице детей землян — принцесс, кошек, клоунов, бродяг, пиратов, чертей, горилл, вампиров, франкенштейнов. Поистине Земля — удивительная планета!

— Держись крепче, Ип!

Эллиот ощущал тяжесть инопланетянина — маленького существа, затерявшегося в мироздании. От предстоящей ему сегодня важной миссии мальчик испытывал удивительный душевный подъем. Орудуя рулем и крутя педали, он вдруг осознал, что становится лучше, чище, возвышеннее. Легкомыслие оставляло его, уносясь куда-то во тьму. Хотя у него хватает недостатков, но именно ему выпала судьба исполнить высокую миссию. Каждый оборот колеса делал Эллиота все более счастливым и независимым. Он обернулся к Майклу, и тот улыбнулся ему, сверкнув зубными скобами. Эллиот посмотрел на сестру, и Герти помахала ему рукой, хихикая над тем, как скрючился в корзине Ип, задрав кверху ноги в меховых шлепанцах.

«Мы поможем ему вернуться туда, откуда он прилетел»,— думал Эллиот, глядя на Млечный Путь, мерцающий сквозь легкую дымку. Таинственное сияние исходило от звезд, всполохи и паутинки холодного пламени опускались вниз, касались Эллиота и исчезали вдали.

— Что за чудо-юдо?! Впервые вижу такую жуть...— воскликнул мужчина на крыльце дома. Его жена изумленно взирала на Ипа, как и дети, испуганно жавшиеся к родителям.

Ип стянул с себя покрывало. В ковбойской шляпе и шлепанцах, с выпученными глазами, свисавшим до земли животом и ногами, как у жабы, он выделялся даже среди пестрой толпы ряженых. В какой бы дом они ни заходили, облик Ипа неизменно вызывал переполох. Старый ботаник веселился от души. Несколько недель он провел взаперти, и теперь смело протягивал свою кошелку для подарков, в которую по обычаю клали конфеты, вафли, печенье...

— Потрясающе... — бормотал мужчина, провожая их и не сводя глаз с Ипа, с его похожих на древесные корни пальцев на почти достающих до земли руках.

Ип вышел на пешеходную дорожку с доверху набитой

кошелкой. Сколько тут сокровищ — повышенной питательности вафли и конфеты, которых в космосе ему хватило бы на долгое время, уйма «M&M» и одна огромная плитка под названием «Млечный Путь», по-видимому, предназначенная для особо длительных путешествий.

— Ты производишь фурор, Ип,— заметил Эллиот, ведя велосипед по дорожке.

Космическое создание ковыляло рядом, и Эллиот всем своим существом ощущал счастье, переполнявшее Ипа. Он на собственном опыте знал, каково, когда над тобой потешаются. А вот сейчас он этого не чувствовал. Он казался себе старше, умнее, чувствовал дыхание далеких миров; великие мысли посещали его и уносились, словно кометы, оставляя за собой огненный след и ощущение причастности к чуду.

Ип заметил, что многие ребята заглядывают в чужие окна, и потянул Майкла за рукав.

Они прокрались через лужайку к освещенному окну. По комнате расхаживал мужчина с банкой пива в руке и сигарой в зубах. Старый небожитель улыбнулся, положив подбородок на подоконник. Вот бы каждый вечер выходить на улицу со своими друзьями и подглядывать в чужие окна — на Земле стоило бы жить!

— Пойдем, Ип! — торопила Герти.— Пойдем же...

Девочка тихонько провела его вокруг дома к парадному крыльцу, нажала на кнопку звонка, и они дали деру.

Меховые тапочки шлепали по земле, один слетел с ноги, куда-то делась ковбойская шляпа. Ип вопил от радости. Он жил! Жил! Он был равноправным обитателем Земли!

— Быстрее, быстрее! — торопила Герти, и, запыхавшись, они шмыгнули в какие-то кусты. У Ипа из пальцев ног струился легкий туман. Старый инопланетянин был так возбужден, что его пальцы сами собой вычерчивали формулы, рожденные высшим галактическим разумом,

которые раскрывали самые сокровенные тайны космической эволюции. Но великий ботаник уже ковылял вразвалочку, обуреваемый желанием заглянуть еще в одно окно.

Так они переходили от дома к дому. Ип от возбуждения съел почти все подаренные сладости и высказал пожелание пополнить запасы.

— Ладно,— согласился Эллиот.— Зайдем вон в тот дом.

И он повел Ипа по дорожке, уверенный, что чудное существо примут за шалуна-подростка в надувном резиновом костюме. Что касается Ипа, тот и думать забыл о своей нелепой для Земли наружности. Он уже воспринимал ее как нечто совершенно естественное: как всякий землянин, он жевал конфеты, звонил в двери, выпрашивал подарки и шмыгал носом.

Но когда распахнулась дверь и на пороге возник рыжеволосый коротышка, Ип впервые за весь вечер испуганно заморгал. Рыжего мальчишку он узнал сразу — это был тот самый Лэнс, к которому он давно питал недоверие. Лэнс в свою очередь подозрительно разглядывал Ипа.

— Это что за пугало? — спросил он, не веря, что длинные руки и круглый, будто кегельный шар, живот были из резины.

— Это... это мой двоюродный брат,— пролепетал Эллиот, готовый казнить себя за то, что не узнал дома Поганца; они попались в ловушку, и теперь от Лэнса не отделаешься.

— Ну и уродина,— усмехнулся Лэнс, приближаясь к ним, словно влекомый неведомой силой, которая, казалось, исходит от причудливого гостя.

«Ай-яй-яй, какой любопытный,— подумал древний космолог.— Надо держать ухо востро».

Ип попятился, Эллиот отступил за ним. Но Лэнс неотвратимо надвигался. Подхватив Ипа, Эллиот вскочил на велосипед. Лэнс тут же оседлал свой.

— Скажи правильно: «Быстро»,— пискнул с багажника Ип, и Эллиот изо всех сил нажал на педали, злясь на себя, что из-за собственной беспечности показал Ипа Лэнсу, а значит, и всему свету. Но разве можно сохранить от людей такую тайну, как Ип? Так и подмывает им похвастать, посмотреть, как у людей при виде его отвисает челюсть. Но уж кому-кому, а Поганцу его вообще нельзя было показывать. Такого паршивца не проведешь. Он с первого взгляда поймет, что перед ним инопланетянин.

Ип, второпях засунутый головой вниз в корзину на багажнике, гадал, что предпримет Лэнс? Не обратится ли к властям? Неужели все кончится тем, что из него набьют чучело?..

Эллиот оглянулся. Лэнса не было видно.

Но он ошибся. Кратчайшими путями, известными только таким пронырам, Лэнс мчался за ними сквозь ночной сумрак. И откуда он знал, где сворачивать, чтобы сократить путь?! Словно телепатически настроенный на волну Ипа, он крутил педали как одержимый. Встречный ветер прижимал рыжие волосы к голове, отчего нелепые уши Лэнса, казалось, торчат еще больше. Фонарь на его велосипеде не горел, только отражатели поблескивали в темноте. Лэнса бросало то в жар, то в холод. За свою короткую жизнь у него никогда ничего не получалось толком, он вечно слонялся без дела и даже в электронные игры сражался сам с собой. Но сегодня, сегодня он весь дрожал от прилива сил и преодолевал повороты, как заправский гонщик. Его торчащие вперед зубы лязгали от возбуждения. Ночь явно благоволила ему.

При выезде из города Лэнс наскочил на край тротуара, велосипед задребезжал, и он увидел, как далеко впереди сверкнул в свете уличного фонаря отражатель на велосипеде Эллиота.

«К холмам едет»,— решил Лэнс и усмехнулся. Велосипед бесшумно пронесся под фонарем, его седок при

всем желании не сбился бы со следа. Казалось, его ведет какой-то внутренний безошибочный автопилот.

Лэнс склонился над рулем, без устали работая педалями. Мысли о космосе настолько захватили его, что Лэнсу чудилось, будто он вот-вот взмоет в небо. Миновав последний уличный фонарь, он помчался по темному шоссе.

Эллиот оглянулся через плечо и, не увидев преследователя, свернул на просеку.

Космический путешественник трясся на багажнике, вцепившись в край корзины. По мере приближения к месту посадки корабля мысль его работала все лихорадочнее. Сейчас он установит передатчик, и в небо полетят сигналы. Космос необъятен, время бесконечно, нельзя терять ни минуты... Но как медленно ползет велосипед, едва продвигается вверх по склону...

— Эллиот...

— Да?

— Скажи правильно: «Держись крепче», — старый космолог шевельнул пальцами, и... велосипед оторвался от земли. Он пролетел над кустами, обогнул верхушки деревьев и поплыл над лесом.

«Так-то лучше», — подумал Ип и поудобнее устроился в корзине.

Руки Эллиота будто прилипли к рулю. Он посмотрел на темневший внизу лес с едва различимыми просеками и тропинками. Сверху за спиной светила луна.

На ветке проснулась сова, лениво расправила крылья и пощелкала клювом, мечтая изловить на ужин жирную полевку или хотя бы летучую мышь. Она взлетела, не спеша взмахивая крыльями, и вдруг, выпучив круглые глаза, круто взвилась вверх.

Что за напасть?..

Человек верхом на железном чудовище пролетел мимо. Сова, сложив крылья, камнем ринулась вниз и, оцепенев, припала к земле. Но и тут прямо на нее, продираясь сквозь заросли, надвигалось такое же чудо-

вище. Метнувшись в сторону, сова едва выскочила из-под колес Лэнса. Он спешил, велосипед подскакивал на корнях. В голове гудело от сигналов, которые вели его. Лес принял Лэнса, раскрывая свои тропинки, и Поганец продирался сквозь такие заросли, где не прошел бы и опытный лесник. Но где же Эллиот?

Паутина лунного света, проникавшего сквозь кроны деревьев, скрывала Эллиота от Лэнса. Эллиот едва касался педалей, в ночной тишине слышно было лишь, как позвякивает велосипедная цепь. В душе он всегда верил, что его велосипед может летать, иногда ему даже казалось, что он вот-вот взлетит, особенно если он резко тормозил на краю обрыва, но до этого вечера чуда не происходило. Сегодня чудо совершил Ип, посвященный в тайны космической науки, доступные лишь тем, кто прожил миллионы и миллионы лет. Законы этой науки управляли межгалактическими полетами, и уж, конечно, тому, кто владел ими, ничего не стоило на милю-другую перенести по воздуху велосипед.

Выглянув из корзины, космический странник увидел, что они приближаются к цели. Он мягко посадил велосипед на траву, но в последний момент тот опрокинулся набок, и длинный палец на ноге старого космолога попал в спицы.

— Ай-яй-яй-яй.

Высвободив ногу, Ип выполз из-под велосипеда, пострадавший палец болел, но ученый был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Эллиот поднялся и тут же начал развязывать коробку с передатчиком.

Ип оглядел поляну — не подстерегает ли его здесь кто-нибудь из тех, кто охотился за ним в ту первую ночь на Земле? Его внутренний радар не спеша прощупывал лес, но, наткнувшись на Лэнса, обогнул его, не отреагировав. Ведь эманация рыжего выскочки сейчас не отличалась от эманации Ипа, такого же отверженного, одинокого и неприспособленного. Поэтому радар и не засек Поганца, не почуял угрозы.

Ип повернулся к Эллиоту и знаком показал, что пора устанавливать передатчик.

Диск циркулярной пилы вращался, словно волшебная тарелка, по которой плясали, цепляясь за зубья, нож и вилка. Старый ботаник протянул к деревьям сотни проводков, присоединил их к прожилкам листьев, к ветвям и корням. По этим проводкам из растений текла живительная энергия. Как это получалось, знал только он. Но и Эллиот ощущал, как животворная сила леса питает и приводит в действие передатчик.

Раскрытый зонтик, оклеенный изнутри фольгой, поблескивал в лунном свете. Но он отражал не только свет луны. Микроволновый сигнал детектора дорожной полиции, рождаемый высокочастотным тюнером, посылал в пространство сигналы из параболического отражателя:

глиппл дуппл цвак-цвак олг ммнннан...

На самом деле звуки эти были гораздо мелодичнее, но человеческая речь не может передать всего их благозвучия.

Эллиот прислушивался к сигналам. Он не терял надежды на успех, однако передающее устройство казалось ему таким примитивным, таким слабым, что он сомневался, отыщут ли излучаемые волны кого-нибудь в беспредельном пространстве космоса.

Пришелец из другого мира почувствовал сомнения мальчика и тронул его за плечо.

— Мы отыскали окно.

— Какое окно?

— Окно нашей частоты. Нас услышат.

Они еще долго молча стояли возле передатчика. Казалось, звезды тоже прислушивались к удивительным сигналам, но слушал их и Поганец Лэнс, затаившийся в кустах.

Тем временем Мэри отбивалась от ватаги ряженых, осадивших дом.

— Добро пожаловать. Заходите. О, Боже, что за страхолюдина...

Дети пели специально для нее, роняя изо рта на ковер жевательную резинку; танцевали, размахивая руками, и если мешал обслюнявленный леденец, его прилепляли к стене, чтобы потом отодрать обратно вместе с куском обоев. Гарви решил попробовать свои зубы на одном из ряженых. Пока бесстрашный страж дома вел схватку с маленьким гостем, наверху неслышно растворилось окно, и в спальню Мэри проник агент Федерального бюро. Дорогу ему указывала колеблющаяся стрелка электронного прибора.

В комнате Эллиота стрелка заметалась из стороны в сторону, а в чулане и вовсе обезумела. Агент, казалось, был вполне удовлетворен. В то время как внизу затягивали платком пасть Гарви и ублажали шоколадом плачущего ребенка, он прокрался обратно в комнату Мэри и благополучно вылез в окно.

...глиппл дуппл цвак-цвак...

Инопланетянин и Эллиот сидели возле передатчика, глядя в ночное небо и прислушиваясь. Лэнс следил за ними из кустов. Небо молчало.

Прошло несколько часов, Эллиота сморил сон, Лэнс вернулся домой. Оставшись наедине с передатчиком, Ип взглядом проследил в темном небе траекторию уходящего вдаль сигнала.

Старый космолог чувствовал недомогание. Может быть, переусердствовал с конфетами? Он углубился в лес — навестить растения. Шагал Ип тяжело, тяжелее обычного. Возможно, он устал, бегая от дома к дому, как одержимый. Он не был к этому привычен.

Ип подошел к ручью и присел. Журчание потока приятно ласкало слух, и инопланетянин опустил голову

в воду. В таком положении он провел несколько часов, внимая току земной крови, бегущей по этой артерии. Наконец он уснул, не поднимая головы из воды.

— Ростом около четырех футов, — объясняла полисмену Мэри. — Небольшой такой... Выряжен горбуном...

Она зарыдала.

— Уверена, что он наглотался бритвенных лезвий...

— Ну-ну, успокойтесь,— увещевал ее полисмен.— Заблудился, наверно. Такое бывает на Хэллоуин с уймой ребятишек. Уверяю вас, с вашим мальчиком ничего не случилось.

Уже наступал серый рассвет. Герти и Майкл вернулись домой в десять часов вечера. Постель Эллиота была не тронута. Голова у Мэри раскалывалась. Сквозь слезы она взглянула на полисмена.

— Я очень дурно обращалась с ним в последнее время. Заставляла прибирать комнату...

— Что же тут дурного? — удивился блюститель порядка.

Гарви пытался вмешаться в разговор, но его морда еще с вечера была перетянута платком. Он стал скрести лапами дверь и жалобно скулить.

— Эллиот! — вскочила Мэри.

Эллиот шел по лужайке заднего двора... На радостях Мэри освободила Гарви от пут, и пес завизжал от счастья, двигая онемевшими челюстями.

— Ну вот и ваша пропажа,— улыбнулся полисмен, пряча в карман блокнот, куда записывал сообщаемые Мэри приметы, и покинул воссоединившееся семейство.

— Надо найти его, Майкл. Он в лесу. Где-нибудь недалеко от поляны...

Мэри уложила Эллиота в постель. Теперь пропавшим

был Ип. Майкл отправился в гараж за велосипедом и несколько минут спустя уже катил по улице.

Обернувшись через плечо, Майкл увидел, что за ним по пятам следует автомашина. В ней сидели трое и явно наблюдали за ним. Майкл круто свернул в узкий проход между домами и, отделавшись от преследователей, поспешил к холмам.

Он нашел Ипа у ручья с опущенной в воду головой. Старый путешественник выглядел неважно, но уверял, что чувствует себя хорошо, а голову держал в воде, чтобы послушать голос ручья...

Для вящей убедительности он махнул рукой на ручей, на деревья, на небо, но Майкл видел, что Ип бледнее обычного и двигается медленно и с трудом.

— Но ведь он работает совсем недолго,— говорил Майкл.— Еще рано расстраиваться.

— Вот и скажи ему об этом,— Эллиот кивнул в сторону чулана, где предавался грустным мыслям инопланетянин.

Пришелец из космоса понимал, что глупо ждать немедленного результата. Его и вообще может не быть. Он грезил о Великом Корабле; стоило только закрыть глаза, как перед ним всплывал его прекрасный, сверкающий образ, приближающийся к Земле, но, очнувшись, Ип снова оказывался один; и только полупустая коробка конфет и бестолковый Маппит разделяли его уединение.

В другом конце дома Мэри занималась уборкой, размышляя над тем, подскажет ли ей жизнь ответ на мучавшие вопросы и что ее ждет впереди. Она задумчиво орудовала пылесосом, подхватывая обрывки гитарных струн и какие-то семена, при виде которых пугалась — уж не марихуана ли это... Эллиот и Майкл очень странно ведут себя в последнее время, так же, впрочем, как и Герти... Что происходит в доме?

Аэробикой заняться, что ли?

Во всех случаях надо купить новые туфли.

А может быть, так и надо, и все идет как положено? Ах, если бы еще на лице не добавлялось морщин и не приходилось покупать дорогие кремы для борьбы с ними...

В дверь позвонили.

По непонятным причинам сердце Мэри учащенно забилось. Безумие, конечно, но в последнее время все словно с ума посходили. Она устремилась к двери с мыслью, что на крыльце ожидает ее очаровательный бродяга-муж... Или кто-нибудь другой, высокий, темноволосый, неотразимый...

Она открыла дверь.

Перед ней стоял низенький, рыжеватый и не очень симпатичный на вид мальчишка со слюнявыми губами.

— Эллиот дома? — прогнусавил он.

— Минутку, Лэнс... — она тяжело вздохнула и поднялась по лестнице к комнате сына. Дверь, как обычно в последнее время, была заперта на ключ. Что они там делают? Что за бессердечие, вынуждают ее преждевременно прибегать к разным кремам...

Она постучала.

— Эллиот, к тебе Лэнс.

— Поганец?! Скажи, пусть проваливает!

— Я скажу, чтобы он поднялся.

Она спустилась в прихожую, подумав, что вся ее жизнь ограничена теперь этими ступеньками. Неужели впереди ее ничего не ждет?

— Спасибо, — поблагодарил Лэнс и уверенно двинулся к лестнице. Нечто совершенно новое неожиданно ворвалось в его жизнь, и он хотел выяснить все до конца. Его торчащие уши, которые мать на ночь приклеивала к голове липкой лентой, вопреки всем ее надеждам оттопыривались еще больше. Он постучал.

— Открой, Эллиот.

— Убирайся!

— Я хочу видеть инопланетянина.

Он улыбнулся, гордый произведенным эффектом, так как за дверью вдруг наступила мертвая тишина.

Дверь распахнулась, и назойливый проныра, всюду сующий свой нос, переступил порог.

— Послушай, давай сразу договоримся, — начал он с места в карьер. — Признаю, я был неправ. Я верю в пришельцев из космоса. Вчера я следил за вами в лесу.

— Я же тебе сказал, что это мой двоюродный брат!

— Значит, родственники твои чудовищные уроды. Я видел его, Эллиот, видел собственными глазами!

— Ничего ты не видел!

— Не хочу тебя пугать, но сейчас на улице какой-то тип стучит во все двери и спрашивает, видел ли кто что-либо странное в квартале.

— Ну и что?

— А то, что я могу кое-что и рассказать... А могу и промолчать. Выбирай... — Лэнс многозначительно смотрел на Эллиота, дрожа от возбуждения. Он был бы не таким уж плохим парнем, этот Лэнс, если б не уродился фискалом. Такие обычно появляются именно тогда, когда людям плохо, и делают им еще хуже.

Эллиот тяжело вздохнул. Лэнс понял, что одержал победу, и принялся задавать вопрос за вопросом:

— Где ты нашел его, Эллиот? Откуда он прилетел? Какого он происхождения? Говорит по-нашему? Обладает не известными нам способностями?

— Только разболтай о нем, и он разложит тебя на атомы, превратит в прах, — вмешался Майкл.

— Он это может? Правда? Он уже так делал?

Эллиот открыл дверь и вошел в чулан.

Инопланетянин растерянно хлопал глазами. Он слышал гнусавый голос Лэнса и понимал, что следует быть настороже — явилась опасная личность.

— От этого прохиндея ничего не скроешь, — горько сказал Эллиот, — но тебе ничего не грозит, обещаю.

Ип прикрыл руками лицо и покачал головой. Хэллоуин кончился, а его внешность не из тех, которые можно показывать землянам в будни.

Всех отвлек звонок в дверь. Эллиот и Майкл насторожились. Майкл шмыгнул к лестнице и притаился за перилами, откуда мог наблюдать за прихожей.

На звонок вышла Мэри. Она только что вымела из-под дивана груду шариков из жеваной бумаги для стрельбы из трубочек, которых могло бы хватить на всю жизнь, и какой-то старый журнал.

«Ох уж эти дети»,— вздохнула она.

Звонок настойчиво трезвонил. Мэри поспешила к двери, наверняка зная, что не увидит высокого, темноволосого, неотразимого мужчину.

Она отперла дверь.

На пороге стоял высокий, темноволосый, неотразимый мужчина, но... он был явно не в своем уме. Она поняла это с первых же слов:

— ...расследуем слухи об НЛО...

Мэри посмотрела на связку ключей у него на поясе, а он сунул ей под нос какую-то бляху. Может быть, вырезал из консервной банки?..

— Простите, но я не понимаю...

— Неподалеку отсюда опустился неопознанный летающий объект. У нас имеются основания предполагать, что один из членов экипажа остался на Земле...

— Вы шутите?

— Нисколько, уверяю вас, — незнакомец впился в нее взглядом.

Она изумленно смотрела на него. Разведенная жена с тремя детьми на руках, одинокая, брошенная и думающая о том, чтобы заняться аэробикой,— и вот у ее дверей появляется привлекательный мужчина, возможно, одинокий, и интересуется... летающими тарелками!

С упавшим сердцем она теребила в руках тряпку, которой стирала пыль.

— Я ничего не видела...

Незнакомец перевел взор за ее спину, в глубь дома,

будто что-то высматривал. Если он что-нибудь замышляет и попытается пройти, она чем ни попадя разобьет ему голову.

Но незваный гость извинился за причиненное беспокойство и ретировался. Глядя ему вслед, Мэри подумала, что не иначе в детстве он начитался комиксов, но тут увидела, что возле него остановился сверкающий автомобиль, похожий на те, в которых ездят правительственные чины (она видела такие по телевизору), водитель вскинул руку к козырьку, и незнакомец занял место на заднем сиденье, где уже находились двое.

Мэри отошла от окна и продолжила уборку. А что, если она недооценила посетителя? Что, если это серьезный человек, занимающийся важным делом?

Или все они чокнутые? Ищут у нее какого-то пришельца из космоса! Будто ему негде прятаться, кроме как у нее в доме!

Она открыла стенной шкаф, привела в порядок разбросанные там обувь, перчатки, куртки, шапки. Зонтик так и не нашелся. Она была уверена, что это дело рук Майкла или Эллиота, и лишь надеялась, что они не употребили его на что-либо дурное.

Майкл пулей влетел в комнату Эллиота.

— Это из полиции! Показал маме бляху. Говорит, что прилетел НЛО.

Лэнс подскочил, словно на пружинах.

— Вы видели НЛО? Везет же людям!..

— Что сказала мама? — перебил Эллиот.

— Ничего.

— Он знает о передатчике?

Лэнс снова подскочил.

— Так вот что это такое! Он привез его из другого мира?

— Он сделал его из заколок для волос.

— Заколок для волос?! — Лэнс сперва не поверил,

но сразу нащупал суть, как и положено выскочкам. — Он хочет вернуться на свою планету? Когда? — Но, сообразив, что может потерять завоеванные позиции, возобновил угрозы: — Покажите мне инопланетянина или я побегу за полицейским! Я не шучу!

— Ты шантажист!

— Ничего не могу с собой поделать.

Припертый к стене, Эллиот растворил дверь чулана.

На пороге появился Ип. Он был спокоен и неторопливо жевал печенье, глядя на Лэнса.

У того опустились руки, кровь отхлынула от щек. В голове зазвучали сигналы, те самые, которые он слышал, когда мчался при луне на велосипеде.

— Теперь можно и умереть, — прошептал он.

— За этим дело не станет, — сказал Майкл, — если не поклянешься на крови.

— На чем угодно, — ошеломленный Лэнс, забыв не только о существовании братьев, но и обо всем на свете, не сводил глаз с Ипа. Ведь перед ним стояло самое невероятное создание в мире. — Я... мечтал о тебе... Всю... всю жизнь... — тихо произнес он.

Майкл взял его за руку.

— Повторяй за мной: клянусь никогда не рассказывать ни единой живой душе то, что я видел сегодня...

Майкл надрезал палец себе, затем Лэнсу. Показались капли крови, и Майкл прижал свой палец к пальцу Лэнса, который повторял:

— Клянусь... ни одной живой душе...

Инопланетянин с удивлением наблюдал за происходящим и в свою очередь поднял палец, кончик которого зарделся розовым светом. Розовый лучик коснулся пальцев Майкла и Лэнса. Ранки перестали кровоточить, порезы мгновенно затянулись, не оставив следа.

За глаза подчиненные звали его Ключником. У него были имя и фамилия, но связка ключей более точно

определяла его сущность — ключей от ничем внешне не примечательного склада со многими весьма примечательными кабинетами, от каждого из которых у него был отдельный ключ.

И вот сейчас в одном из таких кабинетов Ключник стоял перед оперативной картой с нанесенными на ней концентрическими кругами, сходящимися в одной точке. Не повышая голоса и не отрываясь от карты, он обратился к помощнику. Отхлебывая из чашки черный кофе, тот просматривал список ученых, представителей самых разных наук.

— По радио какие-то религиозные фанатики болтали о нашем расследовании. Считают, что корабль — дело рук сатаны...

— А вы не подумали, что, задействовав всех этих людей, мы можем оказаться в идиотском положении, — помощник указал на список.

— Настало время привлечь их, — отозвался Ключник, не отрывая взгляда от карты.

— Но, может быть, все это детское воображение? Знаете... буйные детские фантазии, ребячьи забавы...

— Корабль приземлился здесь, — Ключник ткнул пальцем в один из кругов. — А разговор об оставшемся на Земле инопланетянине мы подслушали вот здесь, — он указал на точку, где находился дом Мэри. — Слишком близко, чтобы быть совпадением.

Ключник включил магнитофон. Послышался голос Эллиота:

— «...из космоса, Майкл, из далей, которые и представить себе трудно. Мы должны помочь ему...»

Ключник нажал кнопку «стоп» и в комнате наступила тишина. В ту памятную ночь он увидел очертания корабля, появившегося со стороны звездного неба, на экране радара и понял всю грандиозность происшедшего. Прибытие корабля подтверждало вычисления Ключника.

Помощник вышел из-за стола и встал рядом с Ключником перед картой.

— Тут все, кто вам нужен, — сказал он, постукивая пальцем по списку. — Выглядит как список приглашенных на банкет по случаю присуждения Нобелевской премии.

— Оповестите всех.

— Прошу вас, выслушайте меня, пока мы не впутали в это дело ученый мир! — помощник обернулся к карте. — Если кто-то и отстал от корабля, вряд ли он прячется в чьем-либо доме.

— Почему?

— Да потому, что он слишком отличается от нас. Скорее всего, он скрывается в лесу. Думаете, их не обучают выживанию в экстремальных условиях? Или разум, создавший такой корабль, не предусмотрел всех случайностей?

— Они не ждали встречи с нами, — упрямо возразил Ключник.

— Ну и что? Разве вы на его месте стали бы стучаться в первые попавшиеся двери?

— Он прячется в этом доме!

— Давайте убедимся в этом, прежде чем созывать всю эту братию, — помощник потряс списком. — Черт знает что начнется, как только они съедутся. Тогда уж огласки не избежать. А если там не окажется никого, кроме шалопаев, помешанных на пришельцах из космоса, вы потеряете работу. Еще бы, пустить на ветер десять миллионов долларов! Не забывайте — правительство сокращает бюджет. Мы ходим по острию ножа.

Ключник кивнул на список:

— Вызывайте их!

Помощник развел руками.

— Если вы ошибаетесь, нам обоим придется переключиться на сбор улик для бракоразводных процессов. Частный сыск по дешевым мотелям... Подсматривание в замочные скважины... — он направился к двери, но остановился на полпути. — Если он еще жив, искать его надо на холмах, он там пробавляется чем бог послал.

— Вроде Робинзона Крузо?

— Именно. И уж, конечно, не сидит нигде на кухне, посасывая молочный коктейль.

Ип сидел на кухне и посасывал через соломинку молочный коктейль. Соломинка — одно из самых замечательных изобретений на Земле, так удобно и приятно пить через нее.

— Нравится, Ип? — спросил Эллиот, сидевший напротив.

Инопланетянин кивнул в ответ, и удивительно вкусный напиток забулькал в его стакане.

Приказ Ключника был выполнен. Живущим в разных концах страны ученым и специалистам, благонадежность которых была проверена заранее, предложили принять участие в весьма странном мероприятии. Одни согласились на это, явно потешаясь, другие — с пренебрежением, но никто, даже из давших согласие, не предполагал, что все это серьезно. Поэтому полной неожиданностью для большинства явился телефонный звонок с официальным вызовом. Положив трубку, люди недоумевали: кто же потерял рассудок — они или правительство?

Передатчик неутомимо посылал сигналы в космос. Он не был ни запатентован, ни защищен лицензией, и, по виду, место ему было на городской свалке. Но, приблизившись, Эллиот ощутил силу излучаемой передатчиком энергии.

Наступила ночь, а мальчик не оставлял поляну. Храповик слабо потрескивал, словно в траве перекликались сверчки.

Лежа на спине, Эллиот любовался усыпанным звездами небом. Какие чудесные звезды — добрые, ласковые, манящие... По временам луна будто разламывалась пополам, из нее выплескивался оранжевый свет, и дрожащая вуаль проносилась по мерцающему небосводу. Тихий голос нашептывал неясные слова, или это шумел ветер?

Передатчик работал, не переставая. Непонятный код уже становился Эллиоту родным, а свет луны, отраженный перевернутым зонтиком, проникал в самую душу.

Он представил себе, как волнуется Мэри, не зная, куда он запропастился, что с ним, чем он так поздно занимается, но тут же выбросил эти мысли из головы и растянулся на траве, раскинув руки. Загадочные звезды ткали паутину из лучей, их нежное мерцание, перемещаясь по небосклону, гипнотизировало его. Шли часы, а он все лежал, скованный силами, которым он не мог противостоять, силами, о которых ничего не знал и о которых на Земле еще и не ведали.

По телу мальчика пробежала дрожь, то ли от того, что ему стало зябко, то ли от тех чувств, которые вдруг шевельнулись в нем. Ощущение космического одиночества пронзило его до мозга костей. Он застонал под бременем, которое на него легло, ибо землянам еще не было дано страдать от тоски по звездам.

Так прошептал ему голос, и юный разум Эллиота стал раскрываться шире и шире.

Землянам, прикованным к своей планете, чужда боль вселенской любви, уверял Эллиота золотистый ветерок, разносившийся по бесконечным просторам мироздания.

Мальчик глядел в ночное небо, и ему казалось, что он выходит из своего тела, улетает из него к вечному сиянию мудрых звезд, манящих к себе и скрывающих свои тайны от людей. Он заметался по траве, тело затрепетало от прикосновения холодного звездного огня. Ударом молнии для него было послание, адресованное существам более совершенным, чем он, существам, при-

роде которых была ведома любовь к звездам и ответное чувство удивительной солнечной силы.

Музыка Вселенной заполонила истерзанную душу маленького землянина, ошеломив магическим экстазом космоса, от которого земляне ограждены законом эволюции. Подавив рыдание, он поднялся на нетвердых ногах и, качаясь, подошел к велосипеду. Ему не под силу было воспринять, не под силу справиться с натиском обрушившейся на него лавины образов пространства-времени, невыносимой, не укладывающейся в сознании кривизны. Он вскочил на велосипед и поехал по просеке; велосипедные фары, словно маленькие луны, светили у его ног.

Стены кабинета Ключника были увешаны фотографиями. Штампы на них свидетельствовали, что они являются собственностью военно-воздушных сил. На одних снимках были какие-то световые пятна и полосы, горизонтально или вертикально перерезающие небо, на других изображения были отчетливы настолько, что создавали впечатление достоверности. Особенно отличались снимки, сделанные пилотами разведки ВВС, мало подверженными галлюцинациям и далекими от всякого рода фототрюков.

На столе Ключника лежал пластиковый отпечаток следа, оставленного инопланетянином в мягкой почве неподалеку от корабля. Рядом, в папке, находились результаты послойного анализа грунта в месте посадки.

Судя по снимкам, Ключника нельзя было заподозрить ни в опьянении лунным светом, ни в том, что он профан или профессиональный мистификатор. Он был государственным служащим с неплохим окладом. В данный момент он оправдывался по телефону перед начальством, заверяя, что руководимое им учреждение в ближайшее время окупит отпускаемые на него средства.

— Еще несколько дней, нет, задержка неизбежна...

Мы подчиняемся директиве, согласно которой искомый объект должен получить максимум жизнеобеспечения...

Ключник слушал, кивал, барабанил пальцами по столу и в который раз повторял:

— Вся территория находится под наблюдением, никто не может проскользнуть мимо нас... Да, да, хорошо...

Он положил трубку. Была ночь, затишье перед бурей. Ключник отхлебнул остывший кофе. Если он ошибся и пошел по ложному следу, его наверняка уволят... Но два-три часа будут его звездными мгновениями... Бесчестье придет потом.

Дверь отворилась, и вошел помощник.

— Карантинный антиинфекционный блок очень громоздкий. Ведь им придется накрыть весь дом.

— Ну и что?

— Вам приходилось видеть пластиковый тент величиной с дом? Да еще с воздухопроводами? Потрясающее зрелище, уверяю вас. Соберется не меньше миллиона зевак со всех пяти округов.

— Их не пропустят.

Помощник взглянул на оттиск следа.

— Не проще ли проникнуть туда, схватить его — и привет?..

— Я предпочел бы сделать именно так, но они... — Ключник кивнул на телефон, — не хотят.

— Еще бы! Им, видите ли, нужна реклама... Но если инопланетянина там нет, а мы заявимся со всем оборудованием и кучей народа, — помощник постучал по пачке бумаг на столе, — представляете, что будет? Мы взбудоражим весь городок. И не забудьте — они предъявят иск правительству... — он повернулся и вышел.

Ключник об этом не забывал, но не забывал и о многом другом. Он твердо знал: инопланетянин рядом. Закурив сигарету, он пустил дым в потолок и бросил погасшую спичку в гипсовый отпечаток ступни Ипа.

Подкатили грузовики. Ворота «склада» распахнулись, и люди в военной форме взмахами рук направили доставленное оборудование в просторные отсеки здания.

Ключник все проверял сам, сам назначал людей, в чьи обязанности входил монтаж и обслуживание оборудования. «Складское» помещение стало походить на военный госпиталь.

Ип открыл дверь чулана, и Эллиот повалился внутрь, на подушки. Лицо у него распухло, губы дрожали; не в состоянии повторить услышанные им послания звезд, он только всхлипывал, а гость из космоса внимательно смотрел на него.

Ип положил руку на лоб мальчика. Концентрированное воздействие галактических волн оставило Эллиота. Он весь съежился, тяжело дыша. Через несколько минут он заснул, словно окутанный коконом, сквозь который не мог проникнуть звездный дурман.

Старый путешественник смотрел на спящего ребенка, ощущая сразу горечь и нежность, боль и радость, причину которых сперва не мог понять, но потом осознал — просто он любит мальчика.

«Я его наставник и защитник, — думал он. — Но куда я могу повести это юное существо? В темное безумие ночи?.. И чему я научил его?.. Красть скобяные изделия?.. Эллиот, — Ип снова коснулся лба мальчика, — благодаря тебе еще ярче разгорается свет моего сердца. Это ты мой защитник и наставник. Разве есть на свете еще один такой ребенок? Такой бескорыстный и добрый? Пусть каждая звезда благословит тебя и одарит бесценным знанием, которое ты сможешь понять и употребить на благо людям...»

Движением своих длинных пальцев Ип отдал приказ прозрачным потокам лунного и звездного света стать мягкими и гибкими и ласково укрыл ими спящего Эллиота.

За дверью кто-то засопел и зафыркал, это Гарви, как обычно, пришел ночевать у него в чулане.

Инопланетянин открыл дверь, и пес, все еще чувствующий себя не вполне уверенно в его обществе, осторожно, боком, протиснулся в чулан. Он обнюхал спящего Эллиота, несколько раз обошел вокруг одной из подушек и уселся напротив инопланетянина.

Ип посмотрел на Гарви; когда Гарви взглянул на него в ответ, глаза у пса бегали, но их взгляды все равно встретились. Вскоре язык у Гарви вывалился наружу, а одно ухо стало торчком: в своем собачьем воображении он видел сейчас Космическую Похлебку, и в ней была Вселенская Кость. Он облизнулся и заскулил.

Используя световые телепатические лучи прямо из сознания в сознание, Ип объяснил ему все, что должна знать собака, когда воет на луну.

Мэри стояла перед выдвижным ящиком бюро, перебирая картотеку. Одиннадцать часов утра, а ноги уже дают о себе знать. Перед ней была груда бумаг, которые следовало рассортировать. Она предпочла бы делать это в вентиляционной шахте, чтобы увидеть, как воздушный поток подхватит и унесет весь этот бумажный хлам.

— Мэри, отнесите отчеты в торговый отдел, когда сможете.

Когда смогу? Она взглянула на шефа. Тиран, садист и болван. Правда, будь он холост, она бы согласилась выйти за него. Вот тогда бы можно было присесть и отдохнуть...

— Хорошо, мистер Краудер, отнесу, как только смогу.

— А пока что не смогли бы вы...

— Да, с удовольствием.

— Но я еще ничего не сказал! — удивленно нахмурился он.

— Простите, мистер Краудер, мне показалось, что

шкаф с картотекой вот-вот опрокинется. Это уже случалось.

— Да ну?!

— Если сразу выдвинуть все ящики...

На время это отвлекло мистера Краудера, который застыл на месте, уставившись на шкаф.

Мэри иногда развлекалась подобным образом. Как удалось тупице без всякой квалификации занять такое положение в фирме?! Впрочем, больше ее удивляло, как это она, работая здесь, не сошла с ума... Она подумывала, не оставить ли фирму. Может быть, сделать это сегодня же и наняться на заправочную станцию? Механики, которые обслуживали ее машину, всегда казались ей не лишенными юмора.

— Вы говорите, если сразу выдвинуть все ящики? — мистер Краудер все еще разглядывал шкаф.

— Только не пробуйте это проделать.

— Но ведь следовало бы приколотить его наглухо к стене, не так ли?

— Возможно.

Куда лучше было бы приколотить к стене самого мистера Краудера. И пользоваться им, как доской объявлений.

— Я доложу руководству, — шеф ушел.

Теперь у него есть о чем поразмышлять до обеда.

Обеденный перерыв Мэри провела на скамейке в парке. Она жевала сандвич, массируя ногу. Сидевшая рядом пожилая женщина беседовала со своей сумкой. Мэри взглянула на соседку — возможно, такая же конторская служащая, как и она...

— Вот и я так кончу... В беседах с собственной сумкой...

Она вытянула ноги и вздохнула. Ах, появился бы претендент на роль мужа, да еще со счетом в банке... Она закрыла глаза, но вместо высокого и стройного предмета грез ей привиделась какая-то бесформенная

фигура ростом чуть выше зонтика, которая приближалась к ней с плиткой шоколада...

В подвальном этаже школы Эллиот открыл свой шкафчик, из которого посыпались тетради и всякая всячина, и сунул в него учебники. Окинув удрученным взглядом беспорядочную кучу, он махнул рукой и захлопнул дверцу. Могут ли сравниться школьные уроки с загадочным сиянием звезд?.. Скучища... Он вышел в коридор. Серые, как в тюрьме, школьные стены нагоняли тоску. А тут еще Поганец шагал навстречу.

В руках рыжего пройдохи было зеркальце. Он приставил его к лицу Эллиота.

— Парень года, друг президентов, королей и инопланетян, — он повернул зеркальце так, чтобы в нем отразилась и его собственная физиономия. — Конечно, с тобой там будет и еще кое-кто... Мы знаем кто, правда?

Пустобрех и зануда... Впрочем, треп Лэнса вызывал ожидаемый эффект — Эллиоту захотелось как следует вздуть его.

Лэнс улыбнулся, чувствуя, что наконец чего-то достиг в этом мире. Теперь он мог бы прямо из пятого класса стать учеником аэрокосмической программы и давать советы по связи с инопланетянами; разве не звучат у него в голове какие-то сигналы?

— Он все время разговаривает со мной, Эллиот. Я ему нравлюсь.

— Не понимаю, чем...

— А он понял, что я могу быть ему полезен. Послушай, — Лэнс взял Эллиота за рукав. — Ты знаешь, что мы теперь самые важные люди в школе? Ведь мы в контакте... — его глазки еще более перекосились, словно у ночной белки-летяги в дневное время.

Эллиот взглянул в слезящиеся бусинки глаз Лэнса и должен был признать — в них отражалось сверкание

Ипа. Это помогло ему подавить в себе страстное желание отлупить Поганца.

— Да-да, правда. Мы в контакте... Ну, мне пора... — он зашагал по коридору, а Лэнс отправился восвояси. Оба слышали звездный зов, но сигналы у Эллиота были сильнее и звучали не так радостно — чувство космического одиночества вернулось с волной, проникшей сквозь школьные стены. Проследить источник волны не представляло труда: школа, городской квартал, холмы, у подножий которых приютилось несколько домиков, и в одном их них, в тесном закутке, — подавленный старый космолог с геранью в руках.

— Инопланетянин... — бормотал микробиолог по пути в зал заседаний. — Я уже жалею, что согласился участвовать в этой дурацкой затее... — обернулся он к коллеге.

— А я воспринимаю все это как отдых, — засмеялся тот.

— Правительство могло бы придумать, как эффективнее использовать наше время, — пожал плечами микробиолог.

Они вошли в зал. Места за столом уже были заняты. Ученые, военные, медики беседовали между собой.

Легкое позвякивание ключей возвестило о появлении руководителя группы, по инициативе которого и было созвано это совещание. Ключник прошел к председательскому месту. Все стихли.

— Дамы и господа, мы недолго задержим вас. Я понимаю, вы устали с дороги, а завтра вам придется встать до рассвета. Система карантина, разработанная нами, вполне совершенна, но потребует серьезной подготовки...

Что же представлял собой Ключник, этот спокойный,

уравновешенный человек, находившийся в самом эпицентре циклона, с каждой минутой набиравшего силу?

С детства его преследовала мечта: на Землю прилетают пришельцы из космоса и избирают его посредником для передачи человечеству вечных знаний и опыта, накопленных Высшим разумом.

Детские грезы редко воплощаются в жизнь. Мечты Ключника увлекли его в сомнительные сферы деятельности, связанной с разведкой, пока наконец он не стал одним из тех, кто расследует самые загадочные и непонятные небесные явления — вспышки света в ночи, туманные следы на горизонте, трепещущие очертания на экране радара.

Ключник провел долгие месяцы в пустынях и на вершинах гор, видя над головой карту звездного неба, где в неподвластных воображению далях плавала сводящая с ума тайна.

Как настоящий упорный охотник, Ключник постепенно уловил некую систему в передвижениях своей жертвы. Он был первоклассным специалистом, исколесил в джипе тысячи миль, но ему приходилось довольствоваться земной техникой, в то время как объекты его интереса двигались высоко-высоко над ним с неземной легкостью и быстротой. Но, похоже, привычке подвластно все, что живет во Вселенной. Ключник установил, что подвластен ей и капитан космического корабля: посещения небесного корабля определенно были связаны с жизненными циклами растительности на Земле.

Каждый раз космический корабль появлялся в определенной точке земного шара в период цветения. И теперь на стене кабинета висел четкий фотоснимок корабля, сделанный в момент его приземления среди холмов, неподалеку от дома Мэри.

За окнами его кабинета «склад» гудел, как потревоженный улей от развернувшейся в нем лихорадочной деятельности: прибывали все новые и новые специалисты, техники, помощники. Ловушка закрывалась мед-

ленно, слишком медленно, с точки зрения Ключника, но нельзя было допустить ни малейшей оплошности, чтобы не прозевать и не испортить добычу.

В помещениях «склада» разворачивались всевозможные системы жизнеобеспечения, ибо мертвый инопланетянин не был для Ключника достойной наградой за его труды. Пришельца необходимо было взять живым, и для этого Ключник предусмотрел все. Что бы ни произошло с инопланетянином от длительного пребывания в чужеродной земной среде, у Ключника на все было готово противоядие. Были мобилизованы все достижения медицинской науки. Все, что Земля могла предложить, было наготове и в любой момент могло быть предоставлено в распоряжение ученых для спасения члена экипажа космического корабля.

Ключник не мог знать только одного, что созванная им куча специалистов способна лишь повредить маленькому инопланетянину, который довольствовался «M&M» и не нуждался ни во внутривенном питании, ни в трансплантации органов.

Но Ключник сплел гигантскую сеть, в которой было предусмотрено все. Здесь смогли бы оживить даже замерзшего в ледниковый период мамонта (если бы до этого дошло дело), оживить любой орган, любую клетку, создать любую среду обитания, мыслимую во Вселенной.

— Инопланетянин мне нужен живым,— неустанно повторял он своим сотрудникам и приехавшим по его зову ученым.

Уже было смонтировано самое разнообразное оборудование. Если бы каждую проволочку, бывшую наготове, прикрепить к телу инопланетянина, он стал бы похож на телефонный коммутатор. Все, кто находился в здании «склада», страстно желали поскорее вступить в контакт с инопланетным существом. Разве можно не мечтать об этом?..

Гигантская сеть Ключника была готова опутать маленькое, всего в три фута ростом, создание, прячущееся

в чулане и каким-то образом знавшее о том, что готовится.

Герань начала вянуть, ее веточки клонились книзу, как и голова Ипа. Руки его безвольно поникли и опустились на колени, словно пара мертвых рыбок. Надежда на передатчик оставила его. Прибор действовал уже несколько недель, но космос безмолствовал. Экипаж Великого Корабля был далеко, он мчался в пространство вне досягаемости сигналов с Земли.

«Я умираю, Хозяин»,— едва слышно прошептала герань, но старый ботаник был бессилен помочь — цветок впитывал его эмоции, а он уже не мог ими управлять. Космическое одиночество пронизывало Ипа до мозга костей. Он оперся о Маппита, с трудом привстал и выглянул в окошко. Взгляд его устремился к небу, в небесную голубизну, но ни признаков сияния излучаемой кораблем энергии, ни следа туманности от него там не было. Только самолет землян выписывал в небе буквы, рекламируя торговый центр, куда для привлечения покупателей завезли пару орангутангов.

Ип отвернулся от окна. Еще немного, и его тоже выставят на всеобщее обозрение. Набьют поролоном, покроют лаком и станут показывать в витрине или в стеклянном шкафу. А рядом еще положат несколько пачек печенья «Орео», вот, мол, чем питалось это существо...

Он открыл дверь чулана и вышел в комнату Эллиота.

Переступая через разбросанные по полу вещи мальчика, он уныло проковылял в коридор, спустился в прихожую, прошлепал утиными лапами по ковровой дорожке и остановился, всем телом ощущая пульсацию дома. Это было беспорядочное, сумбурное место, но ему здесь нравилось. Как бы он хотел принести счастье его обитателям, осуществить все их несбывшиеся мечты, но в его силах было разве что заставить мебель плавать по

воздуху... Что толку от этого? Станет труднее садиться в кресло — вот и все.

Он прошаркал по прихожей, неуклюжий, маленький, ростом не выше зонтика, потом побрел в кухню и открыл холодильник.

У него возникло желание съесть кусок швейцарского сыра.

«Чем бы его запить?» — подумал он и остановил свой выбор на небольшой светлой бутылке. Сев за стол, он пригубил напиток: ячменный солод, хмель с добавлением риса и кукурузы. По-видимому, совершенно безвредное питье.

Он выпил бутылку до дна, напиток ему понравился, и он осушил вторую.

Солнце расплескало золотистые лучи по столу. Ип обернулся к окну. Ему показалось, что оконная рама слегка покачивается, сперва налево, потом направо.

Что за странность?..

Ип откупорил еще бутылку и залпом опустошил ее прямо из горлышка, наслаждаясь бульканьем влаги.

Поднявшись со стула, он обнаружил, что не может сделать ни шагу.

«Свершилось»,— сказал он самому себе, цепляясь за край стола, чтобы удержаться на ногах. Земное притяжение... Колени у него подгибались, он предчувствовал, что именно так и случится, когда пробьет его час и сила земной гравитации станет непосильной для ослабевшего скелета.

Ноги разъезжались в разные стороны, колени словно размякли. Он налетел на плиту, отшатнулся, ударился о дверь. Руки не подчинялись ему, безуспешно хватая воздух.

Шатаясь из стороны в сторону, старый ученый просеменил в гостиную; живот его волочился по ковру, свесившись больше обычного. «Хорошо бы,— подумал он,— приделать колесики». Он даже представил их себе,

по одному колесику по обе стороны живота, и фонарики, как на велосипеде Эллиота.

Ип включил телевизор.

«...протяни руку,— раздалось оттуда,— протяни руку и коснись кого-нибудь...»

Моргая, он тупо уставился на экран.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку, как это делал Эллиот, и прислушался. Откуда-то из глубины ее послышался женский голос, похожий на голос Мэри, но много старше, сварливый и нервный.

— Послушай, Мэри, у меня всего одна минута, запомни рецепт, уверена, он тебе понравится, при твоем сумбурном питании...

«...протяни руку,— вопил телевизор,— протяни руку и скажи: «Привет»...»

— Привет,— повторил захмелевший гоблин.

— Эллиот, это ты, мой ангел? Что ты делаешь дома? Почему не в школе? Ты заболел? Это твоя бабушка, ненаглядный мой... Тебе нужно лечь в постель, Эллиот. Немедленно ложись! Пусть мама мне позвонит.

— Позвонит...

— Тебе станет лучше, сладкий мой. Укройся потеплее,— рассеянная старая клуша зачмокала в трубку, целуя внука.

Подвыпивший инопланетянин зачмокал в ответ и опустил трубку на место.

Он открыл новую бутылку пива, задрал ноги кверху и продолжал смотреть на телевизионный экран.

Напевая себе под нос, он постукивал одной ногой о другую, напрочь забыв, что его телепатический передатчик включен на полную мощность, но отравленный алкоголем мозг был настроен на весьма хмельную волну.

Волна обежала вокруг комнаты, прошла сквозь стену, и, качаясь, поплыла через город, пока не достигла школы.

Эллиот сидел за партой в биологическом кабинете, когда вихляющаяся волна достигла его.

— Перед каждым из вас стеклянная банка,— в этот самый момент говорил учитель.— Я обойду класс и посажу в каждую банку по лягушке. Затем мы опустим туда же ватку, смоченную эфиром, и подождем, пока лягушка перестанет шевелиться.

Эллиот приложил губы к банке и принялся дуть, воспроизводя космические звуки, которые подвыпивший инопланетянин издавал в этот самый момент:

— Бла... бла... бла...

— Эллиот, прекрати паясничать, — прикрикнул учитель. — Немедленно прекрати!

Эллиот хотел подчиниться, но ему показалось, что классная комната меняет форму и сам он тоже меняется. Пытаясь сосредоточиться, он посмотрел на Пегги Джин, сидевшую за соседней партой. Девочке его кривляние явно доставляло удовольствие. Она улыбнулась, и он осклабился в ответ.

— Итак... — произнес учитель, смачивая ватку эфиром.

Эллиот перевел взгляд на банку с лягушкой. Та выпучила на него глаза, и Эллиот вдруг заметил ее сходство с Ипом. Такая же нелепая коротышка, пузатая, как и гость из космоса, беспомощно пялилась на него из стеклянной банки.

— Вы хотите умертвить это беззащитное животное? — спросил Эллиот.

— Вот именно,— ответил учитель.

Тем временем пузатый космический путешественник пьяно глазел в телевизор, где показывали какую-то сентиментальную мыльную оперу. Гарви сидел у его ног, по-собачьи надеясь, что чудище даст ему дальнейшие указания, а также отломит кусок сандвича.

На экране телевизора герой оперы награждал героиню страстным поцелуем.

Ип взглянул на Гарви.

Пес тихо заскулил.

Все еще не пришедший в себя инопланетянин обнял лохматого дворнягу и поцеловал в нос.

Эллиот наклонился к Пегги Джин, притянул к себе и страстно поцеловал в губы.

Учитель просто кипел от негодования, и неудивительно: Эллиот метался от парты к парте, освобождая из стеклянного плена лупоглазых узниц, которые, не мешкая спешили покинуть класс, беспорядочно прыгая по полу.

— Изыдите! — кричал Эллиот, вовсе потеряв голову и переходя на библейский язык. Возможно, он был настроен на какие-то волны особых каналов телевидения, ибо бегал по классу с криком: — Вон, исчадия ада! Именем Бога, изгоняю вас!

Последние лягушки немедленно подчинились приказу, вспрыгнув на подоконники.

Тайлер вытянул ноги под партой и печально покачал головой. Впервые за время знакомства с Эллиотом он пожалел его. Эллиот изменился, он больше не был жадным эгоистом, как прежде. В самом деле, он становился добрым малым.

— Сэр! Сэр! — громко завопил Тайлер, желая отвлечь внимание учителя от Эллиота. — Лягушка вскочила в ваш пакет с завтраком!

Учитель лихорадочно схватил пакет и принялся его трясти. Из пакета прямо в банку с раствором формальдегида вывалился сандвич; ветчина и сыр тут же опустились на дно. Никакой лягушки в пакете не оказалось. Последняя из них с помощью Грега была выдворена с подоконника во двор. Она пролетела по воздуху, подстегнутая метким попаданием шарика из жеваной бумаги.

Разъяренный учитель выволок Эллиота из класса.

Стив достал из парты бейсбольную шапочку с крылышками и напялил на голову.

— Наверняка исключат, — громко сказал он и задумался, — вот ведь к чему приводит, когда тобой командует младшая сестренка.

Но подлинный виновник приступа безумия, постигшего Эллиота, вертел в гостиной ручки телевизора. С затуманенной от выпитого головой Ип устроился в кресле, подняв широкие ступни своих ног на подушку кресла. Шла передача новостей. Сообщалось об аварии на шахте.

«...обвал произошел в южном штреке, — говорил в микрофон усталый спасатель, весь покрытый угольной пылью. — Мы вынесли на поверхность всех пострадавших, но состояние большинства из них тяжелое».

Кадры, показывающие жертв катастрофы, оповещали мир о происшедшей трагедии. Сидевший в кресле подвыпивший малютка-гоблин поднял вверх палец, засветившийся розовым светом.

Полуживые шахтеры вдруг повскакивали с носилок и принялись обнимать друг друга, плача от радости и изумления и потрясая исцеленными руками и ногами.

Инопланетянин откупорил еще бутылку.

Разъяренный учитель тащил Эллиота по коридору к директору. Он был по горло сыт выходками учеников. Жизнь преподавателя биологии не усыпана розами; орды прыщавых юнцов, с которыми ему приходилось ежедневно общаться, вконец расшатали его нервную систему. Иногда ему самому хотелось сунуть голову в банку с эфиром. Конечно, с большим удовольствием он проделал бы это с Эллиотом. Борясь со страстным желанием уничтожить мальчишку на месте, он в душе надеялся, что директор хотя бы выпорет хулигана или поручит экзекуцию самому учителю. К сожалению, такое наказание не предусмотрено современной школьной системой, и трясущийся от негодования учитель, излив директору

накопившееся возмущение, оставил кабинет, чувствуя, что дети в конце концов одолеют его — швырнут на лабораторный стол, заткнут ноздри ватой с эфиром и располосуют вдоль и поперек.

Директор был приверженцем умеренности в воспитании. Прогрессивно мыслящий педагог, он набил трубку и раскурил ее, желая установить атмосферу взаимного доверия.

— Скажи, сынок, что с тобой стряслось? Накурился марихуаны?

Он загасил спичку, попыхивая трубкой.

— Твое поколение, мой мальчик, движется прямым путем в ад. Пора осознать ответственность за свое будущее...

Директор был в ударе и наслаждался звуком собственного голоса. Он обрушивал на Эллиота одну прописную истину за другой, почерпнув их из телевизионных передач, газет, скучных педагогических журналов, и сдабривал плоскими взлетами собственной изобретательности.

— ...понимать, что в наши дни человек твоего возраста сам должен воспитывать себя, вытягивать себя наверх за шнурки ботинок...

Директор самодовольно попыхивал трубкой. Мир прочно стоял на месте. Мятежная молодежь скоро поймет, что незачем раскачивать лодку.

— ...Вы не можете изменить систему, сынок. Ваши попытки ни к чему не приведут. Они бессмысленны...

Он подчеркнул последнюю фразу взмахом трубки. Его предшественник, занимавший этот кабинет, был сексуальным маньяком и уволился после того, как его проделки всплыли наружу. Вот он действительно раскачивал лодку. Однако теперь кабинет директора был безгрешен, здесь царила предписанная инструкциями обстановка. Столпы просвещения были неколебимы. Порядок — незыблем...

Если не считать, что при этих словах Эллиот начал подниматься в воздух.

Конечно, во всем был виноват инопланетянин. Хмельная куролесящая волна, исходившая от него, достигла кабинета директора и стала выталкивать несчастного Эллиота вверх, словно воздушный шарик.

Чтобы не оторваться от кресла, Эллиот изо всех сил вцепился в подлокотники. Директор ничего не замечал, увлеченный собственным красноречием, он считал, что провинившийся мальчишка просто корчится от стыда, слушая его нравоучения.

— ...столь легкомысленное отношение к жизни, твое и твоих друзей, не что иное, как потеря драгоценного времени. Видишь, к чему я клоню?.. — он продолжал пережевывать одно и то же, начисто забыв об Эллиоте, зачарованный звуками собственного голоса. — ...Наш мир — это определенная величина, сынок. Перестань витать в эмпиреях. Брось пустые мечты о том, чего не существует. Вот в чем, мне думается, кроется корень твоих проблем...

Но в этот момент корнем проблем Эллиота было то, что его с корнем отрывали от кресла. Земное притяжение было бессильно. Хмельная волна играючи подняла его вверх, оторвав руки Эллиота от подлокотников, и он тут же взмыл к потолку директорского кабинета.

В это время директор протирал стекла очков, отвернувшись к окну и разглядывая их на свет, но разглагольствований своих не прекращал:

— ...поведение, мой мальчик. Знаешь ли ты, какой грандиозный прогресс достигнут благодаря тому, что человечество двигалось по заранее предначертанному пути развития...

Он обернулся к Эллиоту, но кресло, где только что сидел мальчик, было пусто.

Эллиот парил под потолком.

Этот факт директор осознал мгновением позже. Глаза его широко раскрылись. Он съежился в кресле, крепче

сжав пальцами стекла очков. Он пытался взять себя в руки... Подумаешь, ну парит мальчик под потолком... В голове директора будто стучали молотом по наковальне, а над ним, грохоча колесами, проносился поезд.

Он прижался к спинке кресла и завыл, как Гарви.

Эллиот плавно опустился в кресло.

— Можно мне идти, сэр?

— Да, да, пожалуйста, иди... — директор вяло махнул рукой.

Захмелевший вконец инопланетянин шатался по дому. Шесть бутылок пива — непосильная нагрузка для организма старого и невинного небожителя.

Натыкаясь на мебель, переворачивая стулья, он бродил из комнаты в комнату. Гарви преданно следовал за ним, хотя ему было тоже не по себе из-за волн, исходивших от Ипа; он поник, отяжелел, еле залезал под стулья, с трудом выползал оттуда и наконец рухнул под диван.

— Что с тобой? — спросил Ип. — Неужели ты не можешь идти прямо? Как я... — инопланетянин хотел показать, как нужно ходить, но споткнулся и плюхнулся на пол. Затем поднялся и, напевая «Всякое бывает...», попробовал сделать несколько танцевальных па, которым его научила Герти.

Он пел в правильном ключе, но что-то путал в тональности. Гарви скулил, подвывая. Псу казалось, что он слышит голос, раздающийся в огромных каменных пещерах, высеченных в далеких мирах, где взад-вперед бродят крохотные чудовища...

— ...Но это только рок-н-ролл... — Ип качался из стороны в сторону, придерживая круглое брюхо.

Этот удалой танец мог бы продолжаться до бесконечности, если бы не вернулась Мэри. Она вошла через парадную дверь, листая журнал, вынутый из почтового ящика, и направилась на кухню.

Старый герой из космоса решил, что пришло время открыться ей в своих чувствах. Он спустился в прихожую.

Гарви устремился следом за инопланетянином и догнал его как раз в тот момент, когда на кухне появилась Мэри. Поспешно встав на задние лапы и высунув язык, он принялся клянчить у хозяйки подачку, стараясь загородить собой космическое чудище.

— Чего тебе, Гарви? — спросила Мэри.— Я не знала, что ты умеешь так служить. Тебя Эллиот научил?

Собака утвердительно кивнула.

— Ведь я кормлю тебя позже, Гарви, ты же знаешь! — с этими словами Мэри вышла во двор.

Гарви опустился на все четыре лапы — он никогда не любил стоять на задних лапах в просительной позе — и взглянул на старого инопланетянина.

Ип посмотрел на пса, затем перевел взор в сторону двери, ведущей на задний двор, и, решив, что бессмысленно дольше скрываться от Мэри, оттолкнул Гарви в сторону.

Пес, словно мячик, взмыл вверх и опустился на порог в тот самый миг, как в дом с прижатой к груди охапкой цветов входила Мэри.

Гарви снова умильно завилял хвостом и запрыгал перед хозяйкой, закрывая собой Ипа. Мэри остановилась. Лицо ее было скрыто цветами, и она не заметила старого волокиту.

— Гарви, ты слишком возбужден сегодня. Уж не подсыпал ли Майкл чего-нибудь в твою миску?

Пес отрицательно помотал головой.

Мэри опустила цветы в вазу с водой, поставила ее на стол, перекинула через плечо приготовленную к стирке скатерть и пошла к лестнице. Что это, действительно Гарви кивал в ответ головой или ей показалось?..

Ип стоял, привалившись к стулу. Сколько можно бесцельно блуждать по дому? В поясе астероидов и то легче маневрировать.

Он глубоко вздохнул, качнулся и решительно двинулся вперед. Ведь кто знает, возможно, настал его последний день на Земле. Если сила земной гравитации будет подгибать его колени, он и до вечера не протянет. Нет, он не умрет, не открыв Мэри своих чувств.

Ип с трудом доплелся до лестницы. Гарви, как привязанный, брел рядом, недовольно ворча и барабаня хвостом по перилам.

В ванной комнате Мэри с удовольствием готовилась принять вечерний душ. Захотела бы она, чтобы в ванной вместе с ней оказался инопланетянин? Чтобы он стоял рядом на смешных утиных лапах и смотрел обожающими глазами? Непохоже. Но вероятность этого возрастала по мере того, как Ип карабкался вверх по лестнице, напевая «Всякое бывает».

За шумом воды Мэри не слышала космической серенады. Прошло несколько минут, пока нагрелся котел и пошла горячая вода. Она начала раздеваться.

Ип как раз проходил мимо ее спальни. Он заглянул в дверь, и все цветы бессильно поникли, то ли под собственной тяжестью, то ли от смущения. А что древний ботаник? Он продолжил свое шествие по коридору в сторону ванной. Гарви напрягся и поджал хвост. Ему запретили появляться в ванной комнате с тех пор, как он сжевал банный коврик.

Но тут старый путешественник остановился и... зашлепал обратно в свою каморку. Там он повалился на подушки и впал в забытье.

Ключник не знал, что губит трофей, о котором столько мечтал, что Ип уже телепатически обнаружил собранную Ключником ультрасовременную аппаратуру, и это угнетающе подействовало на инопланетянина. Он еще до конца не мог осознать, что означает вся эта неясная световая мозаика, паутина зондов, раздражающих его периферическое сознание, но его раздирали

тысячи смутных тревог, и даже удивительное знакомство с пивом не помогало рассеять их. Лежа в чулане, не в силах приподнять голову, он ощущал механические руки, которые крепко сжимали его. Он забылся тревожным сном, сопровождаемым страшными видениями.

Источником этих видений был расположенный неподалеку «склад», где ни на минуту не прекращалась работа. Ключник ликовал в предвкушении триумфа. Подчиненные, словно муравьи, взволнованно сновали вокруг. Приближался исторический момент. Ключник понимал это, каким-то образом соприкоснувшись с телепатическим полем цивилизации, которая создала удивительный корабль и управляла им. Упоительные картины превосходили самые смелые мечты его детства, и странная любовь зрела в нем, любовь к чудесному разуму, который коснулся Земли.

Все было готово, отсчет времени начался. Но Ключника сковывала неосознанная сопричастность с кораблем и его экипажем. В него словно вселилась могучая энергия корабля. Ключник опасался, как бы не разочаровать инопланетян. Кажется, он предусмотрел все для спасения их сородича.

Армада спецмашин, сложнейшая аппаратура ждали в полной готовности.

Все это Ключник приготовил ради затерявшегося существа из космоса.

Эллиот вернулся домой с Лэнсом.

— Что случилось с тобой на уроке, Эллиот? Ты словно помешался!

— Без тебя знаю.

— Зря ты так. Не стоило бы привлекать внимание в *такое время!*

Лэнс посмотрел на Эллиота, словно мышь, поглядывающая по сторонам после того, как прогрызла насквозь кусок сыра.

Эллиот снова с трудом подавил желание отлупить Лэнса, но, как и прежде, в глубине косых глазок Поганца он заметил отсветы огоньков, мерцавших в глазах Ипа. Эллиот тяжело вздохнул и пошел к лестнице. Лэнс не отставал, словно комок жевательной резинки, приставшей к подошве.

— Здорово ты выдал этому биологишке! Ребята, которые занимались после нас, говорили, что он был совсем обалдевший, будто надышался эфира. Знаешь ведь, как действует эфир...

Они вошли в комнату Эллиота, переступая через разбросанные вещи, пробрались к чулану и увидели Ипа, лежавшего на подушках, задрав ноги.

Лэнса охватил страх.

— Ты оставляешь его одного?! Дурак! Ведь он — самое драгоценное, что есть на свете... А любой может забраться сюда и похитить его, или он сам может нечаянно пораниться... Мало ли что бывает...

Эллиот приподнял Ипа с подушек.

— Да он пьян!

Инопланетянин открыл глаза.

— Скажи правильно: «Шесть бутылок».

— Да, ты перебрал, Ип.

Пришелец, вращая глазами, пальцем начертил в воздухе какие-то космические знаки и икнул.

— Почему ты прячешь его? — не унимался Лэнс.— Знаешь, сколько людей заплатят бешеные деньги, лишь бы глянуть на него? Это тебе даже не «КИСС»[1] и не команда «Янки» из Нью-Йорка! Это — золотая жила!

Лэнс жестикулировал, давая понять, что ему присущи все качества делового человека. Рыжий вихор удлинял форму его черепа, словно владелец его, спасаясь из мышеловки, лишь в последний момент успел выдернуть голову. Всякий бизнесмен спустил бы его с черной лес-

[1] «КИСС» — американская рок-группа.

тницы. Но самонадеянный выскочка с присущим этой категории людей апломбом гнул свое:

— Ты, я и Ип! Все оформим законно!

Эллиот поддерживал Ипа, но тот валился то вперед, то назад.

— Скажи правильно: «Голова болит».

— Он совсем нализался, — простонал Лэнс. — Тебе нужен администратор, Эллиот! Ты ни фига не смыслишь в этом деле!

Эллиот держал Ипа в объятиях, ощущая непривычную, странную тяжесть.

— Ип! — он встряхнул инопланетянина, и тот повернул к нему голову, в глазах поблескивала бесконечность космоса, которой Эллиот никогда прежде не замечал. Далекие-далекие сигналы словно пронзили насквозь тело Эллиота, и тяжесть Ипа вдруг стала его собственной тяжестью.

— Ип, что... что происходит?..

Древнее существо повалилось вперед. Плотность его тела все время менялась. Ип словно был ядром умирающей звезды, вся сила земной гравитации влияла на него. Он превращался в черную дыру в космосе.

С Лэнсом тоже происходило что-то странное: страшная сила вдруг неудержимо потянула его книзу, он стал еще ниже и под тяжестью руки Ипа припал к полу, словно крыса.

— Он сообщается через тебя. Он твой, Эллиот. Но ты должен все это оформить по закону. Мой отец — адвокат. Он нам подскажет, как действовать. Мы разбогатеем, будем ездить повсюду. Все станут искать знакомства с нами, мы сделаемся знаменитостями. Все захотят увидеть инопланетянина. А он будет принадлежать нам!

Но Ип не принадлежал никому, разве что силе земного притяжения. Он полностью протрезвел и ему одному известным способом в миг нейтрализовал действие

алкоголя на свой организм. Но глубокие перемены в себе самом нейтрализовать не мог.

Он качался взад и вперед, его била дрожь. Казалось, настал конец его звездной жизни. Он будто сжимался. Жизнь в нем угасала на глазах...

Только бы не захватить с собой мальчика... Однако черная дыра разверзалась, никто и ничто не могло избежать ее. Даже межзвездные корабли, пролетающие вблизи, поглощаются ею — таков закон космоса.

— Скажи правильно: «Уходи».

Ип пытался оттолкнуть мальчиков, но те цеплялись за него, и старый ученый ощущал пульсацию любви в их маленьких сердцах. Глупые дети, вам нельзя следовать за мной. Я же из другого мира. Ваш разум не может проникнуть туда, куда ухожу я. Я древний скиталец в бесконечности, а вы еще дети...

Гарви с визгом царапался в дверь. Возвращалась Мэри, пес чуял ее приближение и предупреждал об угрозе. Он тявкнул раз-другой, и мгновение спустя дверь внизу растворилась.

Гарви взглянул на существо из космоса, и его собачий ум учуял темную пропасть. Он отпрыгнул в сторону и ощутил в своих лапах непривычную тяжесть.

— Оставьте меня... — говорил Ип, пытаясь поднять руки, но согласно Великой Теории концентрированная энергия, отлично подходившая для космоса, покидала его.

Он должен найти выход, чтобы умереть в одиночестве. Но даже тогда космическая сила может оказаться так велика, что начнет притягивать к себе другие силы. Кто дал ему, одинокому страннику, право явиться причиной гибели всей Земли?! Ведь его смерть может вывернуть Землю наизнанку...

— Скажи правильно: «Опасность».

Он мысленно пробежал по всем уровням космоса, но не смог отыскать нужную формулу для нейтрализации

этой силы. Он был схвачен ею, а корабль находился в сотнях световых лет отсюда...

— Уф, какой он тяжелый, — сопел Лэнс, когда мальчишки, сгибаясь под тяжестью, волокли инопланетянина через комнату. Напрягая все силы, они опустили обмякшее тело на кровать Эллиота.

— Привет, ребята, — сказала Мэри, входя.

Гарви уже гарцевал на задних лапах, стараясь прикрыть собой Эллиота и Лэнса, которые поспешно натягивали простыню на неподвижного Ипа.

— Что ты сделал с Гарви? — спросила Мэри, удивленно глядя на пса, который, громко фыркая, странно размахивал перед ней лапами. — Дал ему таблетки? Скажи правду.

— Гарви, прекрати! — прикрикнул Эллиот.

Ип падал все ниже и ниже. Он чувствовал присутствие ивового создания, хозяйки дома, и знал, что и ее притянет космическая сила, а он не хотел этого — у него была своя дорога, у нее — своя. Микрокосм каждого из них находился в разных плоскостях. Ее затянет в глубину, в которую погружается он. Ее сознание подвергнется распаду, как и сознание мальчиков...

— Если я не встану... не встану... Скажи правильно: «Не встану!»

Но он не мог даже шевельнуться и только прислушивался к чужому языку землян.

— Что в школе?

— Все нормально.

— Хочешь есть?

— Мы сейчас спустимся, — ответил Эллиот.

— У вас найдется швейцарский сыр? — организм Лэнса нуждался в подкреплении. Он чувствовал себя странно, будто проваливается в какие-то бездонные глубины. В ту ночь, когда он мчался на велосипеде к холмам, ему казалось, что он может взлететь в воздух, а сейчас он чувствовал, что падает в пропасть, во тьму,

окутанный чем-то липким, с чем может совладать только швейцарский сыр.

— Кто-то уже съел сыр,— сказала Мэри, искоса глянув на Лэнса. Материнская интуиция подсказывала, что мальчики скрывают от нее что-то, но она не хотела допытываться.

И вдруг у нее разболелась голова. Она вышла из комнаты.

Эллиот поспешно обернулся к кровати. Рука космического странника безвольно свесилась из-под простыни. Страх охватил мальчика, когда он увидел посеревшую руку Ипа. Он опустился на колени перед кроватью и сжал ладонь Ипа в своей руке.

— Ип, вылечи себя! Вылечи, прошу тебя...

Наступила ночь. Эллиот притащил наверх все, что было в домашней аптечке, но лекарства без пользы валялись на столе. Они бессильны были излечить существо, лежавшее в постели.

Водоворот гравитационных сил захватил инопланетянина. Мечты о Земле, о звездном свете оставили его. Солнце сделалось для него черным.

Но он должен предотвратить несчастье, сделать так, чтобы его собственная катастрофа не обратилась против землян и самой Земли... Он знал, что для этой планеты галактическое уравнение сформулировано не было, так что она и в самом деле могла последовать за ним, когда он уйдет в небытие, потому что его организм владел великой тайной микромира.

Все цветы в доме увяли. Даже стены, казалось, с каждым вздохом смыкались все теснее.

— Вылечи себя, — молил Эллиот, уверенный, что древний гений может совершить все. Но есть вещи, неподвластные даже высшим существам.

— Тогда дай мне твою силу, — просил Эллиот, не подозревая, что в него уже вселилась сила, способная

перенести его в другой мир. Но сила эта была такой древней и стремительной, что он не мог управлять ею, а переход в иное измерение мог разрушить его сущность.

— Отнеси меня... далеко... — прошептал Ип. — И оставь одного...

— Я никогда не оставлю тебя, — твердо сказал Эллиот. — Никогда...

Заброшенный на Землю древний космопроходец усилием воли заставил себя вернуться к действительности.

— Я страшная угроза для тебя... — Ип приподнял голову. — И для... твоей планеты...

— Но наш передатчик ведь работает...

— Хлам! — отрезал Ип.

Глаза его блестели в лунном свете. В них Эллиот видел невероятной сложности сплетения линий и лучей. Это были глаза, постигшие угасающую глубинную энергию.

Потолок стонал над головой. Гарви скулил в углу, а неземные глаза созерцали мелькающие таинства материи, которые ни один звездный ботаник не мог изменить.

— Ты даже не пытаешься, — взывал Эллиот, страшась этих глаз и не в силах оторваться от них. — Пожалуйста, прошу тебя, Ип...

Ночь все тянулась. Тело Ипа затвердевало, становясь все более серым. Губы шевелились, но ни звука не слетало с них, слышались только какие-то внутренние хрипы, последняя компрессия звездной материи. Тело маленького инопланетянина обрело невероятную плотность. Ядро его организма всасывало немыслимую энергию. Что-то громоздилось в нем, до предела стягивая его звездное нутро.

Эллиоту казалось, что его собственное тело заковано в железные цепи, которые тянут вниз. Он изнемогал от тяжкого бремени, голова кружилась, и беспросветное отчаяние повисало на нем непосильным грузом. Когда наконец наступил тусклый рассвет, Эллиот с трудом

поднялся и подошел к Ипу. Он увидел, что Ип ссохся, посветлел и превратился в белого карлика.

Едва передвигая ноги, Эллиот потащился в коридор и доплелся до комнаты Мэри. Подавленность и чувство одиночества овладели им. Он казался себе внеземным существом, чуждым самому себе, и это пугало его.

— Что случилось? — встревожилась Мэри.

— Все потеряло смысл, — сказал Эллиот, чувствуя, что проваливается куда-то, лишается сознания.

— Нельзя так, мой мальчик, — сказала Мэри, хотя сама чувствовала себя ужасно, всю ночь ее мучил кошмарный сон — она тонула и никак не могла выплыть.

— У меня есть что-то чудесное, — бормотал Эллиот, — но по моей вине оно затосковало.

— Это бывает со всеми,— изрекла Мэри подходящую случаю банальность. Ей самой банальности никогда не помогали, так почему же они должны помочь сыну? Мэри похлопала по постели, приглашая сына прилечь рядом. Тепло человеческого тела успокаивает лучше всяких слов, но в это серое раннее утро ее пробирал холод одиночества, и ей не стало легче, когда Эллиот прикорнул под боком.

Что творится в доме?.. Она чувствовала — происходит что-то ужасное, все засасывающее в себя.

— Расскажи мне,— попросила она.

— Потом... — Эллиот прижался к матери, но его не оставляло ощущение полета куда-то вниз, в водоворот, туда, где ничьи руки не могли спасти его, ибо там никого не было.

— Спи, — сказала Мэри, гладя его лоб. — Спи...

Эллиот заснул. Ему снилось чугунное ядро, которое то расширялось, то становилось все меньше и меньше, и он летел на нем сквозь небытие.

Когда в семь тридцать заверещал будильник, Мэри осторожно сползла с постели, чтобы не потревожить

сына. Она знала, что тот способен симулировать лихорадку, но сейчас это не было притворством. Она набросила на себя халат, прикрыла заспанные глаза, но тут же встряхнулась, отгоняя сон, и посмотрела на Эллиота. Что с мальчиком? Уж не отведал ли он чего? Неужели ее ребенок пойдет по стопам отца? Там на кухне шесть пустых бутылок из-под пива...

Дверь отворилась, и вошел Майкл.

— Где Эллиот?

— Не буди его, — зашептала Мэри, выталкивая старшего сына в коридор. — Ты не знаешь, что с ним? — запахивая потуже халат, спросила она. — Он чем-то угнетен...

— Наверно, школой, — предположил Майкл. — Школа очень угнетает.

Обернувшись, он окинул взглядом коридор. Что-то неладно с Ипом, неладно с Эллиотом, да и у него самого голова раскалывается.

— Пусть поспит, — сказала Мэри.

— Позволь мне остаться с ним, — попросил Майкл. — У меня сегодня мало уроков. Прошу тебя, мам...

Мэри вынула из кармана халата таблетку аспирина.

— Ладно, — разрешила она. — Может, тебе удастся вывести его из этого состояния.

Она пошла к лестнице, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. Может быть, перед сном она приняла по ошибке валиум? Голова была свинцовой...

— Проснись, Эллиот, проснись! — Майкл присел на край постели и приподнял брату веко. В глазах Эллиота не было ничего похожего на его обычный взгляд. На Майкла смотрел камень.

Он принялся трясти мальчика.

— Пожалуйста, Эллиот, прошу тебя, проснись!

Сознание не сразу вернулось к Эллиоту, и Майкл, поддерживая брата, помог ему дойти до его комнаты.

Майклу казалось, что он тащит тяжеленный булыжник. Что за странная сила тянула его вниз? Что случилось с Эллиотом? Что происходит с их домом? Рушится?..

Майкл потрогал стену, желая удостовериться, что это не так, но стена шевельнулась в каком-то ином измерении, и комната на мгновение озарилась мрачным сиянием.

— Встряхнись, Эллиот!

Эллиот окоченел, тело его было твердым, словно из железа.

А Ип, покрытый простыней, стал белым, как мел.

Майкл опустил брата на диван, страх обуял его, тысячи темных мыслей сходились в какой-то отдаленной точке.

Ип дышал неровно и тяжело, энергия покидала его. Небожитель должен был уйти в небытие. Он больше не владел собой. «Спаси меня!.. — молил он своего Капитана, ведущего корабль где-то во тьме, в далеком-далеке отсюда. — Вернись, мой Капитан, вернись за погибающим ботаником первого класса... Мои растения умирают... И я... я тоже с ними умираю...»

— Нужно позвать кого-нибудь, — тревожно произнес Майкл, — нам необходима помощь...

Эллиот обернулся к Майклу, глаза его походили на щупальца медузы, спасающейся от опасности.

— Нет, Майкл, на вздумай... Не надо...

Эллиот знал, что никого нельзя посвящать в их тайну. Армия не поймет. Не поймет и правительство. Они схватят чудесного пришельца из космоса и подвергнут всяким экспериментам.

— Я согласен на совместное владение... Пополам... — глухо произнес Эллиот. — Согласен. Но больше ни на что...

Майкл вытер вспотевшее лицо, соображая, что в их игре «ПД» означает совместное владение. Волны, исходившие от постели, в которой лежал Ип, качали его из стороны в сторону, бросали по комнате, словно куклу,

и Майкл понимал, что справиться с этим он не в состоянии. Волны превосходили его силу. Стены зловеще пульсировали, и Майклу виделись тысячи маленьких образов инопланетянина, позади которых полыхало космическое пламя... Уж не собирается ли звездный пришелец поджечь Землю?..

— Эллиот... — Майкл отошел в сторону, думая защитить себя этим от дикой пляски взбесившихся атомов. — Эллиот, мы потеряем его, если не позовем на помощь... И тебя потеряем, Эллиот...

В глазах Эллиота метались красные щупальца, в них была сила, непостижимая для Земли. Эллиот пылал, как железо в горне.

Майкл подхватил Эллиота одной рукой, инопланетянина — другой. Он был здоровым и рослым, но ноша оказалась ему не по плечу. Он напрягал все свои силы. Энергия Ипа будто помогала ему, двигала руками мальчика. Прикосновение инопланетянина рождало электрическое чудо, результат десяти миллионов лет познания звездной науки. Результат полетов в могущественные далекие миры, где он многому научился.

Майкл дотащил их до ванной, открыл душ. Нужно охладить пламя, сжигавшее Эллиота.

Хлынули струи воды. Старый путешественник шевельнулся под льющимся потоком; когда-то на него низвергался водопад на Венере, в потаенном гроте, где во мраке пляшут невидимые реки. Ип закрыл глаза, подставив тело венерианской влаге. Все, все, что он любил и куда стремился, исчезнет для него навсегда. Нет, надо отбросить эти мысли. Он сам, глупец, лишил себя бессмертия. Отмерил сотни тысяч звездных миль, и вот оступился...

И теперь — последний душ...

...который одни принимают на Венере, а другие — на Марсе...

...но только космический безумец дал поймать себя на Земле...

Он осел в ванну, колени его подогнулись, словно в них были запрессованы тонны свинца.

С ним вместе опустился и Эллиот.

Внизу отворилась дверь, и в дом вошла Мэри, с ней была Герти.

— Пойди, навести своего брата, он захворал, — сказала Мэри.

Она поставила на пол сумку с покупками, головная боль возобновилась, лишь только она переступила порог дома. Будто нож вонзили в лоб и безжалостно поворачивают.

Пытаясь избавиться от боли, Мэри подвигала головой из стороны в сторону, потерла виски. Не иначе, врач прописывает ей не те лекарства.

Прогрохотав по лестнице, словно ноги у него были из чугуна, Майкл появился перед ней.

— Потише, дорогой, — взмолилась Мэри. — Проломишь пол...

— Мама, я хотел бы тебе кое-что сообщить... Только ты сядь...

Мэри оторопела. О, Боже, лишь бы не какое-нибудь очередное несчастье с детьми, лишь бы не сегодня, лишь бы не укусы, вывихи или еще что-нибудь ужасное, что может быть следствием всех этих баталий...

Она тяжело опустилась в кресло, и оно жалобно заскрипело, словно готовые вот-вот лопнуть сухожилия.

— Что-нибудь серьезное?

— Ты и представить себе не можешь, насколько серьезное.

Она вскочила; голова кружилась, на нее надвигалось что-то ужасное.

— Помнишь гоблина?

«Лишь бы не какой-нибудь сексуальный маньяк», — промелькнуло в голове Мэри. Что творится в семье?..

Теперь глаза, как медузы, были у Майкла.

На лестнице послышались шаги Герти, и Мэри пора-

зилась, как в доме сотрясается пол под ногами пятилетней девочки.

— Мама! — закричала Герти. — Они ушли! Их нет в чулане!

— Кого это «их»? — Мэри недоуменно посмотрела на сына.

— Пойдем, ма, я тебе просто покажу, — сказал Майкл.

Он повел ее наверх, к ванной.

— Дай самую торжественную клятву, какую только знаешь, что... — начал он.

— Майкл... — Мэри ничего не могла понять, а сын, как назло, говорил так, будто играл в «Драконов и демонов». — Что произошло?

Майкл открыл дверь и отдернул занавеску ванны. Мэри моргнула, какое-то время ее глаза были закрыты, и она боялась их открыть: ей показалось, что на дне ванны шевелится клубок рептилий. Но, раскрыв глаза, она увидела Эллиота и...

— Мы заболели, — Эллиот протянул к ней руку. — Мы умираем...

Вода лилась на них — на Эллиота и на жуткое исчадие ночных кошмаров. Губы ужасающего монстра зашевелились, и Мэри услышала прерывистые, словно доносившиеся из пещерных пустот, слова: «тон... кое... и... гиб... кое...»

— Он с Луны, мама, — пояснила Герти.

Мэри схватила Эллиота и вытащила его из ванны. Куда убежать, куда скрыться от этой вцепившейся в Эллиота мокрой, похожей на рептилию, твари?

— Все вниз! — крикнула она, заворачивая Эллиота в полотенце и подталкивая перед собой детей. Гонимая страхом, Мэри бежала, не задумываясь куда. Лишь бы подальше от чудовища.

— Нельзя оставлять его одного, — запротестовал Эллиот.

Но Мэри обладала сейчас Абсолютной Властью, рожденной страхом за детей. Подгоняя перед собой ребят, она распахнула дверь — и тут рассудок и вовсе покинул ее. На пороге стоял астронавт.

Он смотрел на нее сквозь стекла скафандра. Захлопнув у него перед носом дверь, Мэри бросилась к черному ходу. Но и оттуда в дом входил астронавт...

Мэри судорожно метнулась к окну. Снаружи опускалось полотнище из прозрачного пластика, и она увидела, как третий человек в скафандре закрепляет полотнище на оконной раме.

А через несколько мгновений весь дом был накрыт огромным пластиковым колпаком.

К наступлению темноты дом Мэри был плотно упакован в воздухонепроницаемый прозрачный хлорвинил. Воздух в этот шатер поступал по пластиковым трубам, перекинутым через крышу и опоясывающим весь дом. Яркие прожекторы, установленные на высоких помостах, освещали дом со всех сторон. Улицу перекрыли трейлеры и грузовики, повсюду сновали люди в синих комбинезонах.

Войти в дом можно было только через пластиковую трубу большого диаметра, конец которой был закреплен в кузове автофургона.

Ключник натянул на себя комбинезон, надел скафандр и прошел по пластиковой трубе к переходной камере. Он расстегнул замок-молнию и оказался в карантинном отсеке.

— Потрясающе... просто потрясающе... — бормотал себе под нос скептически настроенный микробиолог. Голос его из герметического шлема звучал глухо, лицом он напоминал золотую рыбку, оказавшуюся в слишком маленькой стеклянной банке. Растерянный, он стоял посреди комнаты, которую отвели специалистам, занимавшимся исследованием соскобов кожи инопланетянина. Внутреннее строение пришельца из космоса повергло

их в шок — выйдя из оцепенения, они теперь тщетно пытались хоть что-то понять в организме Ипа.

В гостиной, превращенной в медпункт, бригада врачей обследовала членов семьи. У Мэри взяли кровь на анализ.

— Наблюдались ли изменения среды в доме с тех пор, как... этот... это появилось у вас? Изменились температура, влажность, интенсивность света?..

Мэри смотрела на врача, не желая или не в силах отвечать. Другой врач измерял давление крови у Майкла.

— Скажи, не замечал ли ты каких-нибудь изменений в цвете кожи этого существа или в его дыхании? Выпадения волос, потливости?

— А у него не было никаких волос, — сказал Майкл.

— Очевидно, — обратился один врач к другому, — дети общались с существом на уровне примитивной языковой связи. Семь-восемь односложных слов.

— Это я научила его говорить, — заявила Герти врачу, когда тот отстригал у нее с головы прядь волос.

Перед ней присел на корточки психиатр.

— Ты научила его говорить?

— Да. Моей игрой «Скажи правильно».

По-видимому, психиатр никогда не слыхал о такой игрушке.

— Ты видела — твой друг проявлял какие-нибудь чувства? Я имею в виду — плакал или смеялся?

— Он плакал, — сказала Герти. — Он хотел домой.

Руководитель всех бригад, проводивших исследования в доме Мэри, тем временем прошел в столовую, которая была отдана в распоряжение рентгенологов. Разглядывая еще мокрые снимки, они только почесывали в затылках (если можно так выразиться, поскольку головы у них были в шлемах). Открыв еще одну пластиковую дверь на молнии, Ключник перешел в комнату, которая была на карантине более строгом, чем все остальные. Пол, стены и потолок в этой комнате были затянуты пластиком, а посреди нее разместился переносной бокс размером десять на десять футов. Внутри бокса на столе лежали Эллиот и Ип, а над ними колдовала бригада медиков высокой квалификации.

— Записываю ЭКГ. Ничего похожего на человеческую.

— Есть зубцы Q, R, S?

— Нет.

— Ну, а вообще какие-нибудь зубцы есть?

— Не знаю... Не могу понять...

Запись на ленте, которую пытался расшифровать кардиолог, не соответствовала ничему, что можно было бы увидеть в учебниках по кардиологии. Забавный народ эти врачи! Дайте им побыть несколько минут наедине с любой, даже самой невероятной формой жизни, и они проведут ее обследование своей аппаратурой так спокойно, что успокоятся и все кругом, получив от них спокойное, уверенное и вполне обоснованное заключение.

— Интересно... — пробормотал один из врачей, хотя на самом деле у него было больше поводов для многословного монолога. В существе, распростертом на столе перед ними, все противоречило канонам медицины — некоторые части тела у пришельца скорее походили на овощи, другие — были твердыми, как камень и не пропускали рентгеновские лучи.

— Как с ультразвуком? Вы установили, где находится сердце?

— Никак не найду.

— Ну, а вообще-то сердце у него есть?

— Освещен весь экран. Похоже, что у него вся грудная клетка — это сплошное сердце...

Они щупали и зондировали Ипа, сгибали и разгибали его руки и ноги, кололи иглами в поисках вен, проверяли рефлексы. Были обнаружены ушные клапаны, открыты нежные слуховые каналы. Сверхчувствительные к свету глаза Ипа подвергались безжалостно-

му воздействию ярчайших ламп. Ученые работали лихорадочно.

Руководитель бригады медиков пытался вытереть пот со лба, забыв о шлеме. Он был обескуражен, растерян и смущен. Он склонен был видеть в Ипе лишенное всяких чувств чудовище океанских глубин, чьи нечеловеческие органы и их функции составляют неразрешимую загадку. Уродство инопланетянина повергала доктора в ужас, так что он забывал о непременном для его профессии милосердии. Распростертое на столе создание принадлежало к существам, материализовавшимся из ночных кошмаров.

— Он жив, — пролепетал ассистент, — но я не прослушиваю дыхания.

— ...пульс ровный...

Старый путешественник был недвижим. Ослепительный, режущий свет, жуткий свет землян больно бил по глазам, проникал глубоко внутрь. Он был во власти земных врачевателей, с их примитивной аппаратурой, которую и сравнить нельзя было с чувствительнейшими приборами на Великом Корабле.

«Где ты, настоящая медицина?» — вздохнул он, мысленно взывая к Галактической Ночи, которая уносила сейчас его собственных врачей.

— Телосложение марфановского типа.

— Запишите: умеренная экзофтальмия.

— Положительный двусторонний рефлекс Бабинского.

— Регистрирую вдох. Всего один.

Ип попытался нащупать путь к кораблю, в котором заключался весь смысл его существования, его необходимости во Вселенной. Неужели он все это потеряет?

— Да, теперь конец.

Чугунные цепи Земли сковывали его по рукам и ногам. Под их тяжестью его покидали последние силы.

— Дал ли результаты изотопный метод?

— Мы определили порог радиоактивности. Никаких костных повреждений не обнаружено.

— А как с эффектом Доплера? Не выявили ток крови?

— Кажется, немного в паховой области.

— На ЭКГ появились сигналы, одновременно у объекта и у мальчика.

И снова главный медик нервно почесал шлем. Мальчик и чудовище непонятным образом были связаны между собой, словно существовала невидимая пуповина, через которую чудовище поддерживало жизнь ребенка, или наоборот. Мальчик то пребывал в бесчувственном состоянии, то приходил в сознание, галлюцинировал, что-то несвязно бормотал и вновь проваливался в забытье.

«Я бы перерезал эту пуповину, если бы знал, где она и что собой представляет», — подумал врач.

Он все глубже и глубже проникал в загадочный организм. Было очевидно, что истерзанное существо умирает. Но тревожил ребенок. Сердце его работало с перебоями, пульс едва прощупывался и был синхронным с пульсом чудовища.

«Будь оно все проклято!» — подумал врач, бросив взгляд сквозь прозрачную стенку бокса на соседей — может, хоть они поняли, в чем тут дело?.. Он увидел склоненные над аппаратурой головы в шлемах, и ему стало ясно, что ответа нет и у них. Он перевел взгляд обратно на чудовище. Вряд ли существовало на Земле что-нибудь более бесчувственное, холодное и вызывающее отвращение! Но ведь существо это разумное! Доказательство тому — космический корабль! Правда, кораблем могли управлять не только его создатели!

Игла вонзилась в кожу на руке инопланетянина. Лицо Эллиота, лежавшего рядом, исказила гримаса боли, он вздрогнул, словно укололи его. Мальчик открыл глаза и повернул голову к тому, чье лицо ему было знакомо, к Ключнику:

— Вы делаете ему больно. Вы убиваете нас.

Ключник посмотрел на инопланетянина. Былая уверенность в благородстве пришельцев из космоса оставила

его при виде этого урода. И все же он еще находился под влиянием исходящих от Ипа волн. Существо, лежавшее на столе, при всей своей омерзительной наружности, явилось из корабля, а корабль — предел совершенства и могущества. Служить ему — было целью жизни Ключника.

— Мы хотим помочь ему, Эллиот. Ему необходима помощь.

— Он хочет остаться со мной. Он не знает вас.

— Эллиот, твой друг — уникальное и бесценное существо. Мы хотим ближе познакомиться с ним. Тогда мы сможем многое познать о Вселенной и о жизни в ней. Ты спас его, был к нему добр. Позволь теперь нам сделать то, что повелевает наш долг.

— Он хочет остаться со мной.

— Так и будет. Куда бы он ни отправился, ты будешь сопровождать его. Обещаю тебе.

Но никто не мог сопровождать инопланетянина туда, куда он отправлялся. Вихревые силы в глубинах его организма рвались наружу. Старый путешественник ощущал грандиозность этих сил, словно они принадлежали могущественному древнему дракону, изрыгающему пламя. Когда-то сородичи Ипа обуздали это пламя... Неужели теперь все кончится катастрофой?! Неужели он явится причиной гибели Земли?! Все кричало в нем — нет, этого не должно произойти! Что может быть страшнее, чем стать виновником гибели такой прекрасной планеты?! Вселенная его проклянет.

Но дракон внутри него продолжал плясать, и глаза его сверкали, как тысячи солнц, были полны страшных тайн. Если эта сверхмощная сила вырвется на свободу, она уничтожит всех этих врачей и их аппаратуру, друзей и врагов, все и вся.

— Мальчик опять потерял сознание.

— Позовите мать.

Ип висел на краю пропасти, из последних сил держась на тоненькой ниточке энергии. В ушах у него стоял

грохот, над ним разверзлась пасть дракона, страшные черные языки космического пламени рвались вверх, стремясь поглотить планеты, солнечные системы — все, что будет на пути. Ип чувствовал, как оболочка его личности разрывается, и звездный разум вытекает из нее все быстрее и быстрее.

— Давление падает...

— Увеличить подачу кислорода!

— Появился зубец U!

— Почему вы думаете, что это U, если нет зубцов Q, R и S?

— Пошла прямая линия.

— Скорее электрошок!

К груди Ипа подвели электроды. Мощный электрический разряд. Адреналин. Массаж грудной клетки.

— Никакой реакции...

Сердце старого путешественника остановилось. Ип лежал мертвый, но зашевелился Эллиот, силы начали возвращаться к нему в тот самый момент, когда перестало биться сердце Ипа. Инопланетянин в последний миг вспомнил давно забытую им формулу отгородившего его щита, который помешал мальчику последовать за ним.

— Не реагирует, — сказал врач. — Нет дыхания.

— Он умеет задерживать дыхание! — закричал Эллиот.

Врачи только покачали головами. Существо, которое они пытались спасти, ушло из жизни, и теперь их измученные головы задавались вопросом — над кем же все-таки они трудились?..

Озабоченные, они не обратили внимания на то, как вдруг упало напряжение в сети, мигнули лампочки, не заметили они и того, как задрожал дом, колыхнулась вся долина. Уловили это другие специалисты, оснащенные приборами, регистрирующими колебания земной коры.

Ключник, как ребенок, не верящий в смерть, склонился над инопланетянином и тихо спросил:

— Как вступить в контакт с вашими сородичами?

Эллиот не чувствовал руки Мэри у себя на плече, он думал только о своей потере.

— Он был лучше всех... — рыдал он, не отрывая взгляда от тела друга.

Рядом с ним стояли Герти и Майкл, проникшие в бокс вопреки протестам врачей.

Герти приподнялась на цыпочки и посмотрела на Ипа.

— Он умер, мама?

— Да, детка.

— Я хочу, чтобы он жил.

Меньше всего на свете хотела этого Мэри. Она глядела на безобразное сморщенное тельце, ужасный рот, длинные, вызывающие омерзение пальцы на руках и ногах, отталкивающий живот — и это чудовище едва не погубило ее сына!

— Я хочу, — повторила Герти. — Хочу, хочу, хочу!

«И я хочу», — подумала и Мэри, сама не понимая, почему повторяет детскую мольбу.

Всех попросили покинуть бокс, в том числе и Эллиота. Он вышел вслед за остальными и остановился у входа. Через прозрачную стенку он видел, как Ипа уложили в пластиковый на молнии мешок и засыпали сухим льдом. Затем принесли небольшой свинцовый ящик и опустили в него безжизненное тело.

Ключник подошел к мальчику и положил руку ему на плечо.

— Хочешь попрощаться с ним? — сказал он и впустил Эллиота в бокс.

Эллиот встал у маленького гроба, на который еще не опустили крышку, и смахнул кусочки льда с лица Ипа. Слезы текли по щекам и капали на пластиковую пленку над морщинистым лицом инопланетянина.

— Я думал, ты всегда будешь со мной, Ип... Я хотел показать тебе столько интересного... Я так мечтал о

тебе. Но я не знал про эту мечту, пока не появился ты... Куда ты ушел от меня?..

«Вы верите в фей?»

«гиппл гуппл снннннн орг...»

Луч золотистого света возник извне. Историки, изучающие космос, разошлись во мнениях относительно того, откуда он появился. Этот луч был древнее Ипа, древнее самого древнего ископаемого на Земле. Некоторые утверждали, что это была исцеляющая сила самой Земли, сверкнувшей одной из множества своих тайн, своего рода жест вежливости в отношении гостя.

«Никогда больше не заглядывай в чужие окна», — якобы произнес луч и исчез, утверждали некоторые.

Другие утверждали, что Земля была обречена и погибла бы, если бы спасение не пришло от дружественной планеты, протянувшей руку помощи и смирившей ядерного дракона.

А некоторые слышали еще: *дрипппл зуууннннггг умммтвpдссс...*

Очевидно, это был зов, прилетевший из бесконечных далей Вселенной.

Что бы это ни было, но оно коснулось исцеляющего пальца Ипа, и он засветился.

И Ип исцелил себя.

Как это произошло, он и сам не знал.

Но его мысленному взору предстал Капитан его корабля, и был он невообразимо прекрасен.

— Добрый вечер, Капитан, — сказал Ип.

— Не заглядывай в чужие окна, — раздалось в ответ.

— Больше никогда не буду, мой Капитан...

Яркий свет наполнил все тело Ипа, и он почувствовал, что тело его приобретает золотистый оттенок, но особенно там, где его сердце-фонарик; золотистый цвет переходил в красноватый, красноватый снова становился золотистым, и цвета начали чередоваться.

Испарение, подымавшееся от сухого льда, порозовело. Эллиот заметил это, смахнул лед с груди Ипа и увидел

мерцание сердца-фонарика. Он быстро обернулся, посмотрел на Ключника, поглощенного беседой с Мэри, и поспешно прикрыл сердце-фонарик рукой.

Глаза инопланетянина открылись.

— Ип звонить домой...

— Отлично, — радостно шепнул в ответ Эллиот. — Отлично! — Он снял с себя рубашку и накрыл ею сердце-фонарик Ипа. — Нужно вызволить тебя отсюда. Пока лежи...

Он затянул молнию на мешке, разровнял сухой лед и со скорбным видом вышел из бокса. Закрыв лицо руками, Эллиот миновал Мэри и Ключника, и в следующий миг очутился на кухне, где и нашел стоящего возле увядшей герани Майкла. Эллиот что-то прошептал брату, и герань, как и Майкл, подняла голову. Секунду спустя она уже снова пышно цвела.

Майкл кому-то позвонил, поговорил вполголоса и выскользнул через заднюю дверь из дома.

Эллиот стоял в главной пластиковой трубе — в том месте, где она выходила из дома. Мимо пронесли свинцовый гробик. Придерживая края пластиковой двери, Ключник помогал внести гробик в фургон.

— Я поеду с Ипом, — заявил Эллиот.

— Ты с мамой и ребятами отправишься со мной, Эллиот. Мы едем туда же.

— Я поеду с ним, — упрямо повторил Эллиот. — Вы обещали!

Ключник вздохнул и пропустил мальчика. Эллиот взобрался в фургон.

Подождав, когда отойдет Ключник, Эллиот постучал в окошко кабины. Там за рулем сидел Майкл.

— Эллиот, я ведь никогда не водил машину вперед, только задним ходом.

Майкл включил сцепление, дал газ, и фургон резко взял с места. Раздался ужасающий треск — фургон

отрывал от здания всю систему пластиковых труб, по которым входили в дом. Машину занесло к обочине выездной аллеи. Каким-то чудом Майкл вырулил на улицу. За фургоном, словно извивающийся хвост дракона, волочилось по мостовой футов двадцать пластиковой трубы.

Майкл надавил на клаксон. Полицейские поспешно разгоняли толпу зевак, люди бросались врассыпную от мчавшегося фургона...

Эллиота здорово тряхнуло, когда машина рванулась вперед. Он глянул назад и увидел, как двое подручных Ключника барахтаются в трубе. Хватаясь за жесткие ободья, они пытались подобраться к фургону.

Посмотри Эллиот чуть дальше назад, он бы увидел, как Мэри поспешно села за руль своей машины, усадив рядом Герти. Объехав припаркованные машины, она погналась за фургоном, моля лишь о том, чтобы ее сыновей не осудили за угон правительственного автомобиля.

— Куда мы едем, мама? — спросила Герти.

— За кремом из плаценты, — ответила Мэри.

Покрышки взвизгнули, когда она, резко свернув, на полном ходу пронеслась между выстроенными в ряд полицейскими машинами.

— Эллиот с Майклом угнали фургон?

— Да...

— А почему они не взяли меня с собой?

— Потому что ты слишком мала, чтобы угонять чужие машины, — ответила Мэри, не снижая скорости. — Подожди, пока вырастешь.

Она круто свернула за угол, следом за удаляющимся фургоном. Мэри уже поняла, что чудовище ожило, она ощущала это своими нервными клетками. И если желание детей или просто слепое счастье вернуло его к жизни, она была рада, пусть это и усложнит ее собственную жизнь. И хотя полиция преследовала их по пятам, она чувствовала: все, что случилось, — к лучшему.

Оба агента в болтающейся по мостовой из стороны в сторону трубе, хватаясь за ободья, пытались вскарабкаться в фургон. Они уже были почти у цели, когда заметили Эллиота, который что-то лихорадочно отвинчивал.

«Уж не хочет ли сопляк отцепить трубу?» — подумал один из них, но в следующее мгновение оба агента кубарем катились по мостовой, барахтаясь в пластике, в то время как фургон удалялся от них, прибавив скорость.

Майкл изо всех сил сражался с баранкой и педалями.

— Мы разобьемся, Эллиот! — крикнул он через плечо. — И мне уже больше никогда не видать водительских прав...

Он дивился, как это встречным машинам в последний момент удается увильнуть от, казалось бы, неизбежного столкновения с фургоном. Тем временем Эллиот на четвереньках добрался до ерзавшего по полу свинцового ящика, сбросил крышку и дернул молнию на пластиковом мешке.

Ип сел, отряхивая сухой лед, и огляделся.

— Ип звонить домой...

— Они прилетят за тобой? — спросил Эллиот.

— Зиип зиипл цвак-цвак...

Глаза инопланетянина сверкали ярче сердца-фонарика, которое отозвалось на вопрос Эллиота, осветив фургон.

Майкл свернул на дорогу, ведущую к холму, который назывался Наблюдательной Вышкой, где их уже ждала в полном составе оповещенная Майклом команда «Драконов и демонов». Ребята держали наготове велосипеды для Майкла и Эллиота.

Фургон резко затормозил, и братья помогли Ипу спуститься на землю.

Демоны — Тайлер, Грег и Стив, широко разинув рты, глядели на приближавшееся к ним чудище.

— Он из дальнего космоса, — сказал Эллиот. — Мы отвезем его на корабль.

Как ничего не могли понять некоторое время назад ученые-медики, так недоумевали сейчас и «демоны». Но, играя в свою игру, они исполняли роли наемников, орков, колдунов, рыцарей, а потому отчасти были подготовлены к встрече с любыми исчадиями ада. И хотя происходящее плохо укладывалось в их головах, они быстро помогли Ипу забраться в корзину на багажнике Эллиота, а потом все вместе помчались по одной из четырех дорог, спускавшихся с Наблюдательной Вышки.

Впереди несся Тайлер, его длинные ноги яростно крутили педали. Он взглянул через плечо на Эллиота и на немыслимое существо в корзине за его спиной и заработал ногами еще быстрее, чтобы оторваться от этого, кем бы это ни было.

— Эллиот! — взвизгнул Грег, захлебнувшись слюной. — Что... что...

Ничего членораздельного он не мог произнести, язык не слушался, и он только быстрее завертел педалями. Рядом сгорбился над рулем велосипеда Стив. Крылья его бейсбольной шапочки развевались по ветру. Теперь он понял, что это как-то связано с кексами из песка, которые пекла сестренка Эллиота. Он еще разберется, почему Эллиот был таким покорным. Но пока он поклялся себе — никогда ни за что не связываться с сестрами, чьи бы они ни были! Он пригнулся к рулю еще ниже; ноги на педалях взлетали, как птицы, а голова Стива лопалась от вопросов, на которые у него не было ответа.

Едва эта странная компания велосипедистов исчезла, как на холме появилась полиция и машины, принадлежавшие ведомству Ключника. Здесь же была и машина Мэри. Все разом, заскрежетав тормозами, окружили фургон. Полицейские повыскакивали с пистолетами наготове. Мэри бросилась к ним с криком:

— Остановитесь, это же дети!

От нервного напряжения голос Мэри был более чем решительным. Полицейские, оторопев, пропустили ее к фургону. Будь Мэри такой же напористой на суде, когда разбиралось дело о разводе, она была бы теперь куда богаче.

Задержка позволила увеличить расстояние между велосипедистами и преследователями. Когда дверцы фургона открыли, все увидели, что внутри никого нет.

И тут из-за кустов появилась новая личность, каким-то образом почуявшая, что нет сегодня на Земле более важного места, чем это.

— Они на великах! — закричал Лэнс. — Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой рот Поганца и втащила его в машину. Но Лэнс опустил стекло и во весь голос завопил:

— На озеро! Они поехали на другую сторону озера!

Полицейские и агенты из ведомства Ключника рассыпались по машинам и помчались к озеру.

Лэнс обернулся к Мэри:

— Скорее в лес! Я покажу вам, куда ехать.

— А как же озеро?!

— Хоть меня и называют Поганцем, но я не идиот!

Ип и компания спешили по извивающейся тропинке к месту посадки корабля. «Демоны» с опаской продолжали поглядывать на инопланетянина, но сердца подсказывали, что это их друг и что вот наконец-то они участвуют в настоящей Игре! И они еще яростнее крутили педали, спеша доставить Ипа к месту, где его ждала судьба.

В это самое время преследователи неслись вдоль озера, мимо кемпингов и коттеджей. У домика сторожа автомобильной стоянки они притормозили.

— Нет, здесь никто не проезжал... — сторож в недоумении поглядывал на машины, сгрудившиеся на грязной дороге. Что случилось? Кого они ловят?..

Из-под колес в него полетели камни и комья грязи, машины развернулись; группа захвата помчалась по грунтовой дороге вокруг озера назад, на асфальтированное шоссе.

«Теперь куда?» — думал водитель головной машины. У этого сержанта полиции сегодня с утра дергалось веко. Так же непроизвольно, как веко, дернулись руки сержанта и повернули руль влево, повинуясь какому-то внутреннему приказу. Остальные машины последовали за ним и теперь неслись назад по шоссе. Агенты из ведомства Ключника настаивали на тщательном прочесывании местности: шла большая охота, и нужно было исключить любые случайности.

— Развилка! Разделяемся!..

Переговариваясь по рациям, полицейские машины разъезжались по разным дорогам; машины то сближались, то разъезжались, водители их не сознавали, что действуют по сигналам, исходившим от преследуемого ими инопланетянина. А он тем временем своим телепатическим зондом поспешно обследовал небосклон.

Ип трясся на багажнике, вцепившись длинными пальцами в край корзины. Голова его звенела от сигналов — *знакл нерк снаккл — ты нас слышишь?..*

— Слышу, мой Капитан. Прошу вас, поспешите — *занггг зингл нерк нерк...*

У велосипеда Тайлера колеса слились в сплошное круглое пятно; длинные ноги мальчишки выжимали из машины все ее десять скоростей. Майкл, ехавший за ним, вдруг услышал далекий звук полицейской сирены.

— Догоняют! — крикнул он брату.

— В проулок! — скомандовал Эллиот, на крутом вираже объезжая остальных.

Грег и Стив ринулись за ним. Старые покрышки визжали на разбитом асфальте узкого, как коридор,

проезда. Это был кратчайший путь к холмам, которые сейчас казались мальчикам далекими, как никогда.

Велосипедисты подпрыгивали на трещинах в асфальте, резко сворачивали, и стены домов, выходившие на проезд, глазели на них, моргали окнами, поднимая и опуская сонные веки.

— Правее, — показал пальцем агент, сидевший на переднем сиденье рядом с сержантом полиции, и, казалось, что кончик его пальца начал светиться.

Он не мог понять, откуда он знает, куда ехать. Но как ни смешно это звучит, он точно знал, что правее... правее!

Тормоза заскрежетали, машины круто свернули в проулок. Полицейские съезжались со всех сторон и гуськом тянулись по развороченной мостовой. Головная машина, которую по-прежнему вел сержант с дергающимся веком, стрелой неслась по узкому проезду; ее сирена выла, не умолкая, а недергающийся глаз сержанта работал с двойной нагрузкой, но... не дай бог какой-нибудь старой перечнице выйти на дорогу из-за мусорных баков, выстроившихся у стен вдоль проезда.

С другой стороны проезд перекрыли машины с агентами Ключника.

— Вот они!

Эллиот соскочил с велосипеда и вкатил его наверх по бетонным ступенькам возле какого-то старого гаража. Майкл и Тайлер последовали за ним, не отстали и Грег со Стивом.

Ребята выскочили в соседний переулок. Инопланетянин огляделся вокруг, выпуклые глаза его вращались.

— Не допусти, чтобы меня схватили, — *ксирксиер нарк вммм ннн.* Ты слышишь меня, мой Капитан?

— *Зерк нергл вмммнин цнак* — Капитан велит поторапливаться... Опасность... опасность... опасность...

Преодолевая крутой подъем, ребята спешили к высоким холмам по тропинкам, известным им куда лучше, чем людям в машинах. Преследователи сгрудились в переулке. Образовалась пробка. Пришлось разворачиваться, маневрировать, и погоня продолжалась.

— Изворотливые крысята, — процедил сквозь зубы сержант в головной машине. Его левое веко дергалось, словно мигалка. Дав задний ход, он сбил несколько мусорных баков, моля бога, чтобы за ними или в них не оказалось какой-нибудь старухи, собаки, ребенка или алкоголика в бессознательном состоянии. Окажись они там, они обязательно попали бы ему под колеса.

Не выключая сирены, он вырвался из переулка и свернул влево, повинуясь приказу дергающегося века. Сирена истошно выла, надвинутая чуть не до самого носа фуражка придавала сержанту очень решительный вид. Машина с ревом вылетела из дальнего конца проезда, и, повинуясь очередному сигналу своего дергающегося глаза, сержант снова повернул влево.

— Маленький негодяй... — прошептал Ключник. — Лживый маленький сукин сын! — он вспомнил скорбное выражение лица Эллиота. С такими способностями мальчишка далеко пойдет... Ведь так сумел обвести всех вокруг пальца, и это в самый последний момент, когда добыча была уже в руках...

— Сворачивай, сворачивай! — заорал он, ясно чувствуя направление, ощущая его пальцами рук и ног.

Водитель резко повернул баранку, дал задний ход и снова оказался на улице, и в этот момент из проезда выехали Тайлер и Эллиот.

— А, черт! — воскликнул Тайлер. — Они!

Последний отрезок улицы на их пути, последний квартал, отделявший их от спасительного леса, был перекрыт. Из машин высыпали агенты и полицейские.

Эллиот свернул было обратно в проезд, но оттуда уже

появился капот полицейской машины, и она, вращая мигалкой, двигалась прямо на него.

Мальчики были окружены.

Длинноногий Тайлер почти лег на руль своего велосипеда и нажал на педали:

— Попробуем проскочить!

Он помчался вперед, рядом Майкл и сразу за ними — Эллиот Впереди был узкий просвет между двумя полицейскими машинами. Тайлер показал на него, и Эллиот кивнул. Грег и Стив образовали фланги несущегося вперед клина. Впервые в жизни изо рта у Грега не текла слюна. «Ничего не выйдет», — подумал он, но продолжал работать педалями. Встречный ветер плотно прижимал к голове крылышки на шапке Стива. «Если врежусь в полисмена, не миновать ночи в участке...»

Фаланга велосипедистов неслась на плотную стену из полицейских, агентов правительственного ведомства военизированной охраны. Все пути были отрезаны.

«Опять неудача, — с горечью подумал Эллиот. — Но мы сделали все, что могли...»

Ип поднял палец. Велосипеды взмыли в воздух.

— Будь я проклят! — сказал начальник полиции. Он стоял и смотрел, задрав голову кверху, разинув рот, руки уперлись в бедра, фуражка сдвинута на затылок.

Пять велосипедистов плыли над крышами домов.

У Ключника все оборвалось внутри, словно он шагнул в пропасть. Велосипеды пролетели над телефонными проводами, едва не задев их, поднялись над верхушками столбов и растворились в вечерних сумерках. На мостовой осталась только бейсбольная шапка Стива с крылышками.

Ип посмотрел на землю, проплывающую внизу. Да, так лучше, без тряски. Сердце-фонарик сияло в вечерней темноте сквозь прутья корзины.

Сова, дремавшая на излюбленном суку, проснулась

и лениво расправила крылья. Пожалуй, пора поужинать...

Она взлетела в воздух.

Но что это?

Мимо нее плыли по воздуху пять чудовищ. Испуганно щелкнув клювом, сова метнулась в сторону. Ее свирепый взгляд задержался на идущем из груди Ипа свете. Сова уставилась на старого ботаника, который щелками суженных на третьем уровне сознания глаз наблюдал за наступлением ночи.

«Однако летучие мыши в наших краях стали крупнее, — подумала сова. — Или я спятила?»

Велосипеды уже исчезли, растаяли в темноте. Эллиот повернул руль, он чувствовал, в какую сторону нужно повернуть, остальные последовали за ним.

— Скажите мне, когда это кончится? — взмолился Грег, закрывая глаза. Рядом летел оставшийся без шапки Стив. Его шевелюра развевалась по ветру. Холодея от страха, он нервно повторял про себя: «Вот что делают сестры».

На одной стороне с Эллиотом плыл Тайлер, на другой — Майкл, а Ип вглядывался в небо, в пространство за облаками всепроникающим мыслительным зондом.

— *Знак зерк дерглл,* — о мой Капитан, это действительно ты? — *Знеркл дергг дергг.*

Внезапно перед его внутренним взором предстало лицо, это было лицо самого надежного, самого совершенного, самого замечательного из всех межгалактических путешественников. Оно улыбнулось ему своей черепашьей улыбкой, преисполненное высшего разума, и исчезло в коммуникационных диапазонах стремительного спуска.

— Лес! — закричал Эллиот. — Наш лес! Спускаемся!

Велосипеды сделали в воздухе вираж, и все, кто летел с Эллиотом, увидели впереди, за округлыми вершинами холмов, темные тени деревьев.

Внизу, на дороге машина Мэри двигалась в том же

направлении. Следуя указаниям Лэнса, Мэри, лихо крутя рулем на поворотах, вела ее вверх по склону холма.

— На просеку, — угрюмо скомандовал Лэнс.

Самый великолепный велосипедный пробег, каких еще не знал мир, а он не участвует в нем.

Герти сидела между Мэри и Лэнсом, держа на коленях свой подарок для Ипа — горшок с геранью, на которой распускались все новые и новые бутоны, в то время как машина, подпрыгивая на ухабах, двигалась по просеке.

Лэнс не отрывал глаз от темных деревьев впереди.

— Сигналы становятся очень сильными, — вдруг сказал он. — Остановите здесь.

Мэри затормозила, они вышли из машины и направились к деревьям. Лэнс шагал впереди, за ним, ведя Герти за руку, Мэри. Путь был нелегкий, совсем не такой, как тот, над деревьями, по которому доставил своих спутников к замаскированному передатчику Эллиот.

Действительно, двигаться по воздуху было легче, чем ползти сквозь кустарник и коряги, и велосипедисты быстро достигли места, где был установлен передатчик.

— Здесь... — Ип показал пальцем вниз, и велосипеды начали плавно снижаться. Коснувшись травы, они еще немного прокатились вперед и остановились.

Уллл лиипл липп...

Передатчик работал! Эллиот бросился было к нему, но замер на месте под вспыхнувшим широким лучом бледно-лилового цвета. Эллиот оглянулся на Ипа. Старый ботаник тоже вошел в освещенное лучом пространство, и они посмотрели наверх.

У них над головами, светясь мягкими огнями, словно огромное елочное украшение на дереве, почти висел Корабль. Эллиот смотрел и не мог насмотреться на прекрасную космическую колесницу, упивался ее мощью и величием. Это был Ип, умноженный в миллионы раз, величайшее сердце-фонарик, которое когда-либо видела Вселенная. Свет его окутывал Эллиота, тело мальчика пронизывали волны любви и свершившегося чуда. Эллиот взглянул на Ипа. Огромные глаза старого путешественника стали еще шире при виде родного Корабля, Властелина Млечного Пути. Опоясывая его корпус готическими узорами, светились огни сигнализации, и у Эллиота было чувство, что Корабль несет в себе разум космоса, опередивший все другие формы разума во Вселенной.

Ип посмотрел на друга, который помог ему сквозь немыслимые дали связаться со своими.

— Спасибо, Эллиот... — голос инопланетянина окреп; в гармонии с Кораблем, с его могучей энергией обертоны становились звучнее. — Обещаю, — сказал он светящемуся люку, — никогда больше не заглядывать в чужие окна.

Но тут Ип ощутил на поляне еще один энергетический контур, увидел тонкое и гибкое существо и задержал на нем взгляд. Он смотрел на Мэри и молчал.

Герти подбежала к нему.

— Вот твой цветок, Ип, — сказала она и протянула ему герань.

Он взял девочку на руки.

— Будь хорошей.

На краю освещенной поляны мелькнула тень, и послышалось звяканье ключей. Ип быстро опустил Герти на траву, повернулся к Эллиоту и взял его за руку.

— Идем со мной, Эллиот.

— Я остаюсь, — ответил Эллиот.

Старый ботаник обнял мальчика, чувство космического одиночества овладело им сильнее, чем когда-либо. Он коснулся лба Эллиота и кончиками пальцев нарисовал на нем сложный волнообразный знак — это была формула, которую он наконец вспомнил и которая должна была освободить мальчика от гипноза звезд.

— Я буду здесь, — прошептал он, приложив светящийся кончик пальца к груди Эллиота.

И старый ботаник стал неуклюже подниматься по трапу. Из люка навстречу ему волнами нисходил внутренний свет Великой Драгоценности, и он почувствовал, как снова загорается в нем миллионами огней Высший Разум; теперь в его сердце, как и в сердце Эллиота, не было чувства одиночества, они были переполнены любовью.

Бережно прижимая к груди цветок герани, он вступил в мягкий свет внутри Корабля и в нем растворился.

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА

Steven Spielberg

«CLOSE ENCOUNTERS OF THE THIRD KIND»

Перевод с английского.

Стивен Спилберг

«БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В слепящих гигантских завихрениях песка и вырванной солончаковой полыни показались силуэты семи человеческих фигур. Они то появлялись, то исчезали в тоннах падающей бесконечным потоком земли.

Именно здесь, в этом месте пустыни, недалеко от большого городка Санойта в северной Мексике, их ожидали три агента федеральной мексиканской полиции, несколько ошеломленные происходящим. Их ослики, издавая истошные крики, еще больше заметались, почувствовав приближение незнакомцев. Они лягали и отбрыкивали все, что попадалось им под ноги. Фигуры людей были почти около них.

Временами сквозь пелену песка неясно вырисовывалось первое здание поселка, которое стояло на перекрестке дорог и выглядело призрачным и зловещим. Солнце находилось прямо над головой. Его кроваво-красный цвет сочетался с цветом старой неоновой вывески с надписью «Кока-Кола» на глинобитном сооружении, именуемом «Оазис Кантина».

Первым сквозь ветер пробился высокий мужчина в

костюме цвета хаки. Он приветствовал полицейских резким кивком головы и по-испански прокричал:

— Мы прибыли первыми?

Несмотря на безукоризненное произношение, мужчина был явно иностранцем, но определить его национальность было трудно: лицо закрывали темные защитные очки фирмы «Роммел» и кожаная носовая повязка.

— Так мы здесь первые? — повторил он вопрос.

В ответ полицейский кивком головы указал на юг, где в призрачной дымке вырисовывалась еще одна группа исследователей.

Так в окрестностях Санойты во время песчаной бури встретились две поисковые экспедиции. Всего их было четырнадцать человек. Последовали краткие рукопожатия, раздались сдержанные голоса.

— Среди вас говорит кто-нибудь по-французски? — спросил мужчина с замаскированным лицом с типичным американским акцентом, слегка провинциальным, возможно, штата Огайо или Теннеси.

— Да, сэр. Но по специальности я не переводчик, — отозвался самый низенький человек из второй прибывшей группы. Боясь, что его могли не услышать из-за воя ветра, Давид Лафлин сказал более громко и уверенно:

— Мое занятие — картография и топография. Я картограф.

— Вы можете переводить с английского на французский и с французского на английский?

— Да, но только имейте в виду: мне платят не за это.

В этот момент другая фигура выступила вперед, протянула руку картографу и заговорила на ломаном английском языке, с явным французским акцентом:

— Вы мосье... э-э... Лу-о-лин?

— Лафлин, — мягко поправил Лафлин и пожал ему руку. Что-то в голосе француза было такое, что располагало к мягкому и вежливому ответу.

— Оу, да, да... пардон, простите, — весело и извиняюще ворковал француз, мешая французские и английские слова. Затем он заговорил только по-французски:

— Господин Лафлин, как давно вы участвуете в разработке операции вместе с нами?

Лафлин ответил, тщательно подбирая слова:

— С тех пор, как моя страна стала сотрудничать с французами в области данных исследований. С 1969-го. Я присутствовал на переговорах в Монтсореу, которые проходили на той самой неделе, когда присоединились французы. Поздравляю вас, господин Лакомб.

Вся команда Лакомба порывалась идти дальше, надеясь увидеть то, ради чего был проделан весь этот путь.

В это время мексиканские полицейские, несколько опережавшие всю процессию, закричали что-то, указывая туда, где все еще свирепствовал сильный ветер. Из-за непрерывно бьющего в глаза песка и пыли то, что открылось их взору, временами напоминало стрекозу с размахом крыла в 50 футов. Люди осторожно приближались к загадочному предмету.

Поперек дороги находилось нечто. Было похоже, что оно имеет колеса с крыльями, хвост и пропеллер. По бокам была маркировка, на одном из крыльев — цифры. Когда красный от песка ветер на какое-то время стих, все увидели еще шесть точно таких же предметов. Это были морские торпедные бомбардировщики Граммен ТБМ Овенжер приблизительно времен второй мировой войны.

Экспедиция здесь же остановилась на привал. Лакомб отошел на несколько шагов, поднял свои залепленные комками грязи защитные очки. Необыкновенное чувство умиротворения охватило его. Казалось, он был погружен в размышления над увиденным.

Лакомб глубоко вздохнул, тыльной стороной руки стер с языка частички песка, надел стерильную полиэтиленовую перчатку и отдал первые приказания Лафлину. Лафлин понимающе кивнул ему и прокричал по-английски:

— Снимите таблички, номера маркировок со всех машинных отсеков.

Уже секунд через четырнадцать весь личный состав экспедиции ползал вдоль крыльев и хвоста, открывая люки, крышки, отвинчивая крепежные болты. Вся работа проводилась в специальных защитных стерильных перчатках. Один из технических работников открыл верх кабины. Она легко, плавно и без зацепок сдвинулась с места. Пазы и шарикоподшипники были в отличном состоянии, как новые.

Другой работник, также в перчатках, используя хирургический пинцет, извлек из-под приборной доски календарь. Это был путевой листок. Последняя запись была: «Спецаэродром Пенсакола. Флорида». Но самым удивительным оказалась дата вылета.

— Господин Лакомб! — закричал, задыхаясь от волнения, техник. — Он датирован маем.

— Что?

Лакомб обратился за переводом к Лафлину, но техник опередил его:

— С декабря 1945 года по май.

Лакомб просиял и через Лафлина приказал:

— Проверьте, есть ли горючее... бензин в баках. Посмотрите, будет ли бензин поддерживать горение.

У телохранителя Лакомба, стоявшего рядом с Лафлином, от удивления отвисла челюсть.

— Бог мой! Эти крошки в отличной форме! Не может быть!

Другой техник сверял номера по своему списку:

— Все номера машинных отсеков совпадают, так же, как и номера крыльев.

Несмотря на усиливающийся временами ветер, работа продолжалась.

Кто-то, проверяя действие посадочных огней одного из самолетов, на какое-то время осветил фигуру Лакомба. Защитная повязка, прикрывающая его нос и шею,

порывом ветра была задрана высоко ко лбу, глаза возбужденно блестели.

— Возможно ли это? — произнес Лакомб.

Сбитый с толку и ничего не понимающий Лафлин слегка толкнул локтем телохранителя:

— Простите, не введете ли вы меня в курс дела?

Роберт, наклонившись к нему, как бы по секрету сообщил:

— Это вылет 19.

— Ну и что из этого?

— Вылет 19. Разве вы ничего не знаете? Эта эскадрилья самолетов стартовала из Пенсаколы на тренировочные маневры в мае 1945 года... И никто их больше не видел. До сегодняшнего дня. Вот и гадайте...

— Но где пилоты? Где экипаж?

Их беседу прервали громкие, но неразборчивые крики, раздавшиеся совсем рядом, в нескольких шагах. Лакомб, а за ним и Лафлин сразу же направились в ту сторону. На пороге Кантины три мексиканских федеральных агента обступили нервно суетящуюся крошечную фигурку человека. Голоса полицейских не умолкали.

Лакомб сразу же посмотрел в сторону Лафлина, давая понять, что без его помощи никак не обойтись. Но Лафлин только улыбнулся и развел руками:

— К сожалению, я не говорю по-испански...

Положение спас Теннеси-Огайо:

— Они говорят, что этот человек был здесь два дня и что он видел, как все это случилось.

Француз опустился на одно колено и рукой в стерильной перчатке приподнял подбородок совсем оробевшего человека. Мексиканец плакал, но не это приковало внимание Лакомба. Половина лица человека была вишнево-красного цвета и покрыта волдырями от лба до ключицы. Это был самый ужасный ожог, который когда-либо в жизни приходилось видеть Лафлину на смуглом лице, привычном к раскаленному летнему солнцу Мексики.

Человек поднял голову, силясь что-то сказать, но не смог произнести ни слова.

Через некоторое время ему все-таки удалось произнести несколько испанских слов, после чего он еще больше залился слезами.

— Что он сказал? — поинтересовался Лакомб.

Лафлин обратился за переводом к американцу, который знал испанский язык. Тот только пожал плечами и, присев у ног несчастного больного человека, попытался заговорить с ним. Мексиканец с трудом что-то произнес.

Теннеси-Огайо поднял брови, тяжело вздохнул и перевел:

— Он сказал, что вчера вечером к нему выходило солнце. Он говорит, что оно пело ему...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Четырехлетний Барри Гвиллер провел беспокойную ночь. Через полураскрытое окно в комнату проникал нежный и приятный ветерок Индианы, ворошa малышу челку. Тихое, но постоянное жужжание, возникающее где-то в его комнате, беспокоило его сон.

Вдруг неяркий красный пучок света упал на его лицо, и Барри открыл глаза.

На столике рядом с кроватью каким-то образом оказалась одна из старых, потрепанных игрушек. Это был уродец Франкенштейна; когда он поднимал руки, собираясь сделать шаг, у него падали штаны и он краснел.

Барри сел в кровати, уставившись на Франкенштейна, а потом оглядел комнату. У Барри было много игрушек, работающих от батареек: танк Шермана, ракетный корабль, полицейская машина с красной световой вспышкой и сиреной — модель 747, пьяный, прицепившийся к фонарному столбу и потягивающий из своей бутылки. Все игрушки были разбросаны на полу, все двигались, вспыхивали, жужжали сами по себе.

Барри был в восторге. Неожиданно ожил его фоно-

граф, выводя мини-мелодию на тему песни об улице восточных кунжутов.

Барри засмеялся и захлопал в ладоши. Он спрыгнул с кровати и побежал к открытому окну. Где-то вдали залаяла собака, но во дворе было темно и тихо.

Комната Барри находилась в конце коридора. Мальчика одолело любопытство, и он побежал гостиную. Тут было темно, горел только маленький синий ночник. Барри почувствовал что-то неладное. Все окна комнаты были широко распахнуты. Ночной воздух вливался сквозь кружевные занавески, своеобразно шевеля их.

Передняя дверь была тоже широко открыта, и на фоне темной ночи на крыльце ярко светился фонарь.

Все это было странно, но малыш не испугался. Он с нетерпением ожидал новых забав.

Из открытых окон и двери доносился странный запах: так обычно пахло на улице после грозы. Барри удивился, так как он не слышал грома и шума дождя. Кроме того, запах был все-таки несколько иным.

Барри решил исследовать кухню. Там также все окна были открыты, а ветер дул уже по-настоящему. Задняя дверь была полуоткрыта и временами издавала скрип.

Дверь будки собаки Бинго сорвало с петель. Она валялась на полу, а Бинго в будке рядом с холодильником не было. Холодильник тоже был открыт. Пакет молока, несколько банок кока-колы, масло, контейнер с прессованным творогом, булонская копченая колбаса грудой лежали на полу перед морозильником. Из-под этой кучи шел мокрый след прямо до открытой собачьей будки.

Барри подобрал с пола полурастаявший брикет ягодного напитка. Вдруг что-то еще привлекло его внимание. Брикет выпал из его раскрывшейся ладони, расплескивая содержимое по линолеуму.

Малыш так быстро попятился, что от толчка его маленького тельца дверь открылась и тут же опять захлопнулась. Некоторое время он стоял неподвижно, не мигая уставившись на дверь.

Потом он улыбнулся. Ну, конечно, это же новая игра! Игра в прятки-пугалки. Это даже еще интереснее. Он придал своему лицу суровое выражение, затем, качаясь взад и вперед, как шимпанзе, начал описывать круги, втягивая и вытягивая голову и потом медленно вращая ею.

— Вот так? — спрашивал Барри у кого-то. — Вот так? — он явно кому-то подражал.

Барри чувствовал себя храбрым.

— Бу-у, — закричал он, сделав страшное лицо. — Гр-р-р-бу-у.

Проделывая это, Барри громко засмеялся от удовольствия, приближаясь к настежь распахнутой входной двери. Бледный оранжевый фонарь осветил его лицо, когда он, весело хохоча, вышел в темноту ночи.

* * *

Джулиан Гвиллер спала в своей спальне. Уже неделю она была больна гриппом.

Дом, в котором жили Джулиан и Барри, был маленький. Он одиноко стоял на вершине пологого холма в сельском районе Индианы. Содержать такой дом в полном порядке не составляло особого труда, но всю неделю Джулиан чувствовала себя отвратительно и запустила уборку.

Тот же ветер, который гулял по всему дому, ворвался и в спальню Джулиан, подхватив и разбросав картинки и пару полузаконченных рисунков Барри, сделанных карандашом. На прикроватной тумбочке в беспорядке лежали разные таблетки, капли от насморка, недоеденный бутерброд и стояла банка кока-колы.

Джулиан полудремала, находясь в том особом, вызванном гриппом состоянии, когда чувствуешь себя изнуренной от усталости, но никак не можешь заснуть; когда кажется, что ты в состоянии что-то сделать, но не

можешь пошевельнуться и встать. Работал телевизор. Она лежала под покрывалами, не сняв банный халат.

Услышав смех, Джулиан сначала подумала, что он исходит от телевизора, который она пыталась смотреть. Когда же кадр на экране сменился, а смех раздался опять, она осознала его источник: это Барри со своим подражанием тому, что видел. Джулиан в полудреме подумала, что же могло разбудить ее сына. Она присела в постели, медленно открывая глаза. Вдруг в дверь ее комнаты въехала игрушечная полицейская машина, завывая сиреной и сверкая мигалкой на крыше. За ней громыхал танк, стреляя на ходу из своей пушки. За ним катился большой неуклюжий реактивный самолет. И, наконец, с распростертыми руками шел уродец Франкенштейна со спадающими штанами.

Джулиан окончательно проснулась, сбросила покрывала и встала с постели. Смех сына постепенно удалялся и становился тише, пока, наконец, не стих совсем.

— Барри? — позвала Джулиан.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 10.40. Что же могло случиться с Барри?

Джулиан, пошатываясь, вышла в коридор и направилась в комнату сына. Кровать Барри была пуста, окна открыты. Джулиан бросилась в гостиную. Застыв на пороге, она с изумлением смотрела на открытые окна, на распахнутую входную дверь и светящийся фонарь на крыльце.

Не было никакого сомнения в том, что смех Барри доносился снаружи дома, откуда-то из темноты ночи. Джулиан вскрикнула и чихнула.

Снова послышался смех. О, Боже! Джулиан не знала, что и подумать. Она выбежала во двор, безуспешно пытаясь что-либо разглядеть в слабом свете фонаря, и закричала:

— Барри! Барри!

Джулиан бросилась в темноту ночи, туда, где, удаляясь, замирал смех ее малыша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Все центры управления полетами воздушных транспортных средств работают в особых, специально созданных, условиях, которые отличаются от условий реального, окружающего нас мира. Десятки таких центров разбросаны по всей территории Соединенных Штатов Америки. Индианаполис является одним из них и представляет собой большой бетонный бункер, наполовину уходящий в землю.

Искусственная Вселенная, созданная внутри таких бункеров, еще до конца не осознана. Здесь темно. При свете маленьких затемненных электронных ламп низкой мощности едва видны двери. Основной свет исходит от радарных экранов, в которых просматривается все воздушное пространство Индианы. Здесь нет ни дня, ни ночи, а есть только постоянная искусственно поддерживаемая темнота и яркое радарное свечение электронной картины того, что происходит в реальном мире над головой. Весь воздушный транспорт в полете находится под постоянным наблюдением и фиксируется радарными установками. Заявляя о себе, самолеты посылают опознавательные сигналы. С ними поддерживается постоянная

радиосвязь. Летные экипажи получают подтверждение или корректировку своего курса.

В затуманенной атмосфере легко потерять ориентировку, и только радар, по мнению авиадиспетчеров, дает точную картину того, что происходит в воздухе.

Диспетчерская служба внимательно следит за полетом любого летательного аппарата, будь то реактивный лайнер или самолет, летающий на низких высотах, что гарантирует каждому безопасное движение в воздушном пространстве.

* * *

Гарри Крейн работал в ночную смену. По ночам у экранов радара работало пять или шесть человек. Гарри обычно находился позади них, расхаживая взад и вперед, а временами отдыхая на высоком стуле.

Его наушники, связанные длинным витым проводом с передатчиком, настроенным на определенную частоту, и маленькая гибкая изогнутая трубка с микрофоном передавали его сообщения в воздушное пространство.

Той ночью основное наблюдение вели четыре авиадиспетчера. Они сидели бок о бок, парами, в белых рубашках с открытым воротом и засученными рукавами. Каждая пара вела наблюдение за своим экраном.

Над их головами громкоговорители издавали резкие скрежещащие звуки, обычно сопровождающие сеансы радиосвязи с самолетом, сейчас довольно редкие, поскольку в воздушном пространстве Индианаполиса была такая же темная ночь, как и в центре управления полетами внизу.

— Центр управления полетами, — раздался голос пилота, — у вас есть движение самолета в непосредственной близости от Айрист-31?

Гарри Крейн внимательно посмотрел на один из экранов. Там было только три цели: две с полными опознаваемыми аэронавигационными данными, а одна — лишь с частичными.

Две цели следовали в одном направлении на расстоянии 15 миль. Третья двигалась в другом направлении и находилась на значительном расстоянии от Айрист-31. Остальная часть экрана оставалась чистой.

Гарри включил свой микрофон:

— Айрист-31, вообще-то нет. В положении 12 часов 50 минут от вас находится Алледжана ДС-9. Будьте на связи. Сейчас взгляну в широком диапазоне.

Гарри потянулся вверх и нажал кнопку. Экран из компьютерного радара с узким диапазоном превратился в обычный широкодиапазонный радар. Быстро взглянув на экран, Барри снова нажал кнопку, затем другую. Он рассматривал первоначальную картину в компьютеризированной форме. Поблизости от Айристы-31 находилась цель без сигналов радиомаяка.

Пока Гарри внимательно всматривался в экран, пилот снова передал:

— Айрист-31 слышит движение летательного аппарата. Его положение 2 часа, расстояние 3 — 5 миль от меня. Он находится выше меня и снижается.

Один из авиадиспетчеров, всматриваясь, наклонился ближе к экрану, и, удивляясь, подтвердил сообщение пилота.

— Айрист-31. Сигнал понят, — сказал Гарри. — Я вижу цель как раз в этой позиции сейчас, но у нас нет сверхвысотных полетов. Я сейчас сверю с движением на низких высотах.

Гарри обратился к работнику селекторной связи:

— Свяжитесь с авиадиспетчерами низких высот и спросите, известна ли им эта цель...

— Центр, Айрист-31! — включился пилот, находящийся на связи с Гарри. — Объект движения не в низких высотах. Сейчас его позиция 1 час. Он все еще надо мной и продолжает спускаться.

— Вы можете опознать тип объекта?

Пилот, помедлив, ответил:

— Нет, не могу. Очертания не вижу. Цель блестящая. Имеет очень яркие сигнальные огни, изменяющиеся от белого к красному. Цвета просто поразительны.

Авиадиспетчеры другого сектора тоже смотрели и слушали. Координатор привстал, нажал кнопку, вызвал кого-то, неразборчиво что-то сказав.

Гарри на какое-то время присел на свой высокий стул, наблюдая за экранами. Потом вызвал другой самолет:

— ТВА-517, что вы видите?

В громкоговорителе раздался голос:

— Центр, это ТВА-517. Я тоже вижу яркие посадочные огни.

— Что же здесь у нас такое, Гарри? — спросил координатор.

— ТВА-517, Центр Индианаполис, — снова включился Гарри. — Айрист находится от вас в позиции 12 часов, 15 миль, направление и высота те же. Дайте, пожалуйста, свои опознавательные сигналы. — Он повернулся к своему координатору и сказал: — Айрист утверждает, что необычный летательный аппарат находится уже почти на его высоте. Я не знаю, что это может быть.

На экране появились опознавательные сигналы ТВА-517, и Гарри спросил пилота, находится ли реактивный самолет Айрист-31 в пределах его видимости.

— Да.

— ТВА-517, а неизвестный летательный объект вблизи Айристы вы тоже видите?

— Да, мы хорошо видим его сейчас и ведем наблюдение.

— Как вам кажется, что он собирается делать?

В разговор вмешался пилот Айристы-31:

— Он спускается, сейчас находится на 1500 футов ниже меня. Подождите секунду... оставайтесь на связи... Все в порядке. Центр! Айрист-31! Объект неожиданно развернулся и движется прямо нам в лоб! Поворачиваем вправо!

Гарри Крейн вскочил со своего стула, все замерли в напряжении.

Координатор повернулся и сказал, обращаясь к кому-то:

— Свяжитесь по телефону с Райт-Петерсоном и узнайте, какого черта они там испытывают.

— Айрист-31, сигнал понял, — произнес Гарри одновременно с ним. — Снижайтесь. Продолжайте полет на уровне три-один-ноль ... Алледжени ДС-9, немедленно поверните на 30 градусов вправо! Имеется движение самолета в позиции 12 часов, два—ноль миль. Спускается реактивный Айрист-31 на маршрут ФЛ-310.

Пилот Айристы-31 с поразительным хладнокровием продолжал сообщение:

— Светящийся летательный аппарат находится сейчас в угловом спуске, демонстрируя свою способность к небаллистическому движению.

Гарри и координатор переглянулись, но ничего не сказали.

— Все в порядке, Центр, — вновь сообщил пилот Айристы-31. — Объект продолжает спускаться. Очень яркий. Движется со скоростью, реальной для приземления.

— Говорит ТВА-517, — сказал другой пилот. — Мы собираемся взять курс немного вправо и тоже уйти в сторону от объекта.

— ТВА-517, сигнал понял, — сказал Гарри Крейн. — Отклонение от курса вправо одобряю.

— Центр, Айрист-31. Нахожусь на трассе три-один-ноль. Объект только что прошел наш 10-часовой пояс на расстоянии 500 ярдов, двигаясь с учетом понимания условий действительности.

Позади Гарри уже находился старший авиадиспетчер. Он впервые подал голос:

— Запросите пилотов: будут ли они делать официальные сообщения?

— Айрист-31, сигнал понял, — продолжал связь с самолетами Гарри. — Сообщите о своем полете на высоте три-один-ноль... ТВА-517, вы будете делать сообщение в Центр уфологии?

Некоторое время пилоты молчали, потом донесся ответ:

— Нет. Мы не хотим делать никаких сообщений.

— Айрист-31, ну хоть какой-то отчет вы собираетесь подать? — продолжал настаивать Гарри.

— Центр, я просто не знаю, какой отчет мне подавать и в чем отчитываться?

Гарри улыбнулся и немного расслабился:

— Я тоже не знаю. Я попытаюсь проследить движение этого объекта до места его назначения.

— Покажите нас на уровне 310, — попросил пилот и потом добавил: — Стюардессы говорят, что пассажиры делали зарисовки летательного аппарата, когда он пролетал рядом с нами.

Гарри Крейн, обращаясь к старшему авиадиспетчеру, сказал:

— А вот на них я бы хотел взглянуть. — Затем, снова говоря в микрофон, произнес: — Алледжени, поворот вправо на четыре. Возобновите движение на трассе Джей-8... Полет ТВА на уровне три-один.

Старший авиадиспетчер ушел, растворившись в темноте. Напряжение в центре управления полетами спало.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Реактивный пассажирский самолет Айрист-31 пролетал над домом Роя Ниари в тот день в 9 часов вечера. Гул пролетающего самолета был едва слышен внутри дома, и его обитатели не обратили на него никакого внимания.

Рой полностью занял одну из комнат загородного дома своей семьи и превратил ее в помещение для работы. По виду она скорее напоминала комнату для забав. Множество всякого рода механических и электрических изобретений в форме детских игрушек висело на стенах, лежало грудой на полу в углах комнаты. Все это могло поразить воображение любого ребенка.

Особое внимание привлекал макет железной дороги, собранный на столе для игры в теннис. Железнодорожная колея пролегала по искусно выполненному пейзажу Тирольской местности с ее горами и озерами.

В тот вечер Рой Ниари и его 8-летний сын Брэд были одни в комнате. Они сидели рядом. Рой пытался помочь Брэду выполнить его домашнее задание по математике. У ног Брэда лежали стопкой тетрадки и задачники по

математике. Но внимание Брэда больше было занято железной дорогой, чем уроками.

Заняв под железную дорогу теннисный стол, Ниари (а его жена Ронни любила поиграть в теннис) неоднократно терпеливо оправдывался перед женой. Он считал, что коль в семье растут мальчики, то модель железной дороги просто необходима.

— Это тебе она необходима, — отвечала жена. — А мне нужен теннис.

Уже не раз Рой дипломатически заканчивал эти стычки с женой обещанием разобрать железную дорогу ближе к концу недели, но шли недели, месяцы, а железная дорога не только не разбиралась, а усложнялась, обрастала новыми деталями.

В последнее время Рой тратил все свое свободное время на то, чтобы усовершенствовать ее движение.

— Ну, как разводной мост над тоннелем? — вдруг спросил Брэд отца.

Ниари нахмурился:

— Ты, кажется, выполняешь свое домашнее задание?

Мальчик отбросил карандаш и с вызовом посмотрел на отца:

— Я не люблю арифметику!

— А ты и не стараешься, — заметил отец.

— Железнодорожникам арифметика не нужна, — заключил мальчик.

— Допустим, — сказал Ниари, подбирая карандаш и снова вкладывая его в руку сына, — начальник станции дает тебе 18 вагонов и говорит: «Составь из них 2 поезда с одинаковым числом вагонов». Что ты будешь делать?

Брэд снова отбросил в сторону карандаш, полез в свой задний карман и извлек из него маленький калькулятор.

— Ничего страшного, — сказал мальчик, — потому что у меня будет вот это!

Рой вздохнул, глядя куда-то вверх. Некоторое время они оба молчали.

Эту недолгую тишину прервал Тоби, шестилетний

сын Ниари, который, как ураган, влетел в комнату, сбивая все на своем пути. Он остановился перед отцом, его глаза сверкали. Казалось, он кипит от гнева.

— Это ты, — указывая пальцем на Роя, крикнул он. — Это ты стащил мою светящуюся краску?

— Я ничего не тащил.

— Отдай, ведь я у тебя твоих вещей не беру, — продолжал настаивать Тоби.

От дальнейшего препирательства с Тоби Роя отвлекла Ронни, медленно входящая в комнату с закрытыми глазами и вытянутыми руками, нащупывая воздух, будто слепая. Ронни была женщиной с причудами.

У нее были длинные белокурые волосы, овальное лицо, оканчивающееся мягким, слегка заостренным, подбородком.

Впереди Ронни шла трехлетняя Сильвия, держа в руках подол ее длинной юбки, тоже с закрытыми глазами, медленно переставляя ноги.

— Ронни... — начал было Ниари.

Но та, не обращая никакого внимания на мужа, все еще с закрытыми глазами обратилась к сыну:

— Брэд, вот тебе арифметическая задачка: если в неделе семь дней и ваша мама все семь дней находится дома, то сколько у мамы остается личного времени?

— Ноль, — не прибегая к помощи калькулятора, ответил Брэд.

— Ронни, — вновь произнес Ниари, которому не нравились подобные шутки, — открой глаза.

— Зачем? — поинтересовалась она. — Я могу и так ходить по всему дому, стелить постели, готовить кофе, кормить детей. Я в клетке, как наш хомяк Тоби.

— Ну хватит, — миролюбиво сказал Рой. — Открой глаза и посмотри на это.

Ронни медленно открыла глаза. Что-то напевая себе под нос — признак того, что он доволен собой, — Ниари нажал кнопку на панели управления моделью железной дороги. Мать и дети увидели, как крошечная лодка с

парусом пришла в движение, скользя по зеркальной поверхности озера. Она приближалась к железнодорожному мосту, по которому вот-вот должен быть проехать поезд. Но поезд достиг моста и остановился. Навесной мост раздвинулся в стороны, и парусник, слегка покачиваясь, проскользнул в открывшееся пространство. Но тут, не дождавшись пока мост сомкнется, поезд вдруг возобновил движение и ... произошла катастрофа. Со скрежетом, в беспорядке громоздясь друг на друга, все вагоны свалились в озеро.

С лица Ниари улыбка исчезла.

— М-м-да, — сконфуженно выдавил он.

Ронни холодно смотрела на мужа.

— Все только что работало, — попробовал оправдаться он.

— Ну, вот что, — сказала раздраженно Ронни, отчего ее глаза стали синие-синие. — Я даю этой железной дороге еще две недели. Бьюсь об заклад, все это закончится тем, что я брошу ее в подвал!

— Это же несправедливо, — возмутился Рой.

Но Ронни рассерженно отвернулась и, взяв газету, стала ее листать.

— Неужели мы не можем куда-нибудь пойти? Я все время торчу дома.

— Да мы же ходили на прошлой неделе, — возразил Ниари.

— Перейти улицу к Тейлорам — вовсе не значит куда-нибудь пойти.

— Но ты же каждый день выходишь из дома, провожая Брэда в школу, — опять возразил Ниари.

— Да, конечно, это большое развлечение — вести Бреда в школу или взять с собой Сильвию в магазин, или отогнать в мастерскую машину...

Ниари внутренне содрогнулся.

— Ты нарисовала очень мрачную картину, — заметил он.

— Ну так дай мне другую кисть.

— Если ты считаешь, что я шикарно провожу время, работая в электрической компании.., — начал Ниари, пытаясь понять, насколько она сердита.

Но Ронни не слушала его.

— Я думаю, — задумчиво произнесла она, — что нам нужно изменить образ жизни.

— К сожалению, это только для богатых, дорогая, — разочарованно протянул Рой. — Они просто звонят в магазин и заказывают себе полностью новый образ жизни.

— Может, это и не образ жизни, — упрямо продолжала Ронни. — Возможно, это другое, о чем пишут в журналах... качество жизни.

— Звучит, как реклама для домашних хозяек.

— Понимаешь, — продолжала Ронни, — в жизни должно быть что-то еще, кроме хождения по магазинам в поисках трех рулонов туалетной бумаги за один доллар.

Ниари долго молчал. Раньше жена никогда не упрекала его в недостатке денег, и ему всегда казалось, что у них в этом плане все хорошо.

— У меня в январе будет прибавка к зарплате— — осторожно начал Рой.

Она покачала головой:

— Это не то. Я говорю не о деньгах.

— Что же тогда?

— Я не прошу провести неделю в фешенебельном отеле в Акапулько. Я имею в виду, что в моей жизни, хоть изредка, должно происходить что-то не будничное. Ну, например, для меня было бы настоящим событием, если бы ты вдруг принес мне цветок. Всего одну красивую розу.

Ниари со стыдом подумал: «Я всегда забываю об этом».

— Мам, — сказал Тоби, вдруг вспомнив, зачем он пришел в эту комнату. — Он взял мои светящиеся краски.

Но Ронни его не слушала. Она развернула газету на странице с киноафишей и положила перед мужем.

— Ну-ка, прикинь все это на своем калькуляторе, — предложила она.

Ниари взглянул на страницу.

— О-о! — вдруг встрепенулся он. — В городе идет «Пиноккио»!

— Кто? — удивился Брэд.

Ронни открыла сумочку и рассматривала свое лицо в маленькое зеркало.

— Я слишком много улыбаюсь. У меня губы стали тоньше, — сказала она сама себе.

— «Пиноккио», — повторил Ниари. — Наши ребята еще не видели «Пиноккио». Вам повезло, мальчики.

Брэд нахмурился:

— Но ты же обещал гольф в эти выходные.

Его поддержал и Тоби:

— Правильно. Гольф.

— «Пиноккио» — это великое произведение, — попробовал убедить их Рой.

Брэд вздохнул и спросил:

— А кто хочет посмотреть мультфильмы для детей младшего возраста?

— А тебе сколько лет? — спросил Рой.

— Восемь.

— Скоро будет девять?

— Да.

— Так вот, завтра мы пойдем смотреть «Пиноккио», — сказал Ниари.

— Завоевавший сердца и умы детей, — прокомментировала Ронни, продолжая рассматривать свое отражение в зеркале.

— Это, конечно, сказка, — обиделся Рой, — но я вырос на «Пиноккио». Дети есть дети. Они верят в это. — И он напел мелодию из фильма и потом несколько слов из песни: — «Если ты очень хочешь попасть на звезду...» — Он прекратил пение, поняв, что его идея не была принята ни детьми, ни женой.

— Ты права, — вздохнул он, поднимая вверх руки.— Конечно, у вас есть свои головы на плечах, и я не собираюсь настаивать. Завтра вы можете поиграть в мини-гольф. И будете долго стоять в очереди в толкотне, вместо того, чтобы посмотреть «Пиноккио». Затем в некотором отчаянии предложил:

— Давайте проголосуем!

— Гольф! — закричали дети, все трое разом.

Ниари пожал плечами:

— Хорошо. Завтра гольф, а сейчас пора спать. Идите спать.

— Нет, подожди, — запротестовал Тоби. — Ты же сказал, что мы можем посмотреть по телевизору «Десять заповедей».

Зазвонил телефон. Ронни, направляясь к нему, заметила:

— Эта картина длится четыре часа. — Она подняла трубку: — Алло? А, привет, Эрл!

Ниари пробормотал:

— Я им сказал, что они могут посмотреть только пять заповедей.

— Помедленней, Эрл, — говорила Ронни в трубку. — Я не смогу все это передать. Ты лучше поговори с самим Роем. — Она протянула трубку своему мужу, объясняя: — Там что-то случилось.

Рой было потянулся к телефону, но Ронни сама приложила трубку к его уху. Она обошла Ниари и уютно прижалась к нему с другой стороны. Ниари уже привык к такой внезапной смене ее настроения.

— Что случилось, Эрл? — спросил он своего коллегу по работе в электрической компании.

— Мне звонил диспетчер по контролю за нагрузкой, — почти кричал от волнения Эрл Джонсон. — Большая утечка тока на основном напряжении.

— На основном? — удивленно переспросил Рой. — Какого черта?..

— Молчи и слушай, — прервал его Эрл. — Мы потеряли половину группы трансформаторов на подстанции в Гильморе. Это может отразиться на жилых кварталах в любую минуту. Поэтому, пока есть свет, приезжай побыстрей в Гильмор, Рой! — И Эрл повесил трубку.

Повернувшись к жене, Рой спросил:

— Ты слышала?

В этот момент в доме погас свет и все электрические приборы остановились.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О синтезаторе Муга можно сказать только одно — это очень сложный музыкальный инструмент. В мире их насчитывалось не так уж много, а еще меньше осталось людей, которые знали, как с ними обращаться. Специалистов же, знающих его устройство, было еще меньше. Поэтому, когда был получен срочный заказ модифицировать этот синтезатор, сделанный для Стива Уандера группой молодых людей в очках, бородатых и усатых, которые знали толк в секретах этой системы, они с усердием, но смущенно приступили к работе.

Смущенно, очевидно потому, что господин Уандер поручил работу над столь сложным инструментом, как Муг, группе, не имеющей никакого отношения к музыке. В самом деле, почему?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Айк Гаррис, когда в комнату вошел Рой, находился на связи сразу по двум телефонам: один был внутренним и непосредственно связан с кабиной лифта, в котором застрял его начальник Гримзби, другой — связан с внешним миром, в одинаковой степени обеспокоенным.

Гаррис был в шоке.

— Линия А27-КВ в Гильморе вышла из строя, — сообщил он по телефону Гримзби, одновременно вводя Ниари в курс дела. — Все переключатели включены, но подача электроэнергии прекратилась. В Толоно нет света. В Кристаллейк тоже. Что? О да, вы правы: вы тоже в темноте, сэр.

Гаррис взглянул на Ниари и выразительно закатил глаза кверху.

— Хорошо, хорошо, — говорил Айк, когда Гримзби переходил на крик. — У меня есть сведения об актах вандализма на линии. Кажется, все линии в 890 мегаватт сорваны. Я сообщил в муниципальное управление о необходимости ремонта... Но мы не можем передать дополнительную электроэнергию, пока не будет восстановлена линия в 55 киловатт. Что? Да, сэр!

Гаррис прикрыл ладонью трубку городского телефона:

— Ниари, вы знаете нормальное натяжение провода в этом районе?

— Без ветра нормальное натяжение для провеса около 15 тысяч фунтов на провод. Года два назад я работал линейным рабочим в этом районе.

Айк убрал руку с телефонной трубки:

— Я посылаю к вам сейчас Ниари.

— Но... — вымолвил тот.

Гаррис только махнул рукой в сторону двери, продолжая держать связь с Гримзби.

— Черт возьми, да поезжайте поскорей! Нет, не вам, господин Гримзби.

Направляясь к двери, Ниари слышал, как Айк кричал кому-то:

— Передайте в муниципалитет, что через 10 минут мы наладим подачу электроэнергии.

Спустя 15 минут Рой ехал по одной из темных улиц округа. Названий улиц и номеров домов он, естественно, не видел и был готов признаться себе, что заблудился.

Держа во рту ручку-фонарь, он тщетно старался по карте, укрепленной им над рулем, определить, где находится.

Передвигаться по дороге в полной темноте было опасно. Кроме того, Ниари еще отвлекали телефонные переговоры полицейских, которые улавливало широкодиапазонное радио, вмонтированное в переднюю панель машины.

— Говорит полицейское управление шерифа. Есть ли патрульная машина в районе Ривароуд?

— Алло, графство! Я шоссейный патруль шесть-десять. Мы на Ривароуд. Чем мы можем помочь?

— Если поможете, спасибо. Найдите женщину на Ривароуд два-одиннадцать. Что-то происходит с входным фонарем ее дома. Она в затруднительном положении. Лают собаки. Поезжайте и выясните, в чем там дело.

Разговор прекратился. Ниари съехал на обочину и

остановился. Он думал, что Ривароуд находится в Толоно. Но Айк утверждал, что в Толоно нет света. Рой взял переносной телефон.

— ТР-восемьдесят-восемь-восемнадцать. Аварийного мастера.

— Аварийная на связи, — отозвался Айк Гаррис, не менее взволнованный, чем 15 минут назад. — Что вы хотите?

— Ваши парни восстановили подачу энергии в Толоно? Все в порядке?

— Вы шутите? В Толоно надо ехать в первую очередь!

— Но я только что слышал, как полиция сообщила о наличии света в Толоно.

— Господи! — закричал Гаррис. — Вы что, прослушиваете телефонные звонки полиции? Нашли время для забав. Все вышло из строя, Ниари. Вся сеть электропередачи!

Связь с Гаррисоном неожиданно прервалась. Ниари снова выехал на дорогу. Через несколько минут он увидел вдали вращающийся желтый свет. Подъехав к машине аварийной службы, Рой остановился и вышел, хлопнув дверцей. Стоящие рядом две команды аварийной службы, по-видимому, ожидали представителя властей для получения дальнейших инструкций.

Ниари почувствовал себя неловко. Ему еще не приходилось командовать линейными аварийщиками. Когда-то он и сам работал в такой команде, но эти парни были лет на пятнадцать старше его и, конечно, в десятки раз опытнее. То, что он прошел через эту систему, для них ничего не значило, и они вовсе не собирались автоматически следовать его командам, если вообще он будет способен дать хоть какую-нибудь команду.

Ниари увидел негра Эрла Джонсона, сообщившего ему о происходящем.

— Привет, Эрл, — подошел к нему Ниари. — Так что здесь случилось?

— Сам не понимаю, — ответил Эрл. В желтом вращающемся свете сверкнули его белые зубы.

— Зачем кому-то понадобилось украсть две мили проводов высоковольтной передачи?

— Ты шутишь?

Вместо ответа Эрл направил луч шестивольтовой вспышки на вершину опоры, потом провел лучом по линии, где должны были висеть два толстых медных провода вплоть до следующей опоры. Проводов не было.

— И на земле проводов нет. Они исчезли. Ничего нет от М-10 до М-12.

— Будь я проклят, если это не высокая цена на медь, — предположил вслух Ниари, направляясь с Роем к машине, чтобы сделать сообщение.

— Правильно, — согласился Эрл. — Все правильно. Материал стоит целое состояние. Я говорил им тогда, что кабель следует проложить под землей.

Не успев поговорить с Айком Гаррисом, Ниари по радиоприемнику услышал обрывки телефонного разговора полиции:

— Всем подразделениям в окрестностях предгорья Толоно... Домохозяйка сообщает... В ее кухонном окне самопроизвольно вспыхивает лампа под абажуром... Абажур перевернут...

— Где, они сказали, это происходит? — не расслышал Джонсон. — В Толоно?

— Это второе сообщение из Толоно, — сказал ему Ниари.

— Но ведь в Толоно нет света, — удивился Эрл.

— Непонятно... — начал Рой, поднимая трубку телефона, — ТР-восемьдесят-восемь-восемнадцать. Разрешите поговорить с Айком. — Он протянул карту Эрлу: — Найди, пожалуйста, Осборн, — попросил он. — Я плохо ориентируюсь по карте.

В трубке раздался голос Гарриса:

— Ниари, так что там происходит?

— Я нахожусь у опоры Мэри-10. Похоже, что все

высоковольтные провода вплоть до опоры Мэри-12 украдены. Какие-то вандалы оборвали провода у клемм, затем, видимо, подъехал грузовик и вытащил все. Но здесь и еще кое-что есть...

— А вот кое-что и для вас, — оборвал его Айк. — Мы должны восстановить электроснабжение через час.

— Один час! — воскликнул Ниари. — Здесь целая миля пустых столбов. Это невозможно!

— Все возможно, когда главное административное лицо торчит в лифте и хочет выйти.

Рой усмехнулся и спросил:

— Айк, подача электроэнергии в Толоно восстановлена, не так ли?

— Я уже тебе говорил, что в Толоно надо было ехать в первую очередь! Там так же темно, как в лифте Гримзби.

— А теперь послушай меня Айк, — осторожно начал Ниари. — Выслушай меня. Полиция сообщает о наличии света в Толоно. Выходит, один из твоих людей, работающих на этих клеммах передачи, — растяпа! Так однажды случилось в Гильрое. Помнишь?

— Я и два компьютера говорят тебе, что в Толоно так же темно, как и у тебя в голове, Ниари! — взбесился Гаррис.

— Поезжайте к подателям жалоб в район южного Толоно, — неожиданно ворвался в их разговор голос полицейского диспетчера. — Оттуда сообщают, что рождественские огни начали, искрясь, светиться.

— Вы слышали? — поинтересовался Рой. — Они говорят о рождественских огнях.

— Сейчас май, а не декабрь, — отрезал Гаррис и повесил трубку прежде, чем Рой смог что-либо ответить.

Некоторое время Ниари стоял, что-то напевая себе под нос. Потом он повернулся к Эрлу Джонсону и сказал ему тоном заговорщика:

— Послушай, Эрл, а как ты смотришь на то, чтобы выполнить эту работу за час?

Рой хлопнул его по плечу и уже сел в машину, включил мотор, когда Джонсон спохватился:

— Мне? Вести это дело? Кто будет меня слушать? Я даже не старший. Я даже не белый! Не упускай такого случая, Рой.

— Эрл, я еду в Толоно, и если Гаррис не прав, то некоторые наши люди за это ответят.

— А если он прав, твою задницу подвесят так высоко, что даже наемные фараоны не найдут ее.

Ниари развернулся, и через мгновение ночь поглотила его машину.

Эрл Джонсон с хмурым видом наблюдал, как удаляются задние огни машины Ниари, потом, тяжело вздохнув, медленно направился к рабочим. Те выжидательно смотрели на него. Эрл опять тяжело вздохнул и указал на одну из опор:

— Начинайте с нее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Айрист-31 приземлился на гудронированное шоссе аэродрома в 11.40 вечера.

С командно-диспетчерского пункта Индианополис самолету подавались обычные команды по выруливанию к месту высадки с углом отклонения 3 минуты от восточно-западной взлетно-посадочной полосы.

Двое из охранной полиции аэропорта ожидали его на обочине площадки. Их портативные приемопередатчики издавали прерывистые хлюпающие звуки, и нечеткий дребезжащий голос разъяснял, что белые участки предназначены только для высадки пассажиров.

Черный форд марки ЛТД, искусно лавируя в неподвижном ночном скоплении автомашин, резко затормозил, взвизгнув шинами, в нескольких дюймах от стоянки патрульных машин аэропорта.

Один из работников охраны аэропорта взялся за ручку задней дверцы автомашины и услужливо распахнул ее. Из машины вышли три человека в темных очках. Их фигуры в костюмах «Братьев Брук» казались отлитыми из металла. У одного из них были седые усы, которые

никак не сочетались со светлыми коротко остриженными волосами.

От дверей аэровокзала к ним подбежал мужчина в костюме, похожем на форму служащих одной из канадских компаний воздушных сообщений.

— Он приземлился!

— Когда?

— Минуту назад. Он выруливает к стоянке 55А.

Все четверо побежали к зданию аэровокзала. Вскочив на эскалатор, они промчались наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Пройдя через металлоискатель безопасности и показав свои визитки обслуживающему персоналу, они подбежали по длинному коридору к стоянкам прибытия и отбытия.

После приземления Айрист-31 полминуты неподвижно стоял на площадке 727, пережидая движение наземного транспорта. Затем он возобновил движение к стоянке 55А. Неожиданно у самолета отказали тормоза, и он продолжал, покачиваясь, двигаться. Его переднее шасси начало поворачиваться вправо.

Непосредственной подгонкой самолета к месту высадки руководил наземный оператор. Светящиеся жезлы застыли у него над головой.

— Сюда, вот сюда! — отчаянно кричал он.

Полностью игнорируя его сигнал, самолет совершил полное вращательное движение и поехал дальше в направлении частной секции взлетно-посадочной полосы, светя голубыми хвостовыми огнями.

Оператор беспомощно опустил жезлы и пожал плечами, недоуменно переглянувшись с носильщиками. Их взоры обратились вверх, на диспетчерско-командный пункт.

Тем временем в другой части аэродрома, ничего не зная о произошедшем нарушении установленного порядка и его причинах, приземлился другой самолет, с Лакомбом на борту. Выруливая по взлетно-посадочной по-

лосе к месту своей обычной стоянки, он остановился около черного «кадиллака». Ревущий двухрядный реактивный двигатель замолк, открылась кабина, и легкого телосложения француз быстро, но не торопливо спустился на бетонное покрытие площадки и направился к «кадиллака».

В лимузине сидели шофер в военной форме и мужчина в штатском.

Лакомб, в свойственной ему строгой деловой манере, отбросив все формальности, тут же спросил:

— Они готовы?

— Да, сэр, — ответил мужчина в штатском.

Шофер направил машину к тому участку аэродрома, где находилась стоянка для грузовых самолетов. Здесь были еще четыре автомашины с заведенными моторами и потушенными фарами. Когда «кадиллак» подъехал к ним, дверца одной из машин открылась, из нее вышел молодой человек и направился к «кадиллаку».

Он наклонился к переднему окну машины и спросил:

— Мосье Лакомб?

Это был Лафлин.

Пассажиры Айристы-31, слишком уставшие, чтобы предъявлять какие-либо претензии, были чрезвычайно довольны тем, что в конце концов приземлились в Индианополисе.

Стюардесса открыла переднюю дверь, и шесть здоровенных мужчин поднялись по трапу, приставленному к борту самолета, в люк, а затем и в салон. Двое из них прошли в летную кабину экипажа, а четверо стояли в проходе у открытой двери, как будто хотели заблокировать вход.

Пассажиры, забыв об усталости, с любопытством наблюдали, как оба пилота, радист и бортинженер в сопровождении двух мужчин в деловых костюмах вышли из летной кабины.

В иллюминаторы правого борта было видно, как два черных лимузина увозят летный экипаж.

Мужчины в костюмах снова поднялись по трапу в салон самолета. Они прошли вдоль рядов кресел, раздавая пассажирам маленькие карандаши и карточки компании ИБМ. Попросив у стюардессы микрофон, один из них обратился к пассажирам:

— Граждане, я Джек Де Форест, говорю с вами от имени научно-исследовательской службы военно-воздушных сил и усовершенствования полетов. Мы приносим вам свои извинения за задержку и нарушение графика полета. Нам искренне хочется, чтобы вы как можно скорее приступили к своим обычным делам. В том, что произошло, нашей вины нет. Во время полета самолет случайно попал в ограниченный коридор, где проводились секретные испытания, о чем не было известно ни вашему пилоту, ни администрации авиакомпании.

Пассажиры недовольно заворчали. Послышались возгласы: «Я так и думал, ну конечно, это все военные...».

— Я сказал, что не займу у вас много времени, и это действительно так, — продолжал Джек Де Форест. — Я прошу всех пассажиров, имеющих при себе фотоаппараты, киноустановки, видеокассеты и магнитофоны, передать их нашим людям.

Реакция пассажиров была мгновенной и негодующей. Джек поднял руку, пытаясь их успокоить, но никто не обращал на него внимания.

— Послушайте, — сказал он в микрофон. — Вам все будет возвращено через две недели. Обещаю. Но вы должны заполнить маленькие карточки, которые мы вам раздали, указав ваше имя, фамилию, адрес и сделав опись того, что вы передаете нам. Все это — слайды, фотографии и прочее — вы получите обратно за наш счет.

Тем временем в салон самолета вошел Лакомб и вслед за ним Лафлин. Они наблюдали, как пассажиры, ворча, заполняли карточки ИБМ.

Лакомб повернулся к Лафлину и что-то тихо сказал ему по-французски.

— Господин Де Форест, — громко сказал Лафлин, отчего все пассажиры тут же с любопытством отвлеклись от карточек. — Скажите командованию экипажа, что нам нужна полная нетронутая запись полета. И еще...

— Да?

— Не мойте самолет.

Лафлин, передавая по-английски все, что тихо говорил ему Лакомб, вдруг осекся. Он заметил, что пассажиры с тревогой и озабоченностью прислушиваются к нему. Он понял свою ошибку, но поздно.

Момент был неприятный. Лакомб, Лафлин, Де Форест и другие отдавали себе отчет в том, что среди пассажиров обязательно найдется кто-нибудь, кто на следующий же день будет искать представителей прессы. Знали они и другое: то, что произошло ночью, — это только начало.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Диспетчерская служба электрической компании не могла связаться с Ниари. Он выключил свой телефон, установленный в машине. У него не было никакого желания разговаривать сейчас с Айком Гаррисом.

Ведя машину сквозь темноту ночи в Толоно, Ниари видел над собой только звездное небо, а свет автомобильных фар едва пробивал стелющийся весенний туман, поднимающийся из оврагов по обеим сторонам дороги.

Ниари не чувствовал себя одиноким. Его приемник непрерывно улавливал телефонные переговоры полиции.

— У-5. Дежурный патруль Лонгли. Прием.

— Продолжайте.

— По заданию 10-75 на пересечении дорог Кобрероуд и Мидлтаун Пайк я наблюдаю... полагаю, что это уличные фонари в жилом квартале у подножия горы. Около 200 людей в пижамах... Похоже, что здесь происходит какое-то субботнее празднество.

Яркий пучок света неожиданно осветил плечо Ниари через заднее стекло машины. Разглядывая карту дорог,

Ниари машинально протянул руку в окно и помахал ею. Автомобиль поровнялся с ним и кто-то крикнул:

— Ты едешь посередине, осел!

Ниари остановил машину, развернул на рулевом колесе карту и нашел на ней Конбрероуд и Мидлтаун с пометкой Д-56 М-34. Однако от этого его собственное местонахождение ему ничуть не стало яснее.

Рой нажал стартер, и его машина, шурша шинами, тронулась с места. Спустя минут пять, Ниари понял, что окончательно заблудился.

Совсем отчаявшись, он подъехал к длинному ряду припаркованных автомашин. Отсутствие света, по-видимому, позволяло любому воспользоваться автостоянкой. Заметив машину Ниари, к нему стали приближаться люди, размахивая карманными фонариками.

— Где я нахожусь? — обратился Ниари к женщине в платке, из-под которого выпирали бигуди. — Это Толоно?

Женщина не успела ответить.

— Докладывает Лонгли, — неожиданно раздался радиоголос патруля. — Здесь все освещено. Я полагаю, что это натриевые пары. Они поднимаются... опускаются... подождите минуту... Они уходят немного в сторону.

— Господи! — воскликнул Ниари.

— Лонгли! — устало произнес диспетчер. — Объясните свое местонахождение.

— И мне тоже, — пробормотал Ниари.

— Я нахожусь рядом с начальной школой в Инглсайде в северо-восточном направлении.

Рой выглянул из окна машины:

— Где начальная школа в Инглсайде, кто-нибудь знает?

— Вам надо поехать в обратном направлении, — охотно объяснил какой-то парень с дробовиком в руке. — До строения 70, потом...

— Свет удаляется! — снова прорвался голос патрульного Лонгли. — Уходит на северо-запад, на Дайтону.

— Где Дайтона? Быстро!

— Это еще легче, — сказал парень с дробовиком. — Поезжайте по любой дороге в восточном направлении, пока не доедете до здания муниципалитета-9 и жилого дома на ферме-11, но не останавливайтесь, там висит знак: «Ведутся строительные работы».

Парень еще продолжал говорить, а Ниари уже переключил передачу и отъехал задним ходом.

Пять минут спустя Ниари опять почувствовал, что заблудился в своем родном городе. Он ехал по какой-то проселочной дороге, окруженный еще более плотным безжизненным туманом. По изрытой колдобинами дороге он добрался до перекрестка. Остановив машину, Ниари осветил фарами дорожный знак. Указательный щит! Ниари развернул карту на рулевом колесе, согнул маленький гибкий кронштейн лампы так, чтобы она поярче светила, и склонился над картой.

В этот момент позади него появилась цепочка огней какого-то приближающегося транспорта. Яркий свет, отраженный зеркалами заднего и бокового обозрения, вызвали у Ниари такое же раздражение, как и эта муниципальная карта с нечеткими, едва различимыми линиями. Ослепленный светом фар, он протянул руку из бокового окна и помахал ею, прося убрать свет. Но интенсивный свет, как от полуторки с двойными фарами, продолжал слепить глаза. На этот раз уже более нетерпеливо он помахал им снова. Сосредоточившись на карте, Рой не видел, как беззвучно, двигаясь очень медленно, какие-то странные сверхъяркие прожекторы исполнили его просьбу, поднялись вертикально, оставляя за собой темноту.

Рой вдруг услышал шум, похожий на дребезжание жести. Он огляделся по сторонам и посмотрел наверх, пытаясь установить его источник. Наконец, он осветил фарами дорожный знак. Тот вибрировал так быстро, что буквы множились и накладывались друг на друга. В крайнем изумлении Ниари уставился на щит.

В свете фар он увидел, как какие-то огни, бесшумно

пройдя вблизи его машины, стали тускнеть, превращаясь в маленькие желтые отблески, и потом совсем угасли.

Внезапно вся территория вокруг него в радиусе 30 ярдов осветилась вспышкой самого яркого света, который можно только себе представить. Ниари попытался выглянуть из открытого окна, но свет был настолько нестерпимо ярким, что он сразу же отпрянул назад. Рой почувствовал, как у него горит щека после того, как он выглянул из окна. Ниари схватился за телефон, но он не работал. Из широковолнового радио раздавался только треск. Теперь Рой был так напуган, что некоторое время боялся пошевелиться. Немного погодя, он нащупал свои солнцезащитные очки в металлической оправе, прикрепленные к козырьку над ветровым стеклом. Ему удалось надеть их, но он вдруг со страхом услышал, как они жужжат у висков, так же вибрируя, как и дорожный знак.

В следующий момент все двери его машины, багажник и капот внезапно открылись, усиленно вибрируя, а мелкие металлические предметы стали собираться вместе. Коробка со скрепками открылась, и они проплыли около головы Ниари и прикрепились к верху машины.

Металлическая оправа очков сделалась такой горячей, что обжигала кожу. Ниари смахнул их с лица на сиденье машины, но вместо того, чтобы упасть на сиденье, они тоже поплыли и прикрепились к потолку машины. Содержимое пепельницы вытянуло наружу, как пылесосом.

Рой прикрыл глаза от нестерпимо яркого света.

Так же внезапно, как и появился, обжигающий свет исчез. Скрепки дождем посыпались на голову Роя. Утихла и вибрация. Он посмотрел наверх и на секунду увидел звезды. Затем, подобие огромного подноса заскользило у него над головой. Все звезды, за исключением нескольких по краям, были закрыты его гигантской тенью.

Внезапно возникший где-то недалеко от Ниари сильный рокочущий звук заставил его отшатнуться от окна

и прижаться к сиденью машины. Фары его машины, ручной фонарик и лампочка на кронштейне зажглись сами по себе. Внизу на дороге он увидел перекресток четырех дорог, который сейчас находился в поле действия того же ослепительного света.

Все четыре дорожных знака раскачивались взад и вперед, вибрируя так сильно, что края металла загибались вовнутрь. Все это продолжалось всего лишь секунду. Потом свет исчез и вибрация прекратилась. Наступила тишина.

Внезапно заработало радио. Ниари даже вскрикнул от неожиданности. Оно издавало гудение, как при перегрузке напряжения. От услышанных радиоголосов Рою не стало лучше.

— ...Я не знаю. Я спрашиваю вас. Есть ли сегодня ночью полнолуние?

— Нет, — ответил женский голос. — Тринадцатого новолуние.

— ...Выходим на связь. Я и мой партнер видим этот объект над Сигнал Хил. Это тот самый объект, о котором все говорят. Это Луна...

Радио длительное время молчало, затем голос появился вновь:

— Подождите секунду. Все в порядке. Сейчас она стала двигаться с запада на восток.

— Говорит полиция Толоно, — включился в разговор новый голос. — Мы видим объект и вполне определенно утверждаем, что это Луна. Мы пришли к выводу, что не Луна движется, а движутся за ней облака и создают иллюзию ее движения.

— Толоно! Где вы обучались астрономии? — вмешался другой голос, который Рой сразу же узнал. Это был Лонгли. — Где и когда вы видели, чтобы облака двигались за Луной?

— Где вы находитесь? — устало спросила женщина-диспетчер.

— За Транспортным агентством Телемара, с восточной стороны в направлении Хапер Вэлей.

— О, Боже! — воскликнул Ниари. — Я знаю, где это!

Ниари мчался со скоростью более 90 миль в час. Вскоре он обнаружил, что въезжает в длинный темный тоннель. Когда дальний свет фар прорезал его темноту, Рой снова почувствовал покалывание на той стороне лица, которую так непредусмотрительно выставил наружу. Он вспомнил страх, который испытал тогда, и удивился, что мчится вдогонку за объектом, который так напугал его.

Может, ему лучше остановиться, повернуть назад и вернуться к Эрлу и другим ремонтникам?

Но Рой чувствовал, что скорее взволнован, чем напуган, и как ребенок сгорает от любопытства. Он уже не мог остановиться. Полицейские продолжали переговоры:

— Я вижу их, Чарли! Я преследую их!

— Только воспринимай их так, как они того заслуживают. Ведь они сделаны не в Дейтроте!

— Они сбавляют скорость. Не знаю почему, но сбавляют. Мы к ним приближаемся. Расстояние 300 ярдов.

— Вы можете их догнать? — спросил голос диспетчера.

— Вряд ли. Расстояние около 200 ярдов. Я на предельной скорости. И сомневаюсь, что надо слишком поспешно к ним приближаться. В своем движении они строго придерживаются направления дороги, соблюдая все повороты.

— Радар показывает, что они снижаются со скоростью 25 миль в час.

— Смотрите на огни светофоров! Как только они к ним приближаются, загорается зеленый свет.

Долгое время радио молчало.

— Да, сэр, они уходят на восток в направлении Хапер Вэлей.

Ниари выехал из тоннеля со скоростью 95 миль в час.

Машину занесло, но ему удалось выровнять ее ход, при этом он чуть не свалился в водосточную канаву.

Доехав до дорожного указателя «Въезд. Восточный Хапер. 3 мили», он сбавил скорость. Вскоре впереди замаячил дорожный указатель с надписью: «Выезд Хапер Вэлей». Резко затормозив, Рой выехал на узкую проселочную дорогу с двусторонним движением и снизил скорость до 70 миль в час. Он мысленно готовил себя к тому, что в любой момент на дороге может увидеть...

Ребенок!

Ниари нажал на тормоза. На дорогу выбежала женщина и схватила ребенка. Оба они на какое-то мгновение застыли в свете фар его машины. Ниари резко вывернул руль влево, оказавшись прямо возле женщины и ребенка; машину занесло, и она врезалась в снегозадержатель.

Наступила полная тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Роя. Только с третьей попытки ему удалось открыть дверцу машины: его руки совершенно обессилели.

Пошатываясь, он, наконец, выбрался на дорогу. Женщина как парализованная бессмысленно смотрела на него, ее руки все еще сжимали маленького мальчика, ладони закрывали его глаза, как будто все еще защищая от яркого света фар.

— Леди, — начал Рой, — вам не следует отпускать малыша...

— Я уже давно ищу его, — вымолвила Джулиан Гвиллер. — Он ушел из дома. Убежал. Уже несколько часов я...

— Ясно, — сказал Ниари. — Ясно. Я прошу прощения, я...

— Это опасный поворот, — услышал он чей-то голос.

Ниари повернулся и увидел пожилого фермера, сидящего на заднем сиденье в черном старом пикапе. Рядом

с ним была его семья: жена и двое сыновей. Один из них держал в руке бинокль, другой — игрушечный телескоп.

— Ну словно в город приехал цирк, — сказал фермер, делая глоток из бутылки. — Они пролетали ночью, поэтому никого из жителей не беспокоили.

Неожиданно налетевший ветер отбросил волосы Джулиан с ее лица. Рой повернулся лицом к ветру, который со свистом прорывался через снегозадержатели. В машине Ниари, запутавшейся в поломанном заборе, продолжало говорить радио.

— Постарайтесь разглядеть на них маркировку.

— Я пытаюсь ...

— Это графство Рэндольф. Мы выходим на связь на запасной частоте. Ну что там у ваших парнёй?

Щурясь от ветра, Ниари заметил, как по дороге что-то движется. Низко летящие над землей птицы были явно испуганы чем-то, что находилось где-то вдали на горизонте. Пробежала группа кроликов с прижатыми к голове ушами. И через секунду вдалеке над дорогой появилось яркое свечение.

— Ну, вот. Они снова появились, — заметил фермер.

Ниари повернулся, чтобы посмотреть на дорогу.

— Господи... — прошептал он, но не успел закончить фразу. Ему показалось, что весь воздух был высосан из легких, а наступившая тишина наполнилась низкими громоподобными раскатами.

На большой скорости, совсем беззвучно, пролетая с востока на запад, к ним приближалось нечто, похожее на восход солнца. Восход в 2 часа ночи?!

Не раздумывая, Рой прикрыл одной рукой свое лицо, а другой схватил женщину и ребенка. Джулиан почувствовала, как обожгло и стало покалывать лицо и шею.

Все трое прильнули друг к другу, когда непонятное явление, похожее уже на закат индийского летнего солнца, сверкая и переливаясь разными цветами, пролетело над ними.

Рекламную доску, изображающую золотые арки Мак-Дональда, осветили шесть лучей света. Похожие на пальцы лучи ощупали, как бы изучая, после чего это массивное «рождественское» украшение пришло в движение, а находящийся рядом фонарь, раскачиваясь, засветился.

Третий летательный аппарат напомнил Ниари фонарь из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта. Он был похож на огромное лицо, злобно смотрящее своими яркими глазами-огнями из многотысячной маленькой цветной секции, прозрачной как стекло. Он пролетел совсем близко от них вдоль дороги и повернул направо, сигнализируя тремя последовательными вспышками красного света в виде буквы Т.

Ниари и Джулиан от удивления и страха открыли рты, а маленький Барри, смеясь, запрыгал, выкрикивая:

— Мороженое! Мороженое!

Они еще приходили в себя от только что увиденного, когда пожилой фермер вдруг произнес:

— Они способны летать вокруг Луны, но мы намного опередили их в строительстве шоссейных дорог...

Ниари сглотнул, пытаясь что-то сказать, когда увидел, что к ним что-то стремительно приближается по дороге. Отчаянным движением он оттолкнул женщину и ребенка на обочину дороги и сам рванулся вслед за ними. На высокой скорости мимо них промчались две полицейские машины.

— Вот дураки! — возмутился Ниари, когда еще одна полицейская машина Индианы промчалась вслед за двумя первыми.

— Может быть, я и пьян, но я не знаю, где нахожусь, — признался фермер.

Барри вновь чему-то смеялся.

Ниари сел в свою машину и завел мотор, но колеса пробуксовывали, что приводило его в отчаяние.

Немного успокоившись и овладев собой, он все-таки вывел машину на дорогу.

— Где мы находимся? — спросил Ниари у Джулиан.

— В Хапер Вэлей.

— Они просто играют, — сказал Барри, прижимаясь к матери.

— Что ты сказал, малыш?

— Они хорошо играют.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стремительно выехав на шоссе, Ниари опять услышал телефонные переговоры, которые вели между собой полицейские, находящиеся в промчавшихся недавно по дороге машинах.

— Я их догоняю, Боб!

Головой Рой почти касался ветрового стекла. Отклонившись немного назад, он посмотрел на спидометр. Девяносто пять, девяносто семь, девяносто девять.

— ... Говорит Огайо!

И вот впереди Ниари увидел красно-желтые вспышки мигалки последней из трех полицейских машин. Образования из ярких огней находились далеко впереди. Они легко и плавно скользили на поворотах низко над землей.

Издалека линия таможенных постов между Индианой и Огайо показалась Ниари безжизненной: не горели обычные голубые лампы дневного света. По-видимому, и здесь прекратилась подача электроэнергии.

Таможенник дремал на своем стуле, когда три огненных шара плавно миновали линию таможенных постов. Вдруг замигали красные сигнальные огни, работающие на батареях, и вой сирены взорвал тишину ночи. Задре-

мавший смотритель моментально проснулся, вообразив, что какой-то хлыщ, не заплатив, пытается прорваться через таможенный барьер.

На дикой скорости полицейские машины промчались через таможню. За ними вихрем пролетел желтый ДВП Ниари.

— Я сокращаю разрыв, — сообщил голос полицейского.

— Обрати внимание! Они все время двигаются вдоль дороги, — сказал другой голос.

Впереди появился крутой поворот. И тут неопознанные объекты решили изменить тактику: вместо того чтобы повернуть, они, перелетев перила, двинулись по прямой.

Первая полицейская машина, находящаяся в непосредственной близости от объекта, попав, по всей вероятности, в ловушку его световых огней и двигаясь со скоростью не менее 85 миль в час, по инерции последовала в том же направлении и, взломав перила, взлетела в воздух, на мгновение зависла и рухнула на набережную, теряя все свои колеса и двери.

— Де Витт! С тобой все в порядке, Де Витт?

Второй патрульной машине удалось избежать участи первой. Резко затормозив, она заскользила боком вправо, остановившись у замусоренного края крутого обрыва.

Рой увидел, как двое полицейских, перепрыгнув через искореженные перила, помчались вниз к разбитой машине.

Несколько полицейских из третьей машины присоединились к своим коллегам, а Ниари следил за движением трех красных шаров. Они поднимались вверх, в направлении низко плывущей гряды облаков, и скрылись за ними, окрасив их в огненно-красный цвет. Постепенно свет тускнел, пока не исчез совсем, и на чистом небе опять засияли звезды.

Ниари повернул назад. Таможенные посты с обеих сторон были ярко освещены обычным флюоресцентным

светом. На горизонте он также увидел множество огней. Он быстро приближался к городу.

Было похоже, что затемнение закончилось.

* * *

Как оказалось, Трупер Роджер Де Витт был в гораздо лучшем состоянии, чем его смятая в гармошку машина. Со сломанным носом, незначительными, но немногочисленными ушибами и, возможно, с сотрясением мозга он важно расхаживал по полицейскому участку и уже целый час рассказывал всем, как от него улизнули небесные пришельцы.

Сейчас же он докладывал о ночном происшествии капитану Расмансону в его кабинете, а тем временем в приемной патрульно-дорожной службы Рой Ниари и остальные полицейские излагали те же события на бумаге. Было уже 3.30 ночи. Мысли путались, и Ниари не знал, с чего начать.

Свободной пишущей машинки не оказалось, и Рой писал карандашом. У него разболелась голова.

— У кого-нибудь есть аспирин? — спросил он, но на него не обратили никакого внимания.

— Если бы не Лонгли, — сказал рядовой полицейский, — я бы, наверное, сошел с ума.

Лонгли усмехнулся:

— Я не хочу писать отчет только для того, чтобы он потом пылился где-нибудь в ящике. Вот если бы он попал в печать.

В этот момент из кабинета вышел прихрамывающий Де Витт. Он уже было собрался закрыть за собой дверь, но за ним следовал Расмансон.

— Этого вполне достаточно, чтобы потерять рассудок, — закончил он разговор с Де Виттом. И уже обращаясь к сидящим в приемной, добавил: — Нормальные люди следят за тем, чтобы такого рода сообщения полиция не делала.

— Видит Бог, я говорю правду, — пролепетал, оправдываясь, Де Витт.

— Я не позволю, чтобы наш департамент фигурировал на страницах «Национального вестника», — проговорил капитан и выразительно посмотрел на Лонгли и другого полицейского, печатающих свои рапорты.

В комнате наступила напряженная тишина.

— Может, он взбесился из-за разбитой машины? Ее на следующей неделе собираются пустить на запчасти для такси.

— Бог мой, я рассказал ему все! Все как есть.

Покалеченный и ошеломленный Де Витт выглядел беспомощно и жалко.

— Я ничего не забыл. Метеоры. Скорость. Ну какого черта, у меня нет повреждения головы... не придумываю я это специально!

— И что?

— Он на две недели отстранил меня от работы.

— Что?

Все прекратили писать и уставились на него.

— То, что сказал.

Де Витт заковылял к двери:

— Идите и попробуйте рассказать кому-нибудь правду, и вы вместо работы будете днем сидеть у телевизора.

Рой увидел, как полицейские повернулись к своим пишущим машинкам и пробежали глазами свои рапорты. Некоторые обменялись вымученными улыбками. Потом, как марионетки, которых одновременно дернули за пять веревочек, пять правых рук протянулись к пяти пишущим машинкам, выдернули форменные отчетные бланки, скомкали их и бросили в мусорную корзину.

— Ну, давайте теперь поговорим с вами, господин... — обратился к Рою вошедший полицейский, вставляя в пишущую машинку новый форменный лист.

Ниари оглянулся, ища поддержки. Он сразу оценив обстановку, молча встал и вышел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Только в пятом часу утра Ниари, наконец, добрался до дома. Он чувствовал необычайный прилив сил. Проходя по прихожей, он нетерпеливо крикнул:

— Ронни! Ронни!

Ниари был очень возбужден, голова его шла кругом.

— Милая, проснись!

Ронни подскочила на постели.

— Что? Дети?! Пожар?! — она с ужасом смотрела мужа, ее белокурые волосы разлохматились.

— Да нет, успокойся. С детьми все в порядке, — как можно спокойнее сказал Рой. — Милая, ты просто этому не поверишь...

Ронни перевела дыхание и посмотрела на светящийся циферблат часов.

— Ты прав. Я не могу поверить, что ты будишь меня в начале пятого.

— Ты просто не представляешь, что произошло.

— Я не слушаю, — зевнула Ронни, натягивая одеяло на голову.

— Тебе и не придется слушать. — Рой учащенно дышал, как маленький Тоби, когда с жадностью ел что-

нибудь сладкое. — Они вообще не производят никакого шума. Был просто воздух и потом вдруг у-у-ш-ш, и опять у-у-ш-ш и еще у-у-ш-ш и потом что-то в воздухе красное у-у-ш-ш... Бог мой!

Под одеялом Ронни сквозь дрему слушала звукоподражания мужа и вдруг вспомнила:

— Звонили из управления. Они не могли тебе дозвониться...

— Я знаю. Я отключил телефон.

Ронни начала просыпаться:

— Не надо было отключать. Им нужно было поговорить с тобой... Там происходило что-то странное. Они оборвали мне телефон... Чуть не забыла. Они просили позвонить им.

Она говорила в полудреме. Чтобы окончательно разбудить ее, слов было недостаточно. Рой потряс жену за плечи.

— Просыпайся! Вставай! О, черт! Что бы такое надеть на тебя?

Он немного помолчал, обдумывая, как бы лучше облечь в слова свои впечатления. — Ну... вот можешь себе представить: движется солнце, а за ним проступают звезды...

— Бог мой! О чем ты говоришь, Рой?

— Впрочем, я ничего не буду говорить. Увидишь все сама. Ронни, это так важно! Я хочу, чтобы ты все увидела вместе со мной. Ты мне сейчас очень нужна.

Ронни поняла, что он не шутит. Сев в постели, она растерянно посмотрела на мужа:

— Но мы же не можем оставить детей!

— Дети, да, дети... дети! Дети! — громко закричал Рой и пошел будить их.

За то время, пока его семья одевалась, Рой приготовил все, что хотел взять с собой: фотоаппараты, бинокли, одеяла.

— Мы собираемся в кино на открытой площадке? Мы поедем в зеленый театр? — спросил Брэд полусонно.

— Зачем ты стащил мои светящиеся краски? — опять вспомнил Тоби.

— Ты получишь свою светящуюся краску! — ликующе воскликнул Ниари. — Все будет светящимся!

На кухне Ронни, открыв холодильник, взяла пакет с сырыми овощами. Лампочка в холодильнике была зеленой, что придавало продуктам неаппетитный вид, и Тоби сказал:

— Меня тошнит от этого зеленого света.

— Я ее поменяю, когда похудею еще на три фунта, — пообещала ему Ронни.

Ниари заторопил всех к машине. Выйдя из дома, Ронни остановилась.

— Рой! — нерешительно произнесла она. — Может, нам лучше вернуться и лечь спать?

Вместо ответа Ниари стал усаживать детей в машину.

— Ты обещал нам мини-гольф, — напомнил Тоби, занимая место посередине. У него слипались глаза.

Наконец все уселись. Протирая ветровое стекло, Рой низко наклонился к жене, и она вдруг заметила, что одна сторона лица у мужа была ярко-красной.

— Что это у тебя, Рой? Когда ты успел загореть?

Ниари посмотрел на себя в зеркало заднего обзора.

— Это они, — взволнованно прошептал он, а громко добавил: — Можете считать, что я отдыхал, пока вы спали.

— Но почему у тебя загорела только одна половина лица? — недоумевала Ронни.

Ниари быстро нашел то место, где все случилось. Немного отъехав в сторону от дороги, он остановился около сломанного забора снегозадержателя. Фермера и его семьи уже не было: на земле валялись оставленные ими коробки из-под сандалий и пустая пивная бутылка.

Ронни и дети, мирно посапывая, спали. Рой вышел из машины и задумчиво бродил неподалеку. Он ждал... Но чего? «Ну, пожалуйста, появитесь снова!» — мысленно просил он. Почему-то то, что раньше было таким

пугающим, теперь стало вдруг необыкновенно притягательным. Он почувствовал острую необходимость с кем-нибудь поделиться впечатлениями. Рой оглянулся, но, кроме своей машины, ничего и никого не увидел. Может быть, ИМ не нравились люди, ожидающие в одиночку? Может быть, они появятся, когда...

* * *

Ронни внезапно проснулась. Она оглянулась на спящих детей, похрапывающих около друг друга, и в заднее стекло увидела своего мужа, нервно прохаживающегося взад и вперед и поглядывающего в небо. Она вышла из машины, тихо притворив дверцу, и направилась к Рою.

— Что мы все-таки здесь делаем, Рой? Чего ждем? Почему ты мне ничего не говоришь?

— Ты поймешь, когда увидишь, — неуверенно ответил он.

— А ты объясни. Я постараюсь понять.

Рой какое-то время молчал, переводя взгляд с дороги в небо и, наконец, сказал:

— Понимаешь, они чем-то напоминают мороженое в вафельном стаканчике.

Ронни озадаченно уставилась на мужа.

— Какого вкуса? — с убийственной непосредственностью спросила она.

Ниари не заметил иронии в ее вопросе и ответил вполне серьезно:

— Похоже на апельсин. Оно было оранжевого цвета... Не совсем как стаканчик с мороженым... А как нечто в скорлупках... вот такой формы, — он движением рук показал, какой.

— А-а-а! Как вареное яйцо?

— Нет, более круглое... А иногда они были похожи на булочки, которые были у нас вчера.

— Горячую сдобу?

Тут до Ниари дошло, что жена его просто разыгрывает его. Тем не менее, он вполне серьезно продолжил:

— Что за булочки были у нас на обед? Такие дугообразные?

— Ты имеешь в виду булочки полумесяцем?

— Да, — сказал он, снова волнуясь. — От них исходило что-то типа неонового свечения.

Ронни недоверчиво пожала плечами и начала доставать из пакета морковку.

Ниари, жуя морковку, присел на камень и снова поднял глаза в небо.

Ронни с беспокойством следила за ним. Не было никакого сомнения в том, что Рой что-то пережил. Но что — она не могла понять. Очевидно, для него это было очень важно.

Испытывая чувство легкой вины, Ронни подошла к Рою и, потеревшись щекой о его локоть, спросила:

— Я что-нибудь делаю не так?

Он не ответил, продолжая смотреть на звезды, уже начинающие тускнеть в наступающем рассвете.

Ронни тоже посмотрела наверх, и вдруг у нее по телу пробежали мурашки. Почему-то ей стало немного страшно. Все в небе было загадочным и таинственным.

— Обними меня! — попросила она Ниари, Рой прижал ее к себе. Спрятав лицо у него на груди, Ронни прошептала: — Помнишь, как мы уединялись с тобой в таких местах, как это, чтобы побыть вместе?

Ниари улыбнулся.

— Помню... — он наклонился и поцеловал ее. Подчиняясь охватившему его порыву, он страстно сжал жену в объятиях.

Неожиданно их обдало волной голубоватого горячего шипящего воздуха, который с силой рванул, развевая, полы одежды. Ниари был вне себя от радости, увидев красные огни. Но на смену радости пришло разочарование: это был всего лишь промчавшийся грузовик с прицепом...

Очарование их порыва было испорчено. Ронни, пытливо глядя на мужа, спросила:

— Если бы одна из этих штуковин прямо сейчас приземлилась и дверь бы открылась, то ты бы туда вошел?

Рой затрепетал от одного лишь предположения:

— О Господи! Ну конечно же!

И почувствовав, что огорчил ее, попытался оправдаться:

— Любой поступил бы так же.

Ронни, резко отстранясь от него, пошла к машине. Рой бросился за ней.

Ронни остановилась и, повернувшись к нему, закричала:

— Ты знаешь, что ты с нами сделал? Ты знаешь, что это значит? Ты привез нас сюда за двадцать миль от дома... посреди ночи... Ты нарушил наш сон. Твои сыновья завтра не смогут днем учиться, а Сильвия будет всем рассказывать, что их папа видел плоскую, оранжевую, из дурацкой скорлупы полумесяцем булочку, которая летает! — Она смерила его уничтожающим взглядом и ядовито добавила:

— Не вздумай выкинуть что-нибудь подобное еще раз! Это ненормально.

«Конечно, — подумал Рой, — это было ненормально, но тому, что считалось нормальным, пришел конец».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Попасть в древний священный индийский город Бенарес, почитаемый всеми индусами, было делом непростым. Он был доступен только верующим. О приближении к нему военно-воздушного транспорта не могло быть и речи.

Послать истребитель или атакующий бомбардировщик через воздушное пространство Индии означало бы скомпрометировать ее внешнюю политику военного невмешательства, но, что еще более важно, тогда бы существовала опасность рассекречивания этого проекта.

Давид Лафлин, посмеиваясь, предложил Лакомбу отправиться туда в качестве паломника: босиком, в набедренной повязке, опираясь на деревянный посох.

Как бы то ни было, Лафлин был очень благодарен воздушному агентству в Эльзасе, которое предоставило им маленький реактивный самолет «Корвет», имеющий четырнадцать посадочных мест. Из Парижа в Рангун они добирались всего лишь полдня.

Полчаса спустя они летели из Вертоля на вертолете на небольшой скорости над остроконечными вершинами и куполами Бенареса. Внизу под ними протекала свя-

щенная река, медленно и вяло. На ней копошились речные суда, нагруженные священным илом.

В нескольких милях от города начинался склон горы. Вертолет парил на безопасном расстоянии от него, выбирая место для посадки.

— Посмотрите! — воскликнул Лафлин, выглядывая из кабины. — Их тысячи!

— Десятки тысяч! — поправил его Лакомб.

— Просто фантастика, я...

— Садхудиец очень набожный человек, — Лакомб старался перекричать шум мотора. — Но и практичный. Он тоже хочет получить ответ. И при жизни. Он слушает уже много лет.

Полагая, что Лакомб сказал все, Лафлин закончил начатую им мысль:

— А я думал, что индусы пошли другим путем. Ведь погружение в нирвану — состояние полного покоя — наверное, исключает всякую пытливость ума?

Лакомб только пожал плечами.

Вертолет мягко приземлился между двумя автобусами. Пилот выключил мотор. На расстоянии ста ярдов от вертолета оседало поднятое им облако пыли.

Лакомб спрыгнул на землю первым. Некоторое время он, Лафлин и двое их помощников молча стояли в лучах заходящего солнца. Его кроваво-красные, с оранжевым оттенком, лучи светили почти горизонтально. Большой раскаленный шар медленно опускался за низкую цепочку холмов на западе.

— Пошли! — сказал Лакомб.

Прихватив микрофоны, магнитофон, длинные ленты батареек, небольшую легковесную кинокамеру, четверо мужчин стали медленно пробираться через толпу паломников. У людей при себе было много поклажи. Некоторые сидели на маленьких ковриках. Около них стояли корзины с едой. Здесь были и целые семьи.

Европейцы неторопливо взбирались по склону холма к расчищенной площадке, где восседал садхудиец в позе

лотоса: глаза раскрыты, ладони сложены вовнутрь, локти разведены в стороны. Он был похож на причудливую птицу.

Прилизанный молодой брамин в белом костюме городского покроя поднялся навстречу Лакомбу. Лафлин подошел к ним поближе, чтобы переводить.

— Осталось полчаса до захода солнца, — сказал брамин Лакомбу.

Его правильный английский язык приятно удивил Лафлина. На молодом человеке были одеты отполированные до блеска ботинки, узкие брюки дудочкой и пиджак без воротника. Весь его облик, свободная и бойкая речь были слишком городскими для этого места. «Даже святой из святых нуждается в менеджере», — подумал Лафлин.

Садхудиец даже не пошевелился.

Лакомб некоторое время стоял неподвижно, потом сам принял позу лотоса, но на значительном удалении от садхудийца.

Микрофоны были уже подготовлены. Кинокамеру оператор держал в руках, так как Лакомб настоял на том, чтобы ее не монтировали на треножнике. Он объяснил, что оператор должен иметь возможность двигаться при съемке и снимать то, что необходимо.

— У магнитофона есть экранируемая защита? — спросил оператора Лафлин.

— Зачем? — удивился тот. — Мы находимся в месте, где нет никаких электрических помех.

— Лакомб утверждает, что мотор работает с перебоями, а магнитофонные головки теряют намагниченность.

— Сейчас сделаем, раз он так говорит, — согласился, пожав плечами, оператор. Он достал что-то, похожее на большую коробку из медной проволочной сетки, и поместил это приспособление у записывающего устройства магнитофона. Проволочные концы защитного экрана он тщательно заземлил, воткнув в землю. — Так пойдет?

Глядя на то, что происходит вокруг, Лафлин думал:

«Что же, в конце концов, все они делают в этом странном месте? Ждут? Если так, то чего?» Он рассеянно наблюдал, как солнце медленно опускалось за цепочку холмов на западе.

Садхудиец слегка пошевелился. То, что происходило потом, казалось, было похоже на замедленную съемку. Разведенные локти садхудийца начали очень медленно подтягиваться к истощенной коричневой грудной клетке. Прижатые друг к другу ладони стали медленно разъединяться, сохраняя касание пальцев. Садхудиец открыл глаза, огромные, похожие на черный янтарь. Медленно, без видимого усилия, он начал подниматься из позы лотоса в положение стоя.

Городского вида брамин опустился на колени. Лафлин неожиданно для себя сел, как будто единственным человеком, который имел право стоять на ногах, был садхудиец.

Краешком глаза Лафлин увидел, как встали на колени два оператора.

Руки садхудийца стали неторопливо подниматься вверх. В их движении и всей его позе было что-то угрожающее. Он стал похож на большую хищную птицу, расправляющую свои мощные крылья, готовясь взлететь. Садхудиец размахивал руками, постепенно увеличивая высоту их подъема, пока тыльные стороны ладоней не соприкоснулись над головой. После небольшой паузы он вновь поднял руки и опустил их в одном большом взмахе, как дирижер, управляющий большим оркестром.

Из многотысячной толпы послышался низкий мелодичный звук. Звук постепенно нарастал, и Лафлину казаться, что он пронзает его мозг.

Операторы, очнувшись, принялись снимать. Через медную сетку защитного экрана Лафлин видел, как вращаются бобины.

Садхудиец вновь поднял руки вверх и извлек из толпы другую ноту, а спустя какое-то время опять первую, только на октаву выше.

Поклонники культа наполняли окружающее воздушное пространство звучанием всего двух нот, но в различных вариациях: то каждая нота в отдельности, то две одновременно, то опять первая.

Потом толпа под управлением садхудийца взяла новую ноту, потом еще одну. Вскоре Лафлин потерял мелодию в резкой какофонии многих голосов. Казалось, что земля под ним завибрировала от интенсивности звуков, немелодичных и непривычных для уха европейца. Звуки, как утверждалось в сообщении, пришли со звезд четыре ночи назад. С тех пор садхудиец и его последователи озвучивали их каждую ночь.

Каждый певец слегка искажал звук, превращая звучание в неслаженный вой. Он поднимался ввысь в несколько зловещем монотонном пении, сотрясал землю под ногами Лафлина и заставлял вибрировать сам воздух.

Солнце погасло. Тропические сумерки превратились в ночь. Сырая темнота окутала всех. И хотя садхудийца уже не было видно, множество тысяч голосов продолжали петь.

Над головой проступили звезды. Лафлин смотрел в небо, потрясенный неистовостью поющих вокруг него людей. Он наблюдал за звездой в ручке ковша Большой Медведицы. Она то становилась ярче, то тускнела, опять загоралась и блекла с определенной частотой, как при послании азбукой Морзе. А затем... она взорвалась!

Яркая малиновая вспышка осветила поднятые вверх лица огромной массы людей.

Лакомб вскочил на ноги и подошел к садхудийцу. Оператор бросился за ним следом с кинокамерой на плече.

Малиновый свет сконцентрировался, удлинился, прояснив очертания подвижного столба, парящего в небе, который из малинового превратился в оранжевый, потом в желтый, затем в бледно-зеленый.

И вдруг небеса наполнились теми же пятью звуками. То же монотонное звучание. Отчетливое. Мелодичное. Чистое.

Люди затаили дыхание. И вновь небеса спели для них.

— Черт побери! — воскликнул оператор.

Огненный столб погас. Пение прекратилось. Почитатели культа снова опустились на колени в низком поклоне.

Садхудиец обратился к Лакомбу:

— Небо, — сказал он слабым голосом. — Небо поет нам.

По щекам француза текли слезы. Его голос звучал хрипло от волнения.

— Оно поет всем нам, мой друг.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ниари стоял перед зеркалом в ванной комнате, пытаясь привести себя в порядок. По крайней мере, побриться.

Он выдавил на ладонь мыльный пенистый крем для бритья и машинально поднес руку к лицу, но что-то остановило его.

Ниари начал рассматривать белое пенистое вещество, наклонив голову и поднеся руку ближе к глазам, затем рассеяно средним пальцем левой руки принялся придавать этой массе форму.

— Нет, не то, — вздохнул Ниари. Он никак не мог понять, что напоминала ему горка крема на ладони.

Каждому доводилось ощущать что-то подобное, подумал он. Иногда, например, кажутся очень знакомыми чье-то лицо, которое, на самом деле, ты никогда не видел, или место, где наверняка никогда не был. У специалистов по психоанализу есть для этого даже специальный термин. Обычно эти ощущения длятся всего лишь мгновение.

Он еще какое-то время постоял, задумчиво глядя на мыльную пену.

Возникшая в дверях Ронни, с тревогой смотрела на мужа.

— Скажем в гостях, что ты заснул под кварцевой лампой на правом боку.

— Что? — встрепенулся Рой. — Зачем?

— Затем, что я не хочу, чтобы ты говорил об ЭТОМ в гостях.

— Но почему? — удивился Рой.

— Я не хочу, чтобы тебя считали сумасшедшим, — раздраженно отрезала Ронни.

К ним неуверенно подошли дети.

— Пап, а ОНИ в самом деле есть? — осторожно спросил Брэд.

— Ничего ТАКОГО нет, — резко ответила Ронни.

— Не надо говорить ему так, — поморщился Ниари.

— Ма, а я в НИХ верю, — уверенно сказал Брэд.

— Ничему ТАКОМУ верить нельзя, — снова ответила Ронни.

— Но ведь папа ИХ видел?

— Ничего он не видел, — сказала Ронни, умоляюще посмотрев на мужа. — Рой?

— Я только интересуюсь, о чем говорят в мире! — согласился Ниари, все еще держа мыльную пену на ладони.

— Они живут на Луне? — спросил Тоби.

— У них база на Луне. Они могут влететь в окно и сорвать с тебя одеяло, — сказал Брэд, показав тем самым, что тоже пытается вникнуть в эту проблему.

Ронни закрыла глаза:

— Я больше никого не слушаю.

— Вчера ночью, — начал Ниари как можно спокойнее, — я увидел то, чего объяснить не могу.

Ронни зло и пристально посмотрела на него в зеркало.

— Вчера в четыре часа утра я увидела то, чего тоже объяснить не могу. Взрослый мужик...

Ронни замолчала, увидев как, внимательно прислушиваются к их разговору мальчики.

— Знаешь, Ронни, я собираюсь снова поехать туда сегодня вечером, будь они прокляты.

Она собралась было уйти, но остановилась и мягко сказала:

— Нет, ты не поедешь!

— Поеду, — упрямо возразил Рой.

Зазвонил телефон. Ронни вышла из ванной.

Рой намазал кремом лицо и взглянул в зеркало. На фоне белой пены его щека казалась еще более красной.

— Это не лунный загар, будьте вы прокляты, — проворчал он.

Ниари брился, когда в зеркале опять возникла Ронни. Из глаз у нее катились слезы.

Рой не мог видеть, как она плачет. Полный раскаяния, он пробормотал:

— Успокойся, Рон... Я не поеду.

— Р... Рой... — сквозь слезы произнесла Ронни. — Звонил Гримзби из управления.

— Что-то случилось?

— Тебя уволили, Рой! — Рыдая, она почти упала в его объятия. — Они... Он даже не захотел разговаривать. Что мы будем делать?

— Господи! — ошеломленно вымолвил он.

Так они и стояли в ванной комнате: Рой с мыльной пеной на лице и бритвой в руке и Ронни рыдающая у него на плече.

Рой в растерянности обвел глазами комнату. Вдруг его внимание привлек какой-то предмет, в спальне, виднеющийся через открытую дверь ванной комнаты. Это была взбитая подушка, лежавшая на кровати. Своей формой она очень напоминала горку пенистой массы, которую еще недавно он разглядывал на ладони.

— Нет, и это не совсем то, — пробормотал Рой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На следующую ночь он отправился туда снова. И когда ничего необычного не произошло — не было ни странных объектов, ни необычных световых красок, — он, конечно, поклялся, что вовсе откажется от всей этой затеи.

Но наступила следующая ночь, и он опять поехал туда.

Собиравшиеся там люди стали узнавать друг друга, словно здесь встречались старые друзья. Ниари снова увидел фермера в своем пикапе и с бутылкой виски в руке. Какая-то женщина привезла с собой кресло-качалку и занималась рукоделием, чтобы скоротать время до нового появления «ночных видений» — так их все стали называть. Еще одна пожилая дама показывала всем альбом с фотографиями «ночных видений», сделанных в разных местах и в разное время.

Донесшийся откуда-то сверху звук заставил всех посмотреть на небо. Где-то высоко летел реактивный самолет.

— Если так будет продолжаться и дальше, то нам каждую ночь придется ночевать здесь, — произнес кто-то.

Рой присел на корточки возле дамы преклонных лет.

— Вы думаете, они сегодня прилетят? — спросил он шепотом.

Лицо старой женщины со следами прожитых ею лет неожиданно оживилось и помолодело.

— Я надеюсь, что так и будет, а вы? — ее глаза увлажнились.

— И я тоже, — ответил он ей вполне серьезно.

Дама протянула Рою фотоальбом в кожаном переплете.

— Я сделала их сама, — не без гордости сказала она. — Это в районе приходской школы.

Ниари просмотрел шесть цветных фотографий, но они не удовлетворили его, поскольку не давали ответа на самый главный вопрос: что же в действительности произошло?

Ниари огляделся по сторонам: народа собралось довольно много. Были и люди, которых Ниари раньше не видел.

Вдруг он заметил молодую женщину с маленьким мальчиком, которых он совсем недавно буквально выхватил из-под колес мчавшихся на них с бешеной скоростью полицейских машин. Ниари кивнул ей. Взяв мальчика за руку, женщина подошла к нему:

— Вы нас помните?

— Как я мог забыть?

— Джулиан Гвиллер, — представилась она, протянув ему руку. — А это Барри.

— Рой Ниари. Ну и ночь тогда была, правда?

— Похоже, что все это еще не кончилось, — она дотронулась до его щеки. — У вас загорела одна щека.

— Надеюсь, что сегодня ночью загорит другая.

— А у меня все лицо и шея, — она расстегнула блузку, обнажив верхнюю часть груди и шею.

Ниари смущенно кашлянул.

— Прошу прощения, — спохватилась она, застегивая пуговицы. — Но у меня такое чувство, что вы мой старый друг. — Она засмеялась. — Мне кажется, что то,

что нам с вами пришлось пережить в ту ночь, как-то сблизило нас, не так ли?

Ниари утвердительно кивнул. Странно, но ему тоже показалось, что они с Джулиан давным-давно знают друг друга. Он с улыбкой смотрел, как Джулиан вытащила из кучи песка, сваленной у забора, своего сына.

— Весь в песке, — огорченно пробормотала она, наклоняясь, чтобы вытереть платком лицо Барри. Рой с интересом взглянул на высокую коническую горку, выстроенную из песка.

— А у меня дома трое, — произнес он.

— Вы говорили своей жене о том, что видели?

— Конечно.

— И что она об этом думает? — поинтересовалась Джулиан.

Ниари выразительно пожал плечами.

Джулиан усмехнулась:

— Я зашла к своей матери и рассказала ей об этом, а в ответ услышала: «Вот до чего ты дошла, живя одна».

Смутившись, она быстро уточнила:

— Я не совсем одна. — У меня есть Барри, соседи, я... в самом деле... вовсе не одна.

— А отец Барри?

— Умер. — Джулиан помолчала, не глядя на Роя, и потом добавила: — Я не думаю, что он понял бы это лучше, чем ваша жена.

Вместо ответа Ниари присел около Барри и помог ему придать форму сооружению, прихлопывая песок руками.

— Ты сегодня поздно работаешь, малыш, а?

— Да, ему следовало бы уже спать, — виновато вздохнула Джулиан. — Но после того, как он убежал в ту ночь, я не спускаю с него глаз.

Ниари понимающе кивнул. Он рассеянно смотрел на коническую башню из песка, которую построил Барри, затем подобрал прутик и стал делать по бокам башни желобки, потом взял несколько камней:

— На вот, пристрой это.

Барри положил камни у основания конуса так, словно они были отброшены туда при естественном взрыве.

— Послушайте, — спросил вдруг пораженный Ниари, — вам это ничто не напоминает?

Джулиан наклонилась над Барри и осторожно сделала гладкую поверхность конуса шероховатой с одной стороны.

— Вот так мне больше нравится, — сказала она.

— И мне, — выдохнул Рой.

— Вон! Вон! Летят! — крикнул вдруг кто-то.

— С северо-запада!

Все взоры устремились на небо. Стало тихо. Взрослые и подростки приготовили бинокли и камеры. У кого-то работал транзисторный радиоприемник.

— Там! — указала Джулиан.

Две туманные световые точки перемещались из стороны в сторону, то поднимаясь, то падая, постепенно становясь все ярче.

Ниари поднял свою камеру:

— На этот раз я готов.

Джулиан положила руку ему на плечо:

— Вы дрожите.

— Я знаю. — Ниари как-то безрассудно засмеялся. — А что, если бы мы сейчас вдвоем с вами стояли на Луне?

Джулиан улыбнулась и спросила:

— У вас глаза болят?

— Уже два дня.

— И у меня тоже.

— Можно сойти с ума! — воскликнул Ниари, испытывая столь сильное волнение, что у него даже постукивали зубы.

Огни снижались прямо на них, становясь все больше и сияя все ослепительнее. Вскоре на них уже больно было смотреть.

Ниари приготовился к съемке, но его так трясло, что он даже подумал: «Ну и снимки же у меня получатся!»

— А если эти штуки остановятся и откроются двери, вы туда войдете? — спросил он.

— Если они остановятся, я пойду домой.

— Звук! Слышите? — спросил Ниари.

Рев неизвестных моторов нарастал так стремительно, что людей охватил страх. В небе стало светло как днем, и все увидели... два снижающихся военных вертолета. Воздух от вертолетных турбин трепал полы одежды собравшихся людей. Их обдало горячим воздухом, газовыми парами. Воздушный вихрь засасывал пыль, платки и шапки.

Снесенные потоком ветра алюминиевые стулья, картонные столы, одеяла и прочие предметы своеобразного пикника оказались разбросаны в радиусе, по крайней мере, нескольких десятков метров.

Ниари растерянно наблюдал, как два военных вертолета парили над ним на высоте двенадцати футов. Видел, как у ослепленной огнями вертолетов маленькой старушки вихрем вырвало из альбома фотографии, закружившиеся в потоке воздуха.

Барри испуганно вскрикнул и попытался убежать, но Джулиан схватила его:

— Барри, это всего лишь вертолеты!

— Да! — закричал Ниари сквозь шум и пыль. — Это наши вертолеты!

Воздушный вихрь от роторов заставил задрожать дорожные знаки. Ниари некоторое время наблюдал за ними. Знаки вибрировали точно так же, как и в ту загадочную ночь, когда это представлялось чем-то диким, сверхъестественным. И Ниари усомнился в существовании НЛО.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Здесь, в пустыне, звезды казались больше и были похожи на большие бриллианты, особенно на горизонте, на фоне поднимающегося от земли после еще одного жаркого дня горячего воздуха.

В Барстоу, в Калифорнии, была полночь. В центре полетов Голдстоун огромное параболическое ухо радиотелескопа прослушивало небо.

Для всех непосвященных станция «14» не работала, она якобы находилась на капитальном ремонте, но это было всего лишь прикрытием. Эксперимент проводился в условиях строжайшей секретности. Двухсотдесятифутовая тарелка радиолокатора сейчас была направлена в «глубокий» космос и держала под наблюдением пространство планет Викинг, Гелиос, Пионер, Юпитер, Сатурн и других.

Внутри блокгауза была вывешена табличка, наводящая на ложный след каждого, кто сюда входил. На ней значилось: «Центр по обработке данных сети радиотрансляционных установок. Вход только для дежурного обслуживающего персонала! Контактный адрес: МС КОРСКОН 5883».

Выполнявшая функцию часового, специальная установка, идентифицирующая отпечатки пальцев, блокировала проход к изолирующей вакуумной двери.

Именно эта ночь стала самой беспокойной.

Шестеро вошедших приложили свои ладони к входной установке, оставив отпечатки. Спустя некоторое время дверь с шипением открылась. Помещение, находившееся за ней, было похоже скорее на склад, чем на компьютерный центр слежения за глубоким космосом. В центре пустого затемненного пакгауза находилась геодезическая кабина, установленная на высокой плоской платформе.

Внутри кабина была сплошь заполнена всякого рода оборудованием: мониторами, телеметрическим устройством слежения, состоящим из сложных металлических конструкций, приемо-передающими устройствами и командным пультом управления. Свободного пространства почти не оставалось, и члены экспериментальной группы с трудом разместились между всем этим оборудованием. Клод Лакомб разучивал мелодию из пяти нот на мини-синтезаторе «Ямаха». Вся эта картина была похожа на шутку-проделку университетских студентов-вундеркиндов.

Лакомб резкими отрывистыми движениями касался клавиатуры музыкального инструмента. В извлекаемых из синтезатора звуках нельзя было не узнать индийскую мелодию. Это была небесная музыка Бенареса. Сейчас она исполнялась для проверки гипотезы осуществления с ее помощью контакта с инопланетянами.

И вот пришел ответ! Электронное считывающее устройство КРТ донесло до слуха людей точно такую же мелодию. Установка IBM преобразовывала звуковые сигналы в оттиски на бумажной ленте.

Как ни пытались члены группы, но при первом рассмотрении прочесть и понять написанное не представлялось возможным — это была цифровая информация. Было очевидно, что каждой черточке соответствует импульс. Интервалы между импульсами, количество импульсов между паузами отличались друг от друга. В том, что это являлось неким посланием, Лакомб почти не сомневался. Он очень волновался. Сеанс связи продолжался уже пятнадцать минут.

— Ребята, внимание! — выкрикнул консультант по эксплуатации приборов. — Я подсчитал: мы получили следующие образцы: сто четыре импульса перед паузой в пять секунд, потом сорок четыре импульса и снова пауза в пять секунд, затем тридцать частых импульсов с интервалами в шестьдесят две секунды. Потом идут совсем другие сигналы: сорок плюс пять, тридцать шесть плюс пять, десять плюс интервал, и так далее, до ста четырех.

Лакомб снова проиграл пять нот в передающее устройство.

— Интересно, каков будет ответ на этот раз? — спросил консультант по эксплуатации Кэл Тэч.

Лакомб посмотрел на него и пожал плечами. Может быть, завтра они уже будут знать, что все это означает, но сейчас надо продолжать двадцатичетырехчасовой эксперимент, не прерывая наблюдения.

Каждый мучительно искал ответ на полученную загадку. Наступила тишина. Задумчиво глядя на числа, парень с взлохмаченной головой первым нарушил тишину:

— Нет, это явно не мой учетный номер в органах безопасности. Слишком много простых чисел.

— А может быть, это вес монет разного достоинства, полученных в Мак Дональдсе за прошлый месяц? — пошутил кто-то.

Все засмеялись, кроме Лакомба. Француз не понял шутки и посмотрел на Лафлина в ожидании перевода, однако тот молчал. Все внимание Лафлина было сосредоточено на полученных числах. Лакомб внимательно следил за ним.

— Прошу прощения, — произнес, наконец, Лафлин.

Но его не услышали из-за оживленного разговора, который вели между собой участники эксперимента.

— Прошу прощения, — громче повторил Лафлин, пытаясь привлечь к себе внимание. Стало тихо, даже звукосниматель прекратил свою работу. Наступившая тишина совпала с окончанием приема.

— Перед тем, как я стал переводчиком, я работал картографом. Полученные числа кажутся мне очень похожими на координаты: долготу и широту.

Никто не пошевелился, все смотрели на Лафлина.

— Мы получили три группы чисел, верно? Первая состоит из трех простых цифр, а две последние группы меньше шестидесяти.

Лафлин встал, направляясь к Лакомбу.

— Эврика! — воскликнул Лакомб.

Подхватив высказанную идею, все разом заговорили, нарушив стоявшую до того тишину.

— Может быть... Может быть, они сообщают свое положение в космосе: правильное восхождение и наклон?

— А может быть, дают нам свои координаты в галактике?

— Ни в коем случае, — возразил кто-то. — Это не соответствует направлению нашего локатора. Я думаю, что тот парень прав. Это земные координаты.

Это было просто непостижимо. Кабина моментально опустела. Все побежали в кабинет, где в углу на подставке покоился большой глобус. Толкая и стараясь опередить друг друга, участники экспедиции, словно подростки, ворвались в кабинет, налетая на стулья и опрокидывая их, прокладывая себе путь к глобусу. Они попытались сдвинуть глобус вместе с подставкой, но она весила около трехсот фунтов. Тогда один математик, словно фокусник поддев глобус плечами, снял его с кронштейна и потащил с собой в коридор. Остальные члены группы пришли ему на помощь, и модель Земного шара, переходя из рук в руки как волейбольный мяч,

поплыла, повернув за угол, к аудиокабине. Лафлин проследил направление долготы от южного полюса.

— Антарктика, океан... океан... океан... — пропустив острова, он дошел до Мексики, пересек Пуэрто-Вальярта.

Кто-то начал вести встречную линию:

— Мей... Нью Хемшир... Великие озера... Миннесота... Южная Дакота...

Затем их пальцы встретились на северо-востоке штата Вайоминг. Лафлин взглянул на Лакомба:

— Вайоминг...

— Так чего же мы ждем? — воскликнул лидер экспериментальной группы из Техаса. — Достаньте подробную геодезическую карту Вайоминга. Посмотрим, что там есть.

Через некоторое время Лакомб снова сел за инструмент, надел наушники и проиграл пять нот, однако ответа не последовало. Лакомб опять поиграл на инструменте. Ничего. Он снова и снова играл, но ничего не услышал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Игрушечный ксилофон был плохо настроен. Поэтому, когда Барри сыграл пять нот, они прозвучали очень странно. Он даже не узнал их сразу. Барри пришлось повозиться, пока мелодия не зазвучала так, как он хотел.

Джулиан наблюдала за ним из другой комнаты. «Странная мелодия», — подумала она. Но довольное хихиканье Барри успокаивало ее: он был рядом, ему было весело. И все-таки мелодия волновала ее. Где он ее услышал? Она с беспокойством посмотрела на сына.

Джулиан провела этот день точно так же, как и предыдущий, делая бесконечные зарисовки карандашом и красками. В свое время она отказалась от карьеры художника, просто не выставляя свои картины в больших городах. Однако привычка рисовать осталась. Она невольно рисовала Барри, стул, беспорядок на кухонном столе, бутылку кетчупа, солонку, грязную тарелку.

Сегодня же она рисовала пейзажи, горы. Она рисовала их так, как подсказывало ей воображение — отдаленные неровные края с остроконечными вершинами. Эти горы почему-то ассоциировались с мелодией, которую

играл Барри. Нарисованные наугад, горы получились как настоящие. На рисунке видны были наслоения и сдвиги вулканических пород, разрушающихся от многовекового воздействия атмосферы.

Барри продолжал наигрывать странную мелодию. Конечно, нет никакого сомнения в том, что случайность существует, рассуждала Джулиан. Случайность — она во всем и везде, даже в том, как расположены жилки на листе. Каждый камешек на пляже отличается от любого другого своим размером, формой, цветом и текстурой. И в этой мелодии Барри, казалось, тоже была случайность. И эта мелодия могла оказаться позывными, вызывающими кого-то на связь.

Джулиан выбросила все свои зарисовки, за исключением одной. Рисунок напоминал ей что-то, но она не могла вспомнить, что именно. На нем был изображен горный хребет, очень высокий, тонкий, похожий на иголку с искривленной поверхностью, напоминающий каменный столб в пустыне, когда ветер и песок вымели все более мягкие породы, оставив только голый скелет из твердой лавы, бывший когда-то жерлом вулкана. На фоне необитаемой пустыни он был похож на обгоревший палец, который по неосторожности сунули в огонь.

Невдалеке прогремел гром. Джулиан вздрогнула и решила выйти во двор, чтобы посмотреть, скоро ли пойдет дождь.

На западе собирались тучи, закрывая едва пробивающиеся лучи солнца. За тучами уже были видны разряды молний. Приближалась грозовая буря. Однако вспышки молний как-то странно зависали в воздухе, будто внезапно замороженные. Воздух наполнился звуками, напоминавшими жужжание большого пчелиного роя. Казалось, что тучи очень быстро движутся и становятся все ниже. Да, они действительно очень быстро снижались, двигаясь прямо к ней. Между ними были видны разноцветные световые вспышки, рикошетом отскакивавшие от одной тучи к другой.

— Ничего себе, — пробормотала Джулиан.

В той стороне, откуда пришли тучи, уже гнулись и раскачивались деревья. Огромная темная туча, казалось, заполнила собой все пространство от земли до неба. Было похоже на приближающийся сильный ураган.

Джулиан вдруг почувствовала себя беззащитной маленькой девочкой Элли из любимой детской книжки, в которой злой волшебник наслал на Канзас сильный ураган.

И эти яркие световые точки... Может, они ей только мерещатся?

— О Господи! — вскрикнула Джулиан, внезапно испугавшись.

Она оглядела свой дом, как бы оценивая, насколько надежным прикрытием он сможет стать, медленно повернулась и сделала шаг к входной двери. Она не хотела впадать в панику. Едва удержавшись, чтобы не побежать, Джулиан не спеша вошла в дом, нарочито медленно закрыла заднюю дверь и заперла ее на ключ. Она прошла в жилую комнату, закрыла окна и опустила занавески. По мере того как Джулиан двигалась из комнаты в комнату, ее движения становились все быстрее и быстрее. Сама того не желая, она уже перешла на бег. Она судорожно закрывала окна, опускала занавески, но из-за все больше охватывавшей ее паники не могла справиться со всем сразу.

Какое-то время она постояла, пытаясь понять происходящее. Ведь были же гром и молния? А это отдаленное жужжание, похожее на шум пчелиного роя, какое имело отношение к буре и тучам, спускающимся прямо на нее? Она никогда раньше не видела ничего подобного.

Барри смеялся, поскольку нисколько не боялся грозы. Джулиан поспешно вошла в его комнату. Барри прекратил играть на ксилофоне и стоял около единственного в его комнате окна, занавески на котором все еще были подняты. Малыш смотрел на небо и ликовал. Он начал бегать по дому, поднимая занавески и открывая окна.

— Барри, нельзя!

Джулиан бегала за сыном, восстанавливая сведенную им на нет работу, которую она проделала: опять закрывала, захлопывала, опускала, запирала на ключ. Она поймала Барри в комнате, где он только что поднял шторы. Джулиан оттолкнула его и опустила шторы. Сильный удар грома потряс дом. Сквозь шторы была видна вспышка молнии, сопровождаемая таким ярким оранжевым светом, что казалось, она воспламенила всю стену. Комната наполнилась жужжащим ревом. Джулиан поморщилась, а Барри захлопал в ладоши и засмеялся. Теперь в доме было темно, только яркие вспышки молнии время от времени освещали помещения. Джулиан взяла Барри за руку и повела в свою спальню. Она взяла телефонную книгу и стала искать телефон Роя Ниари. Новый раскат грома и оранжевая молния ударили одновременно, сотрясая дом словно гигантский кулак. Заработали сами по себе телевизор и стереопроигрыватель, начали мигать электрические лампочки. Джулиан услышала, как в подсобном помещении дома зажужжал пылесос. Барри вырвался из рук матери и побежал к окну. Он быстро поднял занавеску.

Внезапно вокруг воцарилась странная тишина. Телевизор и проигрыватель перестали работать, не было слышно и пылесоса. Вообще не раздавалось ни звука. Потом Джулиан услышала какое-то царапанье на крыше. Кто-то явно трогал кровельный шифер. Когтями, клешнями, или длинными ногтями на руках и ногах? Острые, быстро движущиеся звуки. Она смотрела на потолок, в то место, откуда исходили эти странные звуки. Они на какое-то мгновение остановились около трубы и стали спускаться по ней. Джулиан бегом бросилась в жилую комнату, к заслонке, регулирующей тягу. Любой ценой она должна закрыть дымоход! Барри весело побежал за ней.

— Входите! Входите! — кричал он.

Похожие на скрежетание когтей звуки опускались

вниз по трубе. Джулиан сунула руку в дымоход и задвинула заслонку. Потом закрыла дверцу дымохода на запор.

Неожиданно сильный рокочущий звук потряс дом. Оранжевый свет осветил весь дом сквозь занавески. Джулиан упала на пол, заткнув уши пальцами. Опять включились телевизор и стереопроигрыватель, поворотный стол на кронштейне начал вращаться. Из громкоговорителя вдруг полилось пение Джонни Матиса.

С широко раскрытыми от ужаса глазами Джулиан побежала к телефону, таща Барри за руку. Теперь она, наконец, нашла номер телефона Ниари. Прижав телефонную трубку к уху, Джулиан вместо привычного гудка услышала ту самую мелодию, которую исполнял Барри на ксилофоне. Джулиан нажала на рычажки, и они издали звук, похожий на злое жужжание пчел: «з-з-з». Она набрала номер Ниари.

С электрическим освещением дома происходило что-то странное. Свет то тускнел до красного накала нити, то становился очень ярким, голубовато-белым, резавшим глаза.

Телефон издавал потрескивающие звуки.

— Алло? — спросил женский голос.

— Рой? — от страха голос у Джулиан охрип.

— Его нет дома, — ответила Ронни. — Я его жена. Кто его спрашивает?

Перегрузка напряжения стала настолько значительной, что комнаты, наполненные страшным жужжащим ревом, казались оранжево-красными. Как будто какая-то гигантская высоковольтная опора, несущая тысячи вольт, опрокинулась на дом и зарядила его своей энергией. Ревел электропылесос, стереодинамики вибрировали от сильного звука. Металлическая пепельница поднялась в воздух и повисла под потолком. Воздух стал нестерпимо горячим.

Джулиан вновь услышала шум на крыльце. Она уже не успевала следить за тем, что происходит. Телефонная

трубка выпала из ее рук, и она сползла на пол. Барри в комнате не было.

— Барри!

В комнату, воя, въехал пылесос. Джулиан показалось, что он преследует ее. Джулиан поднялась с пола и выбежала из комнаты. В ужасе от скрежещущих звуков чего-то ломающегося и ярких вспышек ослепительного света Джулиан уже почти не понимала, что происходит. Барри только что был здесь и вот его нет!

— Барри!

Где-то невдалеке она услышала его довольный смех. Кухня! Джулиан была уже не в состоянии держаться на ногах, они подкашивались, и, упав на пол, она поползла на кухню.

Холодильник на кухне сильно вибрировал, свет непрерывно мигал. Джулиан увидела сына, который тоже полз по полу, направляясь к отверстию для собаки. Добравшись до него, Барри попытался пролезть через него наружу.

Джулиан устремилась к сыну, схватила его за ногу. Поймав Барри, она стала изо всех сил тащить его назад, внутрь дома. Ей было уже удалось подтащить его скользящее по линолеуму тело к себе, как вдруг какая-то неведомая сила вновь увлекла Барри от нее к отверстию, ведущему наружу.

— Оставьте его! — закричала Джулиан.

Она сжала зубы и снова потащила Барри назад. Тело мальчика продвинулось вперед, а потом на несколько дюймов назад. Джулиан продолжала удерживать его до тех пор, пока не поняла, что если она не отпустит мальчика, у него будут вывихнуты руки. Рыдая, Джулиан ослабила хватку — и тут же его тело выскользнуло из ее рук и прошло в отверстие для собаки. С новой вспышкой света ребенок исчез.

Джулиан заставила себя подняться на ноги, открыла кухонную дверь и, шатаясь, вышла на задний двор.

Барри нигде не было видно. Джулиан увидела лишь

темное образование, похожее на огромную черную тучу, окруженную крошечными вспышками света, нависшее над самым ее домом. Потом тучеобразное формирование стало плавно двигаться в наступающую темноту.

Джулиан, уже не понимая, что делает и не думая больше ни о чем, побежала за «тучей». Она бежала до тех пор, пока гигантская тень не стала четко вырисовываться, но тут чьи-то огромные руки обхватили ее, у Джулиан сперло дыхание, и она упала на убранное кукурузное поле. Съежившись от страха, Джулиан взглянула на гигантскую фигуру, поймавшую ее. Желтое соломенное пугало смотрело на нее сверху, улыбаясь своим идиотским оскалом, руки его свободно раскачивались на ветру. В отчаянии, она оттолкнула их.

Джулиан проиграла: Барри исчез. Какое-то время она рыдала от боли и гнева, а затем, посмотрев сквозь слезы наверх, увидела одинокую звезду над своей головой. Та удалялась, постепенно изменяя свой цвет от белого до голубого, и, став, наконец, красной, вскоре исчезла совсем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

—Ты что делал на крыше гаража? — спросила Ронни, когда Ниари вошел в дом.

Вместо ответа он сразу же прошел в ванную комнату, чтобы помыться.

— Немного поплотничал, — выкрикнул он сквозь шум льющейся воды.

Ронни подошла к окну на кухне и увидела, что на острие крыши гаража он смастерил из досок что-то наподобие площадки, поставив туда раскладной стул.

— Это что, смотровая площадка? — спросила Ронни.

Рой уже вышел из ванной комнаты и стоял в дверях кухни, вытирая лицо полотенцем.

— Вместо того, чтобы строить платформы, ты бы...

Она вдруг замолчала. Ей не хотелось быть женой, которая придирается к своему безработному мужу, чтобы заставить его найти себе работу. Но ей и не хотелось быть женой, которой придется занимать деньги у соседей, пока муж будет сидеть в своем планетарии, наблюдая, как летают его оранжевые «булочки полумесяцем».

— Тебе звонили, — сказала она.

Рой бросил полотенце.

— В Хапер Вэлей прошел большой ураган, — объявил он. — Оттуда сверху очень далеко все видно.

— Она не назвала свое имя.

— Она?

— Или не хотела называть, — Ронни искоса взглянула на мужа. — Кажется, она немного растерялась от того, что говорила с твоей женой.

— Кто?

— Там был какой-то сильный грохот, и она в конце концов повесила трубку.

Ниари рассеянно кивнул, посмотрев на кухонные часы:

— У нас мало времени, а это целый час езды. Приходящая няня еще здесь?

— Она здесь. — Немного выждав, Ронни добавила:

— Рой, я надеюсь, ты понимаешь, что теперь мы не сможем откладывать деньги на няню. По крайней мере, до тех пор, пока...

Рой виновато прервал жену:

— Я знаю, Ронни, я ценю, как ты со всем этим справляешься.

— Но только при одном условии.

— Каком?

— Когда закончится собрание, ты все это бросишь. Управление воздушным транспортом, наверное, и объявило собрание, чтобы положить всему этому конец.

* * *

За все время поездки они не произнесли ни слова. Ниари понимал настроение Ронни.

До начала собрания оставалось еще десять минут, когда они подъехали к военно-воздушной базе в Даксе. О времени начала собрания объявлялось по радио и телевидению в течение нескольких дней.

Впереди показался первый часовой пост. Ронни сползла пониже со своего сиденья:

— Я тебе никогда не прощу, если мы здесь встретимся хоть с кем-нибудь из наших знакомых.

Он остановился около часового, чтобы узнать, как проехать к информационному центру.

— Вон то стеклянное здание, — указал капрал, подсовывая их зеленый пропуск под дворник ветрового стекла. — Вы не опаздываете.

Здание было очень высоким, но довольно узким, похожим на вертикально стоящий спичечный коробок. Стены его состояли из стекла в алюминиевой оправе.

Рой остановил свою машину рядом с чьим-то старым пикапом. К его ветровому стеклу был тоже прикреплен зеленый пропуск.

Огромный зал ожидания казался бесконечным. Женщина в гражданском костюме, сидевшая за столом, записала его имя и дала ему визитную карточку. В зале уже сидело около тридцати человек.

— Все эти люди, — зашептала Ронни на ухо Ниари, когда они заняли свои места, — введены в заблуждение.

— Тс-с-с. Потише!

В этот момент в дверь вошла Джулиан Гвиллер. Репортеры тут же оживились и окружили ее.

— Миссис Гвиллер, не могли бы вы дать интервью? — попросил репортер в тот момент, когда свет ламп был направлен на нее и камеры начали съемку.

Джулиан выглядела изможденной. У нее был вид женщины, лишившейся рассудка. Она ничего не ответила.

— Ваше заявление в полицию... В самом деле, от этого просто захватывает дух. Мы хотели бы включить интервью с вами в шестичасовой выпуск новостей.

Джулиан молчала, она, казалось, ничего не слышит.

Другой журналист спросил своего коллегу:

— Это она, да? Та самая «леди из туч»?

— Понятно, почему никакой записки о выкупе не было найдено...

Первый репортер попытался довести свое интервью до конца:

— Ну, а ваше заявление в ФБР? Это правда, что ребенок исчез? Вы сделали заявление в полицию, не повторите ли вы его для телевидения?

Джулиан охватила паника. Вопросы были резкими, безжалостными, назойливыми. Она отступала к лифтам, когда поймала на себе взгляд Ниари.

— Они забрали его! — выкрикнула Джулиан перед тем, как двери лифта захлопнулись за ней.

— Что? — не понял Ниари.

Ронни смерила мужа неприятным подозрительным взглядом.

В зале появился сержант в военной форме.

— Господа, вы можете пройти в комнату 3655. Следуйте за мной.

Группа людей из Толоно, с идущими впереди Ниари и Ронни, двинулась по коридору, где вдоль стен их уже ждали люди из службы телевизионных новостей. Зажглись кварцевые лампы, и камеры начали снимать.

Ронни подняла свою сумочку, закрывая ею лицо.

— Ну тебя к черту, Рой, — проворчала она из-за сумочки.

Когда в комнату вошли представители военно-воздушных сил в сопровождении вереницы газетных репортеров и фотографов, Ниари стало ясно, что военные явно хотели гласности, на что втайне надеялся и он сам, отправляясь на это собрание. Ну что ж, на этот раз их взгляды совпадали. Пусть все узнают, что произошло.

Чувство некоторого удовлетворения, появившееся у Ниари вначале, было несколько омрачено: уж слишком непринужденно вели себя военные, все как один в гражданских костюмах, сидя на вращающихся изогнутых стульях, поставленных на некотором возвышении над остальной частью комнаты.

Вокруг них на неудобных раскладных стульях расположились добровольные свидетели, не подготовленные к тому, чтобы быть в центре внимания широкой общественности. Большинство из них были одеты в повседневную рабочую одежду.

— Я майор Бенгли, — начал мужчина помоложе. — А это, — указал он на большой цветной диск и продемонстрировал его в полете, — это летающая тарелка.

Это произвело впечатление, раздались охи-ахи и восклицания:

— Я видел такую!..

— Как раз такая!

— Она сделана из сплава олова со свинцом, — продолжал Бенгли после того, как шум утих. — Ее запускает на лужайке один из моих детей. Я начал с демонстрации этой летающей тарелки вовсе не для того, чтобы показать, что все мы могли видеть только лишь отполированную латунь. Я хочу прояснить другое. В прошлом году американцы сделали более семи миллионов снимков, затратив на это рекордную сумму в 6,6 миллиона долларов. Где же неоспоримое фотографическое доказательство, что сверхъестественные явления в небесах существуют?

В воздухе повисла тишина, которую нарушил один из журналистов:

— Тогда, может быть, вы нам скажете, сколько раз мы можем щелкнуть затвором камеры, когда что-то необычное застигает нас врасплох? Ведь сколько показывают в вечерних новостях заснятых на пленку аварий автомашин и самолетов, действительно имеющих место?

Со стороны собравшихся раздались возгласы одобрения. Один из них встал и сказал:

— Вы хотите вот так сразу отмести доказательства существования неопознанных летающих объектов. Это не успокоит страхи и не снимет ощущения, что мы, возможно, уже находимся на первых стадиях изучения этого явления.

— Я рассудительный человек, — сказала маленькая пожилая дама, державшая остатки альбома с фотографиями. — Да, я рассудительный человек, — повторила

она. — И я могу утверждать, что видела нечто, нисколько не похожее на то, что мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни.

Какое-то время желающих высказаться не было, и Рой поднял руку.

— Пусть кто-нибудь другой скажет, — зашипела Ронни, пытаясь удержать Ниари.

Но Рой уже встал:

— Послушайте, сэр, ваши люди летают в небе, так? Там было целое воздушное шоу.

— Я могу только подтвердить, — сказал майор, — что за все мои десять лет службы в воздушной тактической разведке в отделе специальных исследований не было найдено неопровержимых доказательств физического существования таких объектов.

— Каких это «таких»? — спросил Ниари.

Майор наклонился и стал совещаться со своими коллегами. Затем он выпрямился и, прочитав фамилию Роя на его визитке, сказал:

— Поймите меня правильно, мистер Ниари, я не оспариваю правдоподобия того, что...

— Ладно, тогда скажите, что происходит?

— Мы не уверены. Мы не можем вот так, как вы, утверждать, что это была экскурсия летательных аппаратов с другой планеты.

— Но я уверен, что это был не дирижабль Гудояра, — буркнул Ниари.

Присутствующие засмеялись. Одна Ронни осталась серьезной.

— Давайте предположим, что они были иностранного производства, — примирительным тоном сказал майор. — Почему же не допустить, что они иностранные? — он неопределенно указал пальцем куда-то в небо.

— Хорошо. Прекрасно, — согласился Ниари. — Давайте скажем, что их строят и на них летают русские. Тогда почему они появились в воздушном пространстве Индианы?

Это вызвало всеобщий смех. Смеялись и военные, и гражданские. Майор Бенгли подождал, пока установится порядок, и вновь продолжил:

— У нас действительно было несколько заправок топливом на большой высоте в этом районе. В результате, как мне доложили, образовалось какое-то количество статического электричества — тепловые молнии. К тому же сложились условия, называемые температурной инверсией, когда слой холодного воздуха располагается между двумя слоями теплого воздуха, типа бутерброда.

Усмехнувшись, Ниари недоверчиво оглядел собравшихся:

— Вы собрали нас здесь, чтобы сообщить нам, что происходит, а все, что мы услышали — это сообщение о погоде.

— А что, по-вашему, должно было происходить, чтобы вы в это поверили?

Ронни попыталась заставить Роя сесть, потянув его за рукав, но тот отдернул ее руку и сказал:

— Мне бы хотелось верить, что военно-воздушные силы Соединенных Штатов знают об этом.

С этими словами он сел.

— А кто будет платить за ущерб, нанесенный моей земле? — раздался чей-то голос.

Майор Бенгли прищурился:

— Простите, что?

— Мне принадлежит земля, на которой все эти люди самовольно находились по ночам, — сказал мужчина респектабельного вида, которого Рой приметил еще раньше.

— Вот этот человек, — землевладелец указал на Ниари, — сломал несколько ярдов моего устройства для снегозадержания. Везде, где находились эти люди, остались кучи мусора: пустые консервные банки, бутылки из-под пива ... Кто будет платить за все это?

Майор Бенгли обратился к владельцу землей:

— Вы сами что-нибудь видели в ту ночь?

Мужчина засмеялся:

— Моя семья владеет этим кусочком земли уже более восьмидесяти лет и никогда не видела никаких чертовых неопознанных летающих объектов.

Телевизионные камеры быстро развернулись к сторону мужчины, и Ниари почувствовал, что собрание начинает срываться. Если он сейчас же не перехватит инициативу, то уже ничего нельзя будет исправить.

— Подождите минуточку! — выкрикнул он с места и вскочил на ноги, чувствуя, как Ронни отшатнулась от него. — Я кое-что видел.

Камеры вновь были направлены на него.

— Это стоило мне работы. Для меня все это очень серьезно. Но это серьезно и для многих людей, сидящих здесь. Мы хотим знать, что тогда произошло?

И сразу же отозвался майор Бенгли:

— Если есть доказательства и они окажутся убедительными, существование аномальных явлений придется признать.

— Мы являемся доказательством этому и хотим, чтобы нас воспринимали всерьез! — закричал Ниари.

— Пожалуйста, мистер Ниари.

— Пожалуйста, мистер Бенгли, — передразнил его Ниари. — Мне хотелось бы верить, что я не схожу с ума. Здесь присутствуют другие люди, которые видели то же, что и я, и им тоже хотелось бы верить, что они не сошли с ума. Разве это такая уж неразумная просьба?

Майор Бенгли какое-то время молчал, потом заговорил снова:

— Я думаю, что существуют всякого рода вещи, в которые смешно было бы верить. В путешествие во времени, например, или в Санта-Клауса. Знаете, мне очень жаль, что я никогда не видел ничего подобного. Мне давно очень хотелось самому увидеть, как эти проклятые штучки летают в небе, поскольку я, в принципе, верю, что в нашей Вселенной существует жизнь. Противники, а их значительно больше, утверждают, что нет. Экстерриториальных гипотез много. Мне кажется, что мы хотим получить доказательство, что где-то вне земли существует нечто, что может решить наши проблемы за нас. Нас волнует эта эмоциональная ситуация, которая сейчас сложилась. Мы тоже хотим ответа, а не тайн.

Ниари опустился на складной алюминиевый стул:

— Вы можете нам сказать... ваша военно-воздушная база производила какие-нибудь испытания в районе Толоно? Может быть, секретные испытания?

Майор Бенгли снова несколько заколебался, потом, глядя прямо на Ниари, ответил:

— Было бы легче солгать вам и сказать «да». И вы уйдете успокоенным. Но это не тот случай. Я не могу вводить вас в заблуждение. По правде говоря, я не знаю, что вы там видели.

Ниари улыбнулся и сказал:

— Тем, что вы разделяете наши опасения, вы нас не одурачите.

Это вызвало взрыв смеха, на мгновение смутившего Ниари. То, что он сказал, не было шуткой.

Бенгли тоже засмеялся, потом поднял руку, требуя внимания:

— Вы должны понять, что нужно принимать в расчет и другое. Людей охватила истерия. Есть случаи серьезных ожогов у детей школьного возраста при игре с легковоспламеняющимися предметами. А сегодня одна женщина из Хапер Вэлей обвинила НЛО в исчезновении ее четырехлетнего сына.

В этот момент старый фермер решил поделиться со всеми присутствующими своим опытом.

— Я видел что-то, похожее на стопу ноги, — объявил он, — она парила над Национальным Парком в Сакуа зимой 1951 года. Она была длиной в тридцать семь дюймов от пятки до большого пальца и издавала звук, который я не хотел бы услышать еще раз в своей жизни.

— А вот по Библии, маленькая звезда в Бетлехеме привела троих мудрецов к Иисусу, но никто из астрономов до сих пор не объяснил, что это была за звезда? — спросила дама с взлохмаченными голубоватыми волосами и Библией в руках.

— Сэр, а есть ли какая-либо правда во всей этой чепухе о чудовище в Лох-Нессе?..

* * *

Когда Рой и Ронни шли по коридору на выход, к ним подошел майор Бенгли.

— Мистер Ниари, я как раз хочу сказать, что...

— Скажите, — перебил его Ниари, — зачем ваши вертолеты вчера вечером без всякого предупреждения взорвали горный хребет? Какого черта?

— Рой, — одернула его Ронни.

— Мистер Ниари, я не знаю, о чем вы говорите, я только вчера приехал в...

— Я вам не верю! — взорвался Ниари. — Я не верю ни одному вашему слову, Бенгли!

Ронни буквально оттаскивала мужа от майора. Бенгли, несколько растерявшийся от такого взрыва эмоций, ушел.

— Рой, прекрати... прекрати, — Ронни двумя руками толкнула Ниари к автомату с кока-колой и пошла извиниться перед майором.

Ниари бросил монету в автомат, налил стакан кока-колы, чтобы охладить свой пыл, и пошел с ним по коридору. Ниари пытался понять, что с ним происходит. Он никогда так себя не вел — набрасываться на людей, которые тебе ничего плохого не сделали! В самом деле, ведь Бенгли просто выполнял свою работу.

Рой поймал себя на том, что смотрит на маленькую нишу в длинной стене. Потягивая глоточками кока-колу, он открыл дверцу, находящуюся в нише. Это был контрольный щит электровыключателей.

Ниари осмотрел схему электропроводки здания, висевшую на внутренней стороне дверцы. Сверяясь со схемой, он быстро стал перебрасывать тумблеры, включая одни и выключая другие.

— Рой! — Ронни, наконец, нашла его.

Закрыв дверцу щита, он взял Ронни под руку и направился вместе с ней к машине.

— Рой, что с тобой произошло?

— Хорошо, просто прекрасно, — он явно был доволен собой.

Ниари включил мотор и повел машину к посту часового. У выезда собралось уже много машин. Водители и пассажиры, военные и штатские стояли и смотрели на высокое стеклянное здание. Рой нажал на тормоза и остановился в конце вереницы машин. Они вышли из машины.

Вышло как раз то, чего он хотел: выключился свет в одних кабинетах и включился в других и теперь на фасаде высокого административного здания базы военно-воздушных сил в Даксе окна высвечивали три буквы: НЛО, которые сияли в ночи и были видны на много миль вокруг.

* * *

Фотограф и репортер посмотрели на разбросанные на лужайке перед домом нетронутые газеты приблизительно за целую неделю, на бутылки испорченного молока в ящике для доставки продуктов и переглянулись. Они подошли к дому Джулиан Гвиллер и позвонили в дверь. Они звонили несколько минут, потом начали стучать. Никто не отвечал. Тогда они обошли дом, пытаясь заглянуть через опущенные шторы, подергали ручку задней двери. Все было безуспешно. Никто не отвечал, хотя они были уверены, что Джулиан дома. В том, что

она была дома, редактора заверили полиция и ФБР. Наконец, они не выдержали и ушли.

* * *

Джулиан занавесила в доме все окна. В жилой комнате царил хаос, то же самое было и на кухне, и в спальне. Она убрала лишь продукты, выпавшие из холодильника, но прибрать в остальных комнатах у нее не хватило сил, и в доме все оставалось так, как было в ту ночь, когда исчез Барри.

На следующий день приходили люди из полиции и ФБР. Они прошлись по дому, ходили по полю и в лес в поисках следов. Они сказали, что если Барри похитили, то похитители объявятся дня через два. Прошла уже неделя, но ни полиции, ни ФБР нечего было ей сказать.

Джулиан знала, что они думают по поводу исчезновения Барри. Они считают, что он сбежал ночью и где-нибудь заблудился, может, испугался или упал и лежит где-нибудь в лесу. Но Джулиан была уверена в том, что Барри не потерялся и не бродил где-то в окрестностях. Она также была уверена в том, что Барри жив. Ей просто надо подождать, и «они» привезут его назад. Джулиан ждала, надеялась, молилась. Она заперла все двери на ключ, занавесила все окна, сняла телефонные трубки. Ей не хотелось ни с кем говорить: ни с полицией, ни с прессой, ни с соседями. Она ждала. Ждала Барри. Ждала знака, сигнала.

Чтобы не сойти с ума и выдержать весь этот трудный период ожидания, Джулиан принялась рисовать. Она поставила свой мольберт с красками в углу жилой комнаты под торшером. Света не хватало, но это ее не смущало. Она рисовала по четырнадцать — шестнадцать часов в день. И все время одну и ту же картину — гору, не цепь гор, а именно одну гору с долиной, каньонами, изрытыми склонами с небольшими посадками деревьев и кустарников. Она, должно

быть, нарисовала двадцать или даже тридцать аналогичных картин. Она собиралась рисовать гору, пока не получит сигнала от Барри. Поэтому сколько бы ни звонили, ни стучали, ни били в ее дверь и ни скреблись под ее окнами, она не внимала этим звукам, практически не осознавая их и ничего не слыша.

Посетители скоро уходили, а Джулиан продолжала рисовать гору...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Это происходило около Хантсвила, в Техасе. Заброшенная фабрика по выпуску листового металла внезапно обанкротилась теперь и освобождала помещение. Его огромное пространство было заполнено грузовиками с прицепами.

Бригады рабочих быстро и ловко выполняли погрузочные работы. Груз представлял собой странную коллекцию ящиков, картонных коробок и корзин. Большие предметы грузились с помощью конвейерных линий, а небольшие предметы поднимались вручную.

В одном углу мужчины в безупречно чистых халатах упаковывали небольшие металлические коробочки в ящики с теплоизолирующим пенопластом, на которых стояла пометка: «Осторожно при погрузке».

На стоянке выстроилась целая вереница джипов оливково-коричневого цвета, ожидающих погрузки. На них не было никаких маркировок, как не было их и на модуляторах из волокнистого стекла, стоявших в центре площадки рядом с еще неразобранными металлическими платформами в сто футов длиной.

Автобус «фольксваген» въехал в пакгауз. Из него

вышли Лакомб, Лафлин и Роберт. К ним подбежали помощники и вытащили из машины небольшой багаж.

— Господину Лакомбу нужно что-нибудь из багажа? — спросил один из помощников у Лафлина. — Мы хотим сразу же поместить его в самолет.

Лакомб понял вопрос, улыбнулся и отрицательно покачал головой. Он пошел посмотреть, как идет погрузка. Лафлин выглядел обеспокоенным: уже тридцать часов француз не спал!

— Я очень возбужден, — пояснил он переводчику. — Сон придет, когда пройдет возбуждение.

Хотя Лафлин еще не представлял, что их ждет, но предвидел, что Лакомбу придется бодрствовать довольно долго.

В другом углу, вдалеке от шумной деятельности, возле стола диспетчера толпились около двух десятков водителей грузовиков. Они были одеты по-разному: одни — в облезлые военные гимнастерки, другие — в рабочие комбинезоны и с пилотками на головах. Работу диспетчера выполнял подполковник с длинной палкой в руке, которую он использовал в качестве указки, водя ею по большой карте Соединенных Штатов Америки. Подполковник стоял в тесном окружении водителей.

— Те, кто повезет тяжелый груз, поедут прямо. Можете использовать обходной путь, отмеченный на ваших картах. Остальные получат другое маршрутное задание, как только мы закончим сбор информации об основных станциях на вашем пути. Мы рассредоточиваем вас по разным дорогам. Мы не хотим, чтобы вы ехали все разом. Я собираюсь попросить вас еще о двух вещах: воздерживайтесь от одновременной радиосвязи и — никаких непредусмотренных стоянок. Если вам нужно в туалет, вы знаете, что надо делать.

Несколько в стороне, за столом, друг против друга, за кофе и сигаретами сидела другая группа мужчин. Они выглядели очень измотанными.

Майор Волш обошел стол, посмотрел на рельсовый

тупик, оборудование, приготовленное к погрузке, и суетившихся вокруг грузчиков. Ему никогда раньше не доводилось работать внутри страны. Он служил в войсках специального назначения в Танзании, Заире, Анголе.

Сейчас, обремененный проблемой обеспечения безопасности, он негодовал оттого, что руководитель их группы установил для него границу дозволенного. Он вылил кофейную гущу в ведро для мусора, бросив туда же пустую пачку из-под сигарет, и пнул ведро ногой. Потом раздраженно обратился к собеседнику:

— Ты не можешь мне объяснить причину этого внезапного сигнала землетрясения? И как быть с владельцами ранчо, их овцами, крупным рогатым скотом? А индейцы?

Его собеседник откинулся на спинку стула.

— А мне все же нравится эта идея о внезапном наводнении, — зевая, произнес он.

— Где ты собираешься брать воду, приятель? — спросил кто-то.

— Мы обследовали дамбы и резервуары в районах, где есть вода, и решили, что одну из них придется взорвать.

Майор Волш заправил свою рубашку в брюки и подтянул ремень.

— А болезни? — вмешался какой-то парень, скручивающий в руке кусок гибкого провода. — Скажем, эпидемия чумы?

Его приятель при этих словах несколько оживился. Он положил свою трубку на стол, собираясь почистить ее.

— Сибирская язва! — пробурчал он. — А разве там много овец, в этом самом Воминге?

Майор Вильд Билл Волш зажег свой индивидуальный фонарь и сел.

— Все это хорошо, — сказал он. — Но меня беспокоит то, что не все смогут эвакуироваться. Ведь всегда найдется такой чудак, который решит, что он невосприимчив к болезням. Понадобится что-то предпринять для очистки трех сотен квадратных миль, чтобы там не было ни одной души.

В самом центре неразберихи Лакомб наблюдал за тем, как несколько рабочих поднимали на трейлер большие рекламные щиты с надписями: «Супермаркеты», «Кока-Кола», «Фолджер кофе», «Кинни обувь», «Тонкий вкус и аромат Баскин-Роббинс».

Стальные двери открылись и кто-то крикнул:

— Эй, на запад!

Энергичная работа продолжалась.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Нет, мама, пока в этом нет необходимости, но все равно, спасибо, — говорила Ронни по телефону. Она зажала телефонную трубку между ухом и плечом, стоя перед кухонной плитой и помешивая в кастрюлях. Потом она слегка повернулась, закрыв микрофон трубки одной рукой, и сказала Тоби:

— Иди скажи папе, что обед почти готов.

Но Тоби продолжал стоять там, где стоял, в дверях, и слушал, что говорила его мать.

Ронни выглянула из окна кухни. Рой сидел на стуле на своей смотровой вышке, которую построил на крыше гаража. Приставив к глазам бинокль, он медленно поворачивал голову, наблюдая за горизонтом.

— Да, он смотрит, — сказала Ронни. — Он все время ищет, но только не работу. Я делаю это... для себя, мама. Конечно, он нас любит.

Ронни резко кивнула головой и чуть было не выронила телефонную трубку, но вовремя подхватила ее и положила на рычаг. Она заметила, что Тоби все еще стоит в дверях.

— Тоби, иди позови папу к обеду. Совсем не помогаешь маме.

Отнеся телефон в комнату, она услышала тоненький голосок Тоби, доносившийся со двора. Он говорил так тихо, словно боялся, что его могут подслушать соседи.

— Пап, мама приготовила обед.

Ронни снова повернулась к окну. Казалось, Рой не слышит Тоби.

В этот момент их соседка миссис Гаррис выезжала на своей машине на дорогу. Но Рой этого тоже не слышал, как не слышал и ее негодующего возгласа, которым она всегда награждала Роя, застав его на смотровой площадке.

— Ну, пожалуйста, папа! — прохныкал Тоби.

Отец опустил бинокль на колено. Он посмотрел на своего младшего сына. Из окна кухни Ронни увидела, что лицо у Роя мокрое. Он, должно быть, плакал. Она хотела выйти к нему, но передумала и поставила обед на плиту, включив маленький огонь.

Через некоторое время Ниари спустился вниз. Он вошел в кухню и пристально посмотрел на жену. Ронни видела, как он вытирал глаза, покрасневшие от слез. Она также заметила пробивающуюся щетину на его лице. Молча он прошел в комнату, где они обедали.

Ниари остановился у макета железной дороги, закрепил в центре ландшафта сельской местности маленькую коричневую гору, потом взял несколько кустарников и приложил их к вершине горы, из которой соорудил высокий пик с глубоко прорезанными склонами. У него даже закружилась голова, когда его мозг лихорадочно искал сходство с тем образом горы, который нечетко рисовался в его воображении.

— Нет, неверно, — сказал он полушепотом и вышел из комнаты.

Поскольку обед откладывался, Ронни открыла холодильник и поставила в него блюдо с салатом. Зеленая лампочка придавала всем продуктам неаппетитный зе-

леновато-серый оттенок. Она поморщилась, посмотрев на содержимое холодильника. То, что казалось необыкновенной идеей всего две недели тому назад, теперь стало обычным и глупым из-за явно ненормального состояния ее мужа. Ронни захлопнула дверцу холодильника.

Когда Ниари, наконец, явился к обеду, он даже не умылся и не переоделся. Ронни заметила, что дети стали сторониться его. Даже за столом они старались сесть поближе к ней. Но сказать мужу об этом она как-то не решалась.

Ронни передала мужу тарелку с крокетами из лосося, молотой кукурузой и картофельным пюре, выложенным горкой, с кусочком тающего маргарина наверху.

Ниари уставился на тарелку, как будто никто, никогда не говорил ему, что надо делать с пищей. Потом его внимание привлек картофельный холмик. Ронни заметила, как внимательно наблюдают дети за отцом. Рой сделал из пюре небольшой пик.

— Слишком мал, — сомневаясь, сказал он.

Одним движением он опрокинул крокеты на скатерть. Дети были просто ошарашены этим. Он протянул руку к блюду с картофельным пюре и вывалил значительную часть его себе в тарелку, выстраивая из него небольшую горку, затем замер на какое-то время, уставившись на нее.

— Нет, не то.

Он положил себе еще пюре, потом еще и еще, пока блюдо не опустело. Затем, как гончар, начал руками собирать белую картофельную массу, выстраивая из нее горку.

Ронни затаила дыхание. Ниари посмотрел на детей. Те замерли, глядя на него.

Рой с усилием улыбнулся.

— Вы заметили, — горько произнес он, — папа ведет себя смешно. Не беспокойтесь, я все еще папа.

Ниари протянул руку к Сильвии, но та отодвинулась

от него и подошла к матери. Он обратился к детям, пытаясь объяснить свое поведение:

— Это как будто знаешь музыку, но не помнишь слов. Мне трудно это выразить словами. А вот это, — он указал на горку картофельного пюре, — это уже что-то... очень важное.

Он посмотрел на Ронни, которая изо всех сил сдерживала себя. Губы Роя еще пошевелились, но он ничего не сказал. Он резко встал и вышел из комнаты.

Ронни и дети услышали, как в ванной полилась вода. Ронни встала.

— Оставайтесь здесь, — приказала она детям и вышла из комнаты.

Некоторое время она прислушивалась, стоя у двери в ванную комнату, потом дважды постучала:

— Рой, дорогой, открой, пожалуйста!

Ответа не было, только ужасные прерывистые рыдания... Ронни подергала за дверную ручку. Она постояла некоторое время у двери, держась за шарообразную ручку.

— Рой! — позвала она. — Рой!

Он не отвечал, возможно, он и не слышал ее.

Ронни приняла решение. Она сбегала на кухню и взяла из стола нож.

— Заканчивайте обед, — крикнула она детям, направляясь в ванную комнату.

Ронни знала, что надо делать. Однажды так уже было, когда дети заперлись кто в ванной, кто в спальне. Она вставила нож между дверью и дверной рамой, осторожно отодвинула засов замка, повернула ручку и рывком открыла дверь.

В ванной было темно. Вода лилась в раковину из кранов, а в ванной был включен душ. Ниари сидел, скорчившись, в темноте в дальнем углу, прижимая руку ко рту, сдерживая рыдания. Ронни закрыла краны над раковиной, оставив литься душ.

Ниари попытался улыбнуться жене. Его всхлипывания постепенно стали затихать.

— Это как икота, — сказал он детским голосом. — Я не могу с этим ничего поделать.

— Все хорошо, Рой. Мама мне сказала фамилию одного человека, он — врач.

— Я напуган до смерти. Не знаю, почему.

Ниари встал, наклонился и подставил голову под душ. Когда он выпрямился, Ронни закрыла краны и подала ему полотенце. Ей хотелось уйти и утереть слезы, но она была слишком напугана. Новый спазм тихого плача пробежал по телу Роя. После того, как конвульсия прошла, он открыл дверцу аптечки и взял баночку с аспирином, открыл ее и дрожащими пальцами взяв две таблетки, положил их в рот. Потом он бросил баночку в раковину, и та разбилась.

— Послушай, — сказала Ронни, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно, — он семейный врач. Мы все пойдем, не только ты. И, может быть, это не твоя вина. Только обещай мне, что пойдешь к нему. Обещаешь?

Неожиданно дверь ванной широко распахнулась и на пороге появился Брэд.

— Ты плакса! — закричал он надломленным голосом. — Плакса! Плакса!

Брэд убежал в свою комнату, сильно хлопнув несколько раз дверью, словно желая сорвать ее с петель.

— Пойми его. Он очень переживает. Ведь для него ты всегда был самый сильный, — попробовала оправдать сына Ронни.

Она помогла Рою дойти до их спальни, но дрожь в его теле только усилилась, когда он упал на кровать.

— Мне не нужен врач. Мне нужна ты.

Ронни не знала, что ей делать... Она ударила рукой по спинке кровати.

— Я не могу помочь тебе, я не понимаю, что происходит! — закричала она.

— И я тоже, — глухо простонал Рой.

— Вся эта чепуха перевернула наш дом вверх дном, — сказала она, зная, что это не поможет.

— Я боюсь, — пожаловался Ниари, хватая жену за руку.

Ронни попыталась освободиться, но он оказался сильнее.

— Я ненавижу тебя таким, — прошипела она. Ее начала охватывать паника.

Рой схватил ее и потащил к постели.

— Обними меня крепко. Вот и все, что тебе нужно сделать. Держись за меня... и ты, в самом деле, можешь помочь мне сейчас.

Ронни вырвалась из его объятий.

— Никто из наших друзей больше к нам не приходит, — всхлипнула она, не глядя на него. — Ты без работы... Тебе все равно!

Рой попытался усадить ее на кровать, не слушая, что она говорит.

— Рой, разве ты не понимаешь, разве ты не видишь?! — закричала Ронни в панике. — Ты губишь нас!

Ниари снова потянулся к ней и схватил ее. Казалось, что дрожь бьет его насквозь. Ронни почувствовала, что она больше не в состоянии выносить все это.

— Я не хочу, — рыдала она. — Я не хочу. Я сейчас позову кого-нибудь... О, Рой... пожалуйста, не надо.

Его пальцы рвали на ней одежду.

— Я ненавижу тебя. Ненавижу тебя, ненавижу, — рыдала она, с отвращением глядя на то, что он делает.

Ниари схватил ее за блузку у плеч и потянул, та затрещала, и, разорванная, повисла на руках Ронни. Он рывком сорвал с нее бюстгалтер и... Почти тотчас желание покинуло его. Он повернул голову и уставился на обнаженную грудь Ронни. Ронни начала дрожать, у нее стучали зубы, тихие рыдания сотрясали ее тело. Она была беспомощна и напугана до ужаса.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вечер в Денвере был ясным и холодным. Воздух свистел вокруг антенны радиосвязи огромного крытого грузовика с прицепом, мчащегося по наклонному шоссе на север. В сумерках автомобиль казался светящимся пятном. Последние лучи заходящего солнца на миг осветили его ярко-красным светом. На высоком алюминиевом борту виднелась надпись: «Фолджер кофе».

Два грузовика с надписью «Супермаркеты» были уже в двадцати милях восточнее Окленда и набирали скорость, мчась по шоссе номер 580. Впереди, на высоте свыше двух тысяч футов, находилось ущелье Алтамонт.

Водители надеялись доехать до Трейси засветло. Машины, наполняя окрестность шумом моторов, мчались в сторону заходящего солнца.

Уже стемнело, когда «Интерстейт-80» выехал из Войса, направляясь на юго-восток. Машина с мощным дизельным мотором мчалась со скоростью свыше шестидесяти миль в час, направляясь в Хэмет, к горам Хоум и Идахо. Надпись «Дизайн Кинни обувь» на борту грузовика ярко вспыхивала в свете фар встречных автомобилей.

...Трейлер подъехал к заправочной станции на востоке Белингаса, штат Монтана, где «Интерстейт-90» завернул за угол базы отдыха «Большой рог». Двое водителей были не прочь остановиться и выпить по чашечке кофе, но график движения не позволял этого. Они проехали мимо памятника сражению при Кастре и повернули в направлении Шеридана, Вайоминг, куда им необходимо было попасть до наступления ночи.

Мужчина с автозаправочной станции посмотрел на борт грузовика:

— Никогда раньше такого не видел, — сказал он.

Заправщики уставились на надпись «Дома в приморье Вирджинии».

— Кинда далеко отсюда? — спросил шофер. Он был наиболее разговорчивым.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ниари почти не спал. Не спала и Ронни. Когда же около пяти часов утра она все-таки заснула, Ниари встал с постели и пошел в свою комнату. Красными от бессонницы глазами он оглядел ее. За последнее время он превратил комнату неизвестно во что. К стенам тут и там были приколоты газетные вырезки об НЛО и таинственном затмении.

Ниари простонал и опустился на стул, положив локти на стол для игры в настольный теннис, на котором стоял макет железной дороги. Над железнодорожным полотном, маленькими озерами и долинами нелепо возвышался необычный горный пик. Ниари внимательно посмотрел на него и покачал головой.

— Нет, не то, — пробормотал он.

— Папа?

Ниари повернулся и увидел Сильвию, босую, в ночной рубашке, прижимающую к себе любимую куклу, ту, что пищала.

— Радость моя, еще так рано. Тебе надо поспать еще, — сказал Рой, взяв девочку на руки.

— Папа, а сегодня ты будешь плакать?

Ниари посмотрел в ее ясные детские глаза и почувствовал, как у него внутри все перевернулось. Он поцеловал Сильвию.

— Со мной теперь все хорошо, моя дорогая! — Рой поцеловал дочь в лоб. В горле застрял комок. Он был готов снова заплакать, но сдержался. С несчастным видом Ниари снова окинул взглядом комнату:

— Со всем этим покончено, клянусь Богом.

Ниари поставил дочь на пол и начал снимать со стен газетные вырезки и фотографии, а Сильвия помогала ему запихивать их в мусорную корзину.

Ниари попытался вытащить из макета железной дороги горный пик, но тот не поддавался. Рой сильнее ухватился за него и начал раскачивать, но оторвать пик никак не мог. Тогда Ниари ухватился за него обеими руками. Раздался треск, и остроконечная вершина сломалась. Гора теперь имела вид усеченной пирамиды с маленькой площадкой на вершине.

— Сильвия! — воскликнул Ниари.

— Да, папа?

Взгляд Роя был устремлен на сломанный пик.

— Сильвия! — снова воскликнул он. — Это же то, что надо!

* * *

Ронни поднялась поздно, совершенно забыв о событиях прошедшей ночи, о нервном расстройстве мужа и о собственной неспособности что-либо для него сделать. Было уже десять часов утра. Ее разбудили шум и крики детей. Вдруг она увидела, как мимо окна ее спальни пролетел... куст. Она отбросила одеяло, встала, надела халат и, завязывая на ходу пояс, вышла из спальни, направляясь на кухню.

— О, Боже, что я вижу! — изумленно произнесла она.

Окно комнаты Роя было широко открыто, занавески

отодвинуты, а снаружи к стене приставлена лестница. В этот момент в окно комнаты влетел куст гортензии, облепленный черной грязью. Он упал на кучу других кустов, еще более грязных.

— Рой! — она бросилась к кухонной двери.

Ронни увидела, как Брэд и Тоби бросили отцу, стоявшему на лестнице, куст азалии, а тот швырнул его через окно в общую кучу в комнату.

— Прекратите! — закричала Ронни.

— Ребята, пошли! — крикнул Рой сыновьям.

Он казался более веселым, чем Ронни привыкла видеть его за последние недели после затмения.

Тоби засмеялся и начал помогать отцу сметать землю с подоконника.

— Ну а теперь, может быть, мы выбросим грязь из моей комнаты? — спросил Рой.

— Прекратите! — снова закричала Ронни. — Прекратите!

Она выбежала во двор, ощущая на себе взгляд миссис Гаррис, которая наблюдала за ними из окна второго этажа.

Ронни выбила из рук Тоби землю и в упор посмотрела на мужа.

— Если я этого не сделаю, — сказал Ниари, продолжая сметать землю с подоконника, — мне понадобится врач.

— Не сделаешь чего? Объясни, наконец!

— Ронни, у меня получилось! Знаешь, как иногда бывает: если смотреть с одной стороны, это кажется ненормальным, но если посмотреть с другой — все вполне разумно и целесообразно?

— Рой, ты нас пугаешь!

Глядя на Ронни, дети и в самом деле испугались.

Ниари взглянул на жену так, словно впервые ее видел.

— Не пугайся, дорогая. Я прекрасно себя чувствую. Все будет хорошо.

В этот момент ему на глаза попался маленький алюминиевый садовый столик. Он бросил герань, подхватил стол и забросил его в окно комнаты. Тот почти не издал никакого шума, упав на кучу кустов и земли, как на подушку.

— Ты говоришь, что все будет хорошо, а сам портишь наш двор, выбрасывая на помойку цветы! — прокричала ему вслед Ронни.

Рой обежал вокруг дома и увидел в передней части двора два больших мусорных контейнера, стоявших в конце подъездной дорожки. К ним как раз подъехали две мусороуборочные машины, и два сборщика мусора были уже готовы забрать мусор. Однако Ниари опередил их. Он высыпал содержимое контейнеров прямо на подъездную дорожку на глазах у изумленных мусорщиков и побежал с ними к дому. Пробежав мимо Ронни и детей с контейнерами в руках, оставляя за собой дорожку из остатков мусора, Рой подбежал к окну и забросил их в комнату.

Неожиданно Рою пришла в голову новая идея.

— Сетка, — сказал он громко.

Ронни в отчаянии смотрела, как Рой перепрыгнул через низкий забор, отделявший их подъездную дорожку от дорожки соседей. Около открытых дверей гаража Гаррисов стоял рулон металлической сетки для постройки птичника. Миссис Гаррис высунула голову из окна как раз в тот момент, когда Ниари схватил рулон сетки и потащил его.

— Что вы делаете? — закричала она возмущенно. — Вы не имеете права!

— Он сейчас отнесет его назад, — сгорая от стыда, крикнула Ронни. Она подтащила к себе сыновей.

Напуганные Брэд и Тоби прильнули к ее халату.

— Я за нее заплачу! — выкрикнул Ниари миссис Гаррис.

— Берите! Берите! — крикнула миссис Гаррис, размахивая своим феном, как пистолетом.

Маленькая Сильвия заплакала, но Ниари, казалось, ничего не слышал. Одним броском он швырнул рулон сетки через окно в дом и начал обходить двор в поисках еще чего-то.

Ронни подтолкнула детей к машине.

— Я отвезу детей к маме, — плакала она.

Ниари шел очень быстро, но, услышав это, остановился. Он даже прогнулся вперед, едва удержав равновесие.

— Ты совсем сошла с ума, — сказал он спокойно. — Ты же не одета.

— Я — что? — выкрикнула Ронни. — Что ты сказал? — она рывком открыла дверцу машины.

— Подожди! — закричал Ниари, бросаясь за ней. Ронни поспешно закрыла все двери и стекла, оставив приоткрытым лишь свое.

— Все. Я решила, — хмуро глядя заплаканными глазами на мужа, произнесла она.

— Ронни! — кричал он ей через стекло. — Пожалуйста, останься! Пожалуйста, будь со мной!

— Зачем? — ее голос звучал приглушенно.

У Роя внезапно сильно закружилась голова, он стал плохо видеть, и машина с Ронни и детьми закачалась в его глазах.

Рой забарабанил в двери и окна машины. Ронни включила мотор и подала назад. Когда Ронни задним ходом выводила машину на улицу, Ниари прыгнул на капот. Дети с ужасом смотрели, как их отец бьет кулаком по капоту и кричит. Ронни развернула машину, и Рой пришлось ухватиться рукой за антенну, чтобы не упасть. Задним ходом Ронни быстро вывела машину на шоссе, потом резко затормозила, сбросив Роя с капота. Взвизгнув шинами, машина помчалась по улице, затем повернула за угол и исчезла.

Ниари лежал на асфальте в своей грязной пижаме. Он был настолько ошарашен, что не чувствовал боли от ушибов. Затем медленно поднялся на ноги, посмотрел

по сторонам и заметил, что несколько его соседей стали свидетелями этой сцены. Они продолжали стоять и смотреть на него, по-видимому, желая понять, что все это значит.

— Доброе утро! — крикнул Ниари, помахав всем рукой, затем повернулся и пошел по траве к лестнице у окна. По пути он захватил садовый шланг и включил воду. Держа шланг в руке и обливаясь водой, он взобрался по лестнице в окно, втащил ее за собой, закрыл окно и опустил занавески.

Он проработал весь день, без пищи и питья, под слабое бурчание телевизора в углу. Но он не обращал никакого внимания на телевизор, поскольку в комнате происходило нечто гораздо более значительное. Как опытный инженер, он сооружал из пустых мусорных контейнеров и садового столика нечто вроде сердцевины, стержня своей будущей конструкции. С помощью металлической сетки, позаимствованной у миссис Гаррис, Ниари очертил ее контуры. Сделав из мокрой земли нечто вроде пасты, он облепил ею проволочную сетку. Не удовлетворенный полученным результатом, Рой намочил газеты и налепил их сверху.

— Нет, еще не совсем то, — пробурчал он огорченно.

Было около пяти часов вечера.

Ниари соорудил свою конструкцию прямо на полу, обсадил ее кустами цветов, засыпал землей. Сооружение высотой в девять футов возвышалось над ним до самого потолка.

Теперь он был почти удовлетворен работой. Ниари посмотрел на макет железной дороги и выхватил оттуда миниатюрные деревья и кусты. Передвигая их, как шашки на игровой доске, он подыскал им нужное место. Вот так. Здесь две сосны, тут идет полоса кустарника. Именно здесь.

— Правильно, — сказал он. — Наконец, это то, что надо.

Гора действительно могла бы сойти за настоящую.

Грязь и скрепляющие поверхность газеты обсохли, а деревья и редкий кустарник довершали сходство с реальностью.

Изрезанные желобками склоны круто поднимались, оканчиваясь на вершине небольшим плато. С одной стороны находилось ущелье, внутри которого Ниари разместил часть пейзажа, бывшего ранее составной частью модели железной дороги.

Ниари немного успокоился. Искоса взглянув на вершину сконструированной им горы, он подошел к окну и, раздвинув занавески, увидел за окном обыденную жизнь соседей. Остановилась машина, и из нее вышли люди, которых встретили у открытой двери. Кто-то косил, кто-то подрезал деревья, кто-то поливал. На улице играли дети.

Ниари грязными руками взъерошил волосы и снова пристально посмотрел на свое детище. Тяжелая тоска обручем сжала его сердце..

— Боже! — простонал Ниари. — Она нужна была только мне! Только мне!

Внутреннее напряжение спало, Рой возвращался к реальности. Он услышал, наконец, работающий телевизор. Шла какая-то развлекательная программа. Однако это только ухудшило его состояние. Он упал в кресло перед телевизором и невидящим взглядом уставился на плоский верх горы.

Телевизор продолжал бормотать:

— ...Гомер Пайл был дважды подвержен выволочке сержантом... Босс поймал Люси на том, что ее обеденный перерыв длился на час дольше, чем положено... Люди, занимающиеся кражей скота, напали на Пондеросу и подожгли... Свидетель на суде раскололся при допросе Перри Мэйсоном...

Рой при всем желании не мог бы сказать, сколько времени он просидел так.

Около девяти часов вечера Рой вышел из оцепенения и направился к холодильнику за баночным пиво. Потом,

словно преодолев тяжкие раздумья, Ниари поставил пиво на стол и снял телефонную трубку.

— Разрешите мне поговорить с Ронни, — сказал он через минуту.

Когда жена взяла трубку, он откашлялся:

— Ты считаешь, что я это заслужил? Только не вешай трубку. Пожалуйста, не... — не договорив, он услышал щелчок.

Устало опустив трубку на рычаг, он опять сел в кресло. Телевизор он не смотрел, только невольно слышал, что там говорилось. Ниари продолжал изучать гору. Как бы ее назвать?

Ниари снова набрал номер тещи:

— Позовите ее, пожалуйста.

— Рой, ты извини, но она не хочет говорить с тобой.

— Позовите ее! — закричал он.

Ниари ждал, глядя в свою комнату через открытую кухонную дверь. К телефону никто не подходил — ни Ронни, ни ее мать. Он напряженно вслушивался, пытаясь уловить хоть какие-то звуки, хоть что-нибудь. Трубку теща не положила, поэтому у Роя еще была надежда. Проходили минуты. Он посмотрел на кухонные часы: без одной минуты десять. В этот момент кто-то мягко положил трубку на рычаги аппарата. Он выругался, услышав короткие гудки, и вновь набрал номер. На этот раз занято. По-видимому, сняли и положили трубку.

Ниари взял пиво и вернулся к телевизору. Передавали десятичасовые вечерние новости. Мужчина с модно уложенной шевелюрой, закрывающей уши, бессмысленно смотрел с телеэкрана и начал считывать слова:

— Добрый вечер. Основные новости на сегодня... Катастрофа на дороге...

Ниари казалось, что диктор откусывает слова и кормит ими что-то в своей дикторской душе.

— ...Крушение автоцистерн с химическими веществами, — сообщил ведущий, — сделало необходимой эвакуацию населения из прилегающих районов. По масш-

табу это самое большое бедствие, которое имело место в истории военных перевозок. Несчастью подверглись районы Башни Дьявола, Вайоминг. Чарльз Макдонел передает с места происшествия...

У Ниари стали слипаться глаза, но он продолжал смотреть на экран.

Макдонел в теплой куртке стоял с микрофоном в руках. Позади него по дороге двигались грузовики, вдали были видны поднимающиеся к небу горные вершины.

— Здесь, в Вайоминге, в зоне бедствия, сейчас закат солнца, — сообщил МакДонел. — Тысячи беженцев покидают место катастрофы. Семь автоцистерн с опасным нервно-паралитическим газом «Ж-М» несколько часов назад перевернулись на перекрестке Волкшами и Нилдз. У подножия холмов Вайоминга нет крупных городов и поселков, кроме домов отдыха и коттеджей, из которых сейчас эвакуируется население. Грузовики и вертолеты военно-морских сил прочесывают район в радиусе ста миль, центром которого является пик, известный как Башня Дьявола.

Камера повернулась, чтобы показать коттеджи и проезжавшие мимо грузовики. Затем на экране появился высокий горный пик.

— Крутые склоны Башни Дьявола, — продолжал диктор, — скалолазы всего мира превратили в своего рода испытательную площадку.

— Господи!

Ниари вскочил на ноги. Одним прыжком он оказался перед экраном. Башня Дьявола была точной копией сделанной им горы. Вот она на экране, а вот, в миниатюре, в его комнате. Те же изрезанные склоны, та же плоская вершина, те же деревья... Он уставился на экран, потом на модель, затем снова на экран... И усмехнулся. Это что-то означало. Он не понимал, в чем тут дело, но был уверен, что настоятельная, жуткая потребность построить этот пик имела какое-то значение.

Это было ПОСЛАНИЕ.

Ниари внимательно посмотрел на модель Башни Дьявола.

«А ведь она чертовски далеко, где-то в западном направлении от Индианы, — подумал он. — Может, съездить и посмотреть на эту чертову гору?»

Ниари взглянул на открытую телефонную книгу и стал рассеянно ее перелистывать. Постепенно, страница за страницей, Ниари принялся более внимательно проглядывать записи, пока не дошел до списка телефонов в Хапер Вэлей: Голд, Гоуленд, Гуппер, Гвиллер Дж. Джулиан! Конечно, Джулиан!

Он набрал ее номер. В прошлый раз, когда он звонил, чтобы справиться о Барри, у нее было занято.

— Мне очень жаль, — сказал записанный на пленку голос. — Ваш вызов не срабатывает. Пожалуйста, положите трубку и наберите номер снова.

Ниари вздохнул. Что ж, в долгое путешествие придется отправиться в одиночестве.

* * *

Джулиан Гвиллер все эти дни не выходила из дома. Она бесконечно рисовала, прерываясь лишь на сон, прием ванны и еды. Со времени исчезновения Барри она очень похудела. У Джулиан был вид человека, который понес самую тяжелую утрату в своей жизни.

В углу комнаты, где она проводила и дни и ночи, царил полный хаос. Это были полотна, нарисованные углем, а потом раскрашенные, изображавшие гору, очень похожую на безумное создание Роя Ниари. Иногда Джулиан включала телевизор, но почти не смотрела его и слушала вполуха. Но сейчас ее внимание привлекли вечерние новости, и она увидела Башню Дьявола.

— Армейские части и подразделения национальной гвардии осуществляют эвакуацию. Снятых со своих мест жителей заверили, что опасность минует через семьдесят два часа, когда концентрация токсина снизится до

пятидесяти частиц на миллион. Это значит, что местные жители смогут вернуться в свои дома к концу недели. Конечно, это малое утешение для домашнего скота в этом районе, хотя владельцев ранчо заверили, что качество мяса от этого не пострадает. Это значит, что такой бифштекс надо есть хорошо прожаренным...

Сообщение было прервано показом рекламы. Джулиан внимательно посмотрела на свои рисунки. На них была точно такая же гора, как показанная в телевизионных новостях. Разница была лишь в том, что на ее рисунках не было вертолетов, круживших над лесным массивом у подножия этого гигантского пика. Джулиан стояла как вкопанная до тех пор, пока не закончился выпуск новостей и не началась другая передача.

Она заставила себя подняться и пошла в ванную комнату. Джулиан приняла душ, сделала прическу, макияж, оделась, упаковала вещи и вышла из дома.

«Человек, который не спал целых две ночи, — говорил себе Ниари, — не должен предпринимать такую поездку». Его покачивало, но он решил, что сможет справиться с этим. Ему очень нужна была машина, но ее забрала Ронни. Он принял душ, побрился, что в какой-то степени улучшило его самочувствие.

У него в бумажнике было всего двадцать долларов. В задней части холодильника, где Ронни прятала деньги, полагая, что грабители не догадаются туда заглянуть, он нашел еще двадцать. Испытывая угрызения совести, Ниари также забрал четыре доллара и мелочь из копилки Брэда.

Ниари направился в центр города. К восьми тридцати он был в сберегательном банке, где снял сорок из сорока двух тысяч семнадцати долларов, которые были на его счете. Около десяти часов он зашел в коммерческий банк, где протянул кассиру чек на сто долларов.

Посмотрев на балансовый счет, кассир протянул ему чек назад:

— Простите, вам надо зайти в отдел займа.

Ниари не мог ждать и, порвав чек на маленькие кусочки, вышел из банка.

На противоположной стороне улицы он увидел магазин спиртных напитков. Надежда!

Недоброжелательно, подозрительно и ужасно медлительно из-за нежелания что-то делать заведующий магазином тем не менее выдал Рою деньги по чеку.

Автобус, отправляющийся в девять пятнадцать, доставил Ниари к одиннадцати часам в Цинциннати.

После некоторых осложнений ему все же удалось заказать себе билет на самолет до Денвера, откуда он мог добраться в Чейен на взятой в аренду машине. Перед тем как оформить его заказ, кассир воспользовалась двумя справочниками, тремя списками и проконсультировалась со старшим кассиром. Казалось, она намеренно делает все очень медленно, но Ниари ничего не заподозрил, пока не перехватил ее взгляд, обращенный к двум охранникам, стоявшим позади него.

Ниари тоже посмотрел на них. Он увидел, что они еще не решили, соответствует ли он «профилю, который находится в розыске» или нет.

Ниари понял, что охранники могут принять решение в любую секунду и затолкают его в одну из комнат, присвоив звание «потенциального угонщика» или «террориста». Он повернулся к кассирше и сказал:

— Мисс, присмотрите за моими вещами на секунду. Я сейчас вернусь.

Ниари направился в ближайший мужской туалет. Двое охранников последовали за ним, но в туалет не вошли.

В туалете Ниари быстро побрился, надел другую рубашку, завязал темно-коричневый галстук и аккуратно причесал волосы.

Выйдя из туалета, он прошел в ярде от сыщиков. Они

проводили его взглядом до окошка кассира, но не сдвинулись с места.

Наполнить «профиль» излишними подробностями, размышлял Ниари, было значительно легче, чем казалось. Ниари знал, что душ, бритье, свежая одежда не вызывали ни у кого сомнения в платежеспособности человека.

Теперь Ниари приступил к самому сложному для него делу — предстояло написать письмо своим домашним. На почте он взял у кассира конверт и бумагу, а в окошечке социального страхования купил марку. Он не знал, с чего начать. Он никогда не писал писем жене.

«Дорогие дети. Я уезжаю на некоторое время. Если я вернусь...»

Он сощурился и, поразмыслив, вычеркнул слово «если», продолжая писать:

«Когда вернусь, я все расскажу. Я должен был сделать это. Я должен УЗНАТЬ, а поездка — единственный способ».

Ниари почувствовал, что его глаза наполнились слезами. Все-таки Брэд был прав: он ужасный плакса. Ниари посмотрел вокруг и убедился, что за ним никто не наблюдает. Он вытер глаза и продолжил писать:

«Мальчики, помогайте маме. Вы хорошие. На вас можно положиться. Я скоро вернусь домой и ...»

«Я не имею права писать детям неправду, — подумал он опять. — Я причинил им много беспокойства. Возможно, они ненавидят меня сейчас или скоро будут ненавидеть».

Он должен попытаться объяснить им все. Он в долгу перед ними.

«Все это для вас ничего не значит, — писал он, — а еще меньше для вашей матери». — Он потер глаза. — «У каждого есть свое тайное желание. Я не могу этого объяснить. Когда ты хочешь попасть на звезду...»

Письмо выскользнуло из-под его руки и упало на пол. Ниари сидел жалкий, беспомощный, по его щекам катились слезы. Он уныло посмотрел на письмо, как если бы оно лежало на дне моря, недосягаемое, на глубине нескольких миль. Он заставил себя наклониться и подобрать письмо. Не перечитывая его, он подписал: «Люблю, папа», — и вложил в конверт.

Ниари встал и очень медленно, словно старик, направился к почтовому ящику, бросил в него письмо и долго стоял, бессмысленно уставившись на надпись «Почтовое отделение», пока буквы не начали сливаться у него в глазах.

Когда объявили посадку на самолет, Ниари все еще стоял у почтового ящика. Только после того, как объявление прозвучало во второй раз, Ниари медленно выпрямился, провел по лицу рукой и зашагал к самолету.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Здесь, в этом отдаленном районе страны, куда приехал Ниари, станция по прокату машин находилась не в респектабельном здании с желто-черной отделкой, в котором, как правило, находятся заведения подобного типа, и не обслуживалась респектабельной молодой особой, одетой в желто-черную форменную одежду.

Станция располагалась в обычном гараже, принадлежавшем некоему Саггу, и с первого взгляда трудно было заметить ее маленькую желто-черную вывеску.

Судя по всему, Сагг предпочитал заниматься только автомобильными двигателями, а к остальным видам услуг гаражного обслуживания относился спустя рукава. Он не любил наливать бензин, крепить плоскости, переставлять дворники, сдавать в аренду машины. Но кроме этого, ему почему-то с первого взгляда не понравился Ниари.

— А кто вы, Ниари? — сказал он, сердито взглянув на Роя. — Какого черта вы потратили столько времени и приехали сюда?

— Мне нужен «джип».

— У меня только легковая машина, — довольно резко ответил Сагг. — «Джипы» все разобрали.

— Люди уезжают из этого района? — спросил Ниари.

— Да, вы попали в переплет. Когда вы надумаете возвращать машину, меня здесь уже не будет. Оставьте ключи в этой чертовой пепельнице.

Он прыгнул за руль «форда» и исчез в облаке пыли еще до того, как Ниари успел забрать ключи с прилавка.

Ниари взял сумку со сменным бельем и копию арендного соглашения. Он увидел машину, которую он оформил в аренду.

— Ну что же, — вздохнул он, садясь в машину, заводя мотор и включая радио.

— ...тысячи других остались без крыши над головой, — донесся голос диктора.

Было очевидно, что здесь, в Вайоминге, не было других новостей, кроме как о случившемся и всем, связанном с этим.

— Армейское Материальное командование ввело новые ограничения. Все дороги к северу от Кроухарт, ведущие к Интерстейт-25, все дороги, ведущие в Гранд Тетонз к западу от Митеста, многочисленные узкие дороги, не имеющие двустороннего движения, гравиевые, местного и исторического значения к северу от Годи и к востоку от Берлингтона или к западу от Озера Желтого камня объявляются опасными и включаются в Красную зону.

Ниари выключил радио и стал изучать карту дорог, которую он прихватил в гараже Сагга. Он нашел объявленные запрещенными дороги и проследил их путь в обратном направлении к Башне Дьявола.

Некоторое время он сидел в машине, обдумывая альтернативные маршруты. Проехав уже довольно большое расстояние, Ниари пришел к выводу, что его машина была единственной, движущейся в западном направлении в Тетонз. Узкие дороги были переполнены транспортом. Он надеялся заправиться в Релаинсе и ехать

дальше, но там впервые натолкнулся на военных. Через шоссе, около железнодорожной станции, было выставлено заграждение.

Солдаты национальной гвардии, с винтовками за спинами и мокрыми от пота лицами (солнце жарило немилосердно!), направляли людей по специально отгороженным проходам.

— Сейчас садятся только те, у кого голубые пропуска, — кричал в рупор сержант.

Эвакуирующиеся с голубыми пропусками полезли в вагоны.

— Все, у кого красные пропуска, собираются за заграждением. Вы будете следующими, — сержант откашлялся.

В толпе слышались голоса солдат:

— Встаньте в очередь. Вы все уедете. Сейчас садятся с голубыми пропусками.

Ниари увидел, как капрал — шесть с половиной футов роста, с тяжелым подбородком — заметил его машину и стал неуклюже пробираться к ней. Но он не успел подойти к Ниари, так как стадо овец прорвало дорожное заграждение.

Молодые волы вперемешку с овцами полностью перегородили движение. Сильно запахло навозом.

— Забирайте своих животных! — надрывались солдаты.

Военному вертолету удалось обратить стадо в бегство. Затем вертолет, резко набрав высоту, взял курс на Тетонз. Ниари следил за вертолетом, когда на него упала тень здоровенного капрала.

— У вас есть родственники в Красной зоне? — громко спросил он.

— Сью-Элен, моя сестра, — ответил Ниари.

— Фамилия? — капрал вытащил планшет со списком фамилий.

— Хененсдорф.

Медленно двигая указательным пальцем, как снегоочиститель, он прошелся по списку на букву «Х».

— Такой фамилии нет.

— Бог мой! Так, значит, она все еще там! — воскликнул Ниари.

— Мы вывезли всех еще вчера днем.

— Но моя сестра?

— Путь закрыт, — неумолимо ответил военный. — Там никого нет. Мы ходили от дома к дому. Нет никакой Сью. Никого там нет.

— Я лучше проверю сам, — сказал Ниари. — Мать и отец никогда не простят мне, если с ней что-нибудь случится только из-за того, что мне было лень туда поехать и привезти ее.

— Эй! — резко оборвал его капрал. — Вы что, не понимаете? Оттуда все вывезены. И никто не въезжает. У меня приказ стрелять в каждого грабителя без предупреждения. Примите это к сведению, Хенненсдорф.

Ниари усмехнулся:

— Ну, что ж, пока!

Он развернул машину и поехал в обратном направлении, услышав, как капрал говорил с приятелем.

— Еще один сборщик мусора, да? — спросил приятель.

— Влюбленный. Я их за версту чувствую, — похвастал капрал.

По мере того как машина Ниари удалялась от капрала, улыбка постепенно исчезала с его лица. Он не был грабителем. А кем он был? Исследователем? Любопытным? Может быть... приглашенным в гости? Что-то вроде этого. Информация, поступающая в его мозг, простая и ясная, вырвала его из русла обыденной жизни, заставила построить гору и предпринять эту бредовую поездку.

Единственной проблемой было то, как добраться туда сейчас, когда он находился всего в пятидесяти милях от цели. Если он пойдет туда пешком, то заблудится или будет застрелен. К тому же, он не был уверен, что ему удастся избежать воздействия нервно-паралитического

газа. Он никак не мог принять решение, не знал, как поступить. На пути к чему-то очень важному он продолжал двигаться вслепую.

— Простите за беспокойство, — сказал какой-то мужчина, когда Ниари остановил машину.

Он был тощий, кожа да кости, лысый, с длинной верхней губой и широким ртом оратора. Он уже собрал вокруг себя небольшую группу людей. В обстановке паники, охватившей Релаинс и Вайоминг, собрать толпу было делом нехитрым.

— Я хочу сказать вам кое-что, — продолжал мужчина. — Нервно-паралитический газ бесцветен и не имеет запаха. И никогда не почувствуешь, что ты им дышишь. И если у вас начнет резать глаза и потечет из носа, вы спросите себя: «Боже, да почему же я не купил одно из предупреждающих средств, о которых мне говорили?» Вы будете сожалеть об этом.

Мужчину окружало человек тридцать.

— А когда из носа и рта пойдет кровь и вас скрутит такая боль, что вы наложите в штаны, вы будете вдвойне сожалеть, что не купили это простое и доступное средство, — он протянул клетку с порхавшей в ней канарейкой, добавив: — Это средство раннего предупреждения. Продаю за пятьдесят баксов.

Ниари вышел из машины и подошел к толпе. Люди протягивали деньги, жена продававшего считала их, а тот отдавал клетки с птицами.

— Если вы не можете позволить себе купить канарейку, тогда могу предложить вам голубей. Они дадут вам сорок пять минут на размышление. Не так много, как канарейка. Тридцать долларов, и забирайте.

— Дайте мне двух канареек, — сказал Ниари, пробиваясь через толпу.

— Две лучше, чем одна. А голубь лучше, чем ничего. У меня еще есть цыплята по двадцать баксов. Они предупредят вас за полчаса.

Ниари, порывшись в карманах, достал и отдал деньги, взял клетки и понес их в свою машину.

— Рой!

Он оглянулся.

— Рой! — снова окликнул его женский голос.

Он посмотрел на сгрудившихся около поезда людей и вдруг увидел Джулиан, пробиравшуюся к нему сквозь толпу. Обрадованный, Рой рванулся ей навстречу, но его остановила толпа. Солдаты кричали в рупоры, вдоль бесконечной вереницы машин двигалось стадо овец, слышались выкрики продавца птиц. Сильно пекло солнце.

— Сюда! — закричал Ниари Джулиан, но толпа уже ринулась к платформе.

Двигаясь против людского потока, Джулиан рисковала быть сбитой с ног и затоптанной.

— Выбирайся оттуда! — кричал Ниари. — Прыгай с платформы!

Он врезался в толпу, энергично работая локтями. Джулиан пробралась к краю платформы, прыгнула и чуть было не упала, но Ниари вовремя подхватил ее. Они стояли обнявшись, а мимо проплывал людской поток: пожилая женщина с пятнистым котом, мальчик с приемником, который он прижимал к уху, мужчина с двумя малышами на руках, женщина, державшая наволочки, наполненные вещами. Многие тащили клетки с канарейками. Шум был ужасный. Джулиан и Ниари прижались друг к другу. Затем Рой с Джулиан стал пробираться сквозь толпу к своей машине.

Джулиан рухнула на переднее сиденье и прикрыла глаза рукой. Ниари сел за руль и тронул с места.

— На, держи клетки с канарейками, — сказал он, выводя машину на дорогу. — Какого черта? Я не думаю, чтобы здесь был ядовитый газ. А ты как думаешь?

— Рой, я так счастлива, что тебя встретила!

— И я тоже, — он засмеялся.

— А твои дети? Жена?

Ниари промолчал. К этому времени они уже выбра-

лись из Релаинса. Машина Роя остановилась перед заграждением из джипов, и один из гвардейцев, вышедших вперед, предупредил:

— Сюда сворачивать нельзя, — сказал один из них.

Ниари повернулся к Джулиан и, только сейчас отвечая на ее вопрос, сказал:

— Они ушли от меня. Ронни и дети уехали. Они больше не смогли выносить меня. Для них я был слишком одержимым.

— Одержимым? То же самое обо мне сказали люди из ФБР. Я видела, что они мне не верят.

Ниари кивнул:

— Послушай, Джулиан, мы с таким трудом добирались сюда! Не можем же мы взять и просто уехать обратно.

— Но ведь они заблокировали все дороги!

— Есть один способ, — он замолчал, задумавшись.

Джулиан взяла его руку и прижала к своей щеке:

— Я очень рада, что мы встретились.

Ниари заметил, что дорога по обеим сторонам огорожена лишь колючей проволокой. Он развернул машину и на большой скорости врезался в проволочную сетку. Обиженно тренькнув, как порванная струна, проволока лопнула.

Раскачиваясь из стороны в сторону, машина ехала по заросшему мелким кустарником изъеденному эрозией полю. Джулиан пристегнулась к сиденью, держа на коленях клетки с весело порхающими канарейками.

— В полиции считают, что Барри утонул в реке, — рассказывала Джулиан. — Я пыталась им объяснить, что река тут ни при чем. Они обошли округу, заходя в каждый дом, заглядывая в каждый погреб. Потом спросили, не видела ли я каких-нибудь незнакомых людей поблизости.

Привстав, чтобы лучше видеть дорогу, Ниари вел машину, поворачивая руль то влево, то вправо, стараясь объехать большие ямы. Не было ни колеи, ни даже

тропинок для скота. Они ехали по бездорожью, и Ниари оставалось только надеяться, что шины и амортизаторы машины дотянут до Башни Дьявола. Она уже виднелась впереди за цепью холмов. Оглянувшись назад, Рой увидел шоссе с движущимся по нему в восточном направлении потоком машин. Он беспокоился, что кто-нибудь, возможно, уже заметил сломанное заграждение и сообщил об этом солдатам национальной гвардии.

Вскоре они выехали к узкой гравиевой дорожке, также обнесенной проволочным заграждением. Прорвав его, они очутились на дороге, ведущей к Башне Дьявола. Проезжая мимо раскидистой сосны, Ниари снизил скорость и посмотрел на канареек. Казалось, их что-то спугнуло: они притихли и, нахохлившись, сидели на жердочке.

Машина медленно продвигалась вперед: дорога стала заметно подниматься на холм.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

...Они увидели ее одновременно. Машина, казалось, остановилась будто сама собой.

Перед ними возвышалась Башня Дьявола. Казалось, она была с милю высотой. Чтобы лучше рассмотреть гору, Ниари и Джулиан вышли из машины.

— О, Боже! — воскликнула Джулиан.

— Я как раз... — Ниари остановился и облизнул пересохшие губы. — Я как раз такой ее и представлял.

Он замолчал, поняв, что не сможет описать словами свое состояние. Они стояли и смотрели на одиноко высившуюся гору, и та вызывала у них благоговейный страх.

Ниари откашлялся:

— Я думаю, нам лучше поехать дальше, иначе они выследят нас.

Джулиан смотрела куда-то вниз.

— Вон там, — сказала она, указывая в направлении дороги, — заправочная станция?

Возле станции стояла палатка, в которой продавались сувениры. и можно было перекусить. Рой подошел к колонке и взял шланг. Послышалось гудение.

— Электричество все еще есть, — пробормотал он.

Ниари наполнил баки и положил шланг.

— Девять долларов, — сказал он.

— Рой! — раздался предостерегающий возглас Джулиан. Но он и сам уже слышал отдаленный шум приближающихся вертолетов. Ниари вытащил Джулиан из машины, и они спрятались за дверью кабины, надеясь, что вертолеты пролетят мимо, не заметив их.

Эскадрилья сейчас пролетала прямо над ними. Вертолеты на флангах летели несколько выше остальных. Замыкал строй единственный в группе военный вертолет. Неожиданно он резко повернул, почти падая снизился и оказался над крышей кабины. Перед тем как Ниари и Джулиан успели открыть дверь, один из летчиков в защитных очках нацелил на них свой фотообъектив. Ниари вышел из-за машины. Он покопался в кармане и вытащил десятидолларовую банкноту. Размахивая ею, подошел к бензоколонке и намеренно твердым движением руки положил на нее деньги.

— О'кей? — крикнул он.

Пилот тронул фотографа за руку, и вертолет, рывком поднявшись высоко в небо, полетел в направлении Башни Дьявола, за которой уже скрылись остальные машины.

— Подействовало, — сказал Ниари. — Упорхнули.

Они сели в машину и помчались по гравиевой дорожке, пока вновь не увидели в небе вертолеты. Ниари остановился, чтобы переждать, пока те исчезнут. На дороге он заметил мертвую птицу, лежавшую лапками вверх. Указав на нее, Ниари обратился к своей спутнице:

— Джулиан, может, ты хочешь, чтобы я повернул назад?

— Почему она умерла?

— Не знаю. Наши канарейки пока живы. По-моему, вся эта история с нервно-паралитическим газом — сплошной вздор.

— Тогда поедем.

Некоторое время они ехали молча. Потом, по совету Роя, достали носовые платки и завязали ими нижнюю часть лица.

Теперь они мчались с еще большей скоростью, приближаясь к военной базе «Башня Дьявола». На крутом повороте Ниари резко затормозил: четыре фургона оливково-коричневого цвета блокировали гравиевую дорогу. Ниари дал задний ход и, высунувшись из окна, посмотрел назад. Еще четыре фургона преградили им путь к отступлению. Джулиан и Ниари переглянулись, молча подняли стекла и закрыли двери. Прошла еще минута, однако ничего не произошло. Чуть позже двери фургонов открылись, и из них вышли люди. В лучах яркого солнца их фигуры казались золотыми точками. Люди были одеты как астронавты: в целиком сделанные из пластика скафандры, с прозрачными плексигласовыми шлемами и баллонами с воздухом за спиной. Ниари эти костюмы почему-то напомнили фольгу для приготовления пищи из рекламного фильма. Один из людей осторожно приблизился к машине и протянул маленькую дощечку, на которой было написано: «Как вы поживаете?» Бессмысленность вопроса слегка ослабила напряжение Ниари. Он опустил окно со своей стороны.

— Прекрасно! — воскликнул Рой и с иронией спросил: — А как чувствуют себя ваши шуты?

Мужчина в золотистом костюме опустил дощечку и жестом пригласил Ниари и Джулиан выйти.

— Черт возьми! — резко сказал Ниари, выбираясь из машины.

Другой «астронавт» подал руку Джулиан. Взяв у нее клетки с канарейками, он подошел к Ниари. Обе птички лежали на спинах без движения. Рою и Джулиан надели на лица маски и отвели в разные фургоны.

Ниари забеспокоился, когда увидел, что фургон с Джулиан поехал. Но через минуту вслед за ним двинулась и его машина.

Внутри фургон был оборудован как передвижной медицинский центр. Ниари предположил, что мужчины в золотистых комбинизонах и в самом деле могли быть медиками. Правда, вели они себя скорее как солдаты.

Фургон так трясло и раскачивало, что Ниари не мог выглянуть наружу.

Когда, наконец, поездка закончилась, один из «астронавтов» открыл заднюю дверь, и Ниари увидел, что солнце уже начало садиться. Его лучи освещали маленький лагерь, состоящий из зеленых палаток и фургонов, точно таких же, как тот, в котором его привезли. Вдали уже трудно различимые в наступающих сумерках люди занимались разгрузкой грузовиков с каким-то оборудованием. Времени, чтобы осмотреться по сторонам, у Ниари не было. Медик в золотистом скафандре помог Ниари забраться в один из герметичных трейлеров. Ниари посмотрел на часы. Было семь часов вечера. Рой присел на край стола.

Неожиданно дверь с шипением открылась и в нее вошли двое мужчин в масках в сопровождении человека в золотистом скафандре. Медик тут же ушел. Мужчины сняли маски. Ниари увидел высокого седовласого пожилого человека и рядом с ним мужчину помоложе.

— Кто вы? — спросил Ниари.

Седой мужчина нахмурился, обернулся к другому и произнес что-то по-французски. Затем мужчина помоложе обратился к Рою:

— У нас мало времени, господин Ниари. Это господин Лакомб. Нам нужны от вас честные и прямые ответы.

— Я тоже хочу кое о чем спросить, — отпарировал Ниари. — Где Джулиан?

— Вашей подруге ничего не угрожает, — ответил Лафлин.

Лакомб сел напротив Ниари. Он что-то сказал по-французски, и Лафлин тут же перевел:

— Вы знаете, какой опасности подвергали себя и свою подругу?

Ниари несколько растерялся, не зная, кому следует отвечать — то ли Лакомбу, занимавшему, очевидно, более высокое положение, то ли его переводчику.

— Какой опасности?

— Район заражен токсинами, — ответили ему.

— Однако мы живы, я разговариваю с вами.

Лафлин продолжал переводить:

— Если бы ветер повернул к югу, то наша с вами беседа не состоялась бы.

— С воздухом все в порядке, — упрямо сказал Ниари.

Француз провел рукой по волосам, вытащил из внутреннего кармана пиджака карандаш и положил на стол планшет.

— Несколько вопросов, господи Ниари, вы не возражаете?

— Какие у вас вопросы?

— Например, вы страдаете бессонницей?

— Нет.

— Головные боли?

— Нет.

— Вы когда-нибудь лечились от психических расстройств?

— Пока нет, — слабо усмехнулся Ниари.

— А кто-нибудь в вашей семье лечился?

— Нет.

Карандаш Лакомба скользил по бумаге, делая пометки.

— Плохие сны?

— Нет.

— Какие-нибудь нарушения кожного покрова?

— Нет, если не...

— Да? — выжидательно произнес француз.

— Солнечный ожог с одной стороны лица, но я не был на солнце.

Лакомб задумчиво и пристально смотрел на Ниари.

— Вы не хотите пересмотреть свой ответ о плохих снах? — снова перевел Лафлин.

— Нет... Ну... — Ниари сделал паузу. — У меня ЭТО было в голове.

— Подробнее, пожалуйста, — Лакомб ждал, держа наготове карандаш.

Ниари пожал плечами:

— Не то чтобы... Просто идея.

Француз нахмурился и посмотрел на часы. Он пробежал карандашом по листку и выбрал еще один вопрос:

— Вы когда-нибудь слышали голоса?

— Никаких голосов. Никаких маленьких зеленых людей.

— Господин Ниари, — осторожно и медленно начал Лакомб. — У вас когда-нибудь были контакты с чем-то очень необычным?

Вопрос попал в самую точку. Ниари неуверенно улыбнулся:

— Ребята, а вы кто?

Он испытующе посмотрел на них. Они явно что-то знали о том, что мучило его. Это была несправедливая игра. Они знали о нем больше, чем он о них.

Лакомб поднял глаза:

— Вы когда-нибудь слышали в ушах звон? Или какую-нибудь мелодию?

— Кто вы? — снова спросил Ниари.

Лакомб что-то шепотом говорил Лафлину. Они обменивались замечаниями по-французски, а Ниари сидел, чувствуя себя в полной изоляции.

— Все? — не выдержав, закричал он. — Это все, что вы собирались у меня спросить? — Нервное расстройство этих абсурдных недель давало о себе знать. — А вот у меня полно вопросов! Вы здесь главный? Я хочу подать жалобу. Вы не имеете права сводить людей с ума. Вы что думаете, я расследую каждую невероятную историю, которую преподносят последние новости? Если это просто газовое облако, то откуда и почему я знаю эту гору во всех деталях, хотя я здесь раньше никогда не был?

Ниари, сам того не ведая, сказал волшебные слова.

Француз внимательно посмотрел на странного американца.

В дверь некстати постучали. Вошел парень в скафандре без медицинской символики.

— Командир отделения приказал отправить их в эвакопункт в Рилаенс, а потом автобусом отвезти домой, — сказал он и вышел.

Лакомб нетерпеливо махнул рукой и вновь повернулся к Ниари, глаза его возбужденно блестели.

— Вы говорите, что воображали эту гору еще до того, как узнали о ее существовании? — спросил он очень медленно на правильном английском языке. — Этот образ у вас, господин Ниари, складывался постепенно. Вам все время казалось, что вы делаете успехи, припоминая что-то очень знакомое, важное. Наконец, у вас сложился очень четкий образ. Вы уверены в том, что сейчас он абсолютно правильный, но, к сожалению, весь этот мучительный и длительный процесс припоминания и узнавания лишен для вас всякого смысла. Так?

Ниари с большим трудом сдерживал слезы. Он уныло кивнул.

— И вы чувствуете, — Лакомб сделал паузу, очевидно подыскивая нужное слово, — что вас вынудили быть здесь.

Ниари застонал, как от боли, и обхватил голову руками.

Сочувственно глядя на него, Лакомб взял у Лафлина конверт, открыл его и вынул десяток цветных снимков, которые протянул Ниари.

— Все эти люди пытались пробраться к Башне Дьявола. Они вам знакомы?

Рой просмотрел фотографии.

— Нет, — сказал он. — Все, кроме нее.

Он указал на Джулиан.

Лакомб забрал фотографии, положил их обратно в конверт и отдал его Лафлину.

— Что вы ожидаете найти, находясь здесь?

Ниари мучительно думал. В самом деле, какого черта он здесь делает?

— Ответ, — выдавил он наконец. — Ведь я не сумасшедший, не так ли?

Лакомб встал, чтобы уйти.

— Нет, господин Ниари, вы не сумасшедший.

Подойдя к двери, он вдруг быстро обернулся:

— Я хочу вам сказать, что вы не один. Я хочу, чтобы вы это знали. У вас много друзей. И я... завидую вам.

Мужчины немного задержались у двери, надевая свои шлемы.

На длинном столе лежало пять или шесть неиспользованных масок и несколько пар длинных перчаток. Там также стояла клетка для птиц. Две канарейки сидели в углу и наблюдали за Ниари блестящими черными глазками. Лафлин открыл дверь, и мужчины исчезли в сумерках.

Небо на западе все еще светилось красным цветом, но над головой уже стало темно-синим. Ниари увидел, как на нем заблестели звезды.

Когда Ниари подвели к военному вертолету, он в отчаянии взглянул на Лакомба.

— Я никуда не поеду! — воскликнул он.

Рука в перчатке открыла дверь, на которой были изображены звезды. В вертолете Ниари увидел семь или восемь человек в масках. Увидев Ниари, Джулиан помахала ему рукой, но как-то вяло, как будто у нее не оставалось больше сил. Один из пилотов протянул стоявшему на земле Лафлину пакет. Тот, просмотрев содержимое пакета, передал его Лакомбу:

— Представляете, у каждого из них было свое собственное внутреннее видение Башни Дьявола.

Француз некоторое время внимательно изучал переданные ему рисунки. Некоторые были совсем маленькими, аккуратно выполненные пастелью, другие фломастерами. Через открытую дверь вертолета он пристально посмотрел на людей, находящихся внутри, затем по-

вернулся к пилоту и что-то быстро сказал по-французски.

— Вы не должны улетать, — перевел Лафлин пилоту.

— Сэр, у меня приказ командира отделения.

— Сейчас вы находитесь под моим командованием. Вы никуда не полетите.

— Простите, сэр? — упрямо возразил пилот.

— Подождите пять минут, — резко сказал Лакомб.

Пилот смягчился и поднял кверху три пальца. Лакомб и Лафлин направились к трейлеру, находившемуся на сто ярдов ближе к Башне Дьявола, с которого велось наблюдение за космосом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Помещение внутри коммуникационного трейлера было затемнено с одного конца. Там велось наблюдение за экранами радаров. В другом конце, там, где было окно, из которого виднелся готовый взлететь вертолет, стояли двое в гражданской одежде. Это были Лакомб и его переводчик Лафлин. Они приготовились к бою с Вилдом Биллом, главным ответственным лицом по обеспечению мер безопасности проводимой операции.

Вилд Билл был приблизительно одного возраста с Лакомбом. Дэвид Лафлин полагал, что ему около пятидесяти. По крайне мере, он на столько выглядел. Вилд Билл был маленького роста, коренастый, однако обладал громким голосом.

— Вы не можете выслать их отсюда, — взорвался Лакомб, пребывая в сильном возбуждении, какого переводчику еще не приходилось видеть, — я оставляю их здесь под свою ответственность!

— За эту часть операции «Майский цветок» вы не ответственны, — почти механически ответил Билл. — А

я, как командующий отделением, несу всю ответственность за базу в целом.

— Но... — начал француз.

Билл прервал его:

— Вот за три мили отсюда — вы босс. Бог мой, сколько вы потратили только на установку линии постоянного тока! Это — в вашей юрисдикции, а здесь все — в моей.

— Вы не понимаете, — вмешался Лафлин, пытаясь предотвратить назревающий скандал, — что бы вы ни делали здесь, на базе, вы делаете только с той целью, чтобы операция господина Лакомба шла по плану и успешно завершилась.

— Я ценю это, — закрыв глаза и сделав гримасу, сказал Вилд Билл, — но вы не понимаете, что такое военная дисциплина.

— Я хочу, чтобы эти люди остались, — повторил француз.

Вилд Билл глубоко вздохнул:

— Три недели назад мы обнародовали несколько приказов, касающихся действий по вторжению на территорию базы... Откуда вы знаете, может, это диверсанты, фанатики или поклонники культа, выполняющие нежелательные для нас поручения? В случае вторжения приказы предусматривают определенные меры, и уже слишком поздно их менять.

— Это необычные люди, — начал Лакомб очень медленно, пытаясь убедить упрямого майора. — У них у всех одинаковое видение. Что заставило их почувствовать острую необходимость прибыть сюда, является тайной как для них, так и для меня.

Вилд Билл пожал своими могучими плечами:

— Если вы хотите перешагнуть через мою голову, то для выяснения подобных вопросов вам придется отправить донесение вертолетом. Дело в том, что в данный момент связь прервана, и я сам не знаю, что происходит.

Француз положил перед майором целую стопку рисунков. Билл взял листочки и разложил их на столе.

— Интересно, — задумчиво произнес он.

— Мы знаем об этих людях очень мало, — сказал ему Лакомб. — Кто они? Почему рисовали эти картины? Почему были вынуждены приехать сюда после того, как увидели Башню Дьявола по телевизору?

Толстяк снова пожал плечами:

— Должно быть, это совпадение.

Почувствовав, что эта его идея далеко не удачна, Билл засопел.

— В этих людях ничего особенного нет, — напирал Лакомб. — Это — рисунок того парня, Ниари. Этот — Джоя Колинга. Этот — женщины, приехавшей с Ниари. Она говорит, что ищет своего маленького сына.

— А этот? — Билл ткнул пальцем в рисунок побольше.

— Ларри Фаунен. Мы проверяли его. Он из Лос-Анджелеса. Работает в конторе по недвижимости. Какое-то время был актером, снимался в кинофильмах. Он ничего из себя не представляет.

— А этот?

— Этот — миссис Розен из Канзас Сити. С ней ее муж. Он подал в отставку. Сейчас находится в отпуске. Мы проверили всех этих людей вплоть до Вашингтона. За ними ничего не числится. Несколько нарушений правил дорожного движения. И все. Ничего криминального.

— А этот?

— Этот — Джорджа Финдера. Механик в гараже, Форт Верт, штат Техас. Ветеран второй мировой войны.

— А этот?

— Эллен Коннели. Школьная учительница. Бедеста, Мерилэнд. Имеет женатого сына и трех внуков.

Вилд Билл снова раздраженно засопел.

— Может достаточно? — резко спросил он.

— Можете поверить мне на слово: эти люди не опасны, — настаивал Лакомб.

— Мне нет до них никакого дела! — взвился Вилд. — Мое дело — убрать их с территории базы!

Лакомб какое-то время молчал. Во время спора его седая голова была откинута назад. Сейчас он немного расслабился:

— Я должен узнать, с чем связано желание всех этих людей приехать сюда.

— Никоим образом, — отрезал Билл.

Лакомб что-то резко сказал по-французски.

— Кроме этих людей, очевидно, есть тысячи других, затронутых этой навязанной им идеей.

— Это чистое совпадение, — упрямо талдычил майор.

— Это — случай потрясающей важности, — начиная закипать, возразил француз. — Ответ на вопрос, почему они приехали сюда, возможно, будет самой важной информацией, которую мы извлечем из всей этой операции.

— Я заканчиваю беседу.

Лакомб вдруг протянул руку и схватил Вилда за лацканы кителя:

— Вы будете слушать меня, майор!

Крошечные глазки Вилда Билла расширились. Его не таскали за лацканы с тех пор, как он был лейтенантом.

— Вы опоздаете на свой сеанс на ДСМ, — прошипел он, сбрасывая руки Лакомба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ниари, Джулиан и другие люди, задержанные на территории базы, сидели внутри вертолета очень тихо, словно немые. На них были газовые маски, и они только поводили глазами, пытаясь понять, что происходит вокруг.

То, что должно было случиться сейчас, Ниари прекрасно понимал. Через несколько минут вертолет взлетит, чем будет положен конец всему этому безумию. Он так никогда и не узнает, что заставило его приехать сюда. Джулиан никогда не найдет Барри. Никто из этих людей так никогда и ничего не поймет. И все из-за этой стратегии выдворить всех посетителей! Существование нервно-паралитического газа могло быть реальностью. Похоже, военные, в самом деле, пустили легкую струю этого газа, хотя бы для того, чтобы убедить скептиков в его действии, но тогда должна была пострадать окружающая природа...

Ниари вспомнил двух канареек в дешевой металлической клетке в трейлере. Чьи это были канарейки? Его? Но ему показали его канареек мертвыми.

Он сидел рядом с Джулиан. которая закрыла глаза.

«Ради чего, — думал Ниари, — она проделала такой длинный путь?» Выходит, напрасно?

Ниари встал. Джулиан открыла глаза. Очень медленно и осторожно он стал стягивать маску со своего лица. Наконец, она снялась, издав хлопок, похожий на выстрел. Он бросил ее на пол. Если это и был самый храбрый поступок в его жизни, то он был и самым легким, самым осмысленным от внезапно принятого решения. Ниари глубоко вздохнул. Все со страхом смотрели на него. Джулиан, сорвав маску со своего лица так быстро, что Ниари не успел уловить ее движений, встала рядом с ним и вздохнула полной грудью.

— Вы отравитесь, — сказал им маленький семидесятилетний старичок.

— С воздухом все в порядке. Просто военные не хотят, чтобы здесь были свидетели, — возразил Ниари.

Маленькая пожилая женщина, возможно жена старичка, сказала дрожащим голосом:

— Если армии не угодно, чтобы мы были здесь, это не наше дело.

— Мы только хотели увидеть гору, — сказал, извиняясь, старик. — Так случилось, что я нарисовал ее.

— А как вы определили, где находится это место? — спросила Джулиан.

— С этим не было никаких проблем. Я посмотрел по справочнику. Между прочим, президент Рузвельт объявил этот горный массив первым национальным памятником нашей страны.

Тем временем мужчина лет сорока также встал и сорвал свою маску. У него были длинные, выгоревшие от солнца волосы. Он глубоко вздохнул и произнес:

— Здесь воздух намного лучше, чем в Лос-Анджелесе!

Тогда еще двое — мужчина и женщина— встали и, волнуясь, дрожащими руками сняли свои маски. У них были изможденные худые лица. Казалось, что они находятся на грани физического истощения. Их взгляды выражали полную отрешенность.

Повернувшись лицом к товарищам по несчастью, Ниари громко спросил сквозь шум работающего ротора:

— Кто за то, чтобы остаться?

Джулиан первой подняла руку. То же сделал вслед за ней и мужчина из Лос-Анджелеса и, наконец, пожилая пара.

— Ну, что ж, прекрасно! — сказал Ниари. — Вам только нужно не отставать от меня и бежать очень быстро.

В этот момент за спиной Ниари дверь кабины начала медленно открываться. Часовой, приоткрыв дверь, чтобы посмотреть, что происходит внутри кабины, оторопел, увидев задержанных без масок. Воспользовавшись его растерянностью, мужчина из Лос-Анджелеса подскочил к Ниари.

— Быстрее! Бежим к горе! — крикнул тот.

Навалившись на дверь, они наполовину открыли ее. Ниари ударил часового ногой. Удар пришелся как раз в шею под шлемофоном. Часовой упал. Рой, Джулиан и мужчина из Лос-Анджелеса неловко перепрыгнули через часового и побежали к деревьям. С двух сторон от них стояли грузовики, на бортах которых виднелись яркие надписи: «Баскин Робинз», «Супермаркеты». Грузчики без шлемов и полураздетые сгружали электронное оборудование и ящики с надписью: «Локхид и Роквел — осторожно при погрузке». Они проводили бегущих взглядом.

Другие задержанные, также решившие бежать, включая пожилую чету, были остановлены часовыми в двух шагах от вертолета.

Ниари выкладывался изо всех сил. Он поглядывал на гору. Теперь у них был шанс разгадать этот кошмар.

Лакомб, раздосадованный невежеством и непреклонностью Вилда Билла, сказал по-английски:

— Вы не понимаете! Гора была кодом. А подарок мексиканской пустыни — ключом к разгадке. Эти люди приглашены! Вы понимаете? Приглашены.

И тут что-то за окном привлекло внимание Лакомба. Он увидел, как трое беглецов скрылись за деревьями. Он ничего не сказал, но медленная улыбка расползлась по его лицу.

Прячась за деревьями, Ниари и его товарищи обежали стоянку вертолета и бросились к перелеску у подножия горы. Ниари бежал первым. Через некоторое время он упал на землю, чтобы отдохнуть и дать возможность товарищам догнать его. Когда они добежали до него, Ниари стал снимать свой защитный костюм, жестами руки показывая своим товарищам, чтобы они делали то же самое.

— Меня зовут Рой, — сказал Ниари мужчине из Лос-Анджелеса и протянул ему свою руку.

— Ларри Батлер, — ответил тот.

— Нам нельзя здесь оставаться. Бегите к лесу и подождите меня там, — сказал Ниари, все еще тяжело дыша.

Ларри и Джулиан побежали к лесу. Ниари немного постоял, наблюдая за тем, что происходит в лагере, и бросился к лесистому подножию горы, находившемуся на расстоянии двухсот ярдов.

* * *

Вой сирены разорвал тишину. На взлетной площадке вертолетов замелькали огни фонарей. Дверь в коммуникационный трейлер открылась, и вошел часовой, ловя ртом воздух внутри шлемофона, пошатываясь.

— Они убежали, сэр!

— Сколько? — отрывисто спросил Вилд Билл.

— Трое. Трое, сэр. Остальные у нас.

Вилд Билл взял со стола бинокль, сумрачно посмотрел на Лакомба и Лафлина и быстро вышел из трейлера. За ним последовали остальные.

Три вертолета уже взлетели в воздух, включив мощные кварцевые прожекторы.

Рота солдат специального назначения в форменной одежде и с противогазами, висевшими на поясе, разбирала винтовки.

Вилд Билл посматривал в бинокль на опушку леса. Здесь, около вертолетной площадки, был создан импровизированный полевой штаб. Майор и Лакомб стояли возле полевых телефонов.

— Чтобы через час они были сняты с горы! — кричал Вилд Билл в телефонную трубку.

Другой голос отдал приказ:

— Сделайте фотометрический анализ северной стороны. Используйте инфракрасные лучи.

— Приказ уже отдан.

— Если они не будут обнаружены к восьми часам, произведите опыление северной стороны E-Z-четыре и возвращайтесь.

— Что это: E-Z-четыре? — спросил встревоженный Лакомб.

— Снотворный аэрозоль, — ответил Вилд Билл. — Они будут спать как убитые в течение шести часов, а проснутся — ничего, кроме легкой головной боли.

— Как вы не понимаете! — возмутился француз. — Не мы выбирали это место, не мы выбирали это время, не мы выбирали этих людей. Остановив их, мы все равно ничего не выиграем!

— Был прекрасный «стратегический вакуум», пока этот Ниари не раскусил, что с воздухом все в порядке, — проворчал Вилд.

— Но они здесь нужны больше, чем мы, — сказал Лакомб.

* * *

В вечернем небе сквозь сосны просматривалась Башня Дьявола. Трем беглецам она казалась огромной. Они взбирались по ее крутому склону, скользя по образовавшемуся слою сосновых иголок.

Джулиан споткнулась и упала, покатившись вниз, но Ларри Батлер вовремя подхватил ее. Рой остановился поджидая, их. Вскоре он услышал над головой хорошо знакомый звук. Три вертолета осветили склон, потом начали маневрировать, особенно тщательно освещая участки, наиболее заросшие лесом.

— Они слишком хорошо о нас думают, — тяжело дыша, произнес Ларри. — Чтобы добраться туда пешком, нам бы потребовалось еще часа два.

— Видите вон то ущелье в горе? — сказал Ниари, указывая куда-то в темноту.

Там и в самом деле был узкий проход на другую сторону.

— Я думаю, что нам ничего не стоит пробраться туда, — подбодрил себя и своих товарищей Ниари.

Батлер приготовился к броску.

— Я напрасно бросил бег трусцой, — сказал он, ухмыльнувшись.

Красно-зеленые огни вертолетов какое-то время парили над плоскогорьем, а потом исчезли. Они начали осматривать другую сторону горы.

— Еще четыре летят, — сосчитала Джулиан. Есть еще одно ущелье, оно идет вверх. Я помню из рисунка. Туда забраться будет легче. Оно начинается на северо-восточном склоне.

— Оно не подойдет, — сказал уверенно Ниари, — ущелье обрывается на высоте трех сотен футов. Мы же не опытные скалолазы. А это имеет постепенный спуск на другую сторону.

— А что там, на другой стороне, как ты думаешь?

— Там должен быть коробкообразный каньон, весь поросший деревьями и низким кустарником.

Джулиан посмотрела на Ниари:

— Я никогда не представляла себе ее с другой стороны. Я рисовала и раскрашивала только одну сторону.

— В моих рисунках тоже не было каньона, — сказал Ларри.

— В следующий раз попробуй сделать скульптуру.

В это время на территории базы, около вертолетной площадки, группа военных инженеров крепила десятигаллоновые емкости из нержавеющей стали с газом E-Z-четыре к стоящим на площадке вертолетам. Мужчины работали молча, осторожно передавая емкости друг другу, словно боялись расплескать или уронить их.

Вилд Билл стоял в стороне, наблюдая за операцией. Он посмотрел на часы и на вершину горы. Он знал, что взвод войск специального назначения, развернувшись цепью, медленно двигался к горному пику.

Помощник передал ему трубку полевого телефона:

— «Пирамида» вызывает «Багаму».

— «Багама», — ответил Вилд Билл. — Я слушаю.

— Пока никаких новостей нет. Если они добрались до подножия, то там тысячи мест, где можно спрятаться. Мне нужно больше людей, чтобы прочесать всю гору за один час.

Вилд Билл в раздумии отвел руку с телефонной трубкой от уха в раздумии. Затем он быстро сказал:

— Возвращайтесь на базу.

Майор передал трубку помощнику, задумался на какое-то время и отдал еще одно приказание:

— Убрать всех с северной стороны. Вызовите «Луну» и скажите им, мы будем опылять.

Лакомб появился из коммуникационного трейлера, держа в руках спортивную куртку на металлической вешалке. Он пошел через площадку к ожидающему их транспортному вертолету. За ним шел Лафлин. Он не стал наблюдать, как выполняется команда Вилда Билла по погрузке канистр с газом E-Z-четыре. Роторы вертолетов стали вращаться быстрее, издавая пронзительный свист. Три вертолета поднялись вертикально вверх и, следуя друг за другом, скрылись в ночи, лишь вспыхивали их красно-зеленые огни.

Через минуту и большой транспортный вертолет исчез в ночи.

* * *

Рой, Джулиан и Ларри почувствовали, что начали выбиваться из сил. Они уже почти преодолели весь путь к противоположной стороне горы.

Насколько Ниари помнил из своей модели, лесной каньон должен был быть совсем близко. Он оказался прав в отношении действия вертолетов. Те не стали опылять эту часть горы. По крайней мере, до сих пор они этого не сделали.

Впереди находилось открытое пространство.

— Давайте быстро пробежим его, — сказал он Джулиан и Ларри.

Джулиан молча кивнула, стараясь сберечь дыхание. Но у Ларри захватило дух, и он проговорил:

— Бегите, я вас догоню.

— Мы будем ждать тебя на другой стороне, — сказал Рой.

Он побежал, низко пригибаясь к земле, а следом за ним — Джулиан. Через минуту им удалось преодолеть открытое пространство, и они упали в сосновые иголки, часто и тяжело дыша. Очень хотелось пить, они были мокрые от пота. Их лица покрылись ссадинами и царапинами от ударов ветвей деревьев. Где-то в лесу или, возможно, при бегстве из вертолета Ниари сильно ушиб левую руку и плечо. Он чувствовал нестерпимую боль, рука онемела.

Они лежали на животах, стараясь услышать или разглядеть отставшего Ларри.

— Там, — шепнула Джулиан, указывая влево. Они увидели, как в добрых ста ярдах от них метнулась тень Батлера.

— Ларри! — негромко закричал Рой. — Сюда!

Внезапный шум и свет вертолета заглушил его голос. Вертолет низко пролетел над вершинами деревьев, приближаясь к открытой площадке.

Джулиан и Рой стояли, махая руками Ларри. Шум приближался, и Ниари продолжал кричать:

— Ты на открытом месте. Они тебя увидят!

Вертолет покружился над открытой площадкой и сделал резкий разворот над ними. Очевидно, с вертолета увидели человека. Ларри слышал, что кричал ему Рой, и видел вертолет. «Что, они будут приземляться прямо на меня?» — подумал он.

Вертолет промчался над ним и, резко развернувшись, снова полетел над открытым участком. Из зарослей вылетели испуганные птицы.

Ниари и Джулиан сообразили, что им надо двигаться в направлении ветра, и как можно скорее. От ущелья их отделяло всего пятьдесят ярдов.

Слишком уставшие, чтобы бежать, они поползли.

Позади них стрекотал вертолет, круживший прямо над Ларри. В вихре воздуха кружились листья, поднятые с земли, сосновые иголки и сучья.

— Смотри, они опыляют!

К этому времени Рой и Джулиан доползли до гребня, где начиналось ущелье, и посмотрели вниз.

Батлер все еще шел, и вдруг у него начались судороги. Он зашатался. Джулиан хотела побежать к нему, но Ниари схватил ее за руку.

— Не надо! Не смотри вниз! — сказал он ей.

Они увидели, как Ларри упал, пытался подняться, сделал несколько судорожных движений, а потом затих.

Они стояли на гребне и смотрели на лужайку.

— Мы не должны оставлять его там, — сказала, наконец, Джулиан.

— Если он спит, то все равно, где спать: там или здесь.

— А если он умирает? — спросила Джулиан.

— Если он умирает, — вздохнул Ниари, — тогда умрем и мы.

Рука Джулиан сжала его руку. Беглецы двинулись сквозь высокие сосны к хребту. Насколько Рой помнил очертания своей скульптуры, сделанной из земли и металлической сетки, хребет образовывал нечто наподобие галереи вокруг каньона, заросшего деревьями.

Еще до того как они успели до него добраться, они увидели свет. Добравшись до вершины хребта, они упали на землю и поползли по его гребню. Звук вертолета отдалился от них в сторону горы. Рой попытался ухватиться за куст, но промахнулся и скользнул вниз по склону.

— Рой! — закричала Джулиан, лежавшая на гребне горы. — Лезь сюда! Ты сможешь!

Он обливался потом, у него болели руки, казалось, что пальцы совсем онемели.

— Рой, пожалуйста, быстрей, летит вертолет!

Ниари посмотрел на нее, она протягивала ему руку. Он вновь начал ползти, продвигаясь дюйм за дюймом.

— Рой, еще немного, и мы перелезем на другую сторону.

Стрекотание вертолета становилось все ближе. Пот заливал глаза Ниари. Только ярд оставался до протянутой руки... Пол-ярда...

Вертолет уже завис над ними. Ниари отчаянно рванулся, и Джулиан схватила его за руку. Она помогла ему подняться на край склона, и они, кувыркаясь, покатились вниз по другой стороне хребта к самому каньону.

Вертолет пролетел мимо. Ниари проводил его взглядом. Теперь они были очень близко к каньону. Они спасены! Ниари с облегчением вдохнул полной грудью чистый воздух. Они дошли до края ущелья и решили посмотреть вниз. То, что они увидели, представляло захватывающее зрелище.

— Боже! — выдохнул Ниари.

— О Господи! — воскликнула Джулиан.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

То, что открылось их взору, было похоже на аэродром, с расположенной на нем станцией связи для передачи сигналов в космос.

На горизонте сверкали посадочные огни.

Светящаяся дорожка взлетно-посадочной полосы вела к огромному освещенному кресту, стоявшему в центре базы.

Ниари показалось, что аэродром подготовили к посадке какого-то летательного аппарата.

Вся территория аэродрома была освещена прожекторами, стоящими на металлических опорах, вроде тех, какие обычно устанавливаются на стадионах. Очевидно, горный рельеф в этом месте выровняли с помощью взрывных работ, а затем здесь здорово поработал бульдозер.

При ярком освещении Рой и Джулиан смогли разглядеть, что вся территория комплекса была обнесена стальной стенкой высотой примерно в шесть футов, которая состояла из трех ступеней. Каждая ступень содержала в себе много отсеков с двумя дверями, некоторые из них имели большие смотровые окна. Отсеки различных размеров были закреплены на металлических под-

мостках, добраться до которых можно было только с помощью лестницы.

В одном конце этой огромной площадки, похожей на арену, на подмостках высотой в шестнадцать футов стояла огромная акустическая установка. Многочисленными проводами и трубами она была присоединена к большому синтезатору.

Не оборачиваясь к Джулиан, Ниари спросил:

— Ты видишь?

— Да, — ответила она.

Они находились на высоте двухсот, а возможно, и трехсот футов над поверхностью этого бесконечного стадиона, который был вырезан внутри каньона.

Оглядев фантастическое зрелище сверху, не говоря больше ни слова, Рой и Джулиан решили спуститься пониже. Они осторожно ползли по гранитному склону на выступ, который находился ниже на пятьдесят футов и был прекрасно замаскирован кустарником.

Теперь они могли разглядеть людей, по всей вероятности технический персонал, работающий около отсеков и внутри них. Они были одеты в рабочие комбинезоны. Казалось, что отсеки оборудованы под небольшие лаборатории. Рой и Джулиан не могли как следует рассмотреть все оборудование, но они узнали некоторые лазерные установки, биохимические приборы для термических и электромагнитных измерений, похожие на реактивные противотанковые ружья на треножниках, два спектрографических анализатора и прочее оборудование для контрольных и измерительных работ.

Внутри отсеков сидели три человека в черных костюмах и темных очках. Снаружи стояли часовые. Они были единственными людьми в военной форме, насколько заметил Рой.

Вокруг базы находились большие радарные тарелки. Они постоянно вращались. Везде стояли телевизионные мониторы, по крайней мере, около ста кинокамер, пятидесяти фотокамер и порядка двадцати пяти видеокамер, расположенных группами и вращающихся. Рядом с ними было около тридцати операторов.

Несмотря на размеры, вся территория представляла собой беспорядочное скопление различных установок. По периметру в беспорядке стояли установки кока-колы, туалеты в отдельной постройке и закусочные на колесах, которые напомнили Рою армейскую походную кухню под матерчатым навесом. На площадке стояло много вскрытых контейнеров с маркировкой «Макдональд Дуглас», «Роквел» и «Локхид» по бокам. Везде было довольно много мусора — бумажных стаканчиков из-под содовой воды, салфеток, тарелок, пустых консервных банок.

Мужчины в комбинезонах поспешно подбирали весь этот хлам. Группа административных лиц в темных очках, возглавляемая седовласым мужчиной в комбинезоне, наблюдала за ходом подготовки к операции.

Несколько человек из числа технического персонала столпилась около синтезатора, а один чудак начал одним пальцем подбирать мелодию «Лунная река». Над каньоном раздалось эхо визгливых, из ряда вон выходящих звуков.

На гигантском экране цветомузыки появлялись и исчезали неясные бесформенные цветные вспышки. Люди, работающие здесь, закричали на горе-музыканта, требуя, чтобы он прекратил.

— Я знаю, что это, — сказал Ниари скорее себе самому, чем Джулиан. — Просто невероятно.

Внизу раздался приятный колокольный перезвон.

— Леди и джентльмены, — раздался голос по громкоговорителю.

Сначала Рой подумал, что говорящий, по-видимому, находится в одном из отсеков, скорее всего в коммуникационном, где были установлены компьютеры. Однако они его увидели. Парень в белом комбинезоне, держа в руках маленький микрофон, за которым тянулся шнур, шел к центру арены.

— Леди и джентльмены, займите свои места, пожа-

луйста. Это не репетиция. Я повторяю: это не репетиция. Дайте, пожалуйста, шестьдесят процентов освещенности арены. Шестьдесят процентов, пожалуйста.

Постепенно прожекторы на стадионе один за другим начали тускнеть, были включены все посадочные огни. Рой и Джулиан заметили, что внутри отсеков лампочки компьютеров и приборов превратились из белых в красные. Почти все отсеки осветились красным светом.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо, — подбадривающе говорил мужчина, действуя словно церемониймейстер. — Я не думаю, чтобы нам захотелось бы присутствовать на вечере, более замечательном, нежели этот... Если вы готовы...

Ниари пришел к выводу, что эти несколько сотен ученых и технических работников уже много раз проводили таким образом свое дежурство. И каждую ночь было тревожно. Но ничего не случалось. Никто не прилетал. Сейчас он заметил, что все радарные тарелки прекратили вращение и были повернуты прямо на них.

— Они смотрят на нас, — ловя ртом воздух и прижимаясь к скале, с трудом проговорила Джулиан.

— Не на нас. В небо. Смотри!

Рой и Джулиан подняли глаза к звездам. Там что-то начиналось. Сначала Ниари и Джулиан не могли понять, в чем дело. После яркого света аэродрома они ничего, кроме темноты, не видели. Постепенно их глаза привыкли к темному ночному небу, и первое, что они увидели, был звездный Млечный путь. Затем в северной части неба они различили созвездие Ориона. Они всматривались в звезды, которые так часто видели раньше. Звезды двигались.

Звезды, которые образовывали созвездие, стали расходиться, сначала медленно, потом значительно быстрее, и, наконец, некоторые совсем оторвались от созвездия.

Ниари заметил другой Орион, в противоположном направлении.

— Этот настоящий, — сказал он, указывая на него.

Когда Ниари снова посмотрел на «фальшивый» Орион, то обнаружил, что созвездие уже изменило свои очертания. Звезды постоянно перемещались и образовали почти прямую линию. Затем к ней присоединились еще три звезды, словно притянутые этой линией, образовав продолговатую фигуру.

— Большая Медведица!

Ниари начал смеяться. Он уже не боялся. Он был очень счастлив.

Внизу, на площадке, сотни ученых и техников реагировали на все так, как публика при виде смертельного трюка: раздались охи-ахи, а затем все захлопали в ладоши, когда ковш полностью сформировался.

— Только мы одни знаем, только мы, — сказал Рой. — Ты все видела? — спросил он Джулиан, словно желая убедиться, что небесный спектакль не был сном.

— Да, — заверила его Джулиан.

— Очень хорошо.

Неожиданно в западной части неба появились три стремительно летящие звезды. Они мчались прямо на них и вдруг остановились, опровергнув все законы физики. Из каждой светящейся точки образовалось еще четыре. Развернувшись, звезды стремительно понеслись в обратном направлении и скрылись в ночном небе.

Зрители на стадионе пришли в возбуждение.

Рой и Джулиан переглянулись.

— И это ты видела?

— Да.

— Прекрасно.

Но «шоу» еще только начиналось.

Над базой проплывало одинокое облако. Внутри него находились две яркие голубоватые точки, которые затем начали вращаться вокруг облака с нарастающей скоростью. Облако, видоизменяясь, превратилось в спирале-

видную туманность, светившуюся изнутри. Свет из голубого превратился в янтарный. Затем одна из светящихся точек заняла место в начале спирали и начала мигать. Зрелище было потрясающим. Казалось, что все это — световые вспышки и вращение звезд — было наполнено неведомым тайным смыслом.

В том, что вся эта демонстрация была намеренной, не было никакого сомнения. Но вот вопрос: что же хотели показать из космоса? Место в космической галактике, где мы живем? Да, возможно, именно это. Относительное расположение нашей планеты. Непостижимо!

Рой и Джулиан не произнесли ни слова. Затаив дыхание, они следили за происходящим. Они лежали, распластавшись, на маленьком мысе. Над ними чернело ночное небо.

Неожиданно в небе появились облака, которые излучали свет, похожий на зарницу. Свет становился ярче, затем из облака вырвался яркий, похожий на заточенный карандаш, узкий луч оранжевого света, потом появились еще два таких же луча. Через мгновение, когда вспышки достигли невероятной силы, Ниари и Джулиан закрыли свои лица. Летательные аппараты медленно пролетели над их головами.

Это были те же самые: тот же чудовищный свет, вспышки цвета заходящего солнца, тот же огромный светящийся шар с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта со злобным оскалом, который они видели в Индиане несколько ночей назад. Когда эти огромные летательные аппараты, похожие на раскаленные огненные шары, нарушая все законы физики, пронеслись мимо них, обдав волной сильного горячего ветра, перемешанного с пылью, уверенность в безопасности развеялась в пух и прах. Ниари и Джулиан почувствовали, как на их телах образовалось статическое электричество. На мгновение ветер утих. Затем их вновь обожгло горячим воздухом от

еще одного аппарата, пролетавшего над ними, и у них сперло дыхание.

Протерев глаза от песка, Ниари и Джулиан увидели, как похожие на чудовища, переливающиеся разноцветными красками, аппараты низко летели над базой. Экран цветомузыки вспыхнул богатством цветовых сочетаний, быстро сменяющих друг друга. Люди на площадке бросились в укрытия. Камеры и тарелки радаров вращались, ведя наблюдение за летающими тарелками. Светящиеся объекты снизились над крестом, который, по-видимому, являлся для них световым ориентиром для посадки, и пролетели на бреющем полете вдоль бетонной дорожки в нескольких сотнях ярдов от того места, где находились люди, и внезапно остановились, словно включив тормоза. Затем они снова начали медленно парить низко над землей, выстроившись треугольником, и излучали настолько яркий свет, что на них невозможно было смотреть. Теперь объекты низко спустились к полосе, находясь над ней на расстоянии примерно пяти футов, потом вспорхнули вверх. Казалось, что они заигрывают с Землей, пробуют ее, подбирая пыль и мусор, затем вдруг взлетают, словно испугавшись чего-то.

У Ниари появилась безумная идея спуститься к ним пониже, но, посмотрев на Джулиан, он понял, что та не в состоянии сдвинуться с места.

Ниари показалось, что события развиваются по заранее написанному сценарию, отрепетированному может быть, тысячи раз в процессе подготовки к этому историческому моменту.

Несколько операторов в наушниках подошли к синтезатору, таща за собой длинный шнур, и, закрепив микрофоны, заняли свои места. Они приготовили планшеты и фонарики.

Один из операторов, очевидно руководитель группы, нарушил тишину:

— Ну, что же, джентльмены, начнем?

— Начали! — раздалась команда звукооператоров.

Лакомб и Лафлин, одетые в белые комбинезоны, стояли у синтезатора. За клавиатурой сидел молодой человек, внешне очень похожий на Шекспира. Он, очевидно, очень волновался, сознавая всю лежавшую на нем ответственность. Тяжело дыша, он время от времени вытирал лоб и руки носовым платком.

Церемониймейстер мягко сказал ему:

— Начинайте.

«Шекспир» проиграл первую ноту.

— Звучит громко... Продолжайте! — подбодрил звукооператор.

На гигантском экране цветомузыки появился янтарный свет, который тускнел по мере того, как замирал звук.

— Выше на полтона, — приказал церемониймейстер.

Молодой человек взял вторую ноту. Экран цветомузыки осветился розовым светом.

— Ниже. Мажорная третья.

Новая нота — и новый цвет. На этот раз сиреневый.

— Теперь смените октаву.

Четвертая нота отозвалась эхом, и красивый темно-синий цвет осветил экран.

— Выше. Пятую.

Прозвучала и замерла последняя нота. Экран цветомузыки вспыхнул ярко-красным цветом и постепенно потух.

— Что ж, очень даже неплохо, — сказал руководитель группы.

Затем пять нот прозвучали снова, и экран вновь осветился пятью яркими цветами. Никакого ответа со стороны летательных аппаратов не последовало. Они продолжали парить над базой, излучая яркий свет и мигая.

Лакомб попросил проиграть ноты снова.

— Больше жизни! Прибавьте жизни! — командовал Лакомб.

На этот раз зазвучал целый каскад звуков.

Высоко над ареной на краю выступа Джулиан Гвиллер во весь голос напевала эти пять нот.

— Я знаю эту мелодию, — сказала она Ниари. — Это же мелодия Барри!

Ее глаза наполнились слезами.

— Быстрее, больше жизни! — командовал внизу Лакомб.

Он начал спускаться в направлении парящих летательных аппаратов.

— Больше жизни! Больше жизни! Энергичнее! — повторил он по-французски.

Сейчас с «Шекспира» струился пот, капая на клавиши синтезатора. Он проиграл пять нот очень быстро и громко, и цвет экрана очень быстро менялся от желтого к розовому, потом переходил в красный.

Лакомб уже находился на расстоянии ста пятидесяти ярдов от летательных аппаратов. Те по-прежнему не отвечали.

Снова и снова на синтезаторе звучали пять нот, которые эхом отражались от стен каньона.

У француза не хватило терпения.

— Почему вы не выходите? Выходите, — говорил Лакомб, обращаясь к аппаратам.

Он сам напевал мелодию из пяти нот и делал в такт ей движения рукой.

— Больше жизни, больше жизни! — кричал Лакомб, направляясь назад к синтезатору.

«Шекспир» изнемогал. Экран переливался спектром цветов от фиолетового к красному.

Вдруг летательные аппараты ответили, но не музыкой, а цветом. Они начали повторять последовательность цветов. Каждый объект делал это самостоятельно.

«Шекспир» перестал играть. Наступила тишина. Можно было слышать, как гудит в каньоне ветер.

Тогда Лакомб, обратившись к «Шекспиру», сказал:

— Продолжай играть. Продолжай, продолжай!

Но «Шекспир» в изнеможении качнул головой.

— Дайте под зад этому ослу, — разозлился руководитель.

Тогда начал играть один из создателей синтезатора. Он играл чрезвычайно быстро, и три объекта тут же подхватили темп, изменяя свои цвета одновременно с экраном. Люди ликовали: подумать только, это ведь первый контакт с неземной цивилизацией!

Неожиданно летательные аппараты перестали отвечать и, поднявшись, быстро исчезли в различных направлениях. Первый, по-видимому, скрылся за облаком. Два других парили где-то за каньоном и не были видны.

Музыка прекратилась. Экран потух. В тишине послышались громкие голоса. Арена ожила. Многие пожимали друг другу руки, кричали и аплодировали.

Снова ярко зажглись огни над площадкой, из отсеков появились люди. Казалось, все закончилось. Вышли звукооператоры, они искали Лакомба и руководителя музыкальной группы.

— Прекрасно, прекрасно, — говорил им Лакомб. — Сегодня я просто счастлив!

Руководитель музыкальной группы пожал всем руки, включая «Шекспира».

— Мои вам поздравления. Это было потрясающе!

Рой был полностью поглощен происходящим внизу. Джулиан плакала и все время повторяла:

— Я знаю эту мелодию. Я ее слышала...

Внизу в одном из радарных отсеков на экранах появились цели. Вращение большой радарной тарелки приостановилось. Она была направлена на склон в сторону Ниари и Джулиан. Что-то происходило в небе над Башней Дьявола.

Один из операторов подошел к Лакомбу, сказав что-то и указав вверх. Рой и Джулиан посмотрели туда и увидели, что группа больших кучевых облаков собралась над вершиной горы. Между облаками проскакивали вспышки электрических разрядов, которые были страшнее виденных ими ранее.

Рой и Джулиан одновременно приняли решение как можно скорее спуститься с горы. Джулиан охватил страх. Ярко вспыхивающие огнем облака напоминали ей о том дне, когда исчез Барри.

Облака очень быстро снижались к вершине горы, издавая жужжащий звук. Одно из них резко спустилось вниз и пронеслось над взлетной полосой, остановившись там, где парили летательные аппараты. Оно снова вспорхнуло вверх и трижды вспыхнуло красным светом. Это был, очевидно, своеобразный сигнал. Облака над горой ответили такими же тремя красными вспышками.

Потом оно трижды вспыхнуло белым и синим светом. Наступила короткая пауза. Операторы озадаченно переглянулись:

— Что же, черт возьми, будет дальше?

Потом начался спуск.

Из облаков появилось около пятидесяти светящихся пятен, которые материализовывались в ослепительные, словно объятые разноцветным пламенем, выпуклые круги ярких цветов. Эти летающие объекты начали низко над землей выполнять ошеломляющие трюки. Неожиданно три объекта остановились в воздухе и камнем начали падать. Когда уже казалось, что они вот-вот врежутся в землю, объекты вдруг остановились и зависли. Вызванный их маневрами ветер ревел в каньоне. В то время как сами объекты не производили никакого шума, их маневрирование, бросающее вызов всем законам механики, создавало сильную вибрацию, от которой дребезжали металлические отсеки и приборы внутри. Это вызвало замыкание нескольких компьютеров. У людей появились довольно неприятные ощущения. Жар, исходящий от летательных аппаратов, был настолько силен, что мусор, лежащий на площадке, над которой пролетели пришельцы, загорелся. Маневры объектов были похоже на демонстрацию мастерства высшего пилотажа. Два светящихся аппарата полетели навстречу друг другу; казалось, столкновение неминуемо, но они ка-

ким-то образом просочились друг сквозь друга, взмыли вверх и опять спикировали вниз.

Ниари заметил еще одну конструкцию, похожую на раскаленную докрасна сковороду с ручкой, медленно плывущую над территорией базы. Она обладала сильным магнитным полем и притягивала мелкие металлические предметы: ручки, очки, наушники операторов, зажигалки из карманов, консервные банки. Один парень схватился за рот, когда из него вылетела плохо прикрепленная зубная коронка. Неожиданно летательный объект осветился синим светом, магнитное поле вокруг него исчезло, а все предметы, притянутые к днищу аппарата, кучей упали на землю. После того, как объект вернул «награбленное», Лакомб стал приближаться к нему с поднятой рукой. Он дотронулся до днища аппарата. Оно было горячее и, должно быть, очень чувствительное, потому что конструкция тут же резко поднялась вверх, создав сильную воздушную волну. Воздух разорвали громовые раскаты, операторы за камерами и приборами попадали на землю. Несколько стекол в отсеках оказались выбитыми.

Ниари был скорее возбужден, нежели испуган.

— Я решил подойти поближе, — сказал он Джулиан.

— Я так и подумала. Я лучше останусь тут.

— Мне нужно спуститься туда. Может, ты спустишься немного поближе?

— Нет, Рой. Я буду ждать здесь.

— Мне очень нужно спуститься туда, — сказал он, почти извиняясь.

— Я знаю, — сказала Джулиан. — Я действительно знаю. Я даже знаю, что ты хочешь сделать.

Они посмотрели друг на друга и впервые с момента их знакомства поцеловались. Джулиан взобралась повыше, поближе к зарослям кустарника. Ей казалось, что там будет безопаснее и снизу ее никто не увидит. Ниари пустился в долгий и опасный путь вниз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда Рой спустился с горы, представление закончилось, как будто кто-то дал сигнал отбоя, и все объекты исчезли. По всему периметру каньона висели облака, вспыхивавшие яркими языками света. Хотя они парили на большой высоте, Ниари смог рассмотреть, что они принимают необычную форму. Они висели в небе, как бы охраняя базу. Рой заметил, что теперь они поднялись выше и их огни стали слабее. В пучках света угадывались их темные силуэты. Облака все еще вели себя настороженно.

Внизу на площадке уставшие люди ошеломленно смотрели в небо. Они испытывали своеобразный шок, и каждый старался справиться с ним как мог. Все молчали. Ветер стих, и наступила тишина.

Ниари в это время продолжал идти и находился сейчас у подножия, подходя к ограждению базы, когда что-то остановило его. Он посмотрел вверх. Из-за горы медленно выползало что-то совсем черное. Эта темнота была огромной. Когда черная тень находилась над вершиной горы, закрыв луну и отбрасывая тень, которая

накрыла собой весь каньон, у Ниари появилось желание повернуть назад.

— Бог мой! — воскликнул церемониймейстер.

— Святой дух! — воскликнул Лафлин, не слыша собственного голоса.

Лакомб стоял как вкопанный и смотрел на движущуюся массу. Он подумал, что если бы сейчас они смогли измерить ее площадь, то она оказалась бы больше мили в длину и ширину. Однако масса выплыла еще не вся, ее конец не был виден. Неожиданно она ожила, появились огни, затем из ее темноты вырвался ослепительно яркий поток света, обозначив собою отверстие круглой формы.

«Размером с город», — подумал Ниари. Фантомная масса медленно плыла над каньоном. Она казалась старой и грязной, словно это был старый корабль, бороздивший небо тысячи лет. Ни Рой, ни ученые, никто на Земле не мог представить себе ничего подобного. Когда темное чудовище медленно покрыло все пространство над территорией базы, из его задней части вырвался сноп сверкающего света, который рассыпался на тысячи маленьких огней, каждый из которых был летательным аппаратом, светящимся и переливающимся всеми цветами радуги. Вся эта масса оказалась лишь оболочкой, внутри которой находились эти разноцветные суда. Темная масса сделала небольшой крен, освещаемая лучами, исходящими от ярких объектов, сопровождающих ее.

Ниари перелез через шестифутовую стенку и смешался с техническим персоналом базы, который был слишком ошеломлен происходящим, чтобы заметить его.

Маленькие светящиеся объекты, рассыпавшиеся по периметру базы, стали своего рода посадочными огнями для снижающейся массы. Она была настолько огромной, что одна лишь ее носовая часть возвышалась над лагерем словно крыша. Масса создавала вокруг себя сильное отрицательное поле, уменьшавшее вес всего, что находилось на земле. Было довольно забавно почувствовать необыкновенную легкость в теле. Люди стали подпрыгивать, зависая в воздухе, а некоторые — кувыркаться колесом, словно циркачи. Операторы также подпрыгивали, снимая эту необычную сцену.

Лакомб и руководитель музыкальной группы пришли в себя первыми. Они решили пододвинуть синтезатор, установленный на колесиках, поближе к космической громадине. Хотя все члены группы чувствовали себя непривычно, они заняли свои рабочие места. Церемониймейстер как можно спокойнее сказал в микрофон:

— Полная рабочая готовность. Начало работы — двойной сигнал.

Над каньоном прозвучали два музыкальных сигнала.

Оператор в кабине спросил:

— Звукоанализатор готов? В положении «пауза»?

Теперь, когда церемониймейстер был занят делом, ему показалось, что он вновь приобрел равновесие.

— Ну, что же, если все готово, играем пять нот.

«Шекспир» очень медленно проиграл пять нот. Со стороны фантомной громадины не последовало никакого ответа.

— Повторите! — крикнул Лакомб, и мелодия зазвучала снова.

На этот раз огромная масса издала звук, который был похож на хрюканье свиньи.

— Должно быть, он хотел этим что-то сказать, — волнуясь, проговорил руководитель группы.

Теперь «Шекспира» сменил изобретатель инструмента. Он вновь проиграл мелодию. Ответа не было.

— Еще раз! — крикнул руководитель группы.

За клавиши вновь сел «Шекспир». Он проиграл две первые ноты, а остальные неожиданно были исполнены космическим кораблем. Вместе со звуками от темной массы пришла сильная ударная волна. Брызнули стекла в отсеках, музыкантов сдуло с мест, оператор едва поймал падающий со стола стакан. Однако зрелище было настолько притягательным, что люди не замечали всего этого. Спустя некоторое время руководитель группы снова дал указание. Син-

тезатор проиграл, и корабль вновь ответил. Экран засветился ярким красками.

Джулиан Гвиллер чувствовала, что она больше не в состоянии выносить все это одна. В том состоянии, в котором она находилась, решила Джулиан, для нее было бы гораздо лучше спуститься вниз и найти Ниари. Она подхватила сумку и фотоаппарат и начала спускаться.

— Шесть восьмых ноты, потом пауза, — руководил игрой церемониймейстер.

«Шекспир» сыграл эти ноты. Космический корабль повторил их и проиграл ряд новых, которых ранее еще никто не слышал.

— Он дал нам четыре восьмых ноты, группу из пяти восьмых и группу из четырех шестнадцатых ноты, — сообщил оператор.

«Шекспир» проиграл их космическому кораблю. Тот добавил пять новых нот, и пять новых цветовых оттенков появилось на экране цветомузыки. Космический корабль как бы обучал операторов своему музыкальному и хроматическому словарю. По мере того как возрастала сложность и скорость, с которой исполнялись упражнения, обязанности «Шекспира» передали компьютеру.

— Запиши все, что передают с космического корабля, нота в ноту, — сказал церемониймейстер звукооператору.

Космический корабль взорвался звуками и разнообразием красок, а синтезатор, управляемый компьютером, повторял их. Все это напоминало некий концерт рок-музыки, сопровождаемый фантастическим световым шоу. Музыка была необычной, временами мелодичная, временами без всякой мелодии. Было в ней что-то восточное, переходящее в гротеск, немузыкальное, режущее слух.

Ниари улыбнулся. Он не заметил, что Джулиан проталкивается к нему через толпу. Некоторые люди аплодировали, пораженные музыкой, другие затыкали уши. Лакомб застыл в изумлении.

Неожиданно корабль замолчал. Он издал несколько хрюкающих звуков и умолк. Все его огни погасли. На

базе воцарилась мертвая тишина. Сразу стало темно. Затем корабль начал открываться. Его днище по краям раздвинулось, и через образовавшееся отверстие вырвался яркий поток света, слепящий глаза. Люди отвернулись. Многие надели темные защитные очки. Но даже в них было трудно смотреть на этот интенсивный свет. Отверстие увеличивалось, поток света возрастал. Люди инстинктивно попятились. Отверстие продолжало расширяться. Сначала Лакомб, а затем Ниари и другие вновь приблизились к кораблю. Через яркое, обдающее теплом отверстие они заметили внутри какое-то движение. В ярком свете виднелись восемь темных пятен. По мере того как они выходили из мощного светового потока, в них все более четко вырисовывались человеческие фигуры. Лакомб направился к ним навстречу. Теперь он увидел, что это действительно были люди.

— Я Клод Лакомб, — представился им француз.

Люди, казалось, находились в состоянии некоторого шока. Они были одеты в форму американской морской авиации сороковых годов. Все были очень молоды. У некоторых в руках были кожаные шлемы и летные очки. Люди шли, как-то неестественно передвигая ноги. Затем первый из них остановился, отдал честь и отрапортовал:

— Френк Тейлор, лейтенант военно-морских сил США, личный номер 064199.

Руководитель музыкальной группы выступил вперед и пожал его руку.

— Добро пожаловать, лейтенант. Вы дома. Для доклада сюда.

Лейтенанта увели.

У Ниари все это не укладывалось в голове. Он впервые заметил большую освещенную панель с сотней черно-белых фотографий.

— Гарри Ворд Крейг, капитан военно-морских сил США, личный номер 043431...

— Капитан, пройдите, пожалуйста, сюда.

— С возвращением, — сказал руководитель группы.

— Капитан морской авиации Крейг, Гарри Ворд, номер 043431, — сказал мужчина в штатском, глядя в планшет, — без вести пропал. Вылет номер 19, Чикен Шоулз.

Мужчина в штатском подошел и прикрепил кусочек клейкой ленты над фотографией Крейга.

— Мэтью Мак Митчел, лейтенант запаса, морская авиация США, личный номер 0909411.

— Я рад вашему возвращению, лейтенант.

Все новые и новые фигуры выходили из интенсивного света.

Кто-то, потрясенный происходящим, сказал руководителю группы:

— Они даже не постарели. Эйнштейн был прав.

— Возможно, что Эйнштейн был одним из них.

Из корабля вышло в общей сложности около двухсот человек. Сразу же окруженные медицинским персоналом и официальными лицами, они были отведены в отсеки без окон. На крыше каждого отсека Ниари заметил моток троса и крючок. Он догадался, что после окончания операции люди и сами отсеки будут транспортированы большими военными вертолетами.

Рой увидел, как Джулиан бросилась вперед. Из света выбежала крошечная фигурка. Это был Барри. Джулиан смеялась и плакала, заключив сынишку в объятия. Барри попытался освободиться. Ниари, стоявшего недалеко от них, трясло от нервного возбуждения. Джулиан отвела мальчика в сторону. Они вместе сели на маленький стол и Барри сказал:

— Я видел наш дом.

— Я видела, как ты летел в воздухе, — сказала она. — А ты видел, как я за тобой бежала?

— Да, видел.

Рой Ниари подошел к Лакомбу, который до сих пор не замечал его. Француз был обрадован появлению Ниари:

— Месье Ниари, вы что-нибудь хотите?

— Я хочу лишь увериться, что это происходит на самом деле.

«Это достойный ответ», — подумал Лакомб. Вся эта история с Ниари была для него весьма неприятной. Он отошел от Роя и подошел к Лафлину и другим официальным участникам операции «Майский цветок».

— Нам надо поговорить о случае с господином Ниари, — начал он по-французски.

Не успел Лафлин перевести эту фразу, как гигантские ворота космического корабля стали закрываться. Барри тоже это увидел.

— Они собираются улететь? — спросил он свою мать.

— Да, они улетают, Барри. А ты останешься со мной? — спросила Джулиан.

— Да.

— Пока ты не вырастешь, — добавила Джулиан.

Малыш засмеялся.

Лакомб, Лафлин и другие официальные лица оживленно о чем-то спорили. Говорили все одновременно.

Лафлин поднял руку, прося тишины, и перевел слова Лакомба:

— Он говорит, что это обычные люди, оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах, а не особые случаи. Эти люди оставили привычную для них жизнь, свои семьи, чтобы любым путем попасть сюда на эту встречу. Им был внушен образ этого места. Инициатива и вера в себя привели их сюда. И сейчас очень важно, чтобы господин Ниари входил в состав участников этой операции, добровольно, конечно. Сделать это надо как можно скорее.

Ворота корабля теперь закрылись полностью.

— До свидания! До свидания! — кричал им Барри, махая рукой.

По лицу Джулиан текли слезы.

По всей вероятности, Лакомбу удалось отстоять свою точку зрения, потому что француз, подойдя к Рою, пожал руку сбитому с толку американцу, сказав:

— Мосье Ниари, я вам завидую.

В этот момент огромный космический корабль снова напомнил о себе взрывом света и звуков. Звучала мело-

дия, похожая на звон колокола, как будто бы призывая к вниманию. Все металлические предметы на базе завибрировали.

Что-то снова происходило в огненной внутренности звездного корабля. Казалось, что в завихряющихся потоках энергии что-то соединялось, принимая новые формы. Образовалась одна огромная фигура, потом — другая, за ней — третья.

Фигуры были огромны: восемь или девять футов высотой но слишком тонкими для человеческого тела. Единственное, что делало их похожими на людей, это то, что они имели подобия рук и ног.

Джулиан схватила упирающегося Барри и быстро отошла с ним подальше от этих фигур. Она не хотела больше рисковать.

Существа сделали шаг вперед, остановились и как бы потрогали друг друга, начав при этом светиться. Так они стоял некоторое время, светясь и покачиваясь. Затем один из них протянул свою «руку» к Рою. Ниари инстинктивно попятился от вытянутой «руки». Но та следовала за ним, определенно показывая на него. Лакомб ободряюще кивнул Рою головой.

— Господин Ниари, нам сказали, что мы можем рассчитывать на ваше сотрудничество, — сказал церемониймейстер. — Какая у вас группа крови?

— Понятия не имею, — ответил Рой, и церемониймейстер отвел Роя в один из отсеков, где ему был задан ряд вопросов, представляющих интерес для медицины.

— Дата вашего рождения?

— Четвертое декабря 1945 года.

— Вам делали прививки от ветряной оспы, дифтерии?

— В вашей семье была ли у кого-нибудь больная печень?

К этому времени Джулиан с Барри на руках и сумкой через плечо уже карабкалась в гору. Услышав за спиной новый необычный звук, она обернулась и посмотрела вниз. От гигантского космического летательного аппарата исходил громкий чирикающий звук. Казалось, что все

пространство внутри корабля дрожало и корчилось от энергии. Из открытого огненного отверстия выходили маленькие фигурки. Они были похожи на гуманоидов, так как имели нечто похожее на руки, ноги и голову, напоминавшую по форме луковицу. На фоне желто-белого цвета, исходившего от корабля, разглядеть каждую фигуру более детально было очень трудно. При ходьбе ноги у гуманоидов странным образом изгибались. При всем своем желании человек не смог бы изобразить их движения. Руки пришельцев могли растягиваться на неограниченную длину. В этом вскоре убедился сам Лакомб, когда одна их фигур протянула к нему руку, которая продолжала вытягиваться до тех пор, пока полностью не обхватила грудь француза. Было похоже, что пришельцы испытывают все на ощупь, сравнивают, изучают реакцию людей на их прикосновение: одни в страхе и отвращении отскакивали, другие воспринимали это спокойнее.

Внутри одного из отсеков, похожего на маленькую часовню, происходила странная церемония: двенадцать человек в красных комбинезонах, держа в руках шлемы, со всей амуницией, необходимой для поддержания жизни, стояли на коленях перед священником в белом комбинезоне.

— Да будет благославен Господь во все времена, — говорил священник.

— Да дарует нам Бог счастливое путешествие, — молились астронавты.

— Господи, покажи нам пути свои и веди нас по ним, благослави, Господи, наши жизни.

В другом отсеке Ниари также облачили в красный костюм астронавта. Его попросили подписать ряд документов.

— Вот этот документ констатирует, что вы сами, по доброй воле, изъявили желание принять участие в операции «Майский цветок», в группе особого статуса, и что вас никто не принуждал к этому, — сказал церемониймейстер. — А вот этот документ... Видите ли, воз-

можно, у нас возникнут проблемы на территории, где действует каноническое право и общая юриспруденция, за пределами понятия нашей астрономии. Может случиться так, что вы в результате... умрете. Эта бумага свидетельствует о том, что сознавая это, вы все-таки согласны участвовать в операции.

В это время снаружи пришельцы продолжали все ощупывать и обмерять. Они ощупывали человеческие лица, спины, остальные части тела. Если землянину это не нравилось, они переходили к другому, кто позволял это делать. Если же в ответ люди пытались дотронуться до них, то пришельцы, казалось, в этот момент падали в обморок. При этом они вибрировали и мерцали всеми цветами от темного до яркого.

Находясь на выступе горы, за всем этим наблюдали Джулиан и Барри. Джулиан вынула из сумки свой маленький фотоаппарат и сделала несколько снимков. Барри в это время с восторгом рассказывал матери о своих друзьях с космического корабля, которые были сейчас там, внизу.

Казалось, что к Лакомбу гуманоиды проявляют особую любовь, возможно потому, что он вел себя очень тактично. На их поглаживание он отвечал поглаживанием, на касание — касанием. Он весело смеялся. Давид Лафлин, как всегда, находился рядом.

Тем временем астронавты вышли из часовни и направились к космическому кораблю. Ниари и церемониймейстер догнали их и присоединились к процессии. Церемониймейстер, продолжая инструктировать Роя, дал ему кассетный проигрыватель и сумку, полную кассет. Врачи снимали последние медицинские данные, записывая его сердечные ритмы с помощью прикрепленного к костюму передатчика, сигналы которого подавались на один из компьютеров в медицинский отсек.

Священник, облаченный в костюм астронавта, продолжал молиться вслух о том, чтобы путеводная звезда и ангел-хранитель способствовали их счастливому путешествию до пункта назначения и чтобы Бог не оставил

их своей милостью вплоть до вознесения на небеса для вечного успокоения.

Группу окружило более десятка пришельцев. Они вибрировали, зловеще мерцая. Они, очевидно, хотели, чтобы процессия остановилась.

Священник остановился, продолжая громко причитать. Ясно, что им всем было очень страшно.

— Господи, будь им помощником во всех их приготовлениях, утешь их в пути, дай им тень в жару, крышу во время дождя и холода, защити их от бедствия... Чтобы с твоим благословением они достигли цели и вернулись домой целыми и невредимыми.

Два гуманоида обвились вокруг Роя и отделили его от остальных. Они оставили его стоять одного, как бы давая ему время подумать и все решить. Ниари повернулся, ища глазами Джулиан и Барри, но не смог найти их. Он увидел Лакомба, и некоторое время они смотрели друг на друга. Француз ободряюще кивнул головой и улыбнулся.

Рой повернулся в сторону корабля. Сначала он шел медленно, затем прибавил шаг и вскоре вошел в зону действия отрицательного поля космического корабля, приблизившись к открытым, освещенным раскаленным пламенем, воротам. Двенадцать астронавтов следовали за ним.

Пришельцы, дрожа и мерцая, шли по обеим сторонам колонны астронавтов, сопровождая их подъем по ярко освещенной лестнице, ведущей внутрь корабля. Одно из существ отделилось от процессии и, подойдя к Лакомбу и протянув «руку», сделало знак, соответствующий первой ноте. Лакомб был глубоко тронут и ответил тем же. Потом они вдвоем изобразили остальные знаки, соответствующие четырем нотам. Лакомб взглянул на «лицо» гуманоида и заметил, что оно изменилось. Теперь оно выглядело так, словно ему было тысяча лет. Лакомб вдруг ощутил всю мудрость, весь сверхразум и опыт, понадобившиеся, чтобы построить эти летательные аппараты, способные путешествовать на расстояния десятков световых лет. Ему удалось прочесть все это в стареющем облике пришельца, а

еще Лакомб заметил улыбку этого фантастического создания. Француз улыбнулся в ответ. Затем существо улетело вслед за другими внутрь корабля.

Ниари был почти внутри, когда мысленно услышал песню:

«Если ты очень захочешь попасть на звезду,
Кто бы ты ни был,
все, что желает твое сердце,
Когда-нибудь осуществится»

Он сделал еще шаг в рампу яркого света, к центру звездного корабля. Яркий свет вокруг него почти ослеплял, однако оказалось, он может видеть все без напряжения. Музыка в его голове звучала еще громче.

«Если ты отдал своей мечте все свое сердце,
То ничего неосуществимого нет.
Если ты очень захочешь попасть на звезду,
как все мечтатели...»

Рой обернулся и убедился в том, что двенадцать других астронавтов идут вслед за ним. Он в последний раз помахал рукой Лакомбу, Джулиан и Барри, надеясь, что они его видят. Ниари сделал еще шаг вперед, в сердце полного тайн космического корабля.

Люди, стоявшие на цементной дорожке, видели, как фигуры Ниари, астронавтов и пришельцев исчезали в раскаленной световой энергии корабля. Сверкающее отверстие стало закрываться. Лакомб, Лафлин и другие стояли молча и наблюдали. Сначала медленно, затем быстрее огромный звездный корабль начал взлетать, вырвавшись из света окружавших его летательных аппаратов, которые затем начали подниматься и собираться вокруг него, образуя в небе яркую многоцветную лестницу. Было видно, как огромный черный корабль, сверкая огнями по краям, пролетал сквозь облака, а затем превратился в самую яркую из звезд.

Джулиан и Барри долго наблюдали за ней. Джулиан сделала последний снимок.

Последний из самых важных в истории Мира.

ЭПИЛОГ

Итак, мы оставляем книгу «НЛО. Близкие контакты третьего рода» с чувством, что данная повесть всего лишь фантастика, которая, однако, в будущем может иметь место.

Другими словами, где же та линия, которая отделяет фантастику от того, что действительно может произойти?

Подводные лодки, авиалайнеры, полет на Луну когда-то были только в романах Жюля Верна. Однако теперь многие из нас являются свидетелями перехода от фантастики к действительности в нашей собственной жизни.

Что же можно сказать о близких контактах третьего рода с НЛО? Что это, только фантазия? Конечно, нет, если только поверить многочисленным сообщениям очевидцев.

В сборнике, опубликованном Центром уфологии, в главе десятой, озаглавленной «Близкие контакты третьего вида с НЛО», приводится много рассказов очевидцев. Рассказы поступили в Центр уфологии из различных частей света. События, изложенные в книге, основываются как раз на таких сообщениях. В частности, описание внешнего вида «инопланетных пришельцев» было основано на наиболее частых описаниях этих существ.

Читателю интересно будет узнать, что в Центре уфологии зарегистрирована одна тысяча сто таких случаев.

Имеются также контакты первого и второго родов.

При контактах первого рода НЛО видят довольно-таки близко, но сами обитатели не видны и нет никакого

воздействия на окружающую среду. При контактах второго рода НЛО оставляет некоторые следы своего пребывания. Это могут быть выжженные участки земли, спутанная в круги растительность, сломанные ветки деревьев, наличие радиации. Или воздействие на животных. Например, коровы в первые дни после контакта с НЛО отказываются давать молоко. НЛО могут оказывать воздействие на неживую материю, например на движение транспортных средств, двигатели которых вдруг перестают работать в присутствии светящихся объектов, которые пролетают над ними или вблизи них (как только светящийся объект удаляется, двигатели снова начинают работать нормально). Эти близкие контакты второго рода представляют особый научный интерес, так как они позволяют «доставить» НЛО в лабораторию, так сказать, проанализировать почву, которая подверглась воздействию, или образцы растений, обожженные листья или ветки. Центр уфологии в Иванстоне, штат Иллинойс, зарегистрировал несколько сотен подобных случаев.

Ежедневно в Центр уфологии поступает значительное количество сообщений то о странных огнях в ночи, то о летающих тарелках, которые видны днем, то о неопознанных объектах, зафиксированных на радаре.

Даже если отбросить случаи неверного опознания обычных объектов и явные случаи мистификации, остается значительное количество сообщений, которые требуют серьезного научного подхода в изучении не только физиками, но социологами и психоаналитиками. Изучение НЛО, в самом деле, является междисциплинарным предметом.

Если спросят: а зачем вообще решать эту проблему, то история науки уже не раз давала на это ответ: научные исследования всегда вели к движению вперед и благополучию человечества.

Мы не знаем, куда может привести поиск знаний.

Если эта книга разбудила ваше воображение и любознательность и вы хотите узнать о последних случаях,

когда видели НЛО, и особенно о близких контактах, и что делается для их изучения, мы можем порекомендовать вам Ежемесячник международных сообщений об НЛО (UFO), который публикует последние сообщения об НЛО и их анализ квалифицированными специалистами и другими экспертами, изучающими имеющиеся случаи контактов с НЛО.

Важная часть работы Центра уфологии частично финансируется подписным изданием этого сборника. В свою очередь, этот Ежемесячник является центральным изданием, которое сообщает широкой публике о новых направлениях в решении проблемы НЛО.

Адрес для вопросов и подписки: *Международный ежемесячник НЛО, 924 Чикаго проспект, Иванстон, Иллинойс, 60202.*

Аллен Хайнек
Директор Центра изучения
неопознанных летательных
объектов (Центр уфологии)

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Томпсон

ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ 5

Уильям Котцвинкл

ИНОПЛАНЕТЯНИН 111

Джордж Гайп

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА .. 289

Художники — *В. Зорин, А. Горнов*
Корректор — *Т. Сологуб*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Составители серии «БГ» просят Вас прислать перечень фильмов, которые Вы хотели бы увидеть в виде романов. Наиболее часто упоминаемые названия будут включены в серию «БГ»

Адрес для корреспонденции:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, д. 29.
Издательство «Эрика»

Подписано в печать 10.02.94 г. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 28,56. Тираж 80.000 экз.
Заказ 1260.

Фирма «БАДППР». Лицензия ЛР №382.
220034, Республика Беларусь, Минск, ул. Фрунзе, 5.

Отпечатано в издательско-полиграфическом предприятии
«Янтарный сказ», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

